

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Пензенский государственный технологический университет»
(ПензГТУ)

Автономная некоммерческая организация дополнительного профессионального
образования «Институт гуманитарного образования и тестирования»
(АНО ДПО «Гуманитарный институт»)

Образовательное частное учреждение высшего образования «Институт
международного права и экономики имени А.С. Грибоедова»
(ИМПЭ им. А.С.Грибоедова)

РОССИЯ В МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ГУМАНИТАРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Материалы IV Международной научно-практической конференции
(Москва – Пенза, 15–16 марта 2018 г.)

Москва – Пенза
2018

УДК 81.39:81.271

ББК 81.2:71.0

P17

Ответственные редакторы:

Жаткин Д.Н., доктор филологических наук, профессор, академик
Международной академии наук педагогического образования, почетный
работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник
науки и техники РФ, заслуженный работник культуры Пензенской области,
заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенского
государственного технологического университета;
Круглова Т.С., доктор филологических наук, декан факультета лингвистики
ИМПЭ им. А.С. Грибоедова.

Редакционная коллегия:

Кихней Л.Г., *Дмитриева Ю.Ю.*, *Мушкова В.В.*, *Сейку Е.Ю.*,
Токарев С.А., *Футляев Н.С.*

Статьи даны в авторской редакции

Ответственность за содержание статей несут авторы статей

Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере [Текст]: материалы IV Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 15–16 марта 2018 г.) / отв. ред. Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. – Москва – Пенза, 2018. – 476 с.

Статьи, опубликованные в сборнике, отражают результаты теоретических и экспериментальных научных исследований в области русской и зарубежной филологии, межкультурной коммуникации, методики преподавания русского языка как иностранного, проводимых учёными, преподавателями, аспирантами и студентами российских и зарубежных вузов. Публикуемые материалы предназначены для научно-педагогических работников, педагогов-практиков, административных работников образования, аспирантов, студентов.

УДК 81.39:81.271

ББК 81.2:71.0

© Пензенский государственный
технологический университет, 2018
© Институт гуманитарного образования
и тестирования, 2018
© Институт международного права и
экономики им. А.С. Грибоедова, 2018

ISBN 978-5-98903-279-2

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. Зарубежная филология. Теория, история и практика межкультурной коммуникации. Русская языковая картина мира

Л.Н.Алешина

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ВЕРЫ В РАЗЛИЧНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЯХ.....9

М.Ч.Бганба

ПРОБЛЕМА КАРТИНЫ МИРА В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ..... 16

К.С. Благоева

ОТРАЖЕНИЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЫ МИРА В РУССКИХ И БОЛГАРСКИХ ПОСЛОВИЦАХ22

Н.Ю. Видинеева, Т.В. Дубровская

ИМПЛИКАТУРА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ СМИ).....26

А.С. Викторова

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА36

А.С. Викторова

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ44

Г.К. Герхелия, Л.Ф. Адлейба

НЕКОТОРЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ЗООНИМАМИ В АБХАЗСКОМ, АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ.....53

О.В. Глебова

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФОРМАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ПОЛИТЕСА В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ62

О.В. Глебова

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМУЛ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ84

А.Б. Карасев

ЧИСЛОВОЙ КОНЦЕПТ «ДОСТАТОЧНОСТЬ» В ДРЕВНЕФРАНЦУЗСКОМ И ДРЕВНЕИСПАНСКОМ ЭПОСЕ98

<i>Е.Г. Кузьмичева, А.М. Фаустова</i> КОНЦЕПТОСФЕРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ	107
<i>М.Е. Новикова</i> ШЕКСПИР И ЛИТЕРАТУРА ЕГО ВРЕМЕНИ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ	115
<i>М.Е. Новикова</i> ПОЭТЫ АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ.....	123
<i>А.Д. Пиякова</i> СТАТИСТИЧЕСКИЙ МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД МАЛЫХ ЯЗЫКОВ НА ПРИМЕРЕ ЯНДЕКС.ПЕРЕВОДЧИКА.....	132
<i>М.М. Расулова</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ АББРЕВИАТУР И АКРОНИМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	137
<i>М.М. Расулова</i> ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ В МЕДИЦИНЕ	147
<i>А. А. Устиновская</i> СПЕЦИФИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ ЛИРИКИ ПОЭТАМИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА.....	163
<i>С.Д. Чалмаз, А.А. Дадьян</i> ГИБРИДНЫЙ ХАРАКТЕР SPANGLISH: «ВЕРБАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА АНГЛОСАКСОНСКОЙ И ИСПАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ».....	172
<i>В.В. Шмелёв</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В РОССИЙСКИХ СМИ	182
<i>И.Н. Юдина</i> ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ	188
<i>И.Н. Юдина</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ.....	199

**Секция 2. Деятельность Российских центров науки и культуры за рубежом.
Вопросы изучения и преподавания русского языка как иностранного.
Технологии и практики обучения иностранных граждан в российских вузах**

А.Ю. Бехтер

ПРАКТИКИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В НЕЯЗЫКОВОМ
ВУЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ
ЯЗЫК (АНГЛИЙСКИЙ)» В ПЕНЗЕНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ).....206

ЕВ. Борисова

МЕЖВУЗОВСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА.....214

Н. Буяндэлгэр

РУССКИЙ ЯЗЫК В МОНГОЛИИ.....220

М.А. Волковская

О ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ КУРСА «ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИИ
РУССКОГО НАРОДА» В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА.....223

Д.Жамъянсурэн

ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
РУССКОГО ЯЗЫКА В МОНГОЛЬСКОЙ АУДИТОРИИ230

Е.В. Комольцева, Т.С. Круглова

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЭСТОНИИ: НАСТОЯЩЕЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ИСТОРИИ234

С. Лабан

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЧЕРНОГОРИИ: ИСТОРИЯ И
СОВРЕМЕННОСТЬ.....239

Д.А. Лапина, В.В. Мушкова

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ТАДЖИКИСТАНЕ.....243

Л.А. Лобанова, О.И. Лыткина

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ КУРСА КУЛЬТУРЫ РЕЧИ В
ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ.....249

Рана Мд Масуд

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА В БАНГЛАДЕШ.....259

<i>М. Мамасаидова</i> РУССКИЙ ЯЗЫК В СРЕДНЕЙ АЗИИ КАК ПРОВОДНИК В МИРОВУЮ КУЛЬТУРУ ДЛЯ НАРОДОВ БЫВШЕГО СССР.....	263
<i>Ц. Нэргуй</i> ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В МОНГОЛИИ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.....	267
<i>А.Д. Пиякова</i> ОСОБЕННОСТИ ТОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА РУССКОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА	271
<i>Н. Силавве</i> РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В ЗАМБИИ.....	278
<i>Е.А. Трушина</i> РАБОТА С ТЕКСТАМИ ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ.....	281
<i>Г. Цачева</i> РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В БОЛГАРИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ.....	288
<i>З.Г. Шакирбай</i> НЕКОТОРЫЕ СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ.....	291
<i>Секция 3. Русская литература и журналистика в контексте мировой культуры</i>	
<i>П.В. Воротникова</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЧЕСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА БОРИСА АКУНИНА «СТАТСКИЙ СОВЕТНИК»).....	299
<i>В.А. Гавриков</i> БАШЛАЧЕВ И ПУШКИН.....	304
<i>К.Ф. Герейханова</i> ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ РАССКАЗА «СКАРПЕЯ БАСКАКОВЫХ» БОРИСА АКУНИНА С АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ XIX ВЕКА	316

<i>Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин</i> ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ЛЕКСИКОНОВ А.С. ПУШКИНА И Д.В. ДАВЫДОВА	322
<i>Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин</i> ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ЛЕКСИКОНОВ А.С. ПУШКИНА И Д.В. ВЕНЕВИТИНОВА	337
<i>Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин</i> ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ЛЕКСИКОНОВ А.А. ДЕЛЬВИГА И Н.М. ЯЗЫКОВА	352
<i>Т. Н. Жужгина-Аллахвердян</i> «ВСЕ ЕСТЕСТВО ОЖИВЛЯЮЩИЙ ДУХ»: М. В. ЛОМОНОСОВ О ПРИРОДЕ И ЯЗЫКЕ	365
<i>И.А.Кириллова</i> ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ГЕРОЕВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК ПЬЕСЫ А.П.ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ САД».....	375
<i>Л.Г. Кихней</i> ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР, ЖАНРОВЫЙ КАНОН И ЖАНРОВАЯ ИЗОТОПИЯ (К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ).....	390
<i>А. П. Краснова</i> ЖУРНАЛИСТ И «СИСТЕМА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА	398
<i>Т.С. Круглова, И.Р. Степкин, Ю.В. Холодкова</i> АДРЕСАТЫ ПОЭЗИИ В.В.МАЯКОВСКОГО 1920-Х ГГ.	403
<i>О.С. Кудимова</i> РЕЧЕВЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ БЛОГЕ.....	410
<i>Н.А. Ларина</i> ЮВЕНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА КАК СРЕДСТВО МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ В МАЛОЙ ПРОЗЕ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА.....	422
<i>И.О. Цвик</i> РОМАН Е. ЗАМЯТИНА «МЫ» В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИЙ.....	433

Т.В. Сенюшкина

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ: КОНЦЕПТ «ВРЕМЯ»

В РОМАНЕ МАЙКЛА КАННИНГЕМА «ЧАСЫ».....445

М.Ю. Кутцова

АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ЛИТЕРАТУРНОЙ

РЕПУТАЦИИ В РОССИИ В КОНЦЕ XX ВЕКА – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.....468

*Секция 1. Зарубежная филология. Теория, история и практика
межкультурной коммуникации. Русская языковая картина мира*

УДК 82.09 (470): 821.161.1

**ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК
ЭЛЕМЕНТЫ ВЕРЫ В РАЗЛИЧНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЯХ**

*Л.Н. Алешина, Финансовый университет при Правительстве РФ,
Россия, Москва*

**ORNITHOLOGICAL SYMBOLS IN RUSSIAN AS BELIEF ELEMENTS IN
VARIOUS RELIGIOUS FAITHS**

*L. N. Aleshina, Financial University under the Government of the Russian
Federation, Russia, Moscow*

Аннотация. С какими птицами ассоциируются различные вероисповедания? Птица – один из самых популярных образов и символов практически во всех мировых религиях и культурах. Их образы присутствуют в геральдике; их наделяют божественной и мистической силой; с ними связаны многочисленные фольклорные сюжеты. Птицы всегда воспринимались человеком как посланники высшей небесной силы и посредники в общении с божествами. Во многих мировых культурах птицы выступают с глубокой древности в качестве сакральных существ, царей и помощников, «ужаса на крыльях ночи» и крылатых полубогов.

Ключевые слова: образ, символ, птица, миф, религия, вера, фольклор.

Summary. Various religions are associated with what birds? A bird – one of the most popular images and symbols practically in all world religions and cultures. Their images are present at heraldry; they are allocated with a divine and mystic force; numerous folklore plots are connected with them. Birds were always perceived by the person as envoys of the highest heavenly force and intermediaries in communication with deities. In many world cultures of a bird act from an extreme antiquity as sacral beings, tsars and assistants, "horror on wings of night" and winged demigods.

Keywords: image, symbol, bird, myth, religion, belief, folklore.

E-mail: laura_70@bk.ru

Орнитологические образы являются одними из самых популярных в мифологической и религиозной символике. Олицетворяя собой связь с Божественной силой, крылатые символы перекочевали в государственную

символику в качестве, в первую очередь, защитных тотемов. Ранняя языческая история доносит до нас многочисленные воспоминания о птицах и птицеподобных существах, нашедших свое отражение в фольклоре (сказках, легендах, преданиях, мифах, балладах и т.д.).

Главной причиной завоевания птичьими образами практически всего культурного пространства человека послужило их единственное качество, которым люди не обладают,- способность преодолеть земное притяжение.

Попробуем классифицировать орнитологические образы в жизни человека по двум типам: назначению и материальности.

По назначению их можно весьма условно разделить на 3 группы:

1. *Посланники.* К данной категории относятся образы птиц и птицеподобных существ, как носители тонкой материи, взаимодействующие с Высшим и Низшим мирами, находящиеся между божественным и материальным, олицетворяющие собой, в первую очередь, связь души и Творца.

2. *Помощники.* Эта категория представлена орнитологическими образами «бытового» назначения, присутствующими в фольклорных традициях народов в качестве добрых тотемов, помогающих в хозяйственном управлении.

3. *Предвестники* – самая “грозная” категория, предупреждающая людей о грядущих событиях, как правило, негативных. Она также нашла свое отражение в фольклоре.

По материальности орнитологические образы возможно классифицировать следующим образом:

1. *Ангелы.* Это отдельно стоящая категория, представляющая собой олицетворение человеческой души, наделенная крыльями исключительно для того, чтобы осуществлять взаимодействие конкретной души с Всевышним.

2. *Реально существующие в природе птицы.* В этой группе представлены птицы нашего мира, наделенные сакральными свойствами (качествами).

3. *Фантастические орнитологические образы.* К ним относятся птицы (животные, звери), которые реально в природе никогда не существовали, а

были выдуманы человеком. В фольклоре и мифологии есть многочисленные упоминания о подобных выдуманных крылатых существах, например, мифическая птица – Гаруда (санскр. «всепожирающее Солнце»), символ просветленного ума.

Если проанализировать все изложенные выше категории, применительно к использованию орнитологических символов в мировых религиях, можно отметить, что в современных теологических системах нашли отражение не все из них. В частности, помощники, предвестники, фантастические птицекрылые существа прочно закрепились в далеком прошлом человечества - в фольклоре, язычестве, шаманизме.

Современными религиозными конфессиями и религиозной литературой чаще описываются образы *Ангелов* и *реально существующих в природе птиц*, наделенных сакральными свойствами, олицетворяющих собой, в первую очередь, *Посланников*, осуществляющих взаимодействие между мирами.

Учитывая, что в данной статье рассматриваются орнитологические символы современных религий, мы остановимся на анализе и описании *Ангелов* и *реально существующих в природе птиц*, наделенных сакральными качествами.

В декабре 2013 года службой «Среда» в рамках подведения итогов конкурса научно-исследовательских работ молодых ученых «Вера и религия в современной России», был проведен проективный тест, предлагающий участникам сопоставить представленные им образы птиц с современными религиозными конфессиями: православием, старообрядчеством, католицизмом, протестантизмом, новыми религиозными движениями, индуизмом, исламом, буддизмом, иудаизмом и атеизмом [4, с. 350–353].

В качестве основных орнитологических символов выступили всего 15 объектов: *лебедь, орел, стервятник, ворон, дятел, голубь, страус, попугай, павлин, курица, гусь, кукушка, сова, воробей и соловей.*

В тесте принимали участие люди различного вероисповедания, уровня образования и различных профессий.

Следует отметить, что далеко не все предложенные птицы были отнесены респондентами к той или иной религии.

Краткие итоги теста выражены в следующих показателях:

1. Все христианские конфессии (православие, католицизм) ассоциированы с *голубем*.

2. Религиозным символом ислама назван *орел* (вместе с тем, *орел* олицетворяется и с Евангелистом Иоанном в христианстве).

3. Буддизму соответствует символ *совы*.

4. Индуизм ассоциируется с *павлином*.

5. Первенство в символике атеизма отдано *Петуху*.

Крайне интересна ситуация с иудаизмом, в котором птицы существуют в виде сверхъестественных существ, но только лишь в качестве жертвенных символов. Иудаизм чаще рассматривает птиц с точки зрения Кашрута – закона об употреблении птиц в пищу человеком с точки зрения их «священной чистоты».

Любопытно, что респонденты, участвовавшие в опросе, практически не разошлись во мнениях с представителями религиозных конфессий и журналистами, пишущими о религии и вере.

Соответственно сделанным выводам, стоит описать каждый из основных принятых символов в отдельности.

1. *Ангелы*. Первое упоминание об ангелах встречается в иудаизме. Их функция – помогать людям взаимодействовать с Богом, творить добро. Они делятся на смертных и бессмертных, у них нет тела, но по воле Бога они могут приобретать его на короткое время для общения с людьми. Интересно, что главным орнитологическим признаком, крыльями, ангелов наделило уже христианство.

2. *Голубь*. В библейской истории *голубь* упоминается многократно. Его главная роль – вестник. *Голубь* принес Ною оливковую ветвь, тем самым, оповестив об окончании всемирного потопа; о том, что Господь сменил гнев на милость. *Голубь* является символом Святого Духа и Крещения в Христианстве;

дары Святого Духа и 12 апостолов также изображаются в виде голубей. Известен *голубь* и в качестве христианской эмблемы целомудрия.

Голубь до настоящего времени является главным символом христианства, несмотря на то, что святой Иероним, еще в ранних комментариях к Библии говорил о том, что церковью подразумевается под *голубем* образ дикой горлицы, живущей на самых высоких деревьях и являющейся эталоном чистоты.

3. *Орел*. Образ *орла*, властелина воздуха, ведет свое начало из далекой древности, в которой он являлся не только спутником Богов, но и прямой персонификацией их. Он нашел свое отражение практически во всех мировых религиях – от христианства до буддизма. Это солярный образ всех богов и правителей, нашедший наибольшее применение в геральдике множества стран, правителей, воинов. Одним из символических мотивов христианского Крещения является история об орле, обжегшем свои крылья, подлетев близко к Солнцу, и возродившем их в океане. *Орла* изображают на церковных кафедрах и купелях; он ассоциируется с вознесением Христа, с молитвами о победе над злом.

У баптистов *орел* символизирует рождение, у буддистов – “транспорт” Будды, у тюрков – страж 5-го из 7-ми небес, у мусульман *орел* – символ богатства и благорасположения.

После завоевания христианами Палестины, *орел* стал гербом Святости.

4. *Сова* – традиционный символ мудрости, ночи и сна. Однако, в странах, исповедующих буддизм, *сова* отражает зловещую символику. В Китае она олицетворяет принцип *ян*, имеющий скорее, негативный характер. В Индии *сова* считается символом смерти.

В христианстве *сова* также имеет негативную окраску. Ей предписываются свойства колдовства, нечисти, слепоты и безверия.

5. *Павлин*. В индуизме *павлин* является одним из главных орнитологических символов. Его хвост олицетворяет собой восходящее солнце. Сам *павлин* играет роль сопровождающего помощника некоторых индуистских

богов (Сарасвати, Каму, Сканд). Причем, выявить какое-либо тождество между этими богами не представляется возможным, поскольку каждый из них олицетворяет собой абсолютно несопоставимые с другим качества: Сарасвати – мудрость, Кама – Секс, Сканд – война.

В качестве буддийского символа *павлин* являет собой сострадательность и предусмотрительность.

Есть место *павлину* и в Исламе, где два павлина олицетворяют собой единство противоположностей.

В христианстве упоминание о *павлине* достаточно редко. Иногда его перо ассоциируют с Всевидящим оком Божиим.

6. *Петух*. Несмотря на то, что петух признан символом атеизма, ему нашлось место и в христианской, и в мусульманской истории, и в буддизме.

Петух возвестил о появлении отрешившегося от Иисуса Петра среди апостолов; именно *петух* был увиден пророком Магомедом на первом небе Рая; в буддизме *петух* является одним из трех животных, которые сопровождают человека в кругах рождения и смерти.

Общие качества *петуха*: надежность, мужество, храбрость, бдительность, нашли свое применение и в фольклоре, и в геральдике.

Краткий анализ присутствия орнитологических символов в мировых религиозных конфессиях позволяет сделать следующие выводы:

1. Орнитологические символы в виде Ангелов, птиц и крылатых животных присутствуют во всех древних религиях. В современных религиях несуществующие в природе птицы (животные) практически не представлены, а Ангелы, не имевшие до этого орнитологических признаков, в современности, наоборот, ими наделены.

2. Достаточно часто присутствие одинаковых орнитологических символов в разных религиозных конфессиях. Это связано, в первую очередь, с правопреемственностью религий и их раздроблением.

3. Большинство орнитологических образов привнесено в современные теологические системы из более древних мифических, шаманистских и фольклорных верований и традиций.

Список литературы

1. Алешина Л.Н. Роль этнокультурного аспекта в преподавании русского языка как иностранного // *Научный альманах*. – 2016. – №9-2 (23). – С. 346–348.

2. Алешина Л.Н., Лыткина О.И. Животный и растительный мир как фрагмент концептосферы русского языка // *Русский язык – язык науки, культуры, коммуникации: Материалы юбилейной международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию со дня основания первого в России подготовительного факультета для иностранных учащихся*. – М., 2015. – С. 192–196.

3. Алешина Л.Н. Отражение ментальных особенностей в национальных сказках (на материале русских и китайских народных сказок) // *Модернизация общества: экономические, политико-правовые и социокультурные аспекты*. – М., 2010. – С. 344–347.

4. *Вера и религия в современной России. Всероссийский конкурс молодых учёных: 25 лучших исследований / Отв. ред. Е.А.Варшавер*. – М.: Август Борг, 2014. – 352 с.

5. Кириков О.И. *Русское Православие: духовно-догматические основы и ориентации во второй половине XX века*. – Воронеж–Москва, 2015. – С. 5.

6. Свириденко А.А. Философское осмысление веры и суеверия в народном сознании // *Wschodnioeuropejskie Czasopismo Naukowe (East European Scientific Journal). Filozofia, Etyka i religioznawstwo*. – 2016. – №6. – С. 94–97.

УДК 415

ПРОБЛЕМА КАРТИНЫ МИРА В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

М.Ч.Бганба, Абхазский государственный университет, г. Сухум, Абхазия

SOME PROBLEMS OF THE WORLD VIEW IN COGNITIVE LINGUISTICS

M.Ch.Bganba, Abkhazian State University, Sukhum, Abkhazia

Аннотация. В статье излагаются основные положения когнитивного и лингвокультурологического направлений современных лингвистических исследований, определяются признаки и соотношение концептуальной и языковой картин мира.

Ключевые слова: лингвокультурология, картина мира, концепт, концептосфера, понятие.

Abstract. As the title “Some problems of world view in cognitive linguistics” implies, the article touches upon the issues of main aspects of cognitive and linguoculturological approaches in modern linguistic researches. The article is concerned with some features and correlation of conceptual and linguistic worldviews.

Keywords: cultural linguistics, worldview, concept, sphere of concepts, notion.

E-mail: puskulu@rambler.ru

Одним из центральных понятий когнитивной лингвистики является понятие картины мира. Термин «картина мира» был, как известно, предложен В. фон Гумбольдтом в XIX в. Одним из первых его стал употреблять Г.Герц (1914) применительно к физической картине мира. В настоящее время термин широко используется как в естественнонаучных, так и в гуманитарных исследованиях и приобретает, таким образом, общенаучный характер. Картиной мира в самом общем смысле может быть названа «совокупность знаний и мнений субъекта о действительности, будь она реальной или же мыслимой» [2, с. 47]. Термин «картина мира» оказывается во многих контекстах синонимичным терминам «образ мира», «модель мира». Для современной науки методологически важным является построение той модели мира, которое основывается на категориальном аппарате данной дисциплины и соответствует общей научной парадигме. Вследствие этого, различными

научными дисциплинами разрабатываются (моделируются) мифологические, религиозные, философские, физические, художественные и др. картины мира, характерные для различных эпох, культур, социумов.

Термин «картина мира» широко использовался в отечественной лингвистике предкогнитивного периода [10, с. 10] и был также взят на вооружение когнитивной лингвистикой и особенно ее лингвокультурологическим направлением.

Для современных когнитивных исследований характерно различие когнитивной и языковой картин мира. Под когнитивной картиной мира понимается «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании, ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека или народа в целом и являющийся результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного отражения действительности в процессе мышления» [9, с. 36–37]. Когнитивная картина мира включает и содержательное, концептуальное знание о действительности, и совокупность ментальных стереотипов, определяющих понимание и интерпретацию тех или иных явлений действительности. Когнитивная картина мира представляет собой совокупность концептосферы и стереотипов сознания, закрепленных в данной культуре.

Подобное понимание когнитивной, или концептуальной, картины мира можно считать характерным для многих современных исследований.

Существование языка как некой формы, в которой человек выражает свои знания о мире на определенном этапе своего развития, позволяет говорить о продукте взаимодействия языка и мышления – языковой картине мира. Языковая картина мира выступает по отношению к когнитивной картине мира как опосредованное, вторичное образование, «это результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира» [9, с. 9, 37].

Различение когнитивной и языковой картин мира в лингвокультурологии также восходит к трудам В. фон Гумбольдта. Не говоря прямо о языковой картине мира, В. фон Гумбольдт тем не менее пишет, что «каждый язык образует вокруг народа свою сферу, которую надо оставить, чтобы перейти в подобную сферу другого народа. Поэтому изучение другого языка всегда должно быть приобретением новой точки мирозерцания; в некоторой степени так и бывает, потому что в каждом языке содержится особенная ткань понятий и представлений одной части человечества» [5, с. 57].

О важности разработки понятия языковой картины мира В.И.Постовалова пишет следующее: «В лингвистике появление понятия языковой картины мира является симптомом возникновения гносеолингвистики как части лингвистики, развиваемой на антропологических началах. Понятие языковой картины мира позволяет глубже решать вопрос о соотношении языка и действительности, инвариантного и идиоматического в процессах языкового «отображения» действительности как сложного процесса интерпретации человеком мира» [10, с. 18]. Языковая картина мира, по мнению В.И.Постоваловой, это не отражение мира, а отображение его, «после того как языковое сознание эксплицирует и объективирует концептуальную картину мира человека» и предстает в виде глубинного слоя общей картины мира. Таким образом, языковая картина мира может быть определена как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике [10, с. 18].

В отечественной лингвистике понятие языковой картины мира складывается в трудах Н.Д.Арутюновой, А.А.Уфимцевой, Е.С.Кубряковой, В.Н.Телия, В.Н.Топорова, В.И.Постоваловой, Т.В.Бульгиной, А.Д.Шмелева, М.В.Пименовой и многих других лингвистов. Присутствующие в современных лингвокультурологических исследованиях многочисленные интерпретации термина «языковая картина мира» в целом не противоречат друг другу. Языковая картина мира понимается как «опосредована языковыми знаками или даже – шире – знанием языка, его единиц и правил и, главное, содержанием его форм» [7, с. 144]. Это «совокупность зафиксированных в единицах языка

представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях» [9, с. 38], «совокупность знаний о мире, отраженных в языке, способы получения новых знаний и их интерпретация, это «мир в зеркале языка»» [6, с. 18].

Исследователи языковой картины мира подчеркивают наличие у нее таких свойств, как объективность, способность выступать в качестве посредника между человеком и когнитивной картиной мира, национально-культурная обусловленность, структурированность.

М.В.Пименова рассматривает языковую картину мира как сложившуюся давно и сохранившуюся донныне национальную картину мира, дополненную ассимилированными знаниями, отражающую мировоззрение и мировосприятие народа, зафиксированную в языковых формах, ограниченную рамками консервативной национальной культуры этого народа [8, с. 7].

Согласно В. А. Гречко, языковая картина мира создается независимо от индивида как отражение мира в значениях и категориях языка, в его форме и содержании. Она не осознается человеком в качестве определенного цельного мировидения и миропонимания и не является результатом рефлексии человека. «Картина мира представляет собой безотчетный, но типический мотив поведения, деятельности человека; отсюда и трудность «извлечения» языковой картины мира в качестве мотива деятельности человека в том числе и речевой [4, с. 168–169].

Л.В.Воронин, говоря о языковой картине мира, прослеживает в ней двойную закономерность: во-первых, язык выступает как объект, так как является структурой, которая подвергается внешнему воздействию, изменениям; во-вторых, язык выступает как инструмент, является «посредником» между когнитивной структурой и окружающей нас действительностью [3, с. 29].

В исследованиях подчеркивается также особая роль языковой картины мира в концептуальном членении действительности: «Языковая картина мира –

это информация, рассеянная по всему концептуальному полю и связанная с формированием понятий при помощи манипулирования в этом процессе языковыми значениями и их ассоциативными сферами, что обогащает языковыми формами и содержанием концептуальную систему, которой пользуются как знанием о мире носители данного языка» [1, с. 295]. Языковая картина мира запечатлена в значениях лексикона и грамматики. Она есть продукт речемыслительной деятельности, которая вносит семантическое членение в действительности, создавая основу семантической уникальности каждого языка. В языковой картине мира отражается когнитивная структура – концепт коммуникации, и представляется в значениях языковых средств соответствующей концептосферы [11, с. 428].

Исследователи справедливо утверждают, что языковая картина мира есть не только понятийное и категориальное отражение мира; это одновременно и образно представляемая, эмоционально переживаемая, динамично изменяющаяся картина мира в зависимости от возраста человека, условий его жизни, рода деятельности, образования, способностей и др.

Необходимость описания конкретных языковых картин мира ставит перед лингвистикой множество проблем: структурирование языковой картины мира, выделение в ней центральных (устойчивых, ядерных) и подвижных (периферийных) элементов; поиск общих и индивидуальных свойств отдельных фрагментов языковой картины мира; изучение их национально-культурной специфики; анализ способов взаимодействия языковой и концептуальной картин мира. Языковая картина мира как вербализованная часть когнитивной картины мира играет ведущую роль в формировании национальной концептосферы. Таким образом, изучение языковых картин мира открывает путь к описанию и моделированию когнитивных картин мира.

Список литературы

1. Аванесян Ж.Г. Сопоставительная лингвистика и межкультурная коммуникация (на материале сопоставительного анализа репрезентации концепта «страх» в английской и русской картинах мира) // Межкультурная

коммуникация и перевод: Материалы межвузовской научной конференции (Москва, 27 января 2005 г.). – М.: МОСУ, 2005. – С. 293 – 297.

2. Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. – М.: Русский язык, 1995. – 175 с.

3. Воронин Л.В. Концепт «страх» в русском и немецком языках (контрастивный анализ на материале произведений М.Булгакова, К.Тухольского и их переводов на английский язык): Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 197 с.

4. Гречко В.А. Теория языкознания. – М.: Высшая школа, 2003. – С. 168–169.

5. Гумбольдт В.фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.

6. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.

7. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. – №4. – С. 34–47.

8. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – 386 с.

9. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – 298 с.

10. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А.Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С. 11–86.

11. Тупицына И.Н. Некоторые аспекты когнитивной базы межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация и перевод: Материалы межвузовской научной конференции (Москва, 27 января 2005 г.). – М.: МОСУ, 2005. – С. 427 – 431.

УДК 82.09 (470): 821.161.1

**ОТРАЖЕНИЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ КАРТИНЫ МИРА В РУССКИХ И
БОЛГАРСКИХ ПОСЛОВИЦАХ**

*К.С. Благоева, Финансовый университет при Правительстве РФ,
Россия, Москва*

*(научный руководитель: Л.Н. Алешина, к.ф.н., доцент Департамента
языковой подготовки Финансового университета при Правительстве РФ,
Россия, Москва)*

**REFLECTION OF THE FOLKLORE PICTURE OF THE WORLD IN THE
RUSSIAN AND BULGARIAN PROVERBS**

*K.S. Blagoyeva, Financial University under the Government of the Russian
Federation, Russia, Moscow*

*(L.N. Aleshina, Cand.Phil.Sci., associate professor Departmenta of language
preparation of Financial University under the Government of the Russian
Federation, Russia, Moscow)*

Аннотация. В данной статье мы анализируем пословицы и поговорки, которые имеют варианты и в болгарском и в русском языках. Наше исследование посвящено историческому языковому и культурному влиянию славянских народов, отраженному в фольклорной картине мира России и Болгарии. Анализ проведен на материале русских и болгарских пословиц и поговорок.

Ключевые слова: фольклор, картина мира, пословицы, болгарские, русские, различие, общее.

Abstract. In this article, we will focus on proverbs and sayings that have variations in both Bulgarian and Russian. Our research is devoted to the historical language and cultural influence of the Slavic people reflected in a folklore picture of the world of Russia and Bulgaria. The analysis is carried out on material of the Russian and Bulgarian proverbs and sayings.

Key words: folklore, world picture, proverbs, bulgarian, russian, difference, general.

E-mail: blagoeva.krasi@gmail.com

Все знают, что в пословичных текстах отражена народная мудрость, сохранившаяся в веках, и уже одно это делает пословицы незаменимым аргументационным средством в речевом общении.

При анализе и сопоставлении пословиц болгарского и русского языка – общее количество рассмотренных единиц 220 русских и 320 болгарских пословиц (одной русской в результате многозначности может соответствовать от одной до четырех болгарских), особого внимания заслуживают следующие типы болгаро-русских пословичных соответствий:

* Некоторые пословицы, которые имеют полные аналоги:

– «Не оставяй днешната работа за утре» /бол./ «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня» /рус./.

– «Приятел в нужда се познава» /бол./ «Друзья познаются в беде» /рус./.

– «Ако гониш два заека, няма да хванеш ни един» /бол./ «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» /рус./.

– «По-добре късно от колкото никога» /бол./ «Лучше поздно, чем никогда» /рус./.

– «Седем пъти мери, един път режи» /бол./ «Семь раз отмерь – один раз отрежь» /рус./.

– «Не всичко което блести е злато» /бол./ «Не все то золото, что блестит» /рус./.

– «Око за око, зъб за зъб» /бол./ «Глаз за глаз, зуб за зуб» /рус./.

* Некоторые пословицы, которые не имеют полных аналогов:

– «Най-хубавата ябълка, свинята я яде» /бол./ (самое вкусное яблоко свинья ест), «Покритото мляко, котки не го ближат» /бол./ (покрытое молоко кошки не едят), «Вълкът козината си мени, но нрава не» /бол./ (волк свою шерсть меняет, но нрав нет), «Юнак без рана не може» /бол./ (богатырь без ран не может), «Котката само като спи, не лови мишки» /бол./ (пока кошка спит, она не гонится за мышами), «Имаш крава, пиеш мляко» /бол./ (имеешь корову, пьешь молоко).

– «Игра не стоит свеч», «Не обманешь – не продашь», «Овчинка выделки не стоит», «Готовь сани летом, а телегу – зимой», «И Москва не сразу строилась», «Любишь кататься – люби и саночки возить», «На вкус и цвет товарища нет», «Работа не волк, в лес не убежит», «Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала», « Наперед батьки в пекло не суйся».

* Некоторые пословицы, которые не совпадают по звучанию, но смысл имеют одинаковый:

– «Трай бабо за хубост» /бол./ (терпи бабушка ради красоты) «Красота требует жертв» /рус/.

– «Две дини под една мишница не се носят» /бол./ (два арбуза под мышкой не понесешь) «Две работы сразу не делают»; «Семь дел в одни руки не берут» /рус/.

– «Книгата е прозорец към света» (книга – это окно в мир) «Книга учит как в мире жить» /рус/.

– «Бързата работа, срам за мойстора» /бол./ (поспешная работа - позор для мастера) «Кто поспешит, тот людей насмешит»; «Скоро дело не делается» /рус/.

– «На всяко гърне, мерудия» /бол./ (на каждый горшок приправа) «Ко всякой бочке гвоздь, в каждой бочке затычка» /рус/.

* Некоторые пословицы, которые совпадают по звучанию, но различаются по смыслу:

– «Не дава да падне и косъм от главата на човека» /бол./ «Не тронуть волоска на голове» /рус/.

В болгарской пословице означает «не позволяет ничему плохому случиться, бдит над ним очень внимательно», а русская пословица имеет значение: «останется невредимым, зло с ним не приключится»

– «По-тихо върви, по-далече ще стигнеш» /бол./ «Тише едешь, дальше будешь» /рус/.

Болгарское переносное значение: скромность-успех в жизни, а русская пословица гласит: «Не спиши чрезмерно, чтобы достичь более высоких результатов».

Анализ показывает, что большинство широко известных русских пословиц имеет по несколько болгарских соответствий. Как уже указывалось, в содержание пословицы входит не только указание на определенную типовую ситуацию, но и образно-метафорическое оформление пословицы. Поэтому из целого ряда болгарских соответствий для той или иной русской пословицы основным соответствием мы считали то, которое в большей степени передавало и структуру, и образно-метафорическую форму переводимой пословицы.

Список литературы

1. Алешина Л.Н. Роль этнокультурного аспекта в преподавании русского языка как иностранного // *Научный альманах*. – 2016. – №9-2 (23). – С. 346–348.

2. Алешина Л.Н., Лыткина О.И. Животный и растительный мир как фрагмент концептосферы русского языка // *Русский язык – язык науки, культуры, коммуникации: Материалы юбилейной международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию со дня основания первого в России подготовительного факультета для иностранных учащихся*. – М., 2015. – С. 192–196.

3. Алешина Л.Н. Отражение ментальных особенностей в национальных сказках (на материале русских и китайских народных сказок) // *Модернизация общества: экономические, политико-правовые и социокультурные аспекты*. – М., 2010. – С. 344–347.

УДК 81

**ИМПЛИКАТУРА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СКРЫТЫХ
СМЫСЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ БРИТАНСКИХ СМИ)**

Н.Ю. Видинеева, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

**IMPLICATURE AS A MEANS OF EXPRESSION OF INNER MEANINGS
(AS EXAMPLIFIED IN THE BRITISH MEDIA)**

N.Yu. Vidineeva, Penza State University, Penza, Russia

T.V. Dubrovskaya, Penza State University, Penza, Russia

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению феномена импликатуры. Особое внимание уделено Принципу Кооперации П. Грайса, входящим в него максимам и влиянию нарушения максим на появление импликатуры в речи. В статье описаны особенности каждого типа импликатур и приведены примеры их функционирования в британских СМИ.

Ключевые слова: импликатура, Принцип Кооперации, медиадискурс, британские СМИ.

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of implicature. Particular attention is paid to the Principle of Cooperation formulated by P. Grice, the maxims involved and the influence of the violation of maxims on the appearance of implicature in speech. The article describes the features of each type of implicature and gives examples of their functioning in the British media.

Key words: implicature, The Principle of Cooperation, media discourse, British media.

E-mail: ya.natashavidineeva@yandex.ru

Характерной чертой современного общества является постоянная коммуникация между представителями разного рода культур на различных уровнях: от бытового общения до международных переговоров по глобальным политическим, экономическим и социальным проблемам. Понимание политических процессов, происходящих в мире, основывается на понимании экстралингвистических явлений, в том числе феномена национальной идентичности, а также особенностей коммуникации представителей различных политических сил, являющихся частью различных культур. Политическая коммуникация на межнациональном уровне не всегда осуществляется

открытыми речевыми средствами. Часть сообщаемого значения может передаваться скрытыми средствами, одним из которых является импликатура.

Целью данной статьи является раскрытие понятия импликации с опорой на существующие исследования, описание механизма возникновения импликации в речи, систематизация классификации импликаций. Мы проиллюстрируем функционирование различных типов импликаций рядом примеров из медиадискурса о национальной идентичности британцев.

Впервые термин «импликатура» («implicature») был употреблен П. Грайсом [3, с.24]. В данной работе исследователь сначала вводит в оборот глагол «implicate» («подразумевать», «заключать в себе в неявном виде»), обозначающий собственно действие говорящего. Из этого глагола П. Грайс вывел сам термин «импликатура» — «то, что подразумевается» [3, с.24]. Большинство последующих работ о феномене импликации основывались на достижениях научной мысли П. Грайса. На сегодняшний день исследователями было предложено большое количество вариантов толкования этого термина. Так, например, М.Л. Макаров отмечает, что «импликатура призвана способствовать лучшему описанию небуквальных аспектов значения и смысла, которые не определяются непосредственно конвенциональной структурой языковых выражений, т.е. того, что подразумевается, на что намекается» [1, с.83]. Л. Хорн отмечает, что «импликатура – это компонент значения говорящего, включающий в себя аспект того, что имеется в виду в речи говорящего, но не является частью того, что говорится». [4, с. 3] (*Перевод с английского здесь и далее мой — Н.В.*). Е.В. Падучева предлагает следующее определение импликации: «Импликация — это компонент содержания высказывания, который не входит в конвенциональное, т.е. закодированное в языке, значение слов и конструкций, а выводится из него при учете контекста ситуации, с опорой на Принцип кооперации и вытекающие из него коммуникативные постулаты — максимы языкового общения» [2, с.101]. Наиболее краткое и ёмкое определение термину «импликатура» дал Дж. Юл: «Когда слушающий слышит выражение типа «Гамбургер есть гамбургер», в первую очередь, он

должен предположить, что говорящий в момент речи открыт к взаимодействию и намеревается что-то сообщить. Это «что-то», должно быть, шире, чем то, что обозначают сами слова. Это есть дополнительное сообщаемое значение, называемое импликатурой» [5, с.35]. Из приведенных выше определений мы можем сделать вывод, что импликатура всегда связана с порождающим высказыванием субъектом коммуникации и представляет собой дополнительный скрытый смысл, не получающий непосредственного выражения в языке.

Полное и детальное рассмотрение явления импликации в современной лингвистике невозможно без опоры на сформулированный П. Грайсом Принцип Кооперации: «Делайте свой вклад в коммуникацию таким, каким он требуется на данной стадии в соответствии с принятой целью или направлением речевого взаимодействия, в котором вы принимаете участие» [3, с.26]. Данный принцип содержит в себе четыре максимы: Количества информации («Делайте вклад в коммуникацию настолько информативным, насколько это требуется; не делайте вклад в коммуникацию более информативным, чем требуется»), Качества информации («Не говорите того, что считаете ложью; не говорите того, для чего у вас нет исчерпывающих доказательств»), Релевантности («Не отклоняйтесь от сути коммуникации») и Ясности («Избегайте туманности высказывания; избегайте двусмысленности; будьте краткими; будьте последовательными в высказывании») [3, с.26–27].

При построении коммуникации с партнером мы ожидаем от него готовность к кооперации и соблюдение максим, перечисленных выше, что делает наше взаимодействие эффективным. Но иногда в силу определенных контекстуальных обстоятельств, один из членов коммуникации не может придерживаться максим и нарушает одну из них либо сразу несколько. Именно такое нарушение порождает появление в речи импликации. П. Грайс считает, что есть несколько способов нарушить постулаты Принципа Кооперации: 1. скрытое нарушение; 2. уклонение от выполнения постулатов и Принципа Кооперации в целом; 3. невозможность выполнения одного постулата без

нарушения другого, или столкновение с так называемым «конфликтом»; 4. откровенное пренебрежение выполнением постулата [3, с. 30].

Типология импликатур впервые была разработана П. Грайсом. В дальнейшем она лишь дорабатывалась и расширялась. Первоначально исследователь выделяет два больших класса импликатур: конвенциональные (conventional) и коммуникативные (conversational). В категории коммуникативных импликатур П. Грайс выделяет две группы: частная импликатура (particularized implicature) и общезначимая импликатура (generalized implicature) [3, с. 37]. Мы заимствуем перевод данной терминологии из работы Е.В. Падучевой [2, с. 107]. Предложенную П. Грайсом классификацию дополнил и расширил Дж. Юл. Он же дал исчерпывающие определения каждому типу импликатур.

Мы бы хотели начать с рассмотрения класса **конвенциональных импликатур**. Данный вид наименее распространен в речи, и, как следует из названия, заранее определенные (конвенциональные) значения отдельных слов обуславливают появление импликатуры такого типа. Согласно Дж. Юлу, данный тип импликатур не зависит от соблюдения или несоблюдения Принципа Кооперации и входящих в него максим. Такие импликатуры не зависят от контекста и совершенно не обязательно должны появляться в диалогической речи. Всё, от чего зависит образование конвенциональной импликатуры — это наличие в тексте определенных слов (чаще всего союзов), употребление которых ведет к образованию дополнительного сообщаемого значения. Дополнительное сообщаемое значение определяется значением употребленного в предложении союза. [7, с. 45].

Примером конвенциональной импликатуры могут служить слова Маргарет Тэтчер, на которые в своем интервью для Sky News делает ссылку министр окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства Великобритании Майкл Гоув:

«I'm glad all these organisations [some of the independent economic authorities] are not on my side. Margaret Thatcher said about economists, the great

thing is that economists are fine but you mustn't inhale» (URL: <https://www.theguardian.com/politics/blog/live/2016/jun/03/eu-referendum-michael-gove-questioned-on-sky-news>)

(«Я рад, что все эти организации [некоторые независимые экономические вышестоящие органы] не на моей стороне. Маргарет Тэтчер сказала об экономистах: «Важная вещь заключается в том, что экономисты хороши, но вам не следует жадно поглощать их слова»).

Без союза между двумя частями выделенного жирным курсивом предложения контекст утрачивает имплицитный смысл, который в него изначально вкладывал говорящий: «Экономисты хороши» и «Вам не следует поглощать их слова». В данном случае союз *but* формирует импликацию контраста между двумя частями сложносочиненного предложения: несмотря на то, что экономисты в первой части предложения наделены положительной коннотацией – *fine* («хороши»), доверять их словам всё равно не следует. Таким образом, экономисты, по имплицитному смыслу, выводимому из высказывания Майкла Гоува – не заслуживающие особого доверия, хотя и производящее приятное впечатление, люди.

Другим классом импликаций являются **коммуникативные импликации**. Для раскрытия сущности данного класса мы будем опираться на понятия, сформулированные Дж. Юлом, поскольку они пересекаются со сказанным П. Грайсом и дополняют его теорию. Данный тип импликаций возникает только в процессе коммуникации. Различие между двумя разновидностями коммуникативных импликаций (общезначимой и частной) состоит в том, что для дешифровки первой слушающему не обязательно обладать определенными фоновыми знаниями и пониманием контекста, для дешифровки второй это является обязательным условием [7, с. 40–42].

Примером **общезначимой коммуникативной импликации** может послужить диалог между политическим обозревателем Sky News Фэйзалом Исламом и Дэвидом Кэмероном, который на момент интервью еще занимал должность премьер-министра Великобритании. В интервью был затронут

вопрос сокращения миграции до 100 000 человек и сроках выполнения такого сокращения:

«Islam: Can you see it happening in any period whilst you are still prime minister, in the next four years?»

Cameron: I'm not going to put a date on it»

(URL: <https://www.theguardian.com/politics/2016/jun/03/eu-referendum-morning-briefing-world-war-three-gove-unlucky-tie>)

(«Ислам: Вы предполагаете, что это произойдет, пока вы занимаете кресло премьер-министра, в ближайшие четыре года?»

Кэмерон: Я не буду ставить временные рамки»)

Мы предполагаем, что Дэвид Кэмерон в момент интервью открыт к взаимодействию с собеседником и намеревается сообщить определенную информацию, иначе сам процесс интервью теряет смысл. Однако стоит помнить, что перед политическим деятелем стоит и задача представить информацию и себя в наиболее выгодном свете. Импликатура в приведенном примере заключается в реплике Дэвида Кэмерона, поскольку он не дает прямой ответ, предполагающийся формулировкой вопроса («Можете ли вы...?» – «Да, могу» / «Нет, не могу»). Вместо эксплицитного выражения информации, премьер-министр уклоняется от прямого ответа, заявляя, что не будет ставить сроков для сокращения миграции. Предполагаем, что если бы он намеревался дать утвердительный ответ на поставленный вопрос, то он бы так и сделал, поскольку такое развитие диалога представляется для премьер-министра наиболее желательным: проблема миграции на 2016 год в Великобритании стояла остро, и утвердительный ответ в данном случае укрепил бы имидж действующего на тот момент премьер-министра. Однако такого ответа не последовало, из чего мы можем сделать вывод, что имплицитный смысл, заложенный в словах Дэвида Кэмерона, звучит как «Я не предполагаю, что снижение миграции произойдет в ближайшие четыре года, пока я являюсь премьер-министром».

В категории общезначимых коммуникативных импликатур Дж. Юл выделяет подкатеорию, обозначенную им как «**scalar implicature**» («**скалярная импликатура**»). Часто в речи для передачи информации говорящему приходится выбирать слово из шкалы слов с градацией значения (например, «холодно», «прохладно», «тепло», «жарко» и т.д.). Когда выбирается одно из слов в предложенной шкале, дополнительным сообщаемым значением будут являться значения отрицательных форм всех слов, находящихся выше по шкале от выбранного [7, с. 41].

Примером такой импликации может служить отрывок из интервью Майкла Гоува для Sky News, о котором речь шла выше. Министр предположил, что в случае выхода Великобритании из состава Европейского союза, правительство должно озаботиться финансированием сталиеобработывающей промышленности:

*«If we vote to leave, one of the things we can do is support industries that are going through **terrible times**»*

(URL: <https://www.theguardian.com/politics/blog/live/2016/jun/03/eu-referendum-michael-gove-questioned-on-sky-news>)

(«Что мы можем сделать в случае голосования за выход из Европейского союза, так это поддержать те секторы промышленности, которые сейчас переживают ужасные времена»).

Слово *terrible* («ужасный») обладает негативной коннотацией и стоит в одном ряду с более слабыми по оттенку негативного значения синонимами: *bad* («плохой»), *unpleasant* («неприятный»), *poor* («слабый»), *imperfect* («несовершенный») и другими. Также данное прилагательное находится на одной шкале градации с прилагательными, обозначающими состояние, но противоположными по значению: *good* («хороший»), *great* («прекрасный»), *excellent* («отличный»), *wonderful* («чудесный») и другими. В данном контексте импликатура слова *terrible* («ужасный») – *not good* («не хороший»), *not great* («не прекрасный»), *not excellent* («не отличный»), *not bad* («не плохой»), *not unpleasant* («не неприятный»). Таким образом, выбор говорящим данного

прилагательного для описания состояния дел в британской металлургической промышленности создает импликацию «industries that are going through not good/ not great/ not excellent times» («секторы промышленности, которые переживают не хорошие, не прекрасные, не отличные времена»).

Как было отмечено выше, для дешифровки **частных коммуникативных импликаций** необходимо обладать определенными фоновыми знаниями. Примером такой импликации могут послужить слова обозревателя The Guardian Тимоти Эша о том, можно ли остановить процесс выхода Великобритании из Евросоюза:

«To be clear: I have no illusions about the probability of stopping Brexit. It may be that in the end **we are compelled to settle for some worse alternative, such as being a Norway-like rule-taker rather than rule-maker**»

(URL: <https://www.theguardian.com/politics/2018/jan/09/brexit-weekly-briefing-only-10-months-left-to-sign-off-on-divorce-terms>)

(«Давайте внесем ясность: у меня нет иллюзий относительно возможности остановить Брексит. Возможно, в итоге мы будем вынуждены принять худшую альтернативу, например, уподобиться Норвегии, принимающей правила, а не диктующей их»).

Для того, чтобы понять, какой скрытый смысл вкладывал в свои слова обозреватель издания, читателю необходимо знание контекста ситуации, а именно положения Норвегии по отношению к Европейскому Союзу, и того, почему такое положение является более плохой альтернативой сложившейся ситуации. Норвегия является участницей Европейской экономической зоны, следовательно, данное государство обязано выполнять директивы Евросоюза в области торговли и социальной политики, но при этом, не будучи членом Европейского союза, норвежцы не имеют возможности влиять на процесс принятия решения парламентариями в Брюсселе, в том числе по вопросам торговли и социальной политики. Таким образом, Норвегия вынуждена подчиняться решениям, на принятие которых не может оказывать влияние. Именно такая перспектива развития ситуации и заложена в имплицитный

смысл высказывания, приведенного выше: Тимоти Эш опасается, что Великобритания будет вынуждена в случае выхода из Европейского союза подчиняться правилам, продиктованным извне.

Проблема взаимодействия Евросоюза и Великобритании также затрагивается и в выступлениях политических деятелей. Борис Джонсон, министр иностранных дел Великобритании, по сообщению издания The Guardian, «обещал в ближайшие дни предоставить свое видение “либерального” Брексита, что не позволит Британии, по его выражению, стать “вассалом” Евросоюза»:

«Boris Johnson, the foreign secretary, has promised to present his vision of a “liberal” Brexit in the coming days that avoids Britain becoming what he has called *a “vassal state” of the EU*»)

(URL: <https://www.theguardian.com/politics/2017/dec/19/brexit-weekly-briefing-now-for-the-hard-part>).

Для того, чтобы понять дополнительное сообщаемое значение, читателю необходимо знать, кто такой вассал и чем характеризуется вассальное положение. Система вассалитета, появившаяся в Европе в Средние века, характеризуется, прежде всего, «личной зависимостью одних феодалов (вассалов) от других (сеньоров)» (Большая советская энциклопедия: [сайт]. URL: <http://bse.sci-lib.com/article003453.html>). Кроме того, подобная структура отношений внутри общества характеризуется как имеющая господствующий класс и низшие классы, что ведет к дискриминации низших классов. Таким образом, в приведенном примере подчеркивается не только опасность попадания Великобритании в экономическую зависимость от ЕС, но и следующий из этого риск дискриминации интересов Великобритании во всех сферах жизни, поскольку Евросоюз представляется как более влиятельная и доминирующая политическая и экономическая сила.

Данные примеры демонстрируют опасение британской общественности относительно будущего страны после выхода из состава Евросоюза: выражается понимание того, что Великобритания может утратить

экономический суверенитет и будет вынуждена принимать продиктованные Евросоюзом правила. Кроме того, существует риск предвзятого и несправедливого отношения к интересам государства со стороны парламентариев ЕС при принятии ими регулировок, правил и решений.

Таким образом, в данной статье мы постарались дать определение явлению имплицатуры, опираясь на работы выдающихся исследователей этой области лингвистической науки. Был описан Принцип Кооперации П. Грайса, который лег в основу всех последующих учений об имплицатуре. В статье была дана классификация имплицатур, актуальная и для современных исследований. Кроме того, мы проиллюстрировали функционирование различных типов имплицатур примерами из британского медиадискурса. Описание данных аспектов не является исчерпывающим, и более детальное изучение имплицатуры как категории дискурса, а также ее функционирования в медиадискурсе о национальной идентичности послужит объектом для наших дальнейших исследований.

Список литературы

1. Макаров М.Л. *Основы теории дискурса*. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
2. Падучева Е.В. *Динамические модели в семантике лексики*. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
3. Grice H.P. *Studies in the way of words*. – Harvard: Harvard University Press, 1991. – 406 с.
4. Horn L.R., Ward G. *The Handbook of Pragmatics*. – Oxford: Blackwell Publishing, 2006. – 820 с.
5. Yule G. *Pragmatics*. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 138 с.

УДК 81

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

*А.С. Викторова, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

THE NATIONAL AND GEOGRAFICAL ASPECT OF THE TRANSLATION

A.S. Viktorova, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В работе рассмотрены культурный и географический аспекты перевода, их основные особенности; приведены приемы и способы перевода с учетом стилистических, лексических и грамматических особенностей английского языка.

Ключевые слова: перевод, культура, этнос.

Abstract. This article considers the cultural and geographical aspects of translation and their main specialties, and the means and ways of performing the translation in the aspect of stylistic, lexical and grammatical specialties of English language.

Keywords: translation, culture, ethnos.

E-mail: stoun12@mail.ru

В книге К.И. Чуковского «Высокое искусство. Принципы художественного перевода» акцентируется внимание на том, что переводчикам часто не удается передать на языке перевода различные идиомы или другие сочетания «чужого языка» из-за того, что они просто не знакомы с традициями и культурными обычаями страны переводимого языка, которые отражаются в устойчивых сочетаниях языка. Таким образом, недостаточная осведомленность о лингвострановедческих реалиях языка-источника может сыграть злую шутку с интерпретатором.

Но что же тогда должен предпринять переводчик, если в своей работе он столкнулся с неизвестным ему тем или иным выражением? Причем такое явление, как буквализм, просто недопустимо в художественном переводе.

М.Лермонтов, В.Брюсов, И.Тургенев и многие другие писатели-переводчики все же допускали ошибки в своих переводах. Это были как

словарные, так и лексические искажения. Но им это пошло только на пользу. Так как их переводческие труды выглядели гораздо красочнее, понятнее и образнее по сравнению с переводами, в которых почти все слова были переданы дословно [см.: 1, р. 509 – 517; 2, с. 116–135; 3, с. 107 – 115; 4, с. 173–189; 5, с. 58–69; 6, с. 37–46; 7, с. 172–176; 8, с. 110–114; 9, с. 161–165; 10, с. 280–284; 11; 12; 13, с. 5958–5962; 14, с. 203–206; 15, р. 380–391; 16, с. 159–164; 17, с. 3–11; 18, с. 693–697; 19, с. 215–222; 20, с. 232–234; 21, с. 145–149; 22, с. 76–92; 23, с. 58–60; 24, с. 250–256; 25, с. 245–251; 26, с. 365–369; 27, с. 95–104].

Но приблизительность в работе переводчика непозволительна. И искать оправдания в незнании реалий другой страны не стоит. В современном мире абсурдные варианты переводов ушли в область фантастики. Но проблема перевода страноведческих реалий осталась и является по-прежнему весьма актуальной и злободневной.

Частичное или ложное восприятие значения слова оригинального языка переводчиком не способно донести до читателя истинный замысел писателя. Некоторые слова часто путают с совсем другими словами разных частей речи, которые совсем не имеют ничего схожего со страноведческой реалией.

Если сравнивать поэтический перевод с прозаическим, то первый предполагает более свободное использование средств выразительности языка, нежели в прозаическом переводе, где все подчиняется строгим правилам. Сама суть поэтического перевода и предполагает некую вольность в передаче авторского замысла. Важно не просто перевести, а внести в свой перевод то, чего хотел добиться автор оригинального произведения.

Иногда является допустимым опускать лингвострановедческие реалии при работе над переводом. Поэтому очень важно уметь отделять и исследовать информацию, которая отражена в художественном произведении, а также проникать в ее смысл. Но немаловажным моментом является и то, что полученная информация должна быть использована в различных коммуникативных ситуациях. Это и есть основная задача, которую исполняет

лингвосоциокультурный материал, черпающийся из художественных произведений. А именно научить нас применять ее в повседневных ситуациях.

Чтобы рассмотреть более подробно смысл общественной и культуроведческой составляющей, заключенной в поэтических произведениях, прежде всего стоит проанализировать все разнообразие информации, которое может содержаться в том или ином тексте.

Информация социокультурного назначения делится на:

- 1) фактическую информацию;
- 2) лингвострановедческую информацию;
- 3) межкультурную информацию.

Каждое художественное произведение в той или иной мере включает в себя значительный общественно-культурный «заряд», т.е. обусловлен как социальными, так и культурными мотивами общества. Особое место в произведении отдается местам, где развиваются описываемые события, исторической эпохе, во время которой происходит действие, а также действительным или вымышленным персонажам, которые могут быть как историческими личностями, так и простыми людьми. Кроме того, очень важными являются причины происходящих событий. Читатель художественного произведения получает данную информацию исходя из того, о чем говорят персонажи, какие песни поют или используют какие-либо поговорки, считалочки, пословицы и тому подобное. В обыденной речи мы очень часто можем использовать информацию такого вида. Но если человек не знает или не понимает ее, то можно предположить, что перед нами иностранец или человек, который относит себя к другой культуре. Например, если главный персонаж произведения поет какую-либо песенку, то наверняка автор закладывает в нее определенный смысл, который может повлиять на восприятие всего произведения в целом. Но непонимание того, о чем идет речь, может подвести как переводчика в своей работе, так и читателя, который просто может растеряться и исказить смысл всего произведения, хотя на самом деле все может быть гораздо проще, чем в мыслях читателя.

Прежде всего, стоит обратиться к понятию лингвострановедения вообще. Так что же означает данный языковедческий термин? Если разобрать слово по составу, то в нем можно выделить два корня «лингво» и «страноведение». В переводе с латинского «*lingua*» означает «язык», а «страноведение» в свою очередь делится на еще две корневых части – «страны» и «ведать», что означает науку, занимающуюся изучением стран. Но лингвострановедение занимается не только общим изучением стран, но и исследованием языков, на которых общается население какой-либо страны. С помощью лингвострановедения мы можем получить сведения о культуре, традициях, обычаях и верованиях изучаемой страны с помощью исследования формирования и развития языка на определенной территории его распространения, а также о его влиянии на близлежащие страны.

В настоящее время большую распространенность получил лингвострановедческий подход в изучении как языка, также как и культурных аспектов некоторой страны. Например, мы можем ознакомиться с США или Великобританией, Новой Зеландией, Австралией и многими другими англоговорящими странами.

Таким образом, лингвострановедение расширяет наш кругозор, пробуждает интерес к исследованию жизненных устоев определенного народа, что очень полезно при межкультурной коммуникации. Так называемая лингвострановедческая компетенция предполагает то, что иностранная культура должна сопоставляться с культурой родной страны и воспитывать знания и опытность в культурной области «чужой» страны. Как известно, лучшее восприятие какой-либо новой информации достигается путем сравнения с уже известной информацией в той же области.

В целом, лингвострановедение стремится к установлению коммуникации между различными народами и способствует правильному и грамотному построению межкультурного диалога, а также восприятию оригинальных произведений, которые создавались для читателя, для которого язык оригинала является родным. Кроме того данная дисциплина проводит исследование

языковых элементов, которые олицетворяют собой богатство культуры родной страны и их можно распознать или «прочувствовать» при чтении газет, журналов, книг, при просмотре различных передач или фильмов, а также при прослушивании музыкальных произведений.

Лингвострановедческая компетенция складывается из информации, которую мы познаем из научных страноведческих работ. Но очень часто в лингвострановедческих текстах мы можем столкнуться с особой незнакомой нам лексикой, которая может вызвать затруднения.

В оригинальных иностранных текстах с лингвострановедческой информацией очень часто встречается специфический вид лексики, который может вызвать затруднения для тех, кто изучает какой-либо иностранный язык.

Конечно, очень важно знать иностранный язык, но для того, чтобы всецело овладеть им, этого недостаточно. Необходимо знать не только само значение слова, но также стоит углубиться во второстепенную информацию, которая скрывается за этим словом. Кроме того стоит обратить внимание и на чтение произведений, которые содержат в себе компоненты культуроведческого и национального характера. Если переводчик сумеет освоить данный пласт лексики, то это будет способствовать наиболее полному и адекватному восприятию произведения. Чтение таких произведений поможет воспитать чувство уважения и почтения к другой культуре, но и между тем укрепит патриотизм и гордость за свою страну.

С психологической точки зрения людям более свойственно анализировать и оценивать действия литературных персонажей, чем собственные личные качества. Этим и объясняется тот факт, что художественным произведениям уделяется большое внимание. Наши лингвострановедческие познания расширяются после прочтения диалогов, в которых имеются слова, выражающие вежливость, любовь и многие другие эмоциональные оттенки. Благодаря этому мы можем лучше понять культуру чужого языка, а также быт и традиции носителей этого языка.

В результате чтения текстов лингвострановедческого характера наша межкультурная компетенция позитивно воздействует на состояние наших чувств и эмоций. И это дает нам возможность обратиться как к культуре, так и к языковедческим особенностям.

Список литературы

1. *Zhatkin D.N., Kruglova T.S. Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.*
2. *Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.*
3. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.*
4. *Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 173–189.*
5. *Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 58– 69.*
6. *Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Леди из Шалотта» в русских переводах конца XIX века // Филологические науки. – 2009. – №2. – С. 37–46.*
7. *Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэтический цикл Альфреда Теннисона «In Memoriam» в русских переводах XIX – начала XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2009. – №4. – С. 172–176.*
8. *Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в*

русских интерпретациях XIX – начала XX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – №4. – С. 110–114.

9. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.

10. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

11. Круглова Т.С. Адресованная лирика русского модернизма: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013.

12. Круглова Т.С. «Адресованная» лирика Марины Цветаевой: коммуникативно-жанровый аспект: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.

13. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир и М.И. Цветаева // Фундаментальные исследования. – 2015. – №2. – Ч. 26. – С. 5958 – 5962.

14. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – №4. – С. 203 – 206.

15. Zhatkin D.N., Kruglova T.S., Milotaeva O.S. Russia and Europe: Dialogue of Cultures and Universal Values in Lidiya Chukovskaya's Perception // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Т. 9. – №27. – P. 380–391.

16. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

17. Жаткин Д.Н. Ода сельскому уединению // Русская речь. – 2009. – №5. – С. 3–11.

18. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.
19. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского*. – 2016. – №3. – С. 215–222.
20. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // *Мир науки, культуры, образования*. – 2013. – №3 (40). – С. 232–234.
21. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.
22. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.
23. Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. Н.В.Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // *Культурная жизнь Юга России*. – 2010. – №3. – С. 58–60.
24. Круглова Т.С., Жаткин Д.Н. Немецкие страницы переписки К.И.Чуковского с Л.К.Чуковской // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. – 2015. – Т. 2. – №6 (28). – С. 250–256.
25. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в переписке Л.К.Чуковской с Д.С.Самойловым // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. – 2015. – Т. 1. – №6 (28). – С. 245–251.
26. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.
27. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

УДК 81

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

*А.С. Викторова, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

WAYS OF TRANSLATION OF PROPER NOUNS AND PLACE NAMES

A.S. Viktorova, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В работе исследованы основные особенности и способы перевода имен собственных и географических названий на русский язык; рассмотрены причины возникновения трудностей при их переводе.

Ключевые слова: перевод, география, топоним.

Abstract. This article considers the main specialties and ways of translation of proper names and place names into Russian; the origin of emerging difficulties by translating.

Keywords: translation, geography, toponym.

E-mail: stoun12@mail.ru

Наиболее сложной задачей, с которой приходится сталкиваться переводчикам, является перевод имён собственных: названий различных предприятий, имён людей, объектов и прочего. Проблему перевода имен собственных главным образом мы рассмотрим на материале русских интерпретаций художественных произведений английского поэта Томаса Мура, одного из ярких представителей романтической поэзии, составившей одну из самых ярких страниц в истории английской литературы [см.: 1, с. 324 – 328; 2, с. 116–135; 3, с. 107 – 115; 4, с. 173–189; 5, с. 58–69; 6, с. 37–46; 7, с. 172–176; 8, с. 110–114; 9, с. 161–165; 10, с. 280–284; 11; 12, с. 3–6; 13, с. 176–178; 14, с. 203–206; 15, р. 380–391; 16, с. 159–164; 17, с. 95–104; 18, с. 693–697; 19, с. 215–222; 20, с. 232–234; 21, с. 145–149; 22, с. 76–92; 23, с. 58–60; 24, с. 250–256; 25, с. 245–251; 26, с. 365–369]. Мы также проиллюстрируем данную тему некоторыми примерами из других сфер жизни.

Наше исследование стоит начать с того, что как уже отмечалось, в переводоведении не существует уникальной схемы по переводу имен

собственных. Но, тем не менее, есть несколько способов перевода имен с английского на русский язык и наоборот: транслитерация, транскрипция и калькирование.

Транслитерация подразумевает применение так называемых таблиц транслитерации, в которых содержится алфавит языка, на который выполняется перевод. Кроме того не существует строго определенного стандарта, согласно которому выполняется транслитерация. Это является следствием того, что присутствует ряд проблем, которые порой ставят переводчика в тупик. Главным образом, трудности вызывает перевод таких языковых групп, как шипящие звуки - *ж, к, ч, ш, щ, жс*; отдельные гласные звуки – *э, ю, я*; а также – *й, ь и ъ*.

Предположим, перед переводчиком стоит задача перевести название какого-либо города или реки с английского языка на русский или наоборот, например, название небольшого шотландского городка *Кинлохберви* на английском языке может выглядеть как *Kinlochbervu* или *Kinlochbervie*, последний вариант совсем не свойственен нормам английского языка, но является общепринятым. Или еще несколько наименований русских городов *Челябинск, Гусь-Хрустальный* и *Орел* будут транслитерироваться на английский язык как *Chelyabinsk, Gus-Khrustalny, Oryol*. В отдельных случаях возможны несколько вариантов транслитерации. Например, российский город *Ростов-на-Дону* при транслитерации на английский будет выглядеть как *Rostov-na-Donu*, но официально принятый вариант – *Rostov-on-Don*. Хотя первый вариант также активно используется. Таким образом, можно прийти к выводу, что данный метод перевода в большинстве своем применяется при переводе географических названий, таких как города, деревни, села, реки, озера и т.п. С одной стороны, этот способ весьма удобен для переводчика, для этого стоит только запомнить таблицу соответствий исходного языка и языка перевода. Но с другой стороны, иногда встречаются противоречивые варианты для перевода, которые нельзя передать простой транслитерацией.

Еще одним методом перевода является транскрипция. Она нацелена на

использование звуков слова. Более того, известно, что звуковая транскрипция в значительной мере отличается от простого написания слова и переносит правила произношения в оригинальном языке-источнике на язык, который является целью перевода. Но также как и в транслитерации, транскрипция не является исключением и имеет ряд сложных моментов, так как одно и то же слово можно произносить по-разному на английском языке. Как правило, транскрипция сохраняет приблизительное традиционное звучание в именах собственных. Ударение в транскрипции часто выделяется. Но иногда при переводе оно может смещаться на другой слог. Например, название американского штата *Kansas* на русский язык переводится как *Канзас* и имеет ударение на последнем слоге, а оригинальное наименование на первом слоге. Еще одним примером может стать название другого штата *Oregon* (*Орегон*), который снова на русском языке имеет ударение на последнем слоге, а на языке оригинала на первом. Таким образом, можно проследить тенденцию того, что на русском языке интерпретированные названия географических объектов имеют ударение на последнем слоге, в отличие от наименований на английском языке.

Существует своего рода правило, если переводчик не имеет опыта в сфере перевода географических реалий, или он с ними не знаком, то лучшее решение в такой ситуации – сохранить название места на языке оригинала. Например, город *Vitoria* в центральной части Испании останется *Vitoria* на английском языке. Иногда, однако, географический термин может потребовать изменений в своем облике при его переводе на другой язык. Так обстоит дело с голландским городом *Maastrixht*. На французском языке он адаптирован как *Maestricht*. Однако на испанском языке его общепризнанный перевод или интерпретация отсутствуют. Из-за этого, когда Маастрихтский договор был подписан странами Европейского союза, газеты, написанные на испанском языке, оставили голландское название без изменений. Когда это произошло, телевизионные и радиостудии просто не знали, как произнести это название правильно.

Но в большинстве случаев, если у интерпретатора имеются сомнения относительно перевода названия какого-либо места, то рекомендуется найти документ, который послужил бы источником данного названия. Однако не всегда удастся отыскать его. Например, во Франции есть небольшой город под названием *Лилль*. Лилль не имеет перевода на английский язык. Если следовать выше упомянутому правилу о сохранении оригинального названия, то *Лилль* так и останется *Лилль*. Но если углубиться в историю, то этот город стал французским в 1713 году, а до этого он был фламандским. На голландский язык *Лилль* переводится как *Rijsel* (*Рейзель*). Некоторые исторические документы на английском языке называют *Лилль* как *Rijsel*. Поэтому невнимательный переводчик в своей работе может оставить оригинальное название, а не переводить его в *Лилль*. Если произойдет такая ситуация, то читатель при взгляде на обычную карту, не написанную на голландском языке, не сможет найти город *Рейзель*.

Еще один город, наименование которого может привести к путанице – это город *Льеж*, что находится в Бельгии. Несмотря на то, что город пропитан французской культурой, в нем правил принц-епископ, который принадлежал немецкой империи. Таким образом, при поиске сведений об этом городе в английских источниках, может встретиться его немецкое название *Lüttich* вместо *Льежа*. Переводчик, который не знает историю этого города, переведет его неправильно. И введет читателя в заблуждение.

Существует еще один способ перевода – калькирование. Он предполагает перевод по частям: перевод морфем, если это слово, или перевод слова, если это словосочетание. Например, исторически сложилось так, что перевод русских суффиксов «-чик», «-щик», «-ель», соотносятся с английскими суффиксами «-ist», «-er», «-or». Кроме того русские префиксы «не-», «без-» имеют соотношение с английскими «un-», «non-», «in-», «im-». Достаточно часто данный метод перевода можно встретить в словах, которые заимствованы из другого языка. А особенно часто так переводят географические наименования. Например, *Yellow Sea* – *желтое море*, *Baikal lake* – *озеро*

Байкал, the Namib desert – пустыня Намиб и многие другие. В различных культурах существуют разные способы, которые называют имена собственные. По этой причине подобный перевод достаточно сложно выполнить, а переводчику остается только сохранить оригинальное название, чтобы оно осталось узнаваемым. Но при условии, что использование других способов перевода невозможно.

Также немаловажным аспектом, который стоит учитывать при переводе имен собственных, считается принцип благозвучия. Предположим, что интерпретатор строго соблюдал все правила транскрипции и транслитерации при выполнении своей работы. Но в итоге получился вариант, который вызывает трудности при чтении. Таких ситуаций переводчик не должен допускать. Ему следует принять решение относительно того, какой метод наиболее уместен при переводе, а затем приступить непосредственно к работе над ним.

Существует несколько дополнительных методов перевода, которые могут помочь интерпретатору в трудных ситуациях. Известен метод перевода, при котором слово или его сочетание частично переводится, а частично остается на языке оригинала. Например, перевод персонажей известных сказок, таких как «*Smart Elsa*» выглядит как «умная Эльза», а также «*Ms.Metelitz*» – «госпожа Метелица».

Еще один способ перевода предполагает создание неологизма. Данный переводческий прием применяется в тех случаях, когда не представляется возможным подобрать соответствие из другого языка или переводчик хочет сделать акцент на каком-либо персонаже. Например, «*Heffallump*» – «Слонопотам», «Хоботун». Здесь переводчик подобрал соответствие относительно авторского замысла, который хотел указать на неповоротливость и большие размеры героя одного из мультфильмов.

Существует способ перевода имен собственных, при котором происходит функциональная замена, т.е. переводчик подбирает такое слово или словосочетание, которое вызовет у читателя тождественные ассоциации, что и

у иностранного читателя. Например, «*King*» – «царь».

Довольно часто применяется метод перевода, который описывает ту или иную реалию, а не дает ей единичное наименование. Этот способ используется, когда остальные методы передачи не помогли справиться с переводом. Например, «*Field marshal*» – «фельдмаршал» – *высший чин, занимаемый генералом в дореволюционной России, Великобритании, Австрии, Германии.* Часто данный способ применяется относительно персонажей сказок, у которых выдуманные имена или прозвища.

Популярен также метод транспозиции. Под транспозицией понимают перевод слова или словосочетания, при котором происходит изменение оригинальной части речи на другую часть речи в языке перевода. Принято выделять два вида транспозиции: синтаксическая и морфологическая.

Синтаксическая транспозиция затрагивает только синтаксическую функцию языковой единицы, а не ее часть речи. Например, *timetable: «I wake up at 6 (o`clock)» – расписание: я встаю в шесть (часов).*

С другой стороны, морфологическая транспозиция касается части речи, так как при ней образуется новая часть речи с помощью конверсии – одного из проявлений особенностей языка, при котором слова практически не трансформируются, но переходят в другую часть речи; и аффиксации – способа словоизменения, при котором аффиксы прибавляются к основе слова. Если интерпретатор намерен использовать данный метод в своей работе, то он должен иметь четкое представление о грамматической дифференциации в языке перевода и исходном языке. При этом значение переводимого элемента не должно исказиться. Например, слово «*serenade*» на русский язык переводится как «серенада», но «*to serenade*» уже означает «петь серенаду».

Выделяют еще одну разновидность транспозиции – этимологическую. Она касается только имен собственных. Смысл данного метода заключается в том, что имена собственные в разных языках имеют искажения по форме, но у них общее лингвистическое происхождение. В основном, транспозицией переводятся имена выдающихся исторических личностей, таких как короли и

церковные служители. Например, *King James* переводится на русский язык как король *Яков*, а не *Джеймс*. Или *John Paul* переводится как *Иоанн Павел*, а не *Джон Пол*.

Рассмотрев несколько переводческих способов, которые применяются относительно передачи имен собственных, а также географических наименований или по-другому их еще называют топонимами, можно сделать несколько выводов. Определенно транскрипция и транслитерация – это важные методы, используемые в переводе. Но по отдельности эти методы применяются довольно редко. А их совокупность, напротив, встречается во многих переводческих работах. Транскрипция передает исходное слово посредством языковых фонем, т.е. она призвана преобразовывать звуковую оболочку слова, но и включает в себя элементы транслитерации. Основным методом, применяемым в переводе на сегодняшний день, является комбинация транскрипции и транслитерации.

Список литературы

1. *Zhatkin D.N., Kruglova T.S., Milotaeva O.S. Russia and Europe: Dialogue of Cultures and Universal Values in Lidiya Chukovskaya's Perception // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Т. 9. – №27. – Р. 380–391.*
2. *Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // Русская речь. – 2008. – №1. – С. 3 – 6.*
3. *Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 173–189.*
4. *Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.*
5. *Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.*

6. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.
7. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.
8. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – №4. – С. 203 – 206.
9. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3 (40). – С. 232–234.
10. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.
11. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.
12. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.
13. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.
14. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в переписке Л.К.Чуковской с Д.С.Самойловым // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 1. – №6 (28). – С. 245–251.
15. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Поэзия английского романтизма в

России: традиции и переводы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.

16. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.*

17. *Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.*

18. *Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. Н.В.Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – №3. – С. 58–60.*

19. *Жаткин Д.Н., Чернин В.К. О.Н.Чюмина как переводчик лирического цикла Альфреда Теннисона о Марианне («Марианна», «Марианна на юге») // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – №1. – С. 176–178.*

20. *Круглова Т.С. Адресованная лирика русского модернизма: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013.*

21. *Круглова Т.С., Жаткин Д.Н. Немецкие страницы переписки К.И.Чуковского с Л.К.Чуковской // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – №6 (28). – С. 250–256.*

22. *Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 58– 69.*

23. *Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л.Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «In Memoriam» // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2012. – №1. – С. 324–328.*

24. *Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // Вестник Ярославского*

государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – №4. – С. 110–114.

25. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Леди из Шалотта» в русских переводах конца XIX века // Филологические науки. – 2009. – №2. – С. 37–46.

26. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэтический цикл Альфреда Теннисона «In Memoriam» в русских переводах XIX – начала XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2009. – №4. – С. 172–176.

27. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.

УДК 415

НЕКОТОРЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ЗООНИМАМИ В АБХАЗСКОМ, АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Г.К. Герхелия, Абхазский государственный университет, г. Сухум, Абхазия

Л.Ф. Адлейба, Абхазский государственный университет, г. Сухум, Абхазия

SOME ZONIMIC PHRASEOLOGICAL UNITS IN ABKHAZ, ENGLISH AND GERMAN LANGUAGES

G.K.Gerkheliya, Abkhazian State University, Sukhum, Abkhazia

L.F.Adleyba, Abkhazian State University, Sukhum, Abkhazia

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические единицы с зоонимическими компонентами на материале абхазского, английского и немецкого языков. Фразеологические единицы анализируются с точки зрения их компонентов и содержания. Компонент зооним с одной стороны рассматривается как универсальное явление, с другой стороны, как индивидуальное, особенное. Сравнительно-сопоставительный подход дает нам возможность рассматривать зоонимы с точки зрения их особенностей в исследуемых языках. Как показал анализ, изучение фразеологизмов в разносистемных языках позволяет сделать вывод об общем и специфическом в мировоззрении и мировосприятии народов, говорящих на этих языках.

Ключевые слова: сравнительно-сопоставительный подход, фразеологическая единица, зооним, картина мира, компонент, коннотация, идентичная семантика.

Abstract. The article deals with phraseological units with zoonimic components on the material of Abkhazian, English and German languages. Phraseological units are analyzed in terms of their components and content. On the one hand the component zoonim is considered as a universal phenomenon, on the other hand, as an individual and specific. Comparative approach gives the possibility to consider zonyms from the point of view of their peculiarities in these languages. As the analysis has shown, the study of phraseological units in different languages allows us to draw a conclusion about the general and specific in the world outlook and worldview of the peoples speaking these languages.

Keywords: comparative method, phraseological unit, zoonym, world picture, component, connotation, identical semantics.

E-mail: larisa57-09@mail.ru

Данная работа посвящена исследованию группы устойчивых словосочетаний фразеологического характера с компонентом – зоонимом, т.е. наименованием животного в абхазском, английском и немецком языках.

Изучение проблем, связанных с фразеологическими единицами различных языков имеет давние традиции. Фразеология, как известно, исследуется как зарубежными, так и отечественными лингвистами, о чем свидетельствует обширная литература, посвященная изучению данного вопроса.

В условиях глобализации, особое внимание уделяется лингвокультурологическим исследованиям, поскольку появляется необходимость не только знания языков, но и культурных особенностей, ценностей народов, говорящих на тех или иных языках. При этом, актуальным, на наш взгляд, является изучение пословиц, поговорок и фразеологических единиц (ФЕ), в которых наиболее ярко отражаются национальный характер, психический склад народа, его история, культура, менталитет, народная мудрость и т.д.

Фразеология – это пласт языка, яркий, своеобразный, национально-специфичный, культурно-значимый, выражающий не только особенности того или иного языка, но и мироощущение, менталитет, национальный характер и

стиль мышления его носителей, придающий речи особую эмоциональную окраску.

Зоонимы (названия животных), наряду с соматизмами (названия частей тела), и фитонимами (названия растений), принадлежат к древнейшему пласту лексики во всех языках мира и широко представлены в фразеологизмах. Выбор фразеологических единиц с зоонимами прежде всего обусловлен тем, что история взаимодействия животных и человека насчитывает тысячелетия и формы его проявления многообразны и многочисленны. Человек, с древних времен, стремясь охарактеризовать свое поведение, внешность, чувства, состояние, прибегал к сравнению с тем, что было ему ближе и понятнее всего, т.е. с животным миром. В связи с этим, разные языки характеризуются изобилием поговорок, пословиц, фразеологизмов с зоонимами.

В составе фразеологизма зооним является его семантическим центром, т.е. зооморфизмом, именно в нем заложено основное метафорическое значение, отождествляющее его с метафорой. В связи с этим рассмотрим ряд ФЕ с зоонимами в сопоставляемых языках:

Аҳәажә (аҳәа) дафызоуп/Аҳәа агәайәа изтәоуп.

Зооморфизм аҳәажә и аҳәа (свинья) в составе фразеологических единиц, имеют значение «неблагодарный», «толстокожий», «бездушный» человек. Такое же значение имеет слово «ass» в фразеологизме *Jest with an ass and he will flap you in the face with his tail*. Это говорит о том, что зооморфизм свинья в абхазском и английском языках имеет отрицательную коннотацию, в то время как в немецком выполняет позитивную функцию, например, в фразеологизме *Das Schwein am Schwanze haben*. Свинья ассоциируется с удачей, богатством, успехом.

Образ свиньи может также ассоциироваться с грязным, нечистоплотным, жадным животным – обжорой во всех трех языках:

Аҳәажә еиҭи акрифоит.

Аҳәажә аиша иҭыҭыкәкәа.

Eat like a pig.

Schweinefrass.

Традиционный выбор зоонимов во фразеологическом фонде абхазского, английского, немецкого и языков имеет много общего. Следует отметить, что имеется много синонимичных фразеологизмов, которые обладают идентичной семантикой, но заменяются различными зоо-компонентами:

Ae uaxəasha akəadyr uaxəouit.

The tail wagging (wags) the dog.

Das Ei will klüger sein als die Hähne.

Aeada aishxa uushʹtʹim xəa uexom.

Cut off the dog's tail and he will be a dog still, a hog in armour is still but a hog.

Der Wolf stirbt in seiner Haut, aus dem Esel wird kein Reitpferd, magst ihn räumen wie du willst.

Axybra uqətaou aŷyis (axəyxə) aŷkyis, unapny uaku abazыр.

Uaŷətəi akəty aŷkyis, uaxətatəi akətagʹ.

В плане идентичности фразеологизмов с зоонимическими компонентами в трех языках можно выделить следующие группы:

а) фразеологизмы, в которых в которых наблюдается полное совпадение зоокомпонента:

Aŷsyz axy akyntə ubaəueit.

Fish begin to stink at the head.

Der Fisch fängt am Kopf an zu Stinken.

Жəŷыск ааŷынра аанагом, (канайом).

One swallow doesn't make a summer.

Eine Schwalbe macht keinen Frühling.

Ала шуан, аеы xəуан.

The dogs bark, but the caravan goes on.

Die Hunde bellen die Karawane zieht weiter.

Это говорит об универсальности общечеловеческих ценностей. Зооним «рыба», являясь одним из основных источников питания с древних времен, «собака» как хранитель человеческого жилья, «ласточка» как птица, обитающая

в странах изучаемых языков, «лошадь» как средство передвижения, являются наиболее узувальными в ФЕ исследуемых языков.

б) фразеологизмы, в которых наблюдается частичное совпадение зоокомпонента:

Ахыбра иқәтәоу аҳәыҳә аҕкыс унапы иаку абағыр.

Уацәтәи акәты ацкыс иахьатәи акәтағь.

A bird in the hand is worth two in the bush.

Better an egg today than a hen tomorrow.

Ein Spatz in der Hand ist besser, als eine Taube auf dem Dach.

В следующих фразеологических единицах немецкий и английский варианты совпадают по компоненту «птица», в то время как в абхазском языке в качестве их эквивалента используется зооним «лягушка»:

Адағь сызтоу азы зегьы иреиғьун аҳәоит.

Every bird likes its own nest best.

Everyone calls his own geese swans.

Jedem Vogel gefällt sein Nest.

Некоторые фразеологизмы не находят зоокомпонента в одном из сопоставляемых языков:

Убат иаанза абора умыргьлан.

Don't count your chickens before they are hatched.

Man soll den Tag nicht vor dem Abend loben.

В вышеупомянутых фразеологических единицах абхазский и английский варианты содержат зоокомпонент, в то время как в немецком языке зоокомпонент отсутствует, однако семантически все три единицы являются идентичными.

Наличие как идентичных, так и различных зоокомпонентов в вышерассмотренных фразеологизмах дает нам возможность судить о мировоззрении и мировосприятии народов, являющихся носителями этих языков.

Слова зоонимы, называя то или иное животное, вызывают у человека ассоциативные представления о внешних признаках, повадках, поведении представителей фауны, а также эмоциональную оценку их качеств. Эти сведения переосмысляются и используются метафорично при описании человека.

Исходя из этого, можно выделить фразеологические единицы, выражающие нравственные качества человека – смелость, сила, воля, решительность, осторожность, трусость, жадность, высокомерие, гордость, нахальство, лицемерие, упрямство и т.д.; фразеологические единицы, характеризующие внешность человека – красота, грация, уродство, немощность; единицы, характеризующие трудовую деятельность человека, его социальное положение и т.д.

᠒-жъак ирышьталаз жъакгъы изымкит.

If you run after two hares, you'll catch none.

Für zwei Hasen jagen, niemand wird es verstehen.

Эта фразеологическая единица, характеризующая жадность, ненасытность человека, и желание легко, без усилий добиться чего-либо является по своей форме отрицательной, что придает семантике ярко выраженную эмотивность и вместе с тем носит поучительный характер.

Ала ишуа цхазом , ацгъы икиуа айкыс имкиуа еицэоуп.

Ацгъы икиуа айкыс имкииуа еицэоуп/Аңхэыс ҕымт азџа лызроуп.

Beware of a silent dog and still water, dumb dogs are dangerous.

Barking dogs seldom bite.

Stumme Hund beisse gern.

Эти фразеологические единицы характеризуют скрытного, коварного, лицемерного человека. Если в английском и немецком языках угроза ассоциируется с «нелающей собакой», то в абхазском языке, его семантическим эквивалентом служит сочетание лексем «немяукающая кошка», характеризующее тихую, молчаливую женщину, которая ассоциируется с нечистой силой. Это является отражением многообразия картины мира.

Полисемия зоонимов осуществляется посредством интерференции семантики, а также с учетом их названий. Вторичная семантика является переносной, часто фигуральной. Семантическое своеобразие этих единиц состоит в том, что в них всегда доминирует зоонимический компонент, который выделяется за счет противопоставления репрезентативности и фигуральности.

Ацгәи ахәынаңи реиңи еишьтоуп.

Agree like cats and dogs.

Wie Hund und Katze leben.

Вечная вражда между кошками и собаками в английском и немецком фольклоре, и вражда между кошкой и мышкой в абхазском фольклоре отразились в описываемых фразеологизмах.

Далее рассмотрим зоонимические фразеологизмы, содержащие отрицательную коннотацию, которые отображены в сопоставляемых языках разными зоокомпонентами, однако все они характеризуются негативной семантикой, обладая при этом пейоративной окраской.

Ахәахәдеиңи длыбжъахәаша дцеит.

Die like a dog.

Wie ein Hund leben.

Wie ein Hund behandeln.

Зыкәты рзаз аңхәыс лсызбалгъы ашьталкьон.

Go to the dogs.

Auf dem Hund bringen/Den Hund hinken lassen.

В абхазской, английской и немецкой языковой традиции зооним «лиса» ассоциируется с хитростью, двуличием, помимо этого в абхазском языке синонимическим эквивалентом лексемы «лиса» является «волк» с конотативным значением «хитрый», а также «мужественный», « дерзкий»:

Абгахәычы (абга) айыхәа имоуп/абга дақәтәоуп.

As cunning as a fox.

Schlau wie ein Fuchs.

Образ птицы, которая чувствует себя комфортно, уютно, свободно, является стилистически окрашенным. Положительные качества метафорически ассоциируются с человеком. Птица «соловей» воспринимается как символ красоты пения, невзгод, радости, а также восприятия позитивных эмоций, что говорит о насыщенности положительной семантикой следующих фразеологических единиц:

Akarmaıys eıñı dıñaxəoıt/Akarmaıys abjśy ıxoıp.

Sing like a nightingale.

Singt wie Nachtigal.

Кроме того, рассмотренные фразеологические единицы говорят об едином архитипе мышления, т.к. в семантическую систему зоонимов входят как исторические, так и фигуральные переносы значения, т.е. происходит совпадение образов в сопоставляемых языках.

Таким образом, в абхазском, английском и немецком языках большинство фразеологических единиц с зоонимами связаны с образами таких животных, как кошка и собака. Это связано с тем, что эти животные были приручены первыми и постоянно находились рядом с человеком. Значительное количество зоонимов связано и с такими домашними животными как лошадь, осёл, свинья, а также с дикими животными, такими как волк, лиса, заяц, мышь, слон и т.д. В процессе исторического развития они подвергались полисемантизации, что усиливало абстрактность понятий, обозначаемых ими. В результате метафорического переноса, в семантической структуре происходят изменения, т.е. помимо прямого значения появляется переносное значение, в результате чего, признаки, которые присущи тем или иным животным переносятся на человека, такие как трудолюбие лошади, упрямство осла, хитрость лисицы и т.д. Но, вместе с тем, существуют признаки, которые человек сам приписывает животным, хотя ими эти животные биологически обладать не могут. Это такие признаки, как эмоция, воля, ум, интеллект и т.д.

Как показало исследование, англичане, немцы и абхазы ассоциируют осла с глупым, человеком недалекого ума, свинью с жадным человеком, обжорой и

невеждой, кошку с толстосумом и прожигателем жизни, лису с хитрым, коварным человеком, а у абхазов ещё и волка. В абхазской традиции свинья помимо жадины и обжоры ассоциируется с толстокожим, бездушным, непробиваемым человеком.

Итак, оценочные характеристики человека, формируемые зоонимами, отражают как универсальную, так и этнокультурную специфику каждого из сопоставляемых языков. В конкретных языковых картинах мира выделяются общечеловеческие черты, поэтому, механизм восприятия мира и логико-понятийные процессы его осмысления являются в целом одинаковыми для всех людей, независимо от их принадлежности к рассматриваемым культурным общностям. Однако, вместе с тем, опыт познания мира у разных народов различен, что связано с природными условиями, окружающим животным и растительным миром, с родом занятий людей, с обычаями и традициями общества. В современном мире, нравственные критерии, осмысление роли и места человека, связаны с образом жизни и практической деятельностью того или иного этноса.

Список литературы

1. *Аверина М.А. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом: семантико-типологический аспект (на материале русского и английского языков) // Журнал Universum: филология и искусствоведение. – Озерск, 2015.*
2. *Касландзия В.А. Ансуа бызша афразеологиат жар. – Сухум: Алашара-Сухум, 1999. – 491 с.*
3. *Касландзия В.А., Саманба Л.Х. Русско-абхазский фразеологический словарь. – Сухум: Алашара-Сухум, 1996. – 158 с.*
4. *Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.*
5. *Немецко-русский фразеологический словарь / Сост. Л.Э.Бинович, Н.Н.Гришин. – М.: Русский язык, 1975. – 656 с.*

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФОРМАЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ ПОЛИТЕСА В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ**

*О.В. Глебова, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

**THE NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICATION OF FORMAL
CONSTRUCTIONS OF POLITESSE IN DIFFERENT LANGUAGES**

O.V. Glebova, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В работе исследована национально-культурная специфика речевых форм вежливости в разных языках, а также рассмотрены причины возникновения трудностей при их переводе.

Ключевые слова: перевод, межкультурная коммуникация, речевые клише.

Abstract. This article examines the national and cultural specification of speech forms of expressing politeness in different languages; the origin of translation difficulties by their translation.

Keywords: translation, intercultural communication, speech cliché.

E-mail: oglebova9410@gmail.com

Национально-культурная особенность речевого поведения формируется из системы обстоятельств, которыми обусловлены различия в организации, функциях и методе опосредования хода общения, свойственного для различных национально-культурных общностей.

Главные факторы в данном случае:

- факторы, связанные с массовым сознанием народа, обыкновениями и привычками цивилизацией и складом ума;
- факторы, которые определяются спецификой языка данной общности;
- факторы, связанные с социальной обстановкой и социальным значением (к примеру, этикетные формы общения).

Нагляднее национально-культурная специфика речевого поведения выражается в области речевого этикета, показывающего собою общественно

установленные принципы речевого поведения людей в моментах взаимодействия в соответствии с их социальными и психологическими ролями и ролевыми и индивидуальными взаимоотношениями в официальной и частной ситуациях общения.

Одним из основных элементов в культуре нации считается речевой этикет. Богатейший народный опыт, неповторимость традиций, образа существования и условия быта отложили свой отпечаток в языке, устойчивых формулах общения и в речевом поведении, что нашло проявление и в произведениях художественной литературы [см. об этом, напр.: 1, с. 324 – 328; 2, с. 116–135; 3, с. 107 – 115; 4, с. 173–189; 5, с. 199–206; 6, с. 106–110; 7, с. 82–91; 8, с. 68–70; 9, с. 104–118; 10, с. 280–284; 11; 12, с. 3–6; 13, с. 176–178; 14, с. 203–206; 15, р. 380–391; 16, с. 159–164; 17, с. 95–104; 18, с. 693–697; 19, с. 215–222; 20, с. 232–234; 21, с. 145–149; 22, с. 76–92; 23, с. 58–60; 24, с. 250–256; 25, с. 245–251; 26, с. 365–369; 27, с. 95–104; 28, с. 180–183; 29, с. 58–69; 30, с. 294–301; 31, с. 57–60; 32, с. 163–166].

Речевой этикет является компонентом речевого поведения и частью культуры того или иного народа, считаясь порождённым продуктом культуры и её хранителем.

Формулы речевого этикета в русском языке

В русском языке правила речевого этикета предполагают поддержание беседы, даже при общении с незнакомыми, если вдруг пришлось оказаться с ними в каком-либо замкнутом пространстве: одной комнате, за одним столом кафе, в лифте, в купе поезда и т.п. Также считается допустимым обратиться к малознакомому человеку, прибегая к помощи термина родства: *мать, отец, сынок, дочка, дедушка, бабушка, внучок, внучка, дядя, тетя, братец или браток* и др. Такие обращения считаются в обществе совершенно нормальными, сочетая в себе некую фамильярность и особую теплоту. Говорящий человек, обращаясь так к кому-либо, метафорически распространяет на весь мир вокруг себя модель семьи, что является характерной особенностью речи русского человека, который чувствует родство

со всеми людьми, его окружающими.

Одной из основных проблем для иностранцев при общении на русском языке становится начало общения, выбор правильных слов, фраз для того, чтобы завязать диалог. Большая часть обращений в нашем языке не может быть использована в нейтральных фразах, являясь эмоционально окрашенной. К сожалению, нейтральных обращений в русском языке не существует. И при обращении к незнакомым людям мы вынуждены начинать диалог с вежливых речевых формул: *«Прошу прощения!»*, *«Извините, пожалуйста»*, *«Извиняюсь»* и т.п. В неофициальных ситуациях, при обращении друг к другу среди молодёжи, может фигурировать возглас *«Эй!»* для привлечения внимания и завязывания разговора.

Особую роль в общении на русском языке выполняют личные имена. Одним из первостепеннейших правил русского речевого этикета является следующее: *«Используй в разговоре имя собеседника, если оно тебе известно»*. Во время разговора мы стараемся сделать нашу речь более адресной и улучшить контакт при помощи повторения имен друг друга.

Основные клише в речевом общении, например, приветствие, прощание, выражение благодарности, усваиваются человеком ещё с детства. Взрослея, мы знакомимся со всё большими тонкостями и оттенками общения.

Особенность речевого этикета нашего языка заключается в конкретных фразах, словах и устойчивых выражениях. Они употребляются в трех стадиях общения: начало беседы, или знакомство, основная часть беседы и заключительная часть беседы. Для того, чтобы правильно и логично взаимодействовали между собой все эти три стадии, а кроме того верно использовались нормы и правила общения, применяются формулы русского речевого этикета.

Рассмотрим речевые формулы русского языка, используемые в разных ситуациях.

Этап приветствия, начала разговора является очень важным при установлении коммуникативного контакта, все слова обязательно должны

произноситься с искренней интонацией, с нотками позитивной эмоциональности, которая должна расположить собеседника к говорящему. Когда мы здороваемся со знакомыми нам людьми, то подтверждаем этим наше знакомство и выражаем своё желание продолжать таковое. Поэтому, если вдруг наш хороший знакомый проходит мимо, не здороваясь, то это очень нас беспокоит, огорчает, наводит на мысли о возможной обиде. Ведь перестать здороваться в русской культуре означает прервать знакомство и прекратить всяческие отношения между людьми. И напротив, при приветствии того человека, с которым раньше не общались вовсе, мы выражаем своё желание вступить в коммуникативный контакт, начать знакомство. Именно по этой причине, при входе в какое-либо учреждение посетитель сначала здоровается, для того, чтобы привлечь внимание и расположить к себе, а только потом начинает излагать своё дело.

Самая распространённая формула речевого приветствия «Здравствуй!» всегда свидетельствует о готовности говорящего к доброжелательному общению. До сих пор в очень многих уголках нашей страны существует так называемый «деревенский» обычай здороваться со всеми, кто идёт на встречу, даже с теми, кого встречаешь впервые, что является знаком расположения и уважения.

Многое зависит от того, в каких отношениях находятся собеседники. Если эти отношения достаточно близкие, то звучит такая речевая формула: «Привет!». Иногда молодёжь, подражая западной культуре, использует приветствие «Хай!», которое заимствованно посредством калькирования из английского языка. Слово «Здорово!» тоже нередко встречается при завязывании коммуникативного контакта и является грубоватой формой, которая характерна скорее при общении между мужчинами, редко встречается среди женщин, для которых в общении более приемлемой формулой оказывается «Привет!» или даже «Приветик!», «Приветики!». В этих формулах речевого этикета совершенно отсутствует грубость, агрессивность, их заменяет оттенок ласковости.

У нашего народа, как и у многих других, выбор приветствия может зависеть не только от степени близости, возраста, пола, но и от времени суток, например *«Доброе утро!»*, *«Добрый вечер!»*, *«Доброго времени суток!»* и т. д. Тем самым мы желаем своему собеседнику добра, выражаем надежду на то, что у него всё хорошо.

Ещё одной интересной особенностью русского приветствия является то, что оно может зависеть от профессии человека, к которому обращаются. Раньше и вовсе было принято по-разному здороваться с людьми, занимающимися разными видами деятельности. В каждой такой речевой формуле было заложено особое, индивидуальное пожелание.

Один из величайших исследователей русского языка В.И. Даль привёл в составленном им сборнике пословиц и поговорок большое количество приветственных формул речевого этикета, принятых в нашей стране в прошлом. Например, здороваясь с тем, кто только закончил или заканчивает жатву, было принято говорить: *«По сту на день, по тысяче на неделю!»*, при встрече с девушкой, черпающей воду, произносили: *«Свеженько тебе!»*, тем, кто ел или пил, принято было в качестве приветствия говорить: *«Чай да сахар!»*. На такие речевые формулы было принято и отвечать по-особенному, и вежливый человек должен был знать об этом. Например, если женщине, занятой дойкой коровы, кто-то говорил: *«Море под коровой!»*, ей следовало ответить *«Река молока!»*; рыбакам, в качестве приветствия, говорили фразу *«Улов на рыбу»*, и у них был всегда готов ответ *«Наварка на ушицу!»* и т.п.

Даже сейчас некоторые люди на *«Здравствуйте!»* отвечают *«Спасибо!»*, благодаря за пожелание здоровья.

Следует отметить, что приветственные формулы являются обязательным разделом в двуязычных разговорниках, так как они играют первостепенную роль при установлении коммуникативного контакта. Именно с них начинают изучение русского языка иностранцы.

Со временем речевые формулы приветствия в русской культуре меняются, например, ещё в XVIII в. фразы *«Здравия желаю!»*, *«Желаю здравия!»*,

«Здравия тебе желаю!» мог сказать любой человек, встретив своего знакомого. Сейчас же эти выражения закрепились исключительно в военной среде, стали уставными формами. Подобные изменения нельзя оставлять без внимания, так как важно осуществлять общение с представителями той или иной национальности только в контексте современной ему культуры, не употребляя речевые клише, которые могут остаться непонятыми, не вызвав ожидаемую реакцию у собеседника.

В России специфичной национальной формой наименования знакомого человека в момент обращения к нему является название его имени и отчества. Такая особенность речевого этикета русских людей кажется странной многим иностранцам, их удивляет то, что для того, чтобы быть вежливым «по-русски» нужно знать имя отца своего собеседника. Кроме того, есть ещё особенности подобного обращения. В русском языке, в устной форме речи, при произнесении имени-отчества, может возникать стяжение определённых звуков: *«Наталь Иванна»*, *«Пал Палыч»*, *«Сан Саныч»* и т.п. Также допускается обращение к хорошо знакомому человеку исключительно по отчеству, что включает в себе одновременно и уважение, и некую фамильярность: *«Петрович»*, *«Геннадьевич»*, *«Николаевич»* и т. п.

Для русского языка характерно наличие форм обращения на «Вы» и на «ты». Это позволяет проводить чёткие границы в отношениях между людьми. Местоимение «ты» может использоваться исключительно в разговоре с хорошо знакомым, близким человеком и не допускается при обращении к незнакомым людям или к тем, с кем отношения не являются достаточно доверительными, в этих случаях используется уважительная форма местоимения 2-го лица – «Вы». Местоимение «ты» также недопустимо употреблять в официально-деловой обстановке, даже если обращение направлено к близкому другу, так как в русском речевом этикете проводятся чёткие границы между официальным и неофициальным общением, не допускающие совмещение личных и деловых отношений.

В русском речевом этикете считается очень грубым называние третьего

лица, присутствующего при разговоре, местоимениями «он», «она». Требуется обозначать этого человека либо по имени-отчеству, либо просто по имени. Личные местоимения 1-го и 2-го лица являются так называемыми «включающими» местоимениями, они выделяют собеседников среди всех остальных людей. Местоимения же «он», «она», «они» становятся «исключающими», указывая на нечто далёкое, а не на тех, с кем происходит разговор.

В русском языке используются специальные обращения для обозначения половой принадлежности адресата: «молодой человек» – «девушка», «гражданин» – «гражданка», порой «сударь» – «сударыня» и подобные. Но подобных этикетных форм в русском языке содержится незначительное количество.

В разговоре, в самом начале, не обходится без традиционного речевого клише – вопроса «*Как дела?*». Таким вопросом или его вариантами принято начинать этап общения, следующий за приветствием, что придаёт разговору более доверительный оттенок, оттенок заинтересованности. Однако, при общении с русскими, отвечая на подобный вопрос, необходимо не забывать о чувстве меры. Деловым этикетом нашей страны предлагается отвечать на этот вопрос так: «*Спасибо, всё хорошо*», а далее необходимо в ответ поинтересоваться делами собеседника, выразить надежду на то, что и у него всё обстоит нормально. Такая реакция на вопрос «*Как дела?*» полностью соответствует традициям, сложившимся в нашей стране, и является совершенно нейтральной, ни к чему не обязывая участников беседы.

Формулы речевого этикета в английском языке

Известно, что в английском языке существует три уровня вежливости, на которых ведётся общение между представителями английской культуры – официальный, нейтральный и фамильярный. Для каждого из этих уровней вежливости существует характерный речевой стиль, именно поэтому все вежливые слова и высказывания возможно классифицировать по стилистическому признаку и, в соответствии с этим, отнести к официальному,

нейтральному или фамильярному стилям речи.

К официальному уровню вежливости принято относить общение в официально-деловой обстановке, когда пол, возраст и достоинства личности не играют значимые роли, а социальное положение и занимаемая должность, напротив, выходят на первый план. Этот уровень вежливости стал нормой в различных организациях, учреждениях, деловых кругах, а также в сфере здравоохранения, образования, обслуживания и т.п. Все поступки, дела и намерения собеседников в данной коммуникативной ситуации являются социально обусловленными и выражаются в стиле речевого поведения, который существенно отличается от того, что принят в домашней обстановке и при общении с друзьями. Следует помнить, что малейшие отклонения от уровня вежливости, характерного для официальной обстановки, могут быть восприняты как неуважение к собеседнику и привести к нежелаемому конфликту или же разрыву всяческих отношений. Поэтому следует строго соблюдать все особенности официального уровня вежливости, если он предусмотрен этикетом в возникшей коммуникативной ситуации.

На нейтральном уровне осуществляется вежливое общение в различных ситуациях, требующих разговора между совершенно незнакомыми людьми, а также между теми людьми, которые не находятся в официальных или фамильярных отношениях, а лишь поверхностно знакомы друг с другом.

Фамильярный уровень характерен для общения в кругу семьи, между приятелями и друзьями.

Продемонстрируем функционирование различных уровней вежливости на примерах коммуникативных ситуаций.

Если у англичанина неожиданно остановились часы, и он вынужден уточнять точное время, то, обращаясь к приятелю, он задаст вопрос: «– *What time is it, Tom?*» («*Который час, Том?*»)

Вопрос «*What time is it?*» соответствует фамильярному стилю речи и уместен при общении с друзьями.

Однако этот вопрос будет грубо и неуместно звучать на нейтральном

уровне вежливости, при обращении к малознакомому или даже вовсе незнакомому человеку. При коммуникации на нейтральном уровне к собеседнику следует обращаться с вопросом: « – *Excuse me, could you tell me the time, please?*» («– Извините, вы не могли бы сказать который час, будьте любезны!»)

Подобная просьба является вежливой и соответствует нейтральному стилю речи, но на фамильярном уровне, в приятельском или даже семейном кругу, просьба «*Excuse me, could you tell me the time, please?*» может показаться совершенно неестественной или искусственно напыщенной, вызвать неприятные чувства и недопонимание.

В официальной обстановке вопрос о времени может стать совершенно неуместным. Вряд ли подчинённый решится войти в кабинет к своему начальнику только за тем, чтобы уточнить у того время. Но и на официальном уровне вежливости вопрос о времени может возникнуть, если начальник предложит своим подчиненным сверить часы между собой для того, чтобы было возможно вместе действовать по плану, расписанному по минутам.

Интересно, что в англоязычной культуре этикетные нормы обращения напрямую связаны с его дистанцией. Обращение по имени используется при возникающей интимной (0,5 м) или персональной (0,5 – 1,2 м) дистанции. При социальной дистанции (1,2 – 3,5 м) применяется в разговоре обращение по фамилии или же официальному титулу.

Кроме того, постоянное поддержание персональной дистанции, то есть обращение по имени, личное местоимение «*ты*», жаргонизмы, опора на общие знания, а, следовательно, и эллиптические конструкции, используемые в речи, является объединяющим собеседников признаком, который в то же время отграничивает их от остального общества. Например, среди преподавателей высших учебных заведений США на современном этапе не принято поддерживать между равными по своему статусу людьми социальную дистанцию: возможно обращение профессора к своему коллеге по имени, при условии, что они работают вместе. Обращение в таком случае

«должность+фамилия» или «титул+фамилия» означает, что говорящий либо не считает собеседника равным себе по социальному статусу, либо же открыто демонстрирует свое отрицательное отношение к партнеру, неприятие его и его взглядов: *Mister Bernstein, Doctor Brown* и т. п. Использование просто должности или титула без упоминания фамилии в качестве обращения является одним из сигналов того, что говорящий принадлежит к иной социальной группе людей, возможно к вспомогательному персоналу. Употребление фамилии без названия титула в той ситуации, когда собеседник и адресат сообщения по своему статусу находится ниже говорящего, подчёркивает и закрепляет это неравенство статусов. В армии среди офицеров принято обращаться к солдатам именно по фамилии, как когда-то обращались к слугам, так могут обращаться учителя к ученикам. Порой возникают случаи состояния дистанционной неопределенности. Например, при общении людей, равных по статусу, но сильно неравных по возрасту. В таком случае старший участник дискурса может обращаться к младшему по имени, а вот младший оказывается в сложном положении: обращение по социальному статусу, по имени являются неуместными, поскольку в этом случае могут возникать ассоциации отрицательного отношения или подчеркиваемого неравенства. Единственный выход в подобной коммуникативной ситуации – использование «нулевого обращения», которое достаточно часто встречается в общении на английском языке между родственниками не по крови, а по свойству: так принято обращаться к родителям жены или мужа (если применить обращение по имени, то значит проигнорировать существенную разницу в возрасте, обращение же по титулу ставит под сомнение теплоту родственных уз).

В русском языке при обращении к одному человеку возможно употребление личных местоимений «*Вы*» и «*ты*». В современном английском языке не существует особого местоимения, эквивалентного русскому «*ты*». Значения русских местоимений 2-го лица «*Вы*» и «*ты*» совмещаются в личном местоимении «*you*». В контексте официальной ситуации или на нейтральном уровне вежливости английское местоимение «*you*» воспринимается как «*Вы*», в

неофициальном же дискурсе, соответствующем фамильярному уровню вежливости, оно воспринимается как «ты».

В XVII в. в английском языке, наряду с «you», употреблялось местоимение «*thou*» (ты). Оно встречалось в предисловиях к книгам, где авторы употребляли «*thou*» при обращении к читателю. В современном английском языке местоимение «*thou*» считается архаичным и не встречается нигде, кроме стилизованной литературы.

В большинстве случаев официальной формой обращения к незнакомому человеку, фамилия которого известна, является обращение по фамилии в сочетании со словами «*Mr, Mrs и Miss*»:

– к мужчине принято обращаться: «*Mr + фамилия (surname), например, Mr Smith (господин Смит)*»;

– к замужней женщине: «*Mrs + фамилия мужа, например, Mrs Collins (госпожа Коллинз)*»;

к незамужней женщине: «*Miss + девичья фамилия, например, Miss Harvey (госпожа Харвей)*».

В некоторых случаях официальное обращение осуществляется при помощи слов «*Sir*» и «*Madam*», а иногда и просто по фамилии (без сочетания со словами «*Mr*», «*Mrs*» и «*Miss*»).

Эти формы обращения являются обязательными на официальном уровне вежливости, т.е. при вежливом общении в официальной и деловой обстановке, поэтому и начальник к рабочему и, например, ветеринар к бедному фермеру (речь идет о вежливом обращении) обратится «*Mr Smith*», а не просто «*Smith*».

Употребление фамилии в качестве самостоятельной формы обращения строго ограничено английским этикетом. Просто по фамилии обращаются:

– господа-наниматели к своей прислуге – швейцарам, лакеям, горничным и т.д. (официальная форма обращения);

– офицеры к солдатам (официальная форма обращения);

– в учебных заведениях преподаватели и учителя к учащимся и студентам (официальная форма обращения);

- клиенты к хорошо знакомым рядовым работникам сферы обслуживания
- продавцам, кассирам, портным и т. д. (нейтральная форма обращения);
- завсегдатаи баров и ресторанов к знакомым официантам (нейтральная форма обращения).

Почтительное и в ряде случаев официальное обращение, как к знакомому, так и незнакомому человеку, осуществляется с помощью слов «*Sir*» и «*Madam*».

К людям, занимающим некоторые должности, можно обратиться, назвав должность или должность и фамилию, например: «*Professor!*» или «*Professor Blackwood!*», «*Doctor!*» или «*Doctor White!*», «*Captain!*» или «*Captain Grey!*».

На фамильярном уровне вежливости к знакомому человеку обращаются по имени. Английские имена имеют сокращенные формы, которые в устном обращении употребляются чаще, чем полные формы: «*William*» – «*Will*» (или «*Bill*»), «*Robert*» – «*Bob*» и т.д. Английские имена часто имеют и ласкательные формы, подобные русским «*Танечка*, «*Сашенька*», например, «*William*» – «*Willy*» («*Billy*»), «*Elizabeth*» – «*Libby*» и т. д.

Обращение по имени распространено среди молодежи, причем с первого же момента знакомства. По имени обращаются родители к детям, дети друг к другу, а также друзья и приятели.

По отношению к другу, приятелю или близкому человеку могут употребляться и безымянные звательные формы, соответствующие русским обращениям «*дорогой (ая)*», «*любимый (ая)*», «*старина*», например: «*dear*», «*darling*», «*old fellow*» и т. д.

В общении с англоязычными людьми следует быть осторожными при переходе с официального или нейтрального на фамильярный уровень вежливости, что равносильно переходу с русского «*Вы*» на русское «*ты*». Вежливая замена официальной или нейтральной формы обращения на фамильярную возможна тогда, когда один из собеседников сам попросит другого обращаться к нему по имени, что дает основание другому собеседнику ответить такой же просьбой.

Формы обращения к незнакомому человеку

Вежливое обращение к незнакомому человеку начинается с извинения за причиняемое беспокойство. Затем, после извинения, можно обратиться с вопросом, просьбой, замечанием и т.п. В качестве извинения (которое здесь служит и формой обращения) употребляются обороты «*Excuse me*», «*Pardon me*» и «*I beg your pardon*». Смысловое различие между ними приблизительно такое же, как между русскими выражениями: «*Извините*», «*Простите*» и «*Прошу прощения (Приношу Вам свои извинения)*».

Оборот «*Pardon me*», реже «*I beg your pardon*», употребляют в том случае, если обращение к незнакомому человеку отрывает его от дела или прерывает его разговор с другими людьми. Во всех остальных случаях употребляют оборот «*Excuse me*».

Примеры обращения к незнакомому человеку (различные обращения к прохожему): «– *Excuse me, can you tell me the way to the National Gallery?*» («–*Извините, Вы не подскажете, как пройти к Национальной Галерее?*»); «*Excuse me, can you please direct me the nearest underground station?*» («–*Извините, подскажите, пожалуйста, как мне пройти к ближайшей станции метро?*»).

При некоторых обстоятельствах к незнакомому человеку обращаются не с вежливой просьбой, вопросом и т. п., а только с извинениями. Так, например, в театре, проходя между рядов кресел, случается побеспокоить незнакомых людей, которые уже заняли свои места, вынуждая кого-то поджать ноги, отвести колени в сторону или даже встать. В этих и подобных случаях, вежливое поведение заключается в том, чтобы за каждое такое беспокойство принести извинения, сказав: «– *Excuse me!*»

В случае, когда беспокойство оказывается более существенным – толкнули, задели, наступили на ногу и т. п. – в качестве формы извинения возможен любой из следующих оборотов: «– *I'm sorry!*» («– *Извините!*»), «– *I'm very sorry!*» («– *Прошу Вас, извините, пожалуйста!*»).

Если Вы подозреваете, что своими действиями беспокоите незнакомых

людей, например, находясь в поезде, слушаете радио в присутствии уставших по виду попутчиков, то следует обратиться к ним с вопросом: «– *I'm sorry am I disturbing you?*» («– Извините, я Вас не беспокою?»).

Иногда появляется необходимость обратиться к незнакомому человеку с просьбой, исполнение которой требует усилия или действия, например, открыть или закрыть окно, подвинуться, что-то передать, переставить и т. п. В этом случае обращение начинается так: «– *Sorry to trouble you, but... – Извините, приходится Вас побеспокоить, но...*» Например: «– *I'm sorry to trouble you, but could you move up a bit? – Извините, что приходится Вас побеспокоить, но не могли бы Вы немного подвинуться?*».оборот «*sorry to trouble you*» может быть использован в просьбах любого типа. Использование этого оборота придает просьбе дополнительную вежливость, например: «– *Sorry to trouble you, but could you tell me the time? – Извините, что приходится Вас побеспокоить, Вы не могли бы сказать который час?*».

Будучи за границей, следует более внимательно относиться к тому, какие формы обращения избирают по отношению к вам незнакомые люди, так как наряду с вежливыми бытуют формы обращения стилистически-сниженные, просторечные и грубо-фамильярные.

Форма обращения свидетельствует об уровне культуры и, отчасти, о намерениях незнакомца по отношению к вам. Знание употребительных форм обращения и навык различения их в слуховом восприятии помогут определить нравственный облик обращающегося к вам человека и предугадать его намерения.

Стилистически-сниженными (хотя и очень распространенными) являются оклики «*Hey!*» («*Эй!*») и «*Hi*» («*Эй!*»). Просторечными и грубовато-фамильярными формами обращения являются: «*Hey, there!*» («*Эй, ты! Эй, малый!*»), «*Hey, you there!*» («*Эй, ты! Эй, парень!*»), «*Pal, Buddy, Mate, Chum – браток, приятель, друг, малый и т. п.*»

Примеры грубой речи: «– *Hey! What's the time? – Get out of the way, buddy! – Listen, pal, I don't want to see you're hanging there, see!*».

В ситуации, когда мы предупреждаем людей словами «*Посторонитесь пожалуйста!*», англичане говорят «*Pardon me!*». Выражения «*Excuse me*», «*Pardon me, I beg your pardon*» не употребляются в качестве формы обращения к полицейским, носильщикам и официантам. Принятые обращения к полицейскому – «*Officer!*», к носильщику – «*Porter!*», к официанту – «*Waiter!*».

Формы обращения к аудитории: «*Ladies and gentlemen!*» («*Дамы и господа!*»), «*Dear friends!*» («*Дорогие друзья!*»), «*Friends!*» («*Друзья!*»).

Между русским и английским полным именем существует сходство и различие. Русское полное имя состоит из трех компонентов – имени, отчества и фамилии, например: «*Николай Михайлович Карамзин*», «*Александр Сергеевич Пушкин*». Английское полное имя (full name) может состоять из двух, трех и даже четырех компонентов, например: «*Jack London*», «*William Makepeace Thackeray*», «*Agatha Mary Clarissa Christie*».

Первый компонент полного английского имени называется по-английски «*Christian name*», или «*first name*» (христианское, или первое имя). В приведенных выше полных именах христианским, или первым именем, являются «*Jack, William, Agatha*». По роли в общении первые имена аналогичны русским именам. Как русские, так и английские имена дети обычно получают от своих родителей. Как русские, так и английские имена являются общеупотребительными, что нельзя сказать о фамилиях.

Последний компонент полного английского имени называется по-английски «*surname*», или «*last name*», например (подчеркнуто) «*Jack London*», «*William Makepeace Thackera*», «*Agatha Mary Clarissa Christie*». По роли в общении последний компонент аналогичен русской фамилии. В качестве формы обращения английские фамилии употребляются как самостоятельно, так и в сочетании со словами «*Mr*», «*Mrs*» и «*Miss*».

Формы почтительного обращения к знакомым и незнакомым людям. Почтительной и в ряде случаев официальной формой обращения к человеку (знакомому или незнакомому) является слово «*Sir*» (обращение к мужчине) и слово «*Madam*» (обращение к женщине). С помощью слов «*Sir*» и «*Madam*»

осуществляются почтительное обращение прислуги (горничных, швейцаров и т.д.) к их господам-нанимателям, а также к господским посетителям и гостям; почтительное обращение работников сферы обслуживания (продавцов, кассиров, клерков, парикмахеров и т. д.) к клиентам; почтительное обращение молодых людей к пожилым мужчинам и женщинам. Отметим, что слово «*Madam*» не употребляется молодыми женщинами в качестве обращения к пожилым женщинам, почтительного обращения детей к незнакомым взрослым людям; официального обращения подчиненного к начальнику (независимо от разницы в возрасте); официального обращения солдат к офицерам и офицеров к их начальникам («*Разрешите обратиться!*» – «*I beg your pardon, sir!*» или просто «*Sir!*»); официальное обращение к учителям и преподавателям-мужчинам («*Sir!*»).

Формулы речевого этикета в немецком языке

К основным признакам и характерным чертам немецкого коммуникативного поведения принадлежат: высокий уровень внешней приветливости, высокий уровень бытовой вежливости, этикетность общения, чинопочитание в общении, анонимность социального общения, подробное планирование, предпочтение официального стиля в общении.

Одной из главных особенностей речевых единиц при этикетном общении на немецком языке является их тесная связь с шаблонными коммуникативными ситуациями. Речевые единицы становятся предсказуемыми, стереотипными. Также формулы речевого этикета несут в себе не только какую-либо информацию, но и передают вежливое и доброжелательное отношение.

Важнейшей особенностью речевого этикета немецкого языка становится грамматическая репрезентация вежливости, которая проявляется при помощи формы сослагательного наклонения. Она используется зачастую в прагматических целях, смягчая речевое сообщение говорящего, чтобы его речь не носила оттенка категоричности. Употребление этого наклонения становится уместно в самых разных коммуникативных ситуациях: «*Entschuldigen. Ich hätte noch eine Frage*»; «*Es wäre besser, wenn...*»; «*Seien Sie so nett, geben Sie bitte...*» и т.д.

Иностранцы, как правило, видят немцев в их общественном проявлении и никогда – в личном. Особый интерес, прежде всего, вызывают те языковые нормы, которые представляются достаточно типичными в разговорных ситуациях между представителями немецкой культуры и русской, например, приветствие, прощание. Эти тематические группы являются основными, самыми употребляемыми и необходимыми в межличностной коммуникации.

Общение, как правило, начинается со встречи, а встреча – с приветствия. Приветствие несет в себе важную эмоционально-коммуникационную нагрузку во всех культурах, не только в немецкой. Именно приветствующий посредством формы и характера приветствия своего партнера определяет ход дальнейшей коммуникации. Этикет дает определенный набор форм и правил приветствия каждого конкретного человека.

Перевод русского «Здравствуй» в словарях и разговорниках обычно дается как «*Guten Tag*», «*Guten Abend*» или «*Guten Morgen*», в зависимости от времени суток. Однако «Здравствуй» несет на себе более позитивную окраску, нежели выражение «Добрый день» и другие подобные; и в немецком, и в русском языках они звучат более нейтрально. Русское «Привет», которое близко немецкому «*Hallo*», более нейтрально и распространено, в основном, в общении между партнерами, имеющими примерно равный социальный статус. Немецкое «*Hallo*» более демократично, очень распространено среди молодых людей и употребляется гораздо чаще, чем «Привет» в русском.

Например, «*Hallo*» служит, чтобы окликнуть знакомого или приветствовать коллегу по работе. Однако это приветствие может носить и несколько фамильярный характер, например, в ситуации первой встречи с немецкоязычным партнером, таким образом, следует сделать вывод, что в контексте делового общения с партнерами по бизнесу не принято использовать такую форму приветствия.

Формальные и официальные правила делового этикета в Германии очень просты. Принятой формой обращения в немецкой культуре является «*Sie*». Представитель немецкой культуры никогда не обратится к малознакомому или

незнакомому человеку с помощью местоимения «*du*». При первом знакомстве к собеседнику принято обращаться «*Herr*» и «*Frau*» с дальнейшим добавлением фамилии. В официальном обращении в Германии принято называть титул каждого человека, к кому вы обращаетесь. Если звание вашего собеседника вам неизвестно, то можно использовать слово «*Doktor*» (например, «*Herr Doktor*»), поскольку оно применимо по своей логике почти к каждому образованному человеку.

Прощание является важным и четко оформленным актом коммуникации в обеих культурах, как в русской, так и в немецкой. Через форму и характер прощания стороны определяют перспективу дальнейшего взаимодействия. Сам процесс «русского» прощания заметно длиннее «немецкого». После слов прощания у русских может состояться «послесловие», в которое вмещается в зависимости от социальной дистанции между собеседниками практически все – от приветов знакомым и пожелания здоровья до содержательных замечаний. Вербально нейтральное прощание сопровождается словами «*До свидания*». В немецком языке это выражается «*Auf Wiedersehen*».

Естественно, что кроме приведенных примеров приветствия и прощания в немецком языке существуют и другие распространенные выражения, которые говорят друг другу при расставании, например, «*Alles Gute*» – «*Всего доброго*», «*Счастливо*», «*Bis bald*» – «*До скорого*», а также другие обороты речи. Безусловно, выбор заключительных слов в конце общения будет определяться регистром общения, который включает в себя степень близости, доверительности или официальности, которая существует между партнерами.

Начинается беседа в немецкой культуре обычно с вопроса «*Wie geht's?*» или более вежливого варианта, который используется в деловом общении «*Wie geht es Ihnen?*» Однако ответ на него может существенно отличаться в немецком и русском вариантах. Например, немецкий вариант предполагает, в основном, позитивные ответы, типа «*Danke, gut*», или более нейтральное «*Es geht, danke*». Как правило, подобный вопрос в немецком общении не предусматривает подробного освещения своих дел, независимо от их

фактического положения.

Одним из ключевых способов проявления вежливого отношения к собеседнику в любой коммуникативной ситуации стала частица «*bitte*». Жители Германии часто используют её в речи, желая показать себя с лучшей стороны. Это частица может встретиться как в начале предложения, так и в конце. «*Bitte*» выступает как клише выражения вежливости в речи и может быть применена для того, чтобы снизить категоричность того или иного утверждения. Немцы употребляют данную частицу в ответных реакциях, просьбах и даже приглашениях: «*Ja bitte sehr!*», «*Bitte schön!*», «*Laden Sie bitte zu*», «*Bitte zum Tisch*».

При общении на немецком языке, как и на любом другом, огромную важность приобретают социокультурные познания собеседников, под которыми понимаются национально-культурные особенности языка и речевой этикет. Для немецкого языка характерно существование выражений-реалий и слов-реалий. После проведённого анализа, стало понятно, что реалии зачастую используются немцами для пожелания чего-либо своему собеседнику: «*Laß dir's gut gehen!*» («Счастливого пути!»); «*Werde bald gesund!*» («Выздоровливайте!»); «*Mahlzeit!*» («Приятного аппетита!»); «*Mach's gut!*» («Всего хорошего»); «*Ich wünsche dir/ Ihnen ebenfalls viel Erfolg!*» («Я желаю тебе/Вам тоже удачи!»). В Германии вопрос «*Was sind Sie von Beruf?*» помогает узнать о профессии собеседника. Подобные реалии встречаются и в вопросах «*Was macht das Studium?*» («Как успехи на учебе?»); «*Was macht die Arbeit?*» («Как успехи на работе?»); «*Was macht die Gesundheit?*» («Как здоровье?»). Эти и подобные вопросы призваны служить для проявления вежливого отношения к собеседнику, так как показывают заинтересованность к личности. Возможно употребление реалий и для выражения удивления по какому-либо радостному поводу «*So eine Ewigkeit!*»; «*So eine Begegnung!*»; «*So eine Überraschung!*».

Жители Германии считают вежливым того человека, который проявляет по отношению к ним дружелюбное отношение. Для того, чтобы удержать верный тон разговора, используется имплицитная вежливость, проявляющаяся в

коммуникативных фразах и носящая скрытный характер. При общении следует всегда учитывать возраст собеседника, так как он определяет форму общения: нейтральную или стилистически сниженную.

Список литературы

1. *Zhatkin D.N., Kruglova T.S., Milotaeva O.S. Russia and Europe: Dialogue of Cultures and Universal Values in Lidiya Chukovskaya's Perception // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Т. 9. – №27. – P. 380–391.*
2. *Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // Русская речь. – 2008. – №1. – С. 3 – 6.*
3. *Жаткин Д.Н. Д.Г.Россетти в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – №1 (23). – С. 199–206.*
4. *Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106 –110.*
5. *Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.*
6. *Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 173–189.*
7. *Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.*
8. *Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.*

9. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.
10. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.
11. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.
12. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Бернс и И.И.Козлов: диалог культур // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – №4. – С. 163–166.
13. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И.Козлов и классики английской литературы (У.Шекспир, Р.Бёрнс): традиции и переводы // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2008. – №47. – С. 57–60.
14. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – №4. – С. 203 – 206.
15. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3 (40). – С. 232–234.
16. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.
17. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.
18. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К вопросу о влиянии А.С.Пушкина на творчество Э.И.Губера (к 200-летию со дня рождения) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – №10-2. – С. 68–70.

19. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159–164.
20. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.
21. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в переписке Л.К.Чуковской с Д.С.Самойловым // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 1. – №6 (28). – С. 245–251.
22. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – №4 (28). – С. 107–115.
23. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.
24. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.
25. Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. Н.В.Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – №3. – С. 58–60.
26. Жаткин Д.Н., Чернин В.К. О.Н.Чюмина как переводчик лирического цикла Альфреда Теннисона о Марианне («Марианна», «Марианна на юге») // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – №1. – С. 176–178.
27. Круглова Т.С. Адресованная лирика русского модернизма: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013.
28. Круглова Т.С., Жаткин Д.Н. Немецкие страницы переписки

К.И.Чуковского с Л.К.Чуковской // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – №6 (28). – С. 250–256.

29. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Погребальная песня» А.Теннисона в русских переводах второй половины XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – №10. – С. 180–183.

30. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Е.Мин – переводчик произведений Альфреда Теннисона // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 294–301.

31. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л.Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «In Memoriam» // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2012. – №1. – С. 324–328.

32. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Элегия Альфреда Теннисона «Умиряющая лебедь» в русских переводах XIX в.: опыт сопоставительного анализа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 58–69.

УДК 81

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМУЛ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В
РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

*О.В. Глебова, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

**THE COMPARATIVE ANALYSIS OF SPEECH ETIQUETTE FORMULA IN
RUSSIAN, GERMAN AND ENGLISH**

O.V. Glebova, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В работе исследованы основные особенности и характеристики формул речевого этикета в русском, английском и немецком языках; рассмотрены проблемы их перевода с учетом стилистических, лексических и грамматических особенностей различных языков.

Ключевые слова: речевые клише, межкультурная коммуникация, речевой этикет.

Abstract. This article considers the main peculiarities and characteristics regarding speech etiquette formula in Russian, English and German, the problems in translation in the aspect of stylistic, lexical and grammatical specialties of different languages.

Keywords: speech cliché, intercultural communication, speech etiquette.

E-mail: oglebova9410@gmail.com

Во время знакомства в английском речевом этикете одну из главных ролей играет процедура представления: вас обязан кто-либо представить новому знакомому, познакомить вас. В былые времена англичане не имели право общаться с людьми, давать ответы на вопросы тех, кто не был им представлен. В нынешней Англии постепенно необходимость представления людей друг другу слабеет, но значимость ритуала представления во время знакомства до сих пор остается крайне высокой. В русском речевом этикете самопредставление допустимо, и процедура представления во время знакомства не является важной.

При знакомстве англичан сообщается достаточно мало информации о том, кого они представляют друг другу. В. Овчинников так описывал знакомство между англичанами: *«Знакомя гостей, хозяева прежде всего представляют их друг другу просто по имени: «Это Питер, это Пол, а это его жена Мери».* В случае, если прибавляется та либо иная характеристика, чаще всего она имеет шутливый характер: *«Вот наш сосед Джон, принципиальный противник мытья автомашины».* Или: *«Позвольте представить вам сэра Чарльза, который не живет в Лондоне, поскольку его ирландский терьер предпочитает свежий воздух».* У англичан подробные расспросы новых знакомых о чем-либо не приняты. В русском речевом этикете во время знакомства вопрос о фамилии является невежливым, фамилию обязан сказать собеседник, но если он этого не сделал – расспрашивать об этом не принято.

Значительно отличается речевой этикет обращения к знакомым и малознакомым в различных странах. В большинстве стран Запада и Востока не этикетным является любое обращение к малознакомому лицу, которое не связано с просьбой об оказании помощи. Не положено разговаривать с

попутчиками в Англии, Германии. Не этикетным считается любое требование, высказывание в адрес малознакомого лица, также просьба личного характера. В Европе не положено просить закомпостировать билет в транспорте, малознакомых людей не могут попросить передать деньги за что-либо. Англичанин, который посетил в России баню, был очень удивлен просьбой незнакомых людей потереть спину: это немыслимо для английской культуры. В Англии, если обратиться за помощью к малознакомому человеку на улице, он обязательно поможет, доведет, поможет отыскать адрес и т. п., но, несмотря на это, не станет вступать в личные отношения, знакомиться и т. п. Русский этикет разрешает просить дать закурить у малознакомых людей – это исключено в Европе.

Одной из важных черт вежливой английской беседы является тихость речи. Из-за вежливости не покидает ощущение, что англичанин общается сам с собой, а не с собеседником. Немногословность тоже является одним из важных условий коммуникативной вежливости в речевом этикете английского. Если вы услышите от англичанина комплимент о том, как замечательно вы говорите на английском (а любой образованный англичанин вам это непременно скажет), не забывайте, что это демонстрация вежливости к собеседнику, а не справедливая оценка вашего уровня владения иностранным языком.

При выражении извинений английский речевой этикет подразумевает обоюдное извинение, как со стороны того, кто, к примеру, нечаянно толкнул собеседника или малознакомого, так и со стороны того, кто пострадал: слово «простите» синхронно говорят оба участника события. В речевом этикете многих стран данное правило отсутствует: извиняется тот, кто причинил другому человеку неудобство. В русском речевом этикете извинение за беспокойство обязано быть коротким, а многословные извинения могут быть расценены свидетельством того, что просьба будет пикантной либо противозаконной.

Во время прощания в русском речевом этикете принято выразить благодарность хозяевам за проведенное время; в немецком речевом этикете

прямое выражение признательности не заведено, и немцы часто поражаются, когда русские, покидая гостей, говорят: «*Благодарю!*». «*За что?*» – удивляются немцы. В русском речевом этикете перед уходом гостя полагается сказать «*еще рано*». У немцев существует особое прощание по телефону, которое отличается от прощания в устной речи: если в устной речи говорят дословно «*до повторного видения*», то по телефону – «*до повторного услышания*».

В различных культурах значительно отличается этикет общения на улице. У англичан не заведено собираться на улице в группы и вести друг с другом оживленные беседы – окружающие могут воспринять это с неизменным порицанием, как нарушение правил приличий. В русском этикете это позволительно, но речь не должна быть громкой. Немцы допускают шумные разговоры на улице, если они беседуют в окружении «*своих*». Не этикетным в русском общении считается вопрос о том, где находится туалет, направленный к лицу противоположного пола, что имеет место быть в Германии.

Отличия выявляются и в такой сфере, как этикет общения между мужчинами и женщинами. Эти отличия обнаруживаются в различных культурах, связаны с разным положением мужчин и женщин в обществе и выражаются в коммуникативном неравноправии мужчин и женщин во время их совместного общения. Речевой этикет женщин во множестве стран имеет дискриминационный характер по отношению к тому, что допустимо в разговоре мужчин. Традиционно предполагается, что за столом в компании мужчин и женщин последняя не может выступить как организатор общения, а также не может доминировать в беседе – разговор за столом формирует и направляет мужчина. В присутствии лиц мужского пола за столом непозволительно женщине быть тамадой и проявлять инициативу в произнесении тостов. Тосты могут предлагать лишь мужчины. За столом дамы не могут пересказывать анекдоты – это является «*привилегией*» мужчин. В русском речевом этикете представительница слабого пола также не имеет возможности говорить обо всем. В английском светском обществе, к примеру, на светском обеде во второй его половине, после того, как тост за королеву

произнесен, женщины оставляют мужское общество и уходят в другую комнату. Тем ни менее, английская женщина за столом имеет возможность предложить тост или пересказать анекдот, имеет право взять нить беседы в свои руки. Абсолютно некорректным и грубым в русском речевом этикете является вопрос о возрасте дамы, который адресован ей. Вполне допустимы шутки на тему *«мужчина и женщина»* в непринужденной обстановке.

Речевой этикет общения по обращению к старшему поколению считается весьма развитым и строго соблюдается во множестве стран [см. об этом, напр.: 1, с. 104–118; 2, с. 116–135; 3, с. 107 – 115; 4, с. 173–189; 5, с. 199–206; 6, с. 106–110; 7, с. 82–91; 8, с. 68–70; 9, с. 324 – 328; 10, с. 280–284; 11; 12, с. 3–6; 13, с. 176–178; 14, с. 203–206; 15, р. 380–391; 16, с. 159–164; 17, с. 95–104; 18, с. 693–697; 19, с. 215–222; 20, с. 232–234; 21, с. 145–149; 22, с. 76–92; 23, с. 58–60; 24, с. 250–256; 25, с. 245–251; 26, с. 365–369; 27, с. 95–104; 28, с. 57–60; 29, с. 163–166]. Особенности формы обращения к старшему поколению, которые отличаются высокой степенью вежливости, имеются во многих языках. Дети обязаны подходить по первому требованию к родителям, они не могут в ответ на призыв ответить *«Чё?»*, так же не имеют права общаться с родителями на большом расстоянии. Прерывать старших в разговоре также считается неправильным.

Англичане либо немцы могут договориться со своим партнером о встрече, обговаривать или составлять план на что-либо, так как в англосаксонской традиции заведено планировать на несколько недель вперед, а также назначать определенный час встречи, но припоминать и проверять помнит ли собеседник о встрече не принято. Русский же этикет уходит от долгого составления плана, а также подразумевает напоминание о назначенной встрече. В то же время русский этикет просит уточнения *«около 11 часов»*, *«после пяти»* и т. п. Обстоятельств, которые считаются уважительными для отказа от приглашения в гости, у русских намного больше.

В поздравлениях русский этикет делает упор на устное, личное поздравление, которое может идти вместе с вручением открытки с текстом,

непрерывно будет включать в себя его прочтение. Для англичан самым главным считается наличие именно поздравления написанного, признательности, пожеланий и т. д. Часто англичане могут вручить вам открытку, после того, как пожелали вам удачного пути; в ней будет написано: *«Желаю вам счастливого пути»*. Это является важным элементом демонстрации почтения и такта. Часто поздравление требует и конкретного ритуального поведения, ритуальных знаков.

Этикет общения с сослуживцами в России существенно более либерален, нежели в большей части стран Европы. Почти во всех странах, не считая России, несоблюдением этикета, к тому же грубым, считается, к примеру, звонок домой сослуживцу либо руководителю по рабочим делам: разговоры о рабочих делах, проводятся только на службе, в отведенное для этого время. Обсуждение рабочих дел в свободное от них время является нарушением этикета. Точно так же не полагается звонить на службу по личным вопросам, к примеру, своему товарищу. Личные дела не могут обсуждаться в рабочее время. Русский речевой этикет похожих ограничений почти не имеет: иностранцы давно сочинили о русских афоризм: *«Русский дома говорит о работе, а на работе о домашних делах»*.

В нынешнем русском общении этикетных требований к светскому общению не существует, они объединяются с декларацией единых основ — общие темы, уважительность и др. Для сравнения подчеркнем, что в Англии светское общение представляет огромную значимость в отношениях людей и содержит достаточно жесткие этикетные правила, которые исключают различную тематику и формулировки, которые способны нарушить тихий процесс беседы *«ни о чем»*. Вот так представляет английскую светскую беседу В. Овчинников: «Вы в гостях, и хозяева представляют вам некоего сэра Чарльза; сообщают о нем лишь то, что «он не живет в Лондоне, так как его ирландский терьер предпочитает свежий воздух». Что же происходит дальше? «Тут, само собой, завязывается длительная беседа о последней собачьей выставке, о родословной призера, о новом виде консервированного корма для

щенков, который начали рекламировать по телевидению, И, может быть, уловив, что чужеземца не так уж волнует собачья жизнь, сэр Чарльз из вежливости осведомляется, сохранилась ли еще в России псовая охота на зайцев и лисиц. Лишь недели три спустя, упомянув при новой встрече с хозяином, что «давешний седой собаковод на удивление хорошо знает Тургенева», с досадой узнаешь, что сэр Чарльз – известный писатель, побеседовать с которым о литературе было бы редкой удачей, ибо он почти не бывает в Лондоне. Что же вы не сказали мне об этом раньше! – упрекаешь своих знакомых. Но даже когда тебе в другой раз шепнут пару слов о собеседнике, результат бывает тот же самый. Директор банка в Сити уклонится от расспросов о невидимом экспорте и заведет речь о коллекции старинных барометров или об уходе за розами зимой. А телевизионный комментатор по проблемам рабочего движения проявит жгучий интерес к методам тренировки советских гимнастов».

Немного упростив, возможно сказать, что англичанин будет, скорее всего, беседовать в гостях о собственных любимых занятиях и забавах, пытаться найти что-то общее с собеседником именно в этой области и практически никогда не будет рассказывать о главном деле его жизни, в особенности, если уже чего-то достиг. Поэтому во время знакомства можно не рассчитывать на серьезную беседу о том, что хотелось бы знать о человеке прежде всего. Англичане руководствуются правилом *«не быть личным»*, то есть не вести разговор о самом себе, о своих занятиях, призвании. Более того, дурным тоном является нерешительно выражать свою эрудицию и вообще безапелляционно заявлять что угодно (ежели кто-то один убежден, что дважды два четыре, то у другого на этот счет, возможно, другое мнение). Гость, отстаивающий свое мнение за обеденным столом, в лучшем случае будет считаться чудаком-эксцентриком, а в худшем – плохо воспитанным человеком. В Англии возвели в культ легкую беседу, способствующую приятному расслаблению ума, но уж не глубокомысленному диалогу.

Аналогичное английскому светское общение, хоть и в более сдержанном

варианте, свойственно немцам; русские *«не любят»* чопорного светского разговора, страстно и чувственно дискутируют за столом, игнорируя *«светскостью»*.

Ритуал спора у различных народов также значительно отличается. В русском общении допускаются эмоциональные споры за столом, выражение крайних точек зрения, это является допустимым явлением в русском речевом этикете, но к ссорам это не приводит.

Англичане же основательно остерегаются любых споров, не дают возникнуть возможности какого-либо несогласия и тем более открытого столкновения мнений. *«Английская вежливость»*, – как заметил В.Овчинников, – приписывает умеренность в предложениях, как знак почтения к собеседнику. Отсюда и появилась склонность избегать категорических заявлений либо отрицаний, отношение к словам *«да»* или *«нет»* как к определенным безнравственным понятиям, которые лучше выразить иносказательно. Отсюда влечение к вставным оборотам по типу *«мне кажется»*, *«я думаю»*, *«возможно, я не прав, но...»*, которые способны явиться причиной столкновения мнений. Услышать от англичанина, что он прочитал великолепную книгу, не выйдет. Скорее он сообщит, что она показалась ему неплохой, либо что автор книги, скорее всего, не лишен способностей. Он скорее подметит, что человек особо не кажется умным, вместо того, чтобы назвать его же дураком. А высказывание *«по моему мнению, совсем недурно»*, из уст англичанина обозначает *«очень хорошо»*. Самые распространенные эпитеты в разговорном языке – слова *«весьма»* и *«довольно-таки»*, смягчающие резкость того или иного утверждения либо отрицания (*«Погода показалась мне довольно-таки холодной»*). Иностранец, который привык полагать, что молчание – знак согласия, зачастую неверно считает, что убедил англичанина в собственной правоте. Английский спор является обменом точками зрения, которые допускают правоту собеседника в такой же мере, как и правоту говорящего. В различных культурах имеются разные устои в формах и методах формулировок несогласия.

Отличаются в различных странах традиции ритуального обсуждения дел во время встречи. Вопрос «*Как дела?*» во время встречи знакомых – классический вопрос для всех культур. В этикете русского языка традиции предусматривают короткий ответ, как и в большей части западных культур. Например, у американцев на вопрос «*Как дела?*» установлено давать ответ «*Окей!*», «*Отлично!*», у немцев – «*Хорошо*», а у русских установлено отвечать скромнее: «*Ничего*», «*Нормально*», «*Да вроде все в порядке*» и т. п. В этой ситуации русская традиция схожа с французской, притом французы зачастую дают ответ фразами «*Держимся*».

В культуре всякого народа существуют явления, занимающие особенное состояние в жизни, – они значимы для жизни определенного народа, представляют собой конкретную деятельность либо действия, привлекающие внимание людей. В речевом этикете имеются благопожелания – специализированные фразы, которые чаще всего включают в себя пожелание удачи в той или иной деятельности. Безусловно, отличия в культуре устанавливают и отличия в тех благопожеланиях, которые считаются составляющей частью речевого этикета народа. Таким образом, русский речевой этикет учитывает такие благопожелания как «*Приятного аппетита!*», «*В добрый путь!*», «*Приятного путешествия!*», «*Ни пуха, ни пера!*», «*С легким паром!*», «*Бог в помощь!*», «*Приятного сна!*» и др. По правилам русского этикета, приятного аппетита желают только в местах общественного питания. В этикете немецкого языка приятного аппетита желают всегда.

Важной частью речевого этикета любого народа являются действующие в национальном общении коммуникативные табу – запреты на употребление определенных выражений или затрагивание определенных тем в тех или иных коммуникативных ситуациях. Вопросы, которые касаются доходов, зарплаты, источника получения прибыли, являются грубым нарушением этикета. Также не положено узнавать у собеседника «*За кого вы голосовали?*», «*К какой политической партии принадлежите?*», «*Какую религию исповедуете?*» и т. п. В Америке, в домашней обстановке в компании родных и близких, существует

запрет на обсуждение проблем политики и религии. Русский речевой этикет похожих ограничений не имеет. В английском речевом этикете не поощряются шутки в смешанной (по полу и возрасту) компании, также нельзя обсуждать собственность присутствующих людей и любые другие серьезные проблемы.

Существуют специальные ритуалы во время общения с высокопоставленными личностями, с высшими лицами государства, в частности с монархами. В России правилами этикета предписывался следующий порядок общения с императором: *«Допущенный в кабинет или залу, где назначена аудиенция, проситель делает почтительный поклон во время входа в комнату, после второй поклон подвинувшись несколькими шагами вперед, и наконец, на расстоянии не менее трех шагов от того места, где находится Высочайшая Особа, делается третий поклон. Начинать говорить не должно прежде, чем Его Величество обратится с каким бы то ни было вопросом. Ответы должно давать явственно, отчетливо, но стараясь не удлинять фраз без нужды. Осанка просителя должна быть свободна и носить отпечаток чувства собственнго достоинства.... Когда аудиенция окончена, должно выйти из комнаты, не оборачиваясь спиной к Высочайшей Особе, а пятясь задом и до самого порога произведя те три поклона, которые назначены придворным церемониалом. На пороге только можно обернуться».* В Англии общение с королевой обставлено различными церемониальными правилами, обеспечивающими высшему лицу государства право самому регулировать общение с подданными. В. Овчинников так описывает ежегодный традиционный прием, который устраивает королева на лужайке около своего дворца: *«На лужайке парка были разбиты шатры, где угощали чаем и печеньем. Елизавета II ходила от одной группы гостей к другой. Причем все присутствующие неукоснительно соблюдали правила дворцового приема: разговаривать с королевой полагается лишь тому из гостей, к кому она обратилась».*

Залогом успешного общения и делового взаимодействия с местными жителями является знание ритуалов и речевого этикета той страны, в которой

мы находимся. Незнание или неисполнение законов местного речевого этикета, неверное понимание речевых действий жителей той страны, где мы находимся, способно послужить причиной серьезных недоразумений либо конфликтов. Русский человек не должен сердиться на то, что незнакомый англичанин или немец может разговаривать с ним через порог – это считается нарушением этикета в России, но абсолютно нормально в Западной Европе. Англичане и немцы должны понять, что простота, с которой русские могут к ним обратиться на улице, просьбы, которые могут им адресовать – дать сигарету, дать прикурить, передать деньги за проезд – не являются отражением грубости, бесцеремонности русского человека, а соответствуют нормам принятого в России этикета общения. Также русский этикет дает возможность интересоваться информацией о доходах у первого встречного. При изучении иностранного языка следует уделять пристальное внимание ознакомлению с речевым этикетом страны изучаемого языка – этот компонент владения считается чрезвычайно важным для общения. Н.И. Формановская приводит примеры: грамматически правильно построенная фраза оказывается совершенно неприемлемой, то есть так не говорят. Самой распространённой ошибкой, по её мнению, среди русских граждан, которые изучают немецкий, является употребление фразы «до свидания» при прощании после телефонного разговора. В данной коммуникативной ситуации правильнее будет употребить специфическое для немецкого языка клише, дословно переводимое как «до услышания».

Список литературы

1. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.
2. Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.
3. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Поэзия английского романтизма в*

России: традиции и переводы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.

4. *Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 173–189.*

5. *Жаткин Д.Н. Д.Г.Россетти в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – №1 (23). – С. 199–206.*

6. *Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106 –110.*

7. *Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.*

8. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К вопросу о влиянии А.С.Пушкина на творчество Э.И.Губера (к 200-летию со дня рождения) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – №10-2. – С. 68–70.*

9. *Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л.Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «In Memoriam» // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2012. – №1. – С. 324–328.*

10. *Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.*

11. *Круглова Т.С. Адресованная лирика русского модернизма: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013.*

12. *Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // Русская речь. – 2008. – №1. – С.*

3 – 6.

13. Жаткин Д.Н., Чернин В.К. О.Н.Чюмина как переводчик лирического цикла Альфреда Теннисона о Марианне («Марианна», «Марианна на юге») // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – №1. – С. 176–178.

14. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – №4. – С. 203 – 206.

15. Zhatkin D.N., Kruglova T.S., Milotaeva O.S. Russia and Europe: Dialogue of Cultures and Universal Values in Lidiya Chukovskaya's Perception // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Т. 9. – №27. – P. 380–391.

16. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

17. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

18. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.

19. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.

20. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3 (40). – С. 232–234.

21. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и

фундаментальных исследований. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.

22. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.

23. Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. Н.В.Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // *Культурная жизнь Юга России.* – 2010. – №3. – С. 58–60.

24. Круглова Т.С., Жаткин Д.Н. Немецкие страницы переписки К.И.Чуковского с Л.К.Чуковской // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс.* – 2015. – Т. 2. – №6 (28). – С. 250–256.

25. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в переписке Л.К.Чуковской с Д.С.Самойловым // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс.* – 2015. – Т. 1. – №6 (28). – С. 245–251.

26. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

27. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

28. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И.Козлов и классики английской литературы (У.Шекспир, Р.Бёрнс): традиции и переводы // *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.* – 2008. – №47. – С. 57–60.

29. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Бернс и И.И.Козлов: диалог культур // *Знание. Понимание. Умение.* – 2007. – №4. – С. 163–166.

**ЧИСЛОВОЙ КОНЦЕПТ «ДОСТАТОЧНОСТЬ»
В ДРЕВНЕФРАНЦУЗСКОМ И ДРЕВНЕИСПАНСКОМ ЭПОСЕ**

*А.Б. Карасев, Институт международного права и экономики
им. А.С. Грибоедова, Москва*

**THE NUMERIC CONCEPT OF “SUFFICIENCY” IN ANCIENT FRENCH
AND ANCIENT SPANISH EPIC**

A.B. Karasev, A.Gribojedov Institute of International Law and Economics, Moscow

Аннотация. Данная статья направлена на попытку выяснить, какие числа формируют концепт «достаточность» в древнефранцузском и древнеиспанском героическом эпосе. Кроме того, в статье предложена гипотеза о том, что древнеевропейский эпос во многом копирует библейские представления и образы.

Ключевые слова: числовой концепт, древнефранцузский и древнеиспанский героический эпос, символические числа, библейская нумерология, представление о достаточном количестве.

Abstract. This article is aimed at trying to find out what numbers form the concept of “sufficiency” in ancient French and Spanish heroic epos. In addition, the article proposes a hypothesis that ancient European epos largely copies biblical ideas and images.

Keywords: the numeric concept, ancient French and Spanish heroic epos, a symbolic number, biblical numerology, the submission of a sufficient number.

E-mail: info@adm.iile.ru

В древнем европейском эпосе числительные играют особую роль и, каждый раз, упоминаются не случайно. Напротив, их упоминание усиливает значение фраз, в которых они встречаются и их использование подчинено определенным историческим законам. Знание об этих законах восходит к Библейской Нумерологии – учению об исторических и символических числах, содержащихся в Священном Писании. Было бы интересно выяснить, сохраняются ли библейские представления о символике чисел в основных древних памятниках европейской письменности – испанском и французском эпосе. Попытаемся ответить на вопрос: какие числа в этих памятниках

письменности формируют концепт «полного, совершенного и достаточного количества». Отвечая на главный вопрос, проследим, какие особенности тексты средневекового европейского эпоса наследуют из текстов Библии, ставшей в средние века своего рода ключом международного общения.

Обратимся для начала к основе основ – числовым значениям, встречающимся в Библии. В Священном Писании встречается две категории чисел – исторические и символические. Первая категория отражает факты прошлого, а вторая несет богословскую нагрузку. Причем, исторические и богословские данные могут совпадать, а могут и не совпадать в одном числе. Например, указания на сроки царствования ветхозаветных монархов или указания на тот или иной год их правления есть чисто исторические датировки, которые не несут богословское содержание. Но указание на 40 дней пребывания Моисея на Синае больше чем историческая ремарка. Число 40 в Библии символизирует подготовительный период, предшествующий какому-либо важному событию. 40-летний период считался также сроком одного поколения [1].

Общий анализ использования числовых значений в Священном Писании позволяет сделать вывод, что основными и наиболее частотными символическими числами в Библии являются: 40, 12, 10, 7, 4, 3, 2, 1.

Согласно «Библейской Нумерологии», **число 40** образуется путем умножения двух других символических чисел: 4 (символ пространственной законченности видимого мира) и 10 (символ относительной завершенности). Последнее число, в свою очередь, может быть получено путем сложения двух других чисел, которые также символизируют полноту, как в мире духовном, так и мире видимом: 3 и 7. В результате число 40 выражает собой полноту испытания. Сорок дней и сорок ночей продолжался потоп (Быт.7:17); сорок лет было Исааку, когда он взял себе в жены Ревекку (Быт.25:20); странствование евреев по пустыне продолжалось сорок лет (Исх.16:35; Чис.14:33; Втор.8:2); на три сорокалетия делится жизнь пророка Моисея, продолжавшаяся сто двадцать лет. Сорок дней и сорок ночей он провел на горе Синай (Исх.24:18, 34:28);

после рождения мальчика женщина сорок дней проходит очищение (Лев.12:2,4). Если она рожала младенца женского пола, то очищение продолжалось восемьдесят дней (40+40); Иисус Навин говорит: я был сорока лет, когда Моисей, раб Господень, посылал меня из Кадес-Варни осмотреть землю (Нав.14:7); после победы судии Гофониила над царем Месопотамским Хусарсафемом земля покоилась сорок лет (Суд.3:1–11); сорок дней приглашал филистимлянин Голиаф евреев вступить с ним в поединок (см.: 1 Цар.17:16); цари Давид и Соломон правили по сорок лет (2 Цар.5:4, 15:7:3; Цар.2:11:3; Цар.11:42); передняя часть Иерусалимского храма, построенного Соломоном, имела ширину в сорок локтей (3 Цар.6:17); сорок дней продолжался путь Илии до горы Божией Хорива (3 Цар.19:8); сорок дней было дано жителям Ниневии на покаяние (Ион.3:4).

В земной жизни Господа нашего Иисуса Христа с числом 40 связаны два важных события. Перед началом проповеди Царства Небесного Спаситель мира, удалившись в безводную Иудейскую пустыню, постился 40 дней, ничего не вкушая (Мф.4:2; Лк.4:2). До Вознесения воскресший Господь оставался на земле тоже 40 дней (Деян. 1:3) [1]. **Число 12** означает число избранных – 12 патриархов, сыновей Иакова, 12 колен Израилевых, 12 апостолов Христовых, по 12 тыс. на каждое колено избранных в Откр.7:4-8). Производным от 12 является число 24 (24 священнические чреды, 24 старца в Откр.). **Число 10** – один из символов завершённой полноты (10 казней египетских, 10 заповедей Декалога, 10 условий для приближения к святилищу в Пс.14). **Число 7** – более распространенная в Св. Писании форма обозначения полноты. История творения в Быт.1 завершается 7-м днем покоя; согласно Быт.10, народы земли происходят от 70 предков. Число 7 часто встречается в ветхозав. культуре (семикратное окропление кровью, 7 жертвенных животных, семисвечник Скинии и Храма и т. д.). Согласно Иер.25:12, Плен длился 70 лет (по Иез.29:11 – 40 лет). Христос избирает 70 апостолов (Лк.10:1); апостолы – 7 диаконов (Деян.6:3). В Откровении говорится о 7 церквах, 7 звездах, и сама композиция его построена на числе 7. **Число 4** знаменует вселенскость (по числу сторон

света). Отсюда 4 рукава реки, вытекающей из Эдема (Быт.2:10 сл.); 4 угла, или «рога», алтаря; небесный Ковчег в видении Иезекииля (гл. 1) несут 4 символических животных (ср. Откр.4:6); в его же видении Новый Иерусалим был в плане квадратным, обращенным к 4 сторонам света. **Число 3** – знаменует Божественное Триединство (явление трех ангелов Аврааму в Быт.18; троекратное прославление святости Бога в Ис.6:1 сл.; крещение во имя Отца и Сына и Святого Духа, Мф.28:19; Бог как властитель прошлого, настоящего и будущего в Откр.1:8).

Число 2 обозначает нечто основополагающее (две скрижали Декалога, два столба у врат Храма, Закон и Пророки, олицетворенные на горе Преображения Моисеем и Илией, отправление апостолов по двое, два свидетеля Христова в конце времен в Откр.11:3). **Число 1**: Так же как число 1 является основой всей математики, так и Бог – начало всего. Поэтому, число 1 в Св. Писании относится к Богу: Один из десяти, исцелившихся от проказы, который возвратился, чтобы поблагодарить Иисуса (Луки. 17:12-15). Одна пропавшая овца (Луки. 15:4). Первый день творения (Быт. 1:5). Одна дверь и окно в ковчеге (Быт. 6:16). Один раз Павел был побит камнями (2Кор. 11:25). Одно дерево познания добра и зла (Быт. 2:17). Одно стадо и один пастырь (Иоан. 10:16) [1].

Почему для нашего исследования выбран древнеиспанский и древнефранцузский эпос? Во-первых, памятники этого эпоса «Песнь о Сиде», «Песнь о Роланде», «Романсеро», «Коронование Людовика», «Нимская телега» – являются ярчайшим и ценнейшим вкладом в мировую культуру. Во-вторых, данные героические сказания Испании и Франции являются величайшими памятниками французского и испанского народов и знаменуют собой блистательное начало двух во многом родственных литератур. Испанский и французский народ близки не только лингвистически и культурно-исторически. К параллелям и аналогиям побуждает прибегать сама общность проблематики французского и испанского эпоса. Интерес ученых к вопросу о происхождении средневековых героических сказаний, о времени их зарождения и путях развития не ослабевает и, до сих пор, данный вопрос является чрезвычайно

сложным и запутанным [2, с. 5]. За двести сорок лет, отделяющих нас от первой публикации «Песни о Сиде» (1779), и сто восемьдесят лет – от первой публикации «Песни о Роланде» (1837), накопилось множество противоречивых мнений и трудно согласуемых между собой общих теорий. Все же, попытаемся приблизиться в ответе на вопрос о том, какие несобственные числовые значения, используемые в данных памятниках письменности формируют концепт «достаточность» и являются наиболее частотными в значении «полного, достаточного числа».

Итак, согласно анализу, **Число 7** – весьма распространенная в Св. Писании форма обозначения полноты. Параллелизм такому восприятию мы встречаем в первой же строке «Песни о Роланде»: «Король наш Карл, великий император, провел семь лет в стране испанской» [3, с. 27]. Из этой фразы читатель понимает, что семь лет – это большой срок и далее написано, что за этот срок императору удалось достичь (ст.фр. Carles li reis, nostre emper[er]e magnes Set anz tuz pleins ad estet en Espagne: Tresqu'en la mer cunquist la tere altaigne. N'i ad castel ki devant lui remaigne) [4]. То есть семи лет было достаточно, чтобы узнать страну, захватить ее земли и замки. Подтверждение тому, что число, не достигающее семи (семидесяти) – шесть (шестьдесят) мы встречаем далее в главе CXXVI: «Их было тысяч свыше четырех. Четырежды французы дали бой, Но пятый был особенно жесток. Всех рыцарей французских он унес. Лишь шестьдесят от смерти спас господь!» [3, с. 78]. Важно также подчеркнуть, что господь почти обязательно упоминается почти в каждой главе европейского героического эпоса. Почти каждая фраза завершается возгласом «Аой!» (Да будет так!). То есть, библейские аллегории понятны всем и святы для всех. В доказательство тому, что Библия лежит в основе европейской средневековой картине мира можно привести еще тот факт, что в Песне о Сиде, части 1 (340–355) полностью пересказываются события Нового Завета. В Песне о Сиде мы также встречаем число 7 в значении «достаточность». Дабы пышно отпраздновать свадьбу дочерей Сида в Алькасаре устраивают турнир по стрельбе и вывешивают семь мишеней с призами для удачливых стрелков. Количество

мишеней достаточно для того, чтобы в состязании приняли участие все желающие: «В алькасапе свадьбу отпраздновал пышно. Прибить семь мишеней велел он с денницей» (исп. En Alcazar boda se celebró el exuberante, clavar siete blancos mandó con lucifer...) [5, с. 321]. В переводе на русский Алькасар написано с маленькой буквы, т.к. здесь это название синонимично понятию «замок, крепость, небольшой город, обнесенный крепостными стенами». Однако, согласно исследованию М.Д. Стюарта, **число 7** является вторым числом полноты и совершенства. Это число завета и печати Божьей. Первым же числом, выражающим значение полноты и совершенства, является **число 3**. Это число называется «Числом Божественного Совершенства». Третьим числом полноты Стюарт называет **число 10** – число «порядкового совершенства» [6]. Действительно, «7» в испанском и французском героическом эпосе употребляется реже, чем «3» и «10». Попробуем определить, какое из этих несобственных числовых значений употребляется в древнем эпосе чаще всего. Во всех произведениях древнефранцузского и древнеиспанского эпоса **число 10** очень часто предстает перед читателем в значении «щедрый дар» и «достаточное количество». Так, в «Песне о Роланде» мы читаем: «Велит привести Марсильи мулов белых: Король Сватильский в дар прислал их десять» (VII) [3, с. 30] (фр. Dis blanches mules fist amener Marsilies, Que li tramist li reis de Suatilie; [7]). «Карл приказал в саду шатер разбить, десятерых послов в нем разместил» (XI) [3, с. 30] (фр. El grant verger fait li reis tendre un tref, Les dis messages ad fait enz hosteler; [7]). Как мы видим в примерах из седьмой и одиннадцатой главы, десяти белых мулов достаточно для «великого дара», а шатер должен был быть достаточно велик, чтобы разместить в нем десяток послов. В «Песне о Сиде» в двенадцатой главе мы читаем: «Пожертвую я на алтарь твой премного, велю отслужить тебе месс десять сотен» (исп. Sacrificaré yo en tu altar mucho, Mando a servir el te misa cada diez de cientos) [5, с. 321].

Обратим внимание, что в значении «превеликое множество» мы часто встречаем в древнем эпосе именно «десять сотен» вместо числительного *míl* (тысяча). Такое употребление, несомненно, усиливает значение множества,

делая его еще более весомым и значимым. Примеры усиления значения «достаточного количества» путем употребления составного числа встречается в средневековом европейском эпосе довольно часто. Так, в испанских исторических романсах «Романсеро» мы часто встречаем **шесть десятков** (3+3, увеличенное десятикратно) или даже **шесть десятков тысяч**. В «Романсах о короле Родриго» мы читаем: «Повелитель дон Родриго, Чтобы трон прославить свой, Объявил турнир в Толедо. Небывалый будет бой: ровно **шесть десятков тысяч** славных рыцарских знамен» (исп. Señor don Rodrigo, para el trono de gloria de su, anunció el torneo en Toledo. Tal será el combate: exactamente seis decenas de miles de gloriosos ecuestres de las banderas) [8, с. 363]. В этих строках показан по-настоящему королевский размах: «двоекратная тройка» шесть в сочетании с «великим множеством» десятков чисел. Знай читатель: так прославлялся испанский трон! Словесные аллегории так характерны для средневекового европейского эпоса, поскольку эпос – форма изложения содержания для слушателя, словно слышащего живые слова сказителя, слова его нетленного монолога. Вспомним, что именно такая форма передачи информации содержится в Книге Книг – Библии. В современном лингвистическом понимании средневековый европейский эпос, вслед за текстами священного писания, является своего рода текстом посредником между былыми событиями, словами Бога и слушателями, то есть – переводом. Передача информации – это форма перевода. Вот что пишет о переводе знаменитый итальянский писатель, мыслитель, философ и лингвист Умберто Эко: «Что значит «переводить»? Первый ответ, и притом обнадеживающий, мог бы стать таким: сказать то же самое на другом языке. Правда, при этом мы, во-первых, испытываем немалые затруднения, пытаюсь установить, что́ означает «сказать то же самое», и недостаточно ясно осознаем это в ходе таких операций, как парафраза, определение, разъяснение, переформулировка, не говоря уж о предполагаемых синонимических подстановках. Во-вторых, держа перед собою текст, подлежащий переводу, мы не знаем, что такое то́. Наконец, в некоторых случаях сомнительно даже значение слова сказать». И далее:

«... когда никакой теории перевода еще не существовало, т. е. от святого Иеронима до XX в., единственные интересные наблюдения на эту тему были сделаны именно теми, кто переводил сам, и хорошо известно, какие герменевтические затруднения испытывал святой Августин, вознамерившись рассуждать о верных переводах, но обладая при этом слабыми познаниями в иностранных языках (еврейского он не знал совсем, а греческий – очень слабо)» [9, с. 11].

Мы видим, что древний переводчик, по сути, пересказывал информацию своими словами в меру своего таланта и его «пересказ» является основой текста, дошедшего до нас. Выдающийся итальянский ученый Умберто Эко называл одной из форм перевода пересказ, изложение или даже переложение информационного материала в другую форму (например поэтическую), то есть – «трансмутацию». Таким образом, тексты испанского и французского средневекового эпоса сохраняют в себе элемент переводческой деятельности, прослеживающейся в текстах Священного Писания, обнаруживая тем самым, приверженность не только концептуальной, но и жанровой традиции.

Можно подвести некоторые итоги нашего рассуждения. Во-первых, тексты испанского и французского средневекового эпоса являются во многих аспектах «подражателями» библейских текстов, столь близких в то время европейской образованной публике. Во-вторых, и это ответ на главный вопрос, несобственные значения числительных **3**, **7** и **10**, как и в Библии, являются в древнеиспанском и древнефранцузском эпосе воплощением концепта «достаточность». Эти числительные встречаются в значении «достаточное количество» и «великое множество» чаще других, а числительные **3** и **10** (или их производные) встречаются чаще числительного **7**. К использованию значения числительного **3** можно отнести и примеры упоминания трех последовательно перечисляемых компонентов. Так, в восьмой главе «Песни о Роланде» нам встречаются строки: «Рать оделил добычею большой – оружием, золотом и серебром» (ст. франц. *Mult grant eschech en unt si chevaler (100). D'or e d argent e de guarnemenz chers*). Если бы было упомянуто меньше трех

компонентов, добыча не выглядела бы столь большой. Оружие в средневековой Европе приравнивалось к деньгам и в этой фразе заключено значение «полной» и «достаточной» платы. И, наконец, в значении «достаточное количество» или «великое множество» числительное **10** (и/или его производные) встречается в «Песне о Роланде» 27 раз, «Короновании Людовика» – 12 раз, «Нимской телеге» – 9 раз, «Песне о Сиде» – 25 раз, «Романсеро» – 31 раз, то есть чаще остальных числительных. Таким образом, числительные **10** и его производные можно считать наиболее полным воплощением концепта «достаточность» в древнеиспанском и древнефранцузском эпосе.

Список литературы

1. <http://azbuka.ru/numerologiya-biblejskaya>
2. Томашевский Н.И. Героические сказания Франции и Испании // Песнь о Роланде. Коронование Людовика. Нимская телега. Песнь о Сиде. Романсеро. - М., 1976. – С. 5–25.
3. Песнь о Роланде. – М.: Худ. лит., 1978.
4. <http://filolog/babylon/epos/roland.htm>
5. Песнь о Сиде. – М.: Худ. лит., 1978.
6. Стюарт М.Д. Удивительное значение Чисел и Цветов в текстах Священных писаний / Stewart M.D. *The Miraculous Significance of Numbers and Colours as they appear in The Holy Scriptures* // www.hristadelfiane.org/books/Secret
7. www.russianplanet.ru/filolog/babylon/epos/roland.htm
8. Романсы о короле Родриго. – М.: Худ. лит., 1976.
9. Эко У. Сказать почти то же самое / Eco U. *Dire Quasi La Stessa Cosa*. – М.: АСТ, 2015.

УДК 81

**КОНЦЕПТОСФЕРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЕЕ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ**

*Е.Г. Кузьмичева, Институт международного права и экономики
им. А.С. Грибоедова, Москва*

*А.М. Фаустова, Институт международного права и экономики
им. А.С. Грибоедова, Москва*

**CONCEPTUAL STRUCTURE OF LITERARY TEXT AND ITS
REPRESENTATION IN TRANSLATION**

*E.G. Kuzmicheva, A.Gribojedov Institute of International Law and Economics,
Moscow*

*A. M. Faustova, A.Gribojedov Institute of International Law and Economics,
Moscow*

Аннотация. Статья посвящается использованию концептуального анализа художественного текста для решения проблемы его интерпретации. Данные концептуального анализа позволяют определить структуру концептосферы исходного текста, языкового сознания и интенций автора. Задачей переводчика является максимальная репрезентация авторских концептов в тексте перевода, чтобы обеспечить его эквивалентность на семантическом и эмоциональном уровне.

Ключевые слова: концептуальный анализ, художественный текст, базовый концепт, перевод, концептосфера, номинативное поле.

Abstract. The article deals with conceptual analysis of a literary text with the view to its correct interpretation. Results of conceptual analysis reveal conceptual structure of the original text, its linguistic characteristics and intentions of the author. Translators have to thoroughly represent concepts of the original in the translated text in order to ensure its semantic and emotional equivalence.

Key words: conceptual analysis, literary text, basic concept, translation, nominative field, sphere of concepts.

Обращаясь к проблемам перевода художественной литературы, исследователи чаще всего выделяют трудности, возникающие при передаче на

языке перевода реалий, фразеологизмов, семантических, ассоциативных лакун и других видов безэквивалентной лексики. С точки зрения когнитивной лингвистики это лишь вершина айсберга. Глубинная проблема во многом лежит в несовпадении когнитивной базы автора, как носителя определенного национально-культурного менталитета, и переводчика, а вслед за ним и читателя на языке перевода. Под когнитивной базой В.В. Красных понимает определенным образом структурированную совокупность обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, какими обладают все носители национально-культурного менталитета [3, с. 61]. Менталитет народа определяется его концептосферой в определенный исторический период.

Термин концептосфера был впервые использован Д.С.Лихачевым в 1993. Концептосфера – это пространство вокруг человека, в котором он создает культурные и материальные ценности. Это сфера знаний и мысли, своего рода информационная база когнитивного сознания [4, с. 8]. Именно концептосфера упорядочивает и систематизирует когнитивную картину мира, обеспечивает опорные ментальные единицы, а также механизмы познания и восприятия.

Художественный текст представляет собой единое концептуальное пространство, созданное автором, базирующееся при этом на национальных концептах.

Такая сложная концептуальная система не всегда до конца понятна переводчику, и язык перевода, отражающий национальное сознание, не всегда позволяет адекватно объективировать концепты оригинала. В свою очередь, у Реципиента текста перевода, имеющего иное мировоззрение и когнитивную базу, художественное произведение не вызывает тех же ассоциаций, чувств и эмоций, что у исходного Реципиента.

Для достижения эквивалентного перевода на семантическом и эмоциональном уровне с точки зрения когнитивистики, необходимо провести концептуальный анализ текста оригинала с целью выявления базовых концептов, которые следует отразить при переводе.

Объектом концептуального анализа послужил очень личный, автобиографический роман Рубена Давида Гонсалеса Гальего «Черное на белом» (2002 г.) – одна из самых честных и пронзительных книг на русском языке последних десятилетий. В 2003 году роман «Черное на белом» получил премию «Букер – Открытая Россия». Первый роман Рубена Гонсалеса Гальего – воспитанника советского интерната для детей-инвалидов – одновременно и документальная повесть о страданиях маленького человека, и впечатляюще масштабное художественное полотно. Роман переведен на десятки языков, перевод на английский язык опубликован в 2006 г.

Следуя методике экспликации концептосферы в художественном произведении, предложенной Л.Г. Бабенко, в тексте романа были выявлены языковые единицы, раскрывающие определенную тему, т.е. слова и словосочетания, репрезентующие концепт на лексическом уровне. По мнению Л.Г. Бабенко, «концептуальный анализ художественного текста предполагает, во-первых, выявление набора ключевых слов текста; во-вторых, определение базового концепта (концептов) этого пространства; в-третьих, описание обозначаемого ими концептуального пространства» [1, с. 59].

Ключевые слова характеризуются высокой степенью повторяемости в тексте, обладают способностью конденсировать содержание, отличаются семантической нагруженностью и реализуют многообразные связи в тексте. Вокруг ключевых слов образуются семантические комплексы. Именно они составляют концептосферу произведения, привлекая внимание читателя и раскрывая интенции автора.

Концептуальный анализ позволил выделить базовые концепты романа. Словарная выборка показала, что ядерными являются концепты “герой” и “казенный дом”.

Первая же глава романа называется “Герой”, что задает тон всему произведению. Ключевое слово “герой” встречается 22 раза, первый раз в сильной позиции. Вокруг него группируется номинативное поле, многие языковые единицы которого употребляются неоднократно: производные

однокоренные слова (*героизм, героический*), контекстуальные синонимы (*молодец, силач, боец, ветеран, воин*), устойчивые атрибутивные сочетания (*бравые мушкетеры, настоящий герой, истинный герой, проверенный боец, бесстрашный воин, лучшие воины*). Вокруг ключевого слова складывается ассоциативное поле, выраженное разными частями речи: устойчивое сочетание *сила воли*, существительные *орден, медаль*, прилагательные *сильный, храбрый*, наречия *бескорыстно, уверенно*. К окказиональным авторским синонимам можно отнести неоднократно используемые имена литературных героев – *д'Артаньян, Портос, Павка Корчагин*, вдохновляющих маленького, неходячего обитателя специнтерната для инвалидов на борьбу за жизнь.

На периферии базового концепта «герой» лежат номинативно-совмещенные ассоциативно-образные репрезентации, представляющие концепт «борьба». Основу номинативного поля этого концепта составляют существительные-названия видов оружия (*нож – 20 раз, штык – 14 раз, пуля – 9 раз, клинок – 4 раза, шпага – 3 раза, кастет – 3 раза, пистолет – 2 раза, маузер, шашка, автомат*). Многие из них составляют атрибутивные сочетания: *острый клинок, холодное оружие*. Вербализация концепта «борьба» осуществляется разными частями речи: существительные (*противник, враг, викинг, мушкетер, воин, боец – борцы; удар, бой, битва, испытание, драка, фронт, тыл*), глаголы (*ударить – 9 раз, драться, бить, побеждать, воевать, вырываться, надрываться, вцепиться, навалиться, хватать, сдаться, мстить*), прилагательные (*бесстрашный*), деепричастие (*сражаясь*). В номинативное поле «борьба» входят устойчивые и свободные словосочетания, характеризующие концепт (*грубая сила, жажда жизни, рваться в гущу битвы, жить в бою, умереть в бою*), а также крылатое выражение *пуля – дура* и строка из песни, посвященной подвигу крейсера «Варяг»: *«Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не желает»*. В тексте романа не происходит ни одного сражения, но слова, объективирующие концепт, отражают решительный настрой на борьбу, нежелание сдаваться и веру в победу.

Концепты «герой» и «борьба» выделяются, как смысловая доминанта произведения. Результаты, полученные в ходе анализа, подтверждают идею автора, выраженную им в предисловии к русскому изданию книги. Рубен Гонсалес Гальего так определяет основную тему книги: «Я пишу о силе. Силе духовной и физической. Силе, которая есть в каждом из нас. Силе, пробивающей все барьеры и побеждающей» [2, с. 7].

Жизнь героев – борьба за жизнь и свободу. Неизлечимые болезни ставят под угрозу самую перспективу жизни, которая превращается в бесконечное путешествие по казенным домам – учреждениям, существующим за счет государственного бюджета.

Наиболее репрезентативную группу концепта «казенный дом» составляют номинации учреждений, четырьмя стенами которых ограничивается жизнь: *детдом* (96 раз), *дом престарелых* (31), *интернат* (19), *больница* (18), *палата* (23), *изолятор*, *колония общего режима*, *помещение барачного типа*, *тюрьма*. Пятикратное повторение фразы «*заключение в четырех стенах*» позволяет проследить идею несвободы. Языковые единицы, составляющие номинативное поле данного концепта, могут быть разделены на несколько групп, каждая из которых кодирует доминантную идею ограниченной свободы.

Первая ассоциативная группа лексических единиц концепта «казенный дом» репрезентует медицинский аспект и группируется вокруг ключевого слова *больница*. Болезнь угрожает самой жизни и объективно накладывает существенные физические ограничения. Эта группа представлена многократно повторяющимися языковыми единицами, представляющими разные части речи: существительные - *инвалид* (20 раз), *инвалидное кресло* (10), *ДЦП / детский церебральный паралич* (8), *костыли* (8), *инвалидность* (5), *коляска* (2), *заболевание*, *миопатия*, и прилагательные – *парализованный* (9 раз), *больной* (7), *безрукий* (4), *неходячий* (4).

Вторая ассоциативная группа, входящая в номинативное поле концепта «казенный дом» объективизирует правила и законы, царящие в этих учреждениях. Ключевыми, наиболее частотными словами являются

предикативное наречие “*нельзя*” (23 раза) и краткое причастие “*запрещено*” (12 раз). Обе лексические единицы выступают в роли предиката и образуют вместе с глаголами *запрещать* и *запирать* жесткую систему ограничений свободы. К этой же группе относится однокоренное существительное *запрет*, а так же *забор*, *колючая проволока*.

Изоляция, надзор, режим являются метафорой определенных явлений в общественной жизни, и “казенный дом” предстает в более узком, но глубоко укоренившемся в сознании народа значении, как тюрьма.

В этом значении концепт “казенный дом” репрезентует себя в тюремном жаргоне и сниженных формах речи, которыми изобилует текст романа. Проникновение тюремной лексики и субкультуры в жизнь закрытых учреждений свидетельствует о размывании границ между местами лишения свободы и другими учреждениями. Концептуальный анализ текста свидетельствует, что лишение свободы – одна из доминант. Действие романа ни в коей мере не связано с зоной или лагерем, но то, что жизнь строится по законам мест лишения свободы, подтверждается на лексическом уровне. Эта ассоциативная группа номинативного поля представлена нейтральными существительными *заключенный* (12 раз), *тюрьма*, *колония*, атрибутивным сочетанием *колючая проволока*; лексикой, относящейся к тюремному жаргону: *ЗЭК* (9 раз), *чифир* (6), *доходяга* (5), *салага* (3), *пахан*, *стукач*, *пацаны*, *братан*, *вертухай*, *трепло*, *западло* – существительные, и устойчивыми глагольными сочетаниями : *стоять на стреме*, *брать на понт*, *косить под*.

К этой же группе относится сниженная лексика: существительные *койка*, *собутельник*, *алкаш*, *бугай*, *хахаль*, глаголы и глагольные сочетания *жрать* (4 раза); *хавать/похавать* (3), *травить анекдоты*.

Концептуальный анализ показывает, что художественный текст, воплощающий авторскую картину мира, отражает специфику времени и является хранителем национально-культурных концептов в определенный исторический период.

Следует признать, что в тексте перевода базовый концепт “герой” сохранен, вплоть до частотности использования ключевого слова *герой*. Незначительное отличие состоит в том, что в оригинале номинативное поле более разнообразно: *бравый, храбрый, смелый – brave; боец, воин – fighter*. В целом концепт передан в соответствии с интенцией автора, чему способствует совпадение русской и англоязычной картин мира в этом фрагменте.

Предикативные параметры номинативного поля концепта «борьба» в тексте перевода отличаются большей многословностью, широким синонимическим рядом: *сдаваться (4) – to surrender, to yield, to give up; навалиться – to jump on, to fall on; ударить (9) – to hit, to strike, to punch, to swing, to give a kick*. Отказ от многократного использования ключевого, самого повторяющегося глагола обусловлен большей эмоциональностью и субъективностью переводчика в репрезентации данного концепта, а так же широкими возможностями английского языка, богатого глаголами-синонимами. Сопоставительный анализ продемонстрировал, что репрезентация концепта в тексте перевода достаточно близка к установкам оригинала. Наличие сходного концепта в русской и английской лингвокультурах облегчило задачу.

Концепт «казенный дом», ассоциирующийся с тюрьмой, строится вокруг слов *нельзя (23), запрещено (19)*. Многократное повторение ключевых слов создает каркас концепта, который размывается в переводе: *нельзя* в переводе выражается шестью разными способами – *no other choice, can't, not supposed, impossible, should not, not allowed*; *запрещено – against smth., forbidden, not allowed, banned*. Данные варианты перевода не передают жесткости и безапелляционности запрета (*not supposed, should not*), сама вариативность объективации делает их менее неумолимыми. Добавляя новые оттенки, переводчик уводит читателя от изначальной интенции автора и переключка с тюрьмой становится менее очевидна. Такая замена концептуальных признаков приводит к искажению исходного смысла и исключению важного элемента из концептосферы переводного текста. Что касается такого концептуально

важного аспекта, как сохранение жаргонизмов и сниженной лексики, типичной для оригинала, то в переводе эту часть номинативного поля концепта сохранить не удалось. В большинстве случаев тюремные жаргонизмы заменяются нейтральной лексикой или словами с более широкой семантикой. В тексте перевода нет разницы между словами *заклученный* и *зэк* – оба переводятся *prisoner*, *пахан* – *head honcho* (большой начальник, главный босс), *стоять на стреме* – *to be look out*. Устойчивые жаргонные словечки и выражения не находят эквивалентов в английском языке, и переводчик прибегает к контекстуальной замене (*хахаль* – *fancy man*), замене сниженной лексики на нейтральную (*алкаш* – *a drunk*, *бугай* – *a bull*, *жрать* – *to eat / to drink*), смысловому развитию (*салага* – *a snot-nosed kid*, *брать на понт* – *to be all flash*). Замены и добавления эксплицируют принадлежность к иной лингвокультуре и выводят данную лексику из структуры концепта. Такое расхождение в репрезентации концепта обусловлено несовпадением соответствующего фрагмента между англоязычной картиной мира и русской, где уникальные общественно-политические причины (массовые репрессии, система ГУЛАГ) способствовали проникновению тюремной субкультуры в повседневную жизнь.

Проведенное сопоставительное концептуальное исследование позволяет сделать вывод, что переводчику следует стремиться к максимально полному отражению в тексте перевода концептосферы исходного художественного текста, предварительно исследовав место базовых концептов текста национально-культурной концептосферы. Тщательное воссоздание концептуального каркаса оригинала в тексте перевода позволит максимально выразить интенции автора, раскрыть дополнительные смыслы и обеспечить адекватное эмоциональное воздействие.

Список литературы

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. *Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум.* – М.; Флинта: Наука, 2004. – 496 с.

2. Гальего Рубен Давид Гонсалес. *Черное на белом.* – СПб.: Лимбус Пресс, ООО “Издательство К. Тублина”, 2013. – 224 с.
3. Красных В. “Свой” среди “чужих”: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
4. Лихачев Д.С. *Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз.* – М., 1993. – Т.52, N1. – с.3-9
5. *Gonsales Gallego, Ruben David. White on black / translated from Russian by Marian Schwartz, 2006. – 167 p.*

УДК 81

ШЕКСПИР И ЛИТЕРАТУРА ЕГО ВРЕМЕНИ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

*М.Е. Новикова, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

W. SHAKESPEARE’S AND CONTEMPORARY WORKS OF THIS EPOCH IN RUSSIAN TRANSLATIONS

M.E. Novikova, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В работе исследованы основные особенности и характеристики переводов пьес У. Шекспира и его современников на русский язык; выделены выявленные приемы и способы перевода с учетом стилистических, лексических и грамматических особенностей английского языка.

Ключевые слова: художественный перевод, поэзия, средства выразительности.

Abstract. This article considers the main peculiarities and characteristics of the Russian translations of W. Shakespeare’s and his contemporaries works, means and ways of performing the translation in the aspect of stylistic, lexical and grammatical specialties of English language.

Keywords: literary translation, poetry, means of expression.

E-mail: novikovam12@gmail.com

Уильям Шекспир – один из величайших писателей, которого зачастую называют национальным поэтом Англии. Произведения Шекспира оказали сильное влияние на всю последующую мировую литературу и культуру, были переведены на все основные языки мира [см. об этом, напр.: 1, с. 57–60; 2, с.

163–166; 3, с. 324 – 328; 4, с. 116–135; 5, с. 107 – 115; 6, с. 173–189; 7, с. 199–206; 8, с. 106–110; 9, с. 82–91; 10, с. 68–70; 11, с. 104–118; 12, с. 280–284; 13, р. 509–517; 14, с. 3–6; 15, с. 176–178; 16, с. 203–206; 17, р. 380–391; 18, с. 159–164; 19, с. 95–104; 20, с. 693–697; 21, с. 215–222; 22, с. 232–234; 23, с. 145–149; 24, с. 76–92; 25, с. 58–60; 26, с. 250–256; 27, с. 245–251; 28, с. 365–369; 29, с. 95–104; 30, с. 180–183; 31, с. 58–69].

В России Шекспир переводится почти двести лет, поскольку его творчество представляет большой интерес для переводчиков. Среди сохранившихся произведений автора насчитывают 154 сонета, 38 пьес, 4 поэмы и 3 эпитафии. Русскоязычный перевод наиболее популярных работ автора («Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Отелло», «Король Лир», «Макбет») существует во многих вариациях.

В третьем томе сборника «Художественный перевод и сравнительное литературоведение» можно увидеть отрывки одной из пьес Шекспира – «Генрих IV», переведённые Д.Л. Михаловским. Это неопубликованная ранее интерпретация первой части исторической хроники, найденная в фонде Д.Л.Михаловского в Российском государственном архиве литературы и искусства.

Дмитрий Лаврентьевич Михаловский (1828–1905) – русский поэт и переводчик. Он занимался изложением произведений Дж.Г. Байрона, Г.У.Лонгфелло, Э.А. По, но особое внимание уделял произведениям У.Шекспира. Так в разные годы своей деятельности Михаловский переводил трагедии «Юлий Цезарь», «Антоний и Клеопатра», «Ромео и Джульетта», исторические хроники «Ричард II» и «Генрих V», монолог «Быть или не быть...» из «Гамлета».

Стоит отметить, что во время обращения Михаловского к «Генриху IV» это произведение уже было хорошо известно в России. К нему обращались такие переводчики, как М.И. Веревкин и А.А. Петров (перевод с немецкого языка-посредника), Н.Х. Кетчер (полный перевод обеих частей), А.Л.Соколовский, Ф.Н. Устрялов, П.А. Каншин, З.А. Венгерова и

Н.М.Минский (перевод обеих частей), Вл. Мориц и М.А. Кузмин, Б.Л.Пастернак, Е.Н. Бирукова, А.А. Смирнов.

Точное время работы Михаловского над «Генрихом IV» не установлено, однако сохранились исправления и редакции перевода, благодаря которым можно судить о том, что переводчик сталкивался с трудностями во время интерпретации шекспировского произведения.

В своём переводе Д.Л. Михаловский часто отбрасывает важные для Шекспира лексемы и лексические единицы, такие как: «troubled heaven» («небеса, предвещающие бурю»), «opposed eyes» («глаза напротив»), «durance» («тюремное заключение»); он допускает смысловую неточность, заменяя слово «gallows» («виселицы») на слово «лестница», прилагательное «contagious» («заразный») на существительное «зараза», а словосочетание «loose behavior» («распущенное поведение») на «бездарство».

Хотя перевод и является незаконченным, но по черновикам интерпретатора можно судить о том, что он очень кропотливо относился к своей работе, постоянно видоизменяя и дополняя её, чтобы донести до читателей мельчайшие детали и раскрыть истинные намерения героев произведения.

Кристофер Марло (1564–1593) – английский драматург, поэт и переводчик елизаветинской эпохи, один из наиболее выдающихся современников Шекспира. Он является основоположником жанра высокой трагедии Возрождения.

К творчеству Марло обращались такие переводчики как А.Д.Радлова («Эдуард II»), М.Н.Шелгунов («Мальтийский жид»), В.А.Рождественский («Мальтийский еврей»), Э.Л.Линецкая («Тамерлан Великий. Часть I»), Е.Г.Полонская («Тамерлан Великий. Часть II»), Е.Н.Бирукова («Трагическая история доктора Фауста»), Н.В.Гебель («Эдуард II»), Ю.Б.Корнеев («Геро и Леандр») и другие.

На страницах третьего тома сборника «Художественный перевод и сравнительное литературоведение» опубликованы неизвестные ранее переводы

фрагментов произведений Марло, найденные в Российском государственном архиве литературы и искусства. Эти переводы принадлежат И.А.Кашкину (1920-е – 1930-е гг.) и Г.А.Шенгели (1930-е гг.).

Кашкин Иван Александрович (1899–1963) – советский литературовед, переводчик и поэт. Кашкин являлся сторонником реалистического перевода и считал, что при интерпретации художественных произведений главное понять ту действительность, которую в свою работу вложил автор, и уже после передать её на своём языке.

Иван Александрович перевёл только заинтересовавшие его отрывки из «Жида с Мальты». Отличительной чертой перевода является введение игры слов. К примеру, при переводе слов Вараввы о еврейском народе (д. I, сц. 1) Кашкин противопоставляет два глагола – сеять и собирать: «...They say we are a scatter'd Nation: / I cannot tell, but we have scrambled up / More wealth by farre then those that brag of faith...» [...Говорят, мы рассеянное племя: / Не могу сказать, но нашли мы / Намного больше богатств, чем те, кто хвастается верой...] – «...Прозвали нас: рассеянное племя. / Быть может. Но насобирали мы / Побольше тех, кто хвастается верой». В переводе эпизода убеждения Вараввы монахами принять их веру (д. IV, сц. 1) Кашкин использует омографы: «...*Barbardine*. Not? then I'le make thee, rogue. / *Jacomo*. How, dost call me rogue?» ...*Бернардин*. Нет? тогда я заставлю тебя, негодяй. / *Джакомо*. Как, ты зовёшь меня негодяем? – «...*Бернардинец*. Так сволоку тебя. / *Якобит*. Как! сволочью зовёшь?». Также стоит выделить перевод И.А. Кашкиным титулов монахов: бернардинцы – монахи в Италии и Франции с 1210 – 1215 гг., якобинцы – французские монахи с 1216 г., но во втором случае он допустил ошибку, используя термин «якобит», означающий приверженцев изгнанного в 1688 году английского короля Якова II, вместо «якобинец».

Георгий Аркадьевич Шенгели (1894–1956) – русский поэт, переводчик и критик. Г.А. Шенгели осуществлял переводы произведений таких авторов, как Виктор Мари Гюго, Джордж Гордон Байрон, Генрих Гейне и прочих.

В пятом сборнике «Художественного перевода и сравнительного

литературоведения» опубликован перевод начала первого акта «Эдуарда II», найденный в РГАЛИ в фонде Шенгели. В рукописи присутствовали многочисленные правки, из чего можно судить о том, что работа шла тяжело.

Хочется отметить, что Г.А. Шенгели в своём переводе «Эдуарда II» строго придерживается оригинальной структуры стихов, не превышая их число в отличие от своих предшественников. Он максимально полно передаёт выразительность речи короля в четвёртой сцене: «...О, чванный Рим, вскормивший слуг столь пышных! / Огнями суеверных свеч, – горящих / В церквах антихристовых, подожду я / Истлевшие твои дворцы, заставлю / Твердыню папы землю целовать! / Тибр запрудит от тел попов убитых, / Могилы их повысят берега! / А пэров, что поддерживали церковь, / Всех истреблю, есль быть мне королем!» («...Proud Rome, that hatchest such imperial grooms, / With these thy superstitious taper-lights, / Wherewith thy antichristian churches blaze, / I'll fire thy crazed buildings, and enforce / The papal towers to kiss the lowly ground, / With slaughter'd priests make Tiber's channel swell, / And banks rais'd higher with their sepulchres! / As for the peers, that back the clergy thus, / If I be king, not one of them shall live...»). Кроме того, Шенгели придерживается сохранения конкретизации. Так, слова «arms» (плечи, предплечья) и «hands» (кисти, ладони) переводятся им как «руки» и «пальцы», слово «men» (люди, мужчины) он берёт как более узкое понятие – «мужчины»: «...Весь в жемчугах вокруг обнаженных рук, / С оливковой ветвью в ловких пальцах, / Чтобы скрывать то, что мужчинам любо, / В ручье купаться будет, а вблизи...» («...Crownets of pearl about his naked arms, / And in his sportful hands an olive-tree, / To hide those parts which men delight to see, / Shall bathe him in a spring; and there, hard by...»).

К сожалению, несмотря на качество переводов, интерпретации И.А.Кашкина и Г.А. Шенгели не оказали влияния на восприятие произведений Кристофера Марло «Жид с Мальты» и «Эдуард II» в России, поскольку являлись фрагментарными и неопубликованными.

Список литературы

1. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. *И.И.Козлов и классики английской литературы (У.Шекспир, Р.Бёрнс): традиции и переводы* // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2008. – №47. – С. 57–60.
2. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. *Бернс и И.И.Козлов: диалог культур* // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – №4. – С. 163–166.
3. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. *Д.Л.Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «In Memoriam»* // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2012. – №1. – С. 324–328.
4. Жаткин Д.Н. *Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг.* // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.
5. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы* // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.
6. Жаткин Д.Н. *К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников* // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 173–189.
7. Жаткин Д.Н. *Д.Г.Россетти в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского* // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – №1 (23). – С. 199–206.
8. Жаткин Д.Н. *Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты»)* // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106–110.
9. Жаткин Д.Н. *Данте Габриэль Россетти и Серебряный век*

русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.

10. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К вопросу о влиянии А.С.Пушкина на творчество Э.И.Губера (к 200-летию со дня рождения) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – №10-2. – С. 68–70.

11. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.

12. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

13. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.

14. Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // Русская речь. – 2008. – №1. – С. 3 – 6.

15. Жаткин Д.Н., Чернин В.К. О.Н.Чюмина как переводчик лирического цикла Альфреда Теннисона о Марианне («Марианна», «Марианна на юге») // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – №1. – С. 176–178.

16. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – №4. – С. 203 – 206.

17. Zhatkin D.N., Kruglova T.S., Milotaeva O.S. Russia and Europe: Dialogue of Cultures and Universal Values in Lidiya Chukovskaya's Perception // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Т. 9. – №27. – P. 380–391.

18. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам

Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159–164.

19. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. –2014. – №2 (30). – С. 95–104.*

20. *Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.*

21. *Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.*

22. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3 (40). – С. 232–234.*

23. *Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.*

24. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.*

25. *Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. Н.В.Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – №3. – С. 58–60.*

26. *Круглова Т.С., Жаткин Д.Н. Немецкие страницы переписки К.И.Чуковского с Л.К.Чуковской // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – №6 (28). – С. 250–256.*

27. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в переписке Л.К.Чуковской с Д.С.Самойловым // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 1. – №6 (28). – С. 245–251.*

28. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об*

Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

29. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

30. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Погребальная песня» А.Теннисона в русских переводах второй половины XIX в. // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2009. – №10. – С. 180–183.

31. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Элегия Альфреда Теннисона «Умирающая лебедь» в русских переводах XIX в.: опыт сопоставительного анализа // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2009. – № 1. – С. 58–69.

УДК 81

ПОЭТЫ АНГЛИЙСКОГО РОМАНТИЗМА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

*М.Е. Новикова, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

THE WORKS OF POETS OF ENGLISH ROMANTICISM IN RUSSIAN TRANSLATIONS

M.E. Novikova, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В работе исследована проблема перевода творчества представителей английского романтизма на русский язык; рассмотрены причины возникновения трудностей в переводческом процессе.

Ключевые слова: художественный перевод, романтизм, стихосложение.

Abstract. This article considers the problem of translation of English romanticism representatives' works into Russian, the origin of emerging difficulties by translating.

Keywords: literary translation, romanticism, verse.

E-mail: novikovam12@gmail.com

В первые десятилетия XIX в. в английской литературе получил своё развитие романтизм, на становление которого оказало влияние творчество

Шекспира. Писатели романтизма акцентировали своё внимание на эмоциях и индивидуальных особенностях человека, природе, а также на прославлении прошлого, что, впрочем, во многом вызывало интерес и их предшественников, и авторов последующего времени [см. об этом, напр.: 1, с. 107 – 115; 2, с. 173–189; 3, с. 324 – 328; 4, с. 116–135; 5, с. 199–206; 6, с. 106–110; 7, с. 82–91; 8, с. 68–70; 9, с. 104–118; 10, с. 280–284; 11, с. 3–11; 12, с. 3–6; 13, с. 176–178; 14, с. 203–206; 15, р. 380–391; 16, с. 159–164; 17, с. 95–104; 18, с. 693–697; 19, с. 215–222; 20, с. 232–234; 21, с. 145–149; 22, с. 76–92; 23, с. 58–60; 24, с. 250–256; 25, с. 245–251; 26, с. 365–369; 27, с. 95–104; 28, с. 58–69; 29, с. 37–46; 30, с. 172–176; 31, с. 163–166].

Ключевыми фигурами романтического движения в Англии считаются У.Вордсворт, С.Т. Кольридж, Р.Саути, Д. Китс, Дж.Г. Байрон, П.Б. Шелли, Т. Мур, У.Блейк, Д. Клэр, В. Скотт и другие.

Джордж Гордон Байрон (1788–1824) – ведущий английский поэт-романтик. Начиная с 20-х годов XIX века его произведения переводили на русский язык многие отечественные поэты, такие как А.С.Пушкин, В.А.Жуковский, М.Ю. Лермонтов, А.А. Фет, А.Н. Майков и многие другие.

В пятом сборнике «Художественный перевод и сравнительное литературоведение» опубликована статья о русской поэтессе и переводчице Вере Александровне Меркурьевой (1876–1943), которая обращалась к произведениям английских поэтов-романтиков.

Свой переводческий путь Меркурьева начала с творчества Дж.Г. Байрона. Она интерпретировала «Оскара из клана Альва», «Последнее прощай», «М.С.Дж.» («Если ваша любовь мне приснится во сне...»), «К Мэри при получении ее изображения», «Слезе», «Изменившей» и предоставила их на суд критику Д. Мирскому для дальнейшей публикации. К сожалению, все переводы были им забракованы (кроме «Оскара из клана Альва») по причинам нарушения размеров стихов, неправильного синтаксического членения («М.С.Дж.», «Слезе»). Более того, критик выразил сомнение относительно художественной значимости оригиналов Байрона. Переводы Меркурьевой не

были опубликованы, некоторые не изданы и по сей день, но на перевод «Слезы» в своё время обратил внимание академик М.Н. Розанов, в результате чего эта работа и стала единственной опубликованной.

В шестом сборнике помещен неизвестный перевод Д.Е. Мина из Байрона, найденный в фонде Н.С. Тихомирова в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

Дмитрий Егорович Мин в своей переводческой деятельности также уделял большое внимание литературе романтизма, в особенности творчеству Дж.-Г. Байрона, Т. Мура, П.-Б. Шелли, В. Вордсворта, Т. Кэмпбелла и А. Теннисона. Наиболее интересным автором из этого списка имён для Дмитрия Егоровича являлся Дж.-Г. Байрон. Мин интерпретировал фрагмент «Дон Жуана», поэму «Осада Коринфа», а также три стихотворения из цикла «Еврейские мелодии». Большая часть переводов была опубликована ещё при жизни переводчика.

В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде Н.С. Тихомирова была найдена ещё одна неизвестная ранее рукопись Д.Е. Мина из Дж.Г. Байрона – «Родные острова», являющаяся прочтением произведения «The Isles of Greece». Этот перевод имеет не только историко-культурную, но и художественно-эстетическую ценность.

Томас Мур (1779–1852) – поэт-песенник, певец и автор баллад был одним из представителей ирландского романтизма. Наибольшую известность в России поэт получил благодаря стихотворению «Вечерний звон» («Those Evening Bells»).

Во втором томе сборника «Художественный перевод и сравнительное литературоведение» находится перевод известных стихотворений Мура, выполненный советским поэтом В.И. Лебедевым-Кумачом. Это произведения «Мальчик-министрель» и «Это последняя роза...», переведенные Василием Ивановичем в 1915 году, когда ему было всего 17 лет.

Несмотря на юный возраст и неопытность переводчика, В.И. Лебедев-Кумач ответственно подошёл к осмыслению муровских произведений, его

интерпретации отлично передают дух оригинальных стихов. Поэт не нарушает стихотворные размеры и строго придерживается подлинной рифмы.

Лихачёв Владимир Сергеевич (1849–1910), русский поэт, драматург и переводчик. В настоящее время известно 17 опубликованных им интерпретаций из Томаса Мура. При изучении материалов в фонде Владимира Сергеевича в Российском государственном архиве литературы и искусства был найден ещё один неопубликованный перевод, именуемый «Песня лесного духа. Из Томаса Мура», который помещен в третьем томе «Художественный перевод и сравнительное литературоведение». Очевидно, что это прочтение стихотворения Мура «Song Of The Evil Spirit Of The Woods» («Песнь злого лесного духа»).

Обращаясь к подлиннику, можно увидеть его неоднородную структуру: в нём пять строф, имеющих неодинаковое количество строк. В.С.Лихачёв в своей интерпретации обратился лишь к первым двум строфам, которые являют собой максимально близкое изложение муровских строк.

Точная дата работы переводчика над произведением неизвестна, но можно предположить, что осуществлялась она в период осмысления В.С.Лихачёвым наследия английского поэта в 1880-х – 1890-х гг.

Травушкин Николай Сергеевич (1916–1990) – учёный-литературовед, профессор. Он преподавал английский язык в Сталинградском суворовском военном училище, был деканом факультета иностранных языков в Астраханском педагогическом институте, заведующим кафедрой английского языка, а также кафедрой русской и зарубежной литературы. Постоянное участие Николая Сергеевича в литературной жизни сделало его председателем в областном литературном объединении, на базе которого была создана Астраханская областная организация Союза писателей России, и это далеко не все его достижения.

В 1941 г., обучаясь на старших курсах, Н.С. Травушкин заинтересовался художественным переводом, заострив своё внимание на творчестве близкого друга Дж.Г. Байрона – Томаса Мура, автора сборника «Ирландских мелодий»,

восточного романа «Лалла Рук» и других не менее известных произведений. Свои переводы из Мура он предоставил для оценки именитому переводчику Г.А. Шенгели.

В Российском государственном архиве литературы и искусства в фонде Г.А. Шенгели сохранилось письмо от Н.С.Травушкина, датированное 8 апреля 1941 г. В своём письме Николай Сергеевич просил совета, стоит ли ему продолжать работу над теорией и практикой перевода, приложив к письму несколько переведённых стихов Томаса Мура. К письму также были приложены оригиналы этих стихотворений: «When he, who adores thee has left but the name...», «Oh! Breathe not his name...», «She is far from the land where her young hero sleeps...», «How dear to me the hour when daylight dies...».

К сожалению, переводы Н.С. Травушкина, свидетельствующие о его юношеском увлечении Муром, так и не вышли в свет при жизни переводчика. Кроме того, все четыре произведения были известны на русском языке еще с XIX в.: «When he, who adores thee has left but the name...» – в переводах М.Ю.Лермонтова («Когда одни воспомяненья...», 1857), И.П. Крешева («Когда твой верный друг...», 1852), А.Д. Баратынской («Когда твой боец, за тебя умирая...», 1876), Л.И. Уманца («Коль умрет, кто любил...», 1900); «Oh! Breathe not his name...» – в переводах М.П. Вронченко («Умолчим его имя...», 1829), А.Н. Плещеева («Не называйте его!», 1875), Д.П. Ознобишина («Не зовите его...», 1829), Л.И. Уманца («Не вздыхай! Пусть в тени...», 1900) и других; «She is far from the land where her young hero sleeps...» – в переводах А.Д. Баратынской («Далёко от долов родимого края...», 1876), В.С. Лихачёва («В далекой стороне почил ее герой...», 1889), Ф.А. Червинского («Далеко от неё дорогая страна...», 1886) и других; «How dear to me the hour when daylight dies...» – в переводах М.П. Вронченко («Мне дорог час...», 1829), В.С.Лихачёва («Сумерки», 1893), А.А. Курсинского («В вечерний час слабеет светоч дня...», 1896), Д.Е. Мина («Люблю я час...», 1900).

Георгий Аркадьевич Шенгели не заставил долго ждать с ответом, отправив Н.С.Травушкину открытку, в которой пообещал подробно разобрать его

переводы. Получив ответ, юный переводчик послал новое письмо известному поэту с благодарностями. Увы, ответ Г.А.Шенгели неизвестен: возможно, он был утерян в период войны, возможно, сохранился в Государственном архиве Астраханской области.

Перси Биши Шелли (1792–1822) – один из главных английских поэтов эпохи романтизма. Славу при жизни поэт не сыскал, но его признание неустанно росло после его смерти. Наиболее известен благодаря классическим стихотворениям «Озимандия», «Песнь к Западному ветру», «К жаворонку».

В Российском государственном архиве литературы и искусства имеются тетради со стихами и рассказами Василия Ивановича Лебедева-Кумача, известного поэта-песенника. Полностью сохранилась тетрадь «Опера. С 15-го июня 1915 года по 20-го февраля 1916 г.». Более ранние записи уцелели лишь в виде отдельных фрагментов, среди них был обнаружен перевод стихотворения «Лето» П.Б. Шелли.

Наряду с этим, к творчеству П.Б. Шелли также обращался российский поэт-переводчик Борис Владимирович Бер. В Российском государственном архиве литературы и искусства был выявлен его машинописный сборник со стихами, в который входит стихотворение Шелли «К жаворонку».

В 1935 г. переводчица В.А. Меркурьева получила заказ на книгу переводов П.Б. Шелли. Поэтессе и прежде была близка поэзия английского автора, но теперь он увлёл её с ещё большей силой. Имя П.Б. Шелли стало встречаться даже в собственных произведениях Веры Александровны, к примеру, в стихотворении «На случай».

«Избранные стихотворения» П.Б. Шелли в переводах В.А. Меркурьевой вышли в свет в 1937 году. Книга содержала в себе переводы 6 поэм («Аластор, или Дух одиночества», «Атласская волшебница», «Адонаис. Элегия на смерть Джона Китса», «Юлиан и Мадалло», «Эллада (лирическая драма)», «Эпипсихидион») и 33 стихотворений, её тираж составил 15 тысяч экземпляров. Сборник не понравился многим современникам поэтессы. Негативно высказывались русский философ Г.Г.Шпет, поэт и критик

К.И.Чуковский. В.А. Меркурьеву упрекали в утрате свободной поэтической дикции, называя её перевод «мёртвым».

Гораздо позже российским поэтом и переводчиком Е.В.Витковским была высказана иная точка зрения, согласно которой он считал переводы В.А.Меркурьевой не буквалистскими, а экспериментальными, не понятыми современниками. Евгений Владимирович не только дал обдуманную оценку работам поэтессы, но также поспособствовал тому, чтобы ознакомить с ними читателей. Таким образом, на Интернет-сайте «Век перевода» появились образцы переводов В.А. Меркурьевой.

Список литературы

1. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.*

2. *Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 173–189.*

3. *Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л.Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «In Memoriam» // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2012. – №1. – С. 324–328.*

4. *Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.*

5. *Жаткин Д.Н. Д.Г.Россетти в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – №1 (23). – С. 199–206.*

6. *Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106*

–110.

7. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.

8. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К вопросу о влиянии А.С.Пушкина на творчество Э.И.Губера (к 200-летию со дня рождения) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – №10-2. – С. 68–70.

9. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.

10. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

11. Жаткин Д.Н. Ода сельскому уединению // Русская речь. – 2009. – №5. – С. 3–11.

12. Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // Русская речь. – 2008. – №1. – С. 3 – 6.

13. Жаткин Д.Н., Чернин В.К. О.Н.Чюмина как переводчик лирического цикла Альфреда Теннисона о Марианне («Марианна», «Марианна на юге») // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – №1. – С. 176–178.

14. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – №4. – С. 203 – 206.

15. Zhatkin D.N., Kruglova T.S., Milotaeva O.S. Russia and Europe: Dialogue of Cultures and Universal Values in Lidiya Chukovskaya's Perception // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Т. 9. – №27. – P. 380–391.

16. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой

рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159–164.

17. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

18. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.

19. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.

20. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3 (40). – С. 232–234.

21. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.

22. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.

23. Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. Н.В.Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – №3. – С. 58–60.

24. Круглова Т.С., Жаткин Д.Н. Немецкие страницы переписки К.И.Чуковского с Л.К.Чуковской // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – №6 (28). – С. 250–256.

25. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в переписке Л.К.Чуковской с Д.С.Самойловым // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 1. – №6 (28). – С. 245–251.

26. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

27. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

28. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. *«Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2010. – №2. – С. 58–69.

29. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. *Поэма Альфреда Теннисона «Леди из Шалотта» в русских переводах конца XIX века // Филологические науки.* – 2009. – №2. – С. 37–46.

30. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. *Поэтический цикл Альфреда Теннисона «In Memoriam» в русских переводах XIX – начала XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология.* – 2009. – №4. – С. 172–176.

31. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. *Бернс и И.И.Козлов: диалог культур // Знание. Понимание. Умение.* – 2007. – №4. – С. 163–166.

УДК 81

**СТАТИСТИЧЕСКИЙ МАШИННЫЙ ПЕРЕВОД МАЛЫХ ЯЗЫКОВ НА
ПРИМЕРЕ ЯНДЕКС.ПЕРЕВОДЧИКА**

*А.Д. Пиякова, Пензенский государственный технологический университет,
г. Пенза, Россия*

**STATISTICAL MACHINE TRANSLATION OF SMALL LANGUAGES ON
THE EXAMPLE OF YANDEX.TRANSLATOR**

A.D. Piyakova, Penza State Technological University, Penza, Russia

Аннотация. Машинный перевод является одним из наиболее приоритетных направлений компьютерной лингвистики, которое исследует использование программного

обеспечения для перевода текста или речи с одного языка на другой. В статье рассматривается метод создания автоматического переводчика для малых языков, разработанный специалистами компании Яндекс.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, машинный перевод

Abstract. Machine translation is one of the most priority sub-fields of computational linguistics that investigates the use of software to translate text or speech from one language to another. The paper considers the method of creating the automatic translator for small languages, developed by specialists of Yandex.

Keywords: computational linguistics, machine translation

E-mail: srsly7@yandex.ru

Джорджтаунский эксперимент был одним из первых опытов применения ЭВМ для работы с естественным языком. Его можно считать точкой отсчёта в появлении машинного перевода. В основе эксперимента лежал подход на словарях и правилах (Rule-Based Machine Translation): система включала словарь из 250 записей и 6 правил.

Согласно пресс-релизу IBM, в демонстрацию было включено более 60 предложений. Большинство из них (48), были простыми предложениями, описывающими процессы органической химии, но так же было несколько более сложных предложений: “Kachyestvo uglya opryedyelyayetsya kaloryynostjyu”-> “The quality of coal is determined by calory content”; “Kraxmal virabativayetsya myexanyicheskyim putyem yiz kartofyelya” -> “Starch is produced by mechanical methods from potatoes”; “Dynamyit pryigotovlyayetsya xyimyicheskyim protsyessom yiz nyitroglyitsyeryina s pryimyesyju yinyertnix soyedyinyenyiy” -> “Dynamite is prepared by chemical process from nitroglycerine with admixture of inert compounds” [1].

Несмотря на простой подход и узкую сферу применения, демонстрация вызвала большой резонанс и лингвисты продолжали выводить новые, всё более подробные правила и пытаться подчинить сложную систему языка.

В 1949 году Уорреном Уивером были впервые разработаны первые идеи статистического машинного перевода. Но его идея была признана ошибочной и

не особо исследовалась до начала «второй волны» в 90х, так как вычислительные мощности были слишком малы и отсутствовали полноценные базы для обучения. Без них машина не могла учитывать контекст и адаптироваться к изменениям языка.

Позже появилась *noisy-channel model*, основанная на идее У. Уивера, и, изначально разработанная компанией IBM для проверки орфографии. Условно, передатчик кодирует информацию M , полученную от источника, и передаёт её по каналу связи, на который действует шум. Шум искажает информацию и приёмник получает N , а потом передаёт N цели. Из-за шума сообщение M искажается и не совпадает с N .

Согласно, этой модели, сообщение M можно восстановить, имея достаточно данных. Преимущество статистического машинного перевода заключается в сравнении большого количества языковых пар. Критично именно большое количество совпадений, чем их больше, тем точнее перевод. Таким образом, компьютер не просто пользуется лингвистическими алгоритмами, а вычисляет вероятность употребления для каждого слова. Слово с наибольшей вероятностью включается в текст перевода.

Процесс перевода осуществлялся в 3 этапа: 1) разбиение исходного текста на набор фразеологических оборотов; 2) использование словаря и контекстной информации, для выбора соответствующего набора фразеологических оборотов в последовательности, формирующей заданное предложение; 3) расположение слов, заданных фразеологических оборотов, в последовательности, формирующей заданное предложение [2].

Но одна из проблем статистического машинного перевода связана с малыми языками, так как точность этого метода зависит от количества корпусов, данных для сопоставления, которых у малых языков недостаточно. Следовательно, точность перевода ощутимо падает [3].

В таком случае принципиальными становятся родственные связи между языками. То есть, отдельные морфологические, синтаксические модели используются для заполнения пробелов в некоторых моделях малого языка.

Яндекс.Переводчик стал одним из первых автоматических переводчиков, поддерживающих язык папьяменто. Папьяменто является смесью испанского, португальского и нидерландского языков. Так же на него оказали влияние английский, аравакский и африканский языки.

У каждого языка всегда есть свои уникальные особенности, отличающие его от других. Это могут быть самые частотные слова и конструкции. Эти особенности и становятся ядром языка. Оно самостоятельно формулируется системой, при сопоставлении текстов. Для этого достаточно небольшого количества текстов: в случае с папьяменто, Яндекс использовал переводы Библии на папьяменто и другие родственные языки (английский, испанский, португальский, голландский), а так же другие документы из сети.

Первый этап создания машинного переводчика для малых языков копирует начальные стадии разработки переводчика для любого другого языка.

- Берётся параллельный корпус, в данном случае текст на папьяменто с русским переводом, и делится на соответствующие друг другу предложения, без указания на соответствия и значения слов.

- Далее система сравнивает все доступные предложения и находит наиболее вероятные соответствия.

- Для каждого слова составляется таблица переводов, где каждому переводу будет соответствовать вероятность (частота встречаемости в корпусе).

Tatanan ta duna un **ehèmpel** di servisio fiel di evangelio = Отцы показывают **пример** преданного Евангельского служения; Esaki ta un rekordatorio serio ku mester pone nos reflekshoná riba e importansia di pone un bon **ehèmpel** = Это отрезвляющее напоминание о том, как важно подавать хороший **пример**; Hesus a pone e **ehèmpel** perfekto di humildat = Иисус подал совершенный **пример** смирения. Следовательно, **ehèmpel** в таблице переводов будет соответствовать русскому слову «пример».

В случае с малыми языками, где доступных корпусов явно недостаточно, система Яндекс.Переводчика обращается к другим, более крупным языкам с похожими моделями.

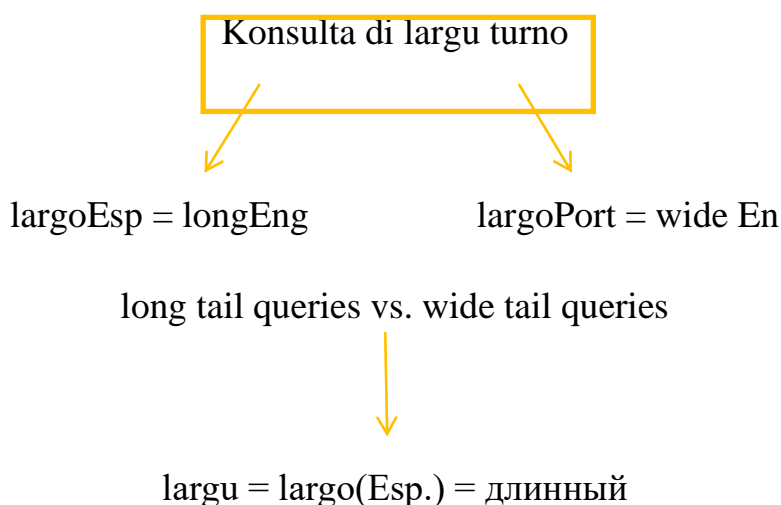
Например, при проблемах образования множественного числа, система обращается к родственному языку – испанскому, в котором окончания –s/-es образуют множественное число. Встречаясь со множественным числом в испанском корпусе, машина ищет соответствия в папьяменто и делает вывод, что маркером множественного числа в этом языка является окончание – nan. Этот же алгоритм работает и для других правил словоизменения.

HACE más de tres mil años, el patriarca Job se dio cuenta de que se puede aprender mucho de la creación de Dios observando las **aves**. = MAS ku 3.000 año pasá, e patriarka Yòb a realisá ku e **paranan** por siña nos hopi di e obranan di Dios. = БОЛЕЕ 3 000 лет назад богобоязненный человек по имени Иов осознал, что **птицы** могут многое рассказать о Творце.

Если же компьютер не знает даже начальную форму слова, то она находит похожие слова в доступных корпусах других языков. Технология Яндекса умеет понимать различие звуков и заимствовать какие-то слова при переводе:

cas = casa (Esp.) = дом

Соответствий может быть несколько, причём у каждого из них могут быть разные значения. Встретив неизвестное слово в папьяменто, переводчик находит два соответствия в корпусах родственных языков, и если они имеют разные значения, то система строит оба варианта перевода, а затем, анализируя большое количество корпусов, делает вывод, какой из вариантов более вероятен. Например:

Благодаря учёту таких факторов как родственные связи и созданию комплексных моделей языков, Яндекс удалось сделать переводчик для языка с всего лишь 300.000 носителей и мизерным количеством параллельных текстов, на основании которых, обычный статистический машинный перевод не смог бы создать полноценный переводчик.

Список литературы

1. *Hutchins J. Publications on machine translation, computer-based translation technologies, linguistics and other topics [Электронный ресурс] // The first public demonstration of machine translation: the Georgetown-IBM system, 7th January 1954. URL: <http://www.hutchinsweb.me.uk/GU-IBM-2005.pdf> (дата обращения 08.03.2018)*

2. *Association for Computational Linguistics [Электронный ресурс] // A STATISTICAL APPROACH TO LANGUAGE TRANSLATION. URL: <http://aclweb.org/anthology/C/C88/C88-1016.pdf> (дата обращения 8.03.2018)*

3. *Koehn P. Statistical Machine Translation. – N.Y.: Cambridge University Press, 2010. – С. 51–56.*

4. *N+1 [Электронный ресурс] // URL: <https://nplus1.ru/material/2016/12/28/small-languages-yandex> (дата обращения 08.03.2018).*

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ АББРЕВИАТУР И АКРОНИМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

*М.М. Расулова, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

THE PECULIARITIES IN TRANSLATION OF ENGLISH ABBREVIATIONS AND ACRONYMS INTO RUSSIAN

М.М. Rasulova, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В работе исследованы особенности перевода аббревиатур, иных сокращений английского языка на русский язык; проблемы перевода рассмотрены с учетом стилистических, лексических и грамматических особенностей различных языков.

Ключевые слова: аббревиатура, терминология, акроним.

Abstract. This article considers the problem of translation of abbreviations and other shortened forms from English into Russian, means and ways of performing the translation in the aspect of stylistic, lexical and grammatical specialties of English language.

Keywords: abbreviation, terminology, acronym.

E-mail: mrasulova@gmail.com

Проблема связи смысловой и звуковой форм аббревиатур является одной из сложных и спорных проблем в теории аббревиации. Согласно ей, аббревиатуры могут быть либо признаны полноценными словами, либо отнесены к «лексико-семантическим вариантам» полных форм, которые не имеют собственного значения, следовательно, не могут считаться словами в широком смысле.

Единство формы и содержания, т.е. взаимосвязь между звучанием и значением, занимает главное место в рассмотрении вопроса аббревиации. Эта связь усматривается в том, что смысл первоначального словосочетания закрепляется не только за аббревиатурой в целом, но и за каждым ее элементом – звуком или звукосочетанием, входящим в состав аббревиатуры. Компоненты исходного словосочетания называются «расшифровкой», т.е. аббревиатура обретает смысл благодаря «расшифровке», за исключением некоторых особых случаев. Однако при значительном распространении слова и его долгом использовании в речи со временем устанавливается прямая связь между звучанием и смыслом, тогда аббревиатура становится понятной без расшифровки. Единство формы и содержания, или звучания и значения, в аббревиатуре двойственно:

1) сложносокращенное слово не обладает самостоятельным значением, т.е. не существует вне смысла и формы оригинального словосочетания, которое является его расшифровкой;

2) подразумевается соотнесение не двух лексических единиц – аббревиатуры и словосочетания, а их элементов, следовательно, каждый компонент аббревиатуры несет смысл соответствующего слова в составе

оригинального словосочетания.

Существуют три основных способа перевода аббревиатур и акронимов с английского языка на русский язык:

- транслитерация;
- заимствование аббревиатуры или акронима в исходном виде (на английском языке);
- создание эквивалентной аббревиатуры или акронима из русских слов.

Кроме того, существуют смешанные варианты.

При транслитерации аббревиатура или акроним переписывается средствами другой алфавитной системы, например: англ. DTIC – «dacarbazine» соответствует рус. ДТИК – «дакарбазин» (противоопухолевый препарат); англ. PPD – «purified protein derivative» соответствует рус. ППД – «очищенный от белка туберкулин». Элементы инициализма не расшифровываются по-русски – заимствуются внешняя оболочка и смысл аббревиатуры как единое целое: англ. LH-RF – «luteinizing hormone-releasing factor» соответствует рус. ЛГ-РФ – «лютеинизирующего гормона гипофиза рилизинг-фактор». Это пограничный случай, он максимально приближен к иноязычному написанию, но производится логичная замена буквы «h» (hormone) на букву «г» (гормон).

Аббревиатуры и акронимы могут заимствоваться в оригинальном виде, в котором они были в исходном тексте, например: англ. CCNU – «Chloroethyl-Cyclohexyl-NitrosoUrea» (code designation for lomustine) в русском соответствует CCNU – «ломустин» (antineoplastic препарат); англ. LEC – «lupus erythematosus cell» соответствует рус. LE-клетка – «волчаночная клетка». Данный пример можно считать пограничным, поскольку одна часть аббревиатуры сохраняется в исходном виде, другая – переводится. То же самое можно сказать и о следующем примере с разницей лишь в том, что переводится начальная часть аббревиатуры: англ. LP-X – «lipoprotein X» соответствует рус. липопротеин X – «аномальный липопротеин».

Аббревиатуры или акронимы могут быть созданы из русских эквивалентных терминов, например: англ. AA – «Alcoholics Anonymous»

соответствует рус. ОАА – «Общество анонимных алкоголиков»; англ. A/B – «acid-base ratio» соответствует рус. КОС – «кислотноосновное состояние».

Согласно М.В.Протасенко и И.В.Грединой [38, с. 638], процесс перевода английского сокращения выполняется в два этапа – дешифровка, т. е. выявление английского оригинального словосочетания и передача элемента или ряда взаимообусловленных, соотносительных элементов средствами русского языка, т.е. поиск эквивалентного слова в русском языке, которое наиболее точно передает содержание.

Дешифровка включает следующие этапы:

1. Просмотр микроконтекста (идеи предложения) и макроконтекста (идеи абзаца, раздела, текста в зависимости от ситуации), что позволяет определить принадлежность сокращения к определенной сфере деятельности и облегчить поиск соответствия.

2. Поиск соответствия и варианта перевода аббревиатуры в русско-английских или англо-русских разделах сокращений, словарях сокращений, специальных справочниках.

3. Поиск соответствия аббревиатуры в англо-английских разделах, справочниках и словарях сокращений.

4. Повторение действий второго и третьего этапов, если сокращение начинается со второй/третьей буквы исходной аббревиатуры, что часто приносит результаты, ибо крайние левые буквы аббревиатуры являются уточняющими определениями исходной терминологической группы, которые могли отсутствовать на момент издания словаря.

5. Изучение тематически близких текстов.

6. Воссоздание исходной терминологической группы, если выше обозначенные методы ничего не дали, часто с привлечением специалистов, что, однако, также не может гарантировать надежного результата. Для воссоздания из текста выписываются все предложения, содержащие реконструируемую аббревиатуру, и из специализированного словаря сокращений – наиболее эквивалентные микроконтексту соответствия для каждой буквы аббревиатуры.

Данные действия необходимо выполнять справа налево и начинать их с анализа и отбора предполагаемых соответствий для крайней правой буквы сокращения, которая соответствует ключевому слову в словосочетании. Этот термин должен обладать наиболее широким значением в пределах анализируемого микроконтекста, например, если последней буквой сокращения является S, а микроконтекстом – аппарат управления металлопрокатного станка, то возможно буква S соответствует слову System. Каждое последующее левое определение по своему значению более узкое, чем предшествующее. Проверка правильности выбора соответствия осуществляется подстановкой реконструированной части терминологической группы во все предложения на каждом этапе – при этом каждое из них должно обретать смысл и соответствовать общему тематическому контексту.

Передача выявленного соответствия средствами русского языка выполняется следующими способами:

1. Передача английской аббревиатуры соответствующим русским сокращением. При этом способе предполагается наличие данного сокращения в языке перевода. Необходимо найти русский источник, который будет максимально близким по содержанию к оригинальному микроконтексту аббревиатуры. Затем установить наличие или отсутствие соответствующей аббревиатуры в русском языке при помощи сверки. Наиболее оптимальным решением является нахождение утвердившейся в языке аббревиатуры. В языке перевода аббревиатура может быть построена по той же модели, например, в физике металлов: GJ (GigaJoule) – ГДж (гигаджоуль). Однако, в связи с тем, что в английских научно-технических текстах аббревиатуры более распространены, чем в русских, при переводе с английского языка на русский необходимо переводить английскую аббревиатуру, не имеющую эквивалентную аббревиатуру на языке перевода, полным русским словосочетанием, например: EAF (Electric Arc Furnace) – дуговая сталеплавильная печь, а не ДСП, т.е. «деревянно-стружечные панели». Из-за преобладания интернациональных корней в названиях единиц измерения и физических величин существует

возможность совершить ошибку при переводе. Поэтому необходимо внимательно проверять написание эквивалентной русской аббревиатуры, какой бы простой она не выглядела. Если эквивалент английской аббревиатуры в русском языке отсутствует, то можно передать содержание соответствия с помощью способов, о которых мы говорим далее.

2. Заимствование английской аббревиатуры. Например, в письменной речи многих индоевропейских языков существуют латинские аббревиатуры, используемые в языке перевода в исходном виде, т. е. в оригинальной форме и без использования транслитерации или транскрипции, например: P. S. (латин. *post scriptum* – «после написанного»), постскриптум, рус. послесловие – дополнение к законченному и уже подписанному письму.

3. Передача английского сокращения с помощью транслитерации и транскрипции широко используется для воссоздания заимствованных сокращений: многие ассимилированные термины, заимствованные методом транслитерации из английского языка, записываются без кавычек и прописными буквами, например, VOD (Vacuum Oxygen Decarburization) – обезуглероживание стали кислородом в вакууме можно записать «процесс ВОД». В результате часто появляется немотивированная с точки зрения языка перевода единица, например, сокращение в английском языке LME (London Metal Exchange) нелогично преобразовать в ЛМЕ из перевода исходной формы «Лондонская биржа металлов», соответственно, в языке перевода получаем ЛБМ. Причем, транскрипция исходной формы допустима, если в языке перевода не существует соответствующей формы перевода (название предприятия, компании и др.), например, REACH (Registration, Evaluation, Authorisation and Restriction of Chemicals) передаётся в русском языке как РИЧ в связи с таким описанием «Регламент ЕС, касающийся правил регистрации, оценки, санкционирования и ограничения использования химических веществ». В последнее время популярность приобрела транскрипция побуквенного произношения сокращения.

4. Описательный перевод аббревиатуры. Если в языке перевода нет

соответствующей аббревиатуры, то используется описательный метод, при котором исходная единица просто переводится: LCS (Low-Carbon Steel) – низкоуглеродистая сталь, MSCI, Metals Service Center Institute – Институт центров складирования и распределения металлов.

5. Создание нового русского сокращения. Новое сокращение создается в соответствии с закономерностями аббревиации языка перевода, например: IO (Iron Ore) – ЖРС (железорудное сырье). Создание новой аббревиатуры в русском языке рекомендуется только при консультации со специалистами в данной области. Для введения в научный оборот новой аббревиатуры нужно иметь причины, т. е. использовать все вышеперечисленные способы без нужных результатов, также требуется одобрение со стороны специалистов.

Каждый из подходов к переводу аббревиатур имеет свои недостатки и преимущества, поэтому стоит выбирать наиболее подходящий в каждой конкретной ситуации. При выборе метода перевода нужно учитывать многие факторы:

- аббревиатуры и сокращения включают в себя целый ряд экстралингвистических компонентов и адекватно воспринимаются на языке перевода только при гармоничном оформлении и сочетании;

- выбор способа перевода зависит от удобства произношения и написания на русском языке, традиционности перевода в других языках, характера переводимого текста, аудитории, на которую ориентирован текст, психологических особенностей переводчика, следования определенным литературным традициям, зависимости от конкретных обстоятельств;

- использование предварительного раскрытия аббревиатуры или сохранение развернутого сокращения во всем тексте перевода могут быть сопряжены с отсутствием конкретных явлений и предметов в нашей жизни.

Задача переводчика – использовать знания теории основ перевода и экстралингвистических реалий, способствующих адекватности перевода, для передачи коммуникативной функции подлинника, что неоднократно подчеркивалось в целом ряде работ [см., напр.: 1, р. 509 – 517; 2, с. 116–135; 3,

с. 107 – 115; 4, с. 173–189; 5, с. 58–69; 6, с. 37–46; 7, с. 172–176; 8, с. 110–114; 9, с. 161–165; 10, с. 280–284; 11; 12, с. 3–6; 13, с. 176–178; 14, с. 203–206; 15, р. 380–391; 16, с. 159–164; 17, с. 95–104; 18, с. 693–697; 19, с. 215–222; 20, с. 232–234; 21, с. 145–149; 22, с. 76–92; 23, с. 58–60; 24, с. 250–256; 25, с. 245–251; 26, с. 365–369; 27, с. 95–104; 28, с. 180–183; 29, с. 58–69; 30, с. 294–301; 31, с. 57–60; 32, с. 163–166].

Список литературы

1. *Zhatkin D.N., Kruglova T.S. Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.*

2. *Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.*

3. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.*

4. *Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 173–189.*

5. *Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 58– 69.*

6. *Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Леди из Шалотта» в русских переводах конца XIX века // Филологические науки. – 2009. – №2. – С. 37–46.*

7. *Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэтический цикл Альфреда Теннисона «In Memoriam» в русских переводах XIX – начала XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. –*

2009. – №4. – С. 172–176.

8. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – №4. – С. 110–114.

9. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.

10. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

11. Круглова Т.С. Адресованная лирика русского модернизма: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013.

12. Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // Русская речь. – 2008. – №1. – С. 3 – 6.

13. Жаткин Д.Н., Чернин В.К. О.Н.Чюмина как переводчик лирического цикла Альфреда Теннисона о Марианне («Марианна», «Марианна на юге») // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – №1. – С. 176–178.

14. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – №4. – С. 203 – 206.

15. Zhatkin D.N., Kruglova T.S., Milotaeva O.S. Russia and Europe: Dialogue of Cultures and Universal Values in Lidiya Chukovskaya's Perception // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Т. 9. – №27. – P. 380–391.

16. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

17. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* –2014. – №2 (30). – С. 95–104.
18. Жаткин Д.Н. *Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2016. – №3-4. – С. 693–697.
19. Жаткин Д.Н. *Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского.* – 2016. – №3. – С. 215–222.
20. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования.* – 2013. – №3 (40). – С. 232–234.
21. Жаткин Д.Н. *Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2015. – №10-1. – С. 145–149.
22. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.
23. Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. *Н.В.Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // Культурная жизнь Юга России.* – 2010. – №3. – С. 58–60.
24. Круглова Т.С., Жаткин Д.Н. *Немецкие страницы переписки К.И.Чуковского с Л.К.Чуковской // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс.* – 2015. – Т. 2. – №6 (28). – С. 250–256.
25. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Образы немецкого мира в переписке Л.К.Чуковской с Д.С.Самойловым // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс.* – 2015. – Т. 1. – №6 (28). – С. 245–251.
26. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2015. – №9-2. – С. 365–369.
27. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *И.И.Хемницер и немецкая литература (к*

постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

28 Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Погребальная песня» А.Теннисона в русских переводах второй половины XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – №10. – С. 180–183.

29. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Элегия Альфреда Теннисона «Умиряющая лебедь» в русских переводах XIX в.: опыт сопоставительного анализа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 58–69.

30. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Е.Мин – переводчик произведений Альфреда Теннисона // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 294–301.

31. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И.Козлов и классики английской литературы (У.Шекспир, Р.Бёрнс): традиции и переводы // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2008. – №47. – С. 57–60.

32. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Бернс и И.И.Козлов: диалог культур // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – №4. – С. 163–166.

УДК 81

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ В МЕДИЦИНЕ

*М.М. Расулова, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

THE PROBLEM OF TRANSLATION OF ABBREVIATIONS AND SHORTENED FORMS IN MEDICINE

M.M. Rasulova, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В работе исследована проблема перевода аббревиатур и сокращений в медицине на русский язык; рассмотрены причины возникновения трудностей в переводческом процессе.

Ключевые слова: медицина, перевод, терминология, аббревиатура.

Abstract. This article considers the problem of translation of abbreviations and other shortened forms from English into Russian, the origin of emerging difficulties by translating.

Keywords: medicine, translation, terminology, abbreviation.

E-mail: mrasulova@gmail.com

В связи с особенной склонностью английского языка к экономии языковых средств, упрощению грамматических конструкций [см. подробнее: 1, с. 324 – 328; 2, с. 116–135; 3, с. 57 – 60; 4, с. 173–189; 5, с. 199–206; 6, с. 106–110; 7, с. 82–91; 8, с. 68–70; 9, с. 104–118; 10, с. 280–284; 11, р. 509–517; 12, с. 3–6; 13, с. 176–178; 14, с. 203–206; 15, р. 380–391; 16, с. 159–164; 17, с. 95–104; 18, с. 693–697; 19, с. 215–222; 20, с. 232–234; 21, с. 145–149; 22, с. 76–92; 23, с. 58–60; 24, с. 250–256; 25, с. 245–251; 26, с. 365–369; 27, с. 95–104; 28, с. 5958–5962; 29, с. 58–69; 30, с. 294–301; 31, с. 57–60], ему присуща развитая система аббревиации и широкие перспективы для ее дальнейшего развития. А потому проблема перевода аббревиатур стоит очень остро. Точность и однозначность аббревиатуры важна в любой области науки, но в медицине данная проблема представляется жизненно важной.

Отличительной чертой медицинского перевода является высокий уровень терминологичности. Под термином понимается слово или словосочетание, имеющее профессиональное специализированное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие.

В английском языке, в отличие от русского, наблюдается тенденция к сокращению любого термина. То, что называется термином в русском языке, в английском превращается в аббревиатуру: LK – left kidney – левая почка; RK – right kidney – правая почка; LN – liquid nitrogen – жидкий азот.

Особую трудность для переводчика медицинских текстов представляют аббревиатуры и сокращения латинского происхождения. Такие аббревиатуры распространены в письменной, официальной, неофициальной и разговорной речи. Они стоят особняком еще и потому, что расшифровки, т. е. латинские прототипы большинства аббревиатур, совершенно забыты, поэтому их

справедливо можно считать «условными обозначениями» некоторых английских терминов. Перевод медицинских текстов требует от переводчика знания или понимания латинского языка, т. к. в современной английской медицинской терминологии большая часть терминов имеет греко-латинское происхождение. Данный класс представлен такими аббревиатурами, как: а.с. «ante cibum» – before meals – перед едой; b.i.d. «bis in die» – twice a day – два раза в день; р.о. «per os» – orally – для приема внутрь и т.д. Например, в справке от офтальмолога можно найти сокращения OD, OS, которые расшифровываются в латинском языке как oculus dexter, oculus sinister (правый глаз и левый глаз), что может поставить в тупик переводчика-новичка. Например, термин peritonitis (перитонит) составлен из греч. peritoneum – брюшина + -itis – воспаление. Термин был введен французским патологоанатомом Соважем в XVIII в. Термин chondrodermatitis (хондродерматит) – состоит из элементов chondro (от греч. chondros – хрящ) + derm (от греч. derma – кожа) + -itis. Это заболевание впервые было описано и получило свое название благодаря исследованиям дерматолога Винклера из Люцерна (Швейцария) в 1915 г.

«У многих аббревиатур появляется собственное произношение – либо алфавитное (BP «blood pressure» – кровяное давление; GP «general practitioner» – врач общей практики; GB «gallbladder» – желчный пузырь; OD «occupational disease» – профессиональное заболевание), либо звуковое (AIMES, JAMA – названия медицинских журналов). Зачастую алфавитный способ произношения находит отражение в орфографическом оформлении: Bee-pee «blood pressure», Gee-pee «general practitioner». Такая форма аббревиатур, как правило, затрудняет процесс перевода, усиливая неоднозначность восприятия сокращения, т. е. нарушается соотношение между планом выражения и планом содержания». Как отмечает Л.Ю.Зубова, аббревиатуры такого типа, обретают «собственную формообразовательную парадигму и не отличаются в этом смысле от обычного слова». Например, ODs «patient with over dosage of some drug» – пациенты, получившие передозировку лекарства. Данные аббревиатуры

могут служить основой для последующего словообразования: FACP – fasper «Fellow of the American College of Physicians» – член Американской коллегии терапевтов.

Нельзя забывать и о смешанных аббревиатурах, которые при переводе становятся полуалфавитизмами: DDSO [di:di:sou] «diamino-diphenyl sulphoxide» диамино-дифенил сульфоксид; TRITC [tri:ti:si:] «tetramethylrhodamine isothiocyanate» тетраметилродамин изотиоцианат.

Другой разновидностью смешанного типа аббревиатур является лексема, где одним элементом становится инициализм, другим – полноценное слово: H disease «Hart's disease» – болезнь Харта; L-dopa – леводопа. Большое распространение в настоящее время получают так называемые омоакронимы, т.е. акронимы, омонимичные обычным словам. HEAR «hospital emergency ambulance radio» – рация больничной кареты неотложной медицинской помощи и to hear – слышать; TOP «termination of pregnancy» – предполагаемый срок родов и a top – наивысшая точка чего-либо. Часто омоакронимы используются для получения рекламного эффекта, оказания психологического воздействия на человека. Тем самым они облегчают работу переводчика, подсказывая ему назначение данного объекта, указывая на его свойства и т. д.: BEST «blitz electroshock therapy» – электрошоковая терапия и the best – лучший. Особенно тщательно и внимательно следует относиться к переводу на русский язык акронимов, т. к. этот вид сокращений очень популярен в письменной речи медицинских статей, аннотаций, справочников и т. д.

Многие аббревиатуры переводятся также с помощью транслитерации, например: DTIC – ДТИК – дакарбазин (противоопухолевый препарат), PPD – ППД – очищенный от белка туберкулин, многие – с помощью создания аббревиатуры из русских эквивалентных терминов, например: AA (Alcoholics Anonymous) – ОАА (Общество анонимных алкоголиков), HDL (high density lipoproteins) – ЛПВП (липопротеиды высокой плотности).

Эллипсис, как лингвистическое явление, находит большое распространение в профессиональной среде, связанной с общественной

деятельностью. Это легко объясняется стереотипами ситуаций производственной деятельности. Если сравнивать с другими типами усечений, эллипсис стилистически достаточно нейтрален. Эллиптические образования могут переходить из неофициальной разговорной в официальную речь, если слово теряет свою узкую профессиональную прикрепленность. Эллипсису обычно подвергаются атрибутивные словосочетания (прилагательное + существительное). Здесь возможны два варианта. В первом случае происходит опущение существительного и субстантивация прилагательного (т. е. переход прилагательного в существительное). При этом значение всего словосочетания концентрируется в атрибуте: abdominal (N) (abdominal case) – заболевание (органа) брюшной полости; attending (N) (attending physician) – лечащий врач; central (N) (Central Emergency) – главный пункт скорой медицинской помощи. Доказательством перехода прилагательного в разряд существительных является приобретение им всех признаков существительного, например, окончаний: vitals (vital signs (temperature, pulse, respiration)) – жизненно важные показатели состояния здоровья. Во втором случае носителем концентрированной семантики является существительное: section (Cesarean section) – кесарево сечение.

Эллипсису подвергаются также словосочетания существительных: prolapse (prolapse of the rectum) – выпадение прямой кишки, tonsil (tonsil operation) – удаление гланд, Zondek (Zondek test) – тест Зондека.

В современном мире осуществляется активное сотрудничество и международный обмен опытом в сфере медицины и здравоохранения. Перевод текстов медицинской и фармацевтической тематики – это узкоспециализированный вид перевода, для выполнения которого требуется переводчик, который владеет не только соответствующим иностранным языком, но и специальной терминологией переводимого текста. Кроме этого, характерной чертой современной медицины является рост количества узких специальностей, появление новых методик лечения и разработка специализированного оборудования и материалов. Соответственно возрастают

требования к квалификации переводчика. К переводу медицинской документации привлекаются только опытные переводчики, имеющие определенные знания в области медицины и фармацевтики. Медицинский перевод занимает особое место среди других видов научно-технического перевода, так как имеет непосредственное отношение к жизни и здоровью человека. Помимо специализированной медицинской терминологии, медицинских аббревиатур и сокращений в медицинских документах встречается неразборчивый рукописный текст. Дополнительная сложность состоит также в том, что ежегодно медицинская лексика пополняется сотнями новых наименований, а ранее употребляемые слова и выражения могут приобретать новое значение. Активно расширяется лексикон специализированных областей медицины (радиология, рентгенология, иммунология, онкология). Возрастает также количество новых названий медицинских препаратов и материалов.

Международные акронимы:

– DSM-IV = Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders – Диагностическое и статистическое руководство по расстройствам психики, руководство, издаваемое Американской психиатрической ассоциацией – American Psychiatric Association (APA), включающее все в настоящее время признанные расстройства психического здоровья и соответствующее Международной классификации болезней – International Classification of Diseases (ICD),

– EOA = epithelioma – эпителиома,

– PCB = placebo – плацебо,

– QRS = complex – комплекс,

– TTT = treatment – лечение,

Общепринятые символы в медицине:

– * = birth – рождение, † = death – смерть,

– Δ = diastolic blood pressure – диастолическое кровяное давление, v = systolic pressure – систолическое кровяное давление,

– \bar{a} = before – до, \dot{p} = after – после,

– \odot = start of operation – начало операции, \otimes = end of operation – окончание операции,

– Ψ = psychologist – психолог,

– (\pm) = possibly significant – возможно значительный,

– \lceil = right upper quadrant – правильный верхний сектор,

– $\downarrow\downarrow$ = plantar response – реакция сгибающей мышцы, $\uparrow\uparrow$ = extensor response – реакция разгибающей мышцы,

– f_3 = fluid ounce – жидкая унция,

– # = fracture – перелом.

Сокращения, обозначающие процедуры:

CABG – Coronary Artery Bypass Graft, пересадка ткани при коронарном шунтировании, произносится “cabbage” (капуста) и известная как «шунтирование».

– (FR) le pontage aorto-coronarien (PAC) or CABG,

– (IT) il bypass aorto-coronarico (BAC) or CABG or cabbage,

– (ES) el bypass arterial coronaria or CABG,

– (DE) der aorto-coronarer-venen-bypass (ACVB).

Сокращения-приказы:

ELISA – enzyme-linked immunosorbent assay – тест на связанный с ферментом иммуносорбент, легко перепутать с именем, иначе enzyme immunoassay (AIE) – иммунологическое обследование на фермент.

– (FR) la méthode immunoenzymatique (MI) or le dosage d'immunosorption liée à enzyme or ELISA,

– (IT) il dosaggio immune adsorbito legato ad un enzima or ELISA,

– (ES) el análisis de inmunoabsorción Ligado a enzimas or ELISA,

– (DE) ein enzymgekoppelter immunadsorptionstest (EIA) or der bezeichnet ein immunologisches achweisverfahren or ELISA.

Сокращения, обозначающие клинические исследования:

– PROGRESS – Perindopril Protection Against Recurrent Stroke Study – исследование профилактики рецидива инсульта с помощью периндоприла, легко перепутать с лексемой “прогресс” = «прогресс» без контекста.

– RALES – Randomized Aldactone Evaluation Study – оценочное исследование с помощью рандомизированного альдактона, легко спутать со словом “rales” = хрипы.

Сокращения в медицинском жаргоне:

Медицинский жаргон более распространен в устной речи, нежели в письменной. Он – своеобразная реалья медицинской профессии, варьируется от крайне уничижительной тональности до юмористической.

– (EN) VIP = very intoxicated person – очень пьяный человек,

– (EN) VCV = Very Close Veins = varicose veins – варикозные вены, варикоз,

– (EN) TEETH = tried everything else, try homeopathy – испробовал всё, попробуй гомеопатию,

– (FR) DCD (décedé) = dead – мертвый,

– (FR) = PPH (ne passera pas l’hiver) = won’t make it through winter – не переживет зиму, долго не протянет, не дотянет до весны, очень слаб,

– (PT) Síndrome JEC (Jesus Está Chamando = “Jesus is calling” – «Бог звонит») = terminal patient – больной в терминальной стадии.

Пропуск акронимов:

В некоторых языках скорее используются термины, заимствованные из латинского языка, чем акронимы, более типичные для английского языка.

– CAD (coronary artery disease – заболевание коронарной артерии) Cardiopathy,

– CBC (complete blood count – полный анализ крови) Hemogram,

– SOB (shortness of breath – одышка) Dyspnea.

Различное количество терминов, формирующих акроним:

– Anterior interventricular artery bypass (AIV bypass) – передняя межжелудочковая ветвь левой коронарной артерии (ПМЖВ),

– (FR) le pontage artère interventriculaire antérieure (PIVA), Esophagogastroduodenoscopy (EGD) – эзофагогастродуоденоскопия (ЭГДС),

- (FR) la fibroscopie œsogastro-duodénale (FOGD), Multiple Sclerosis (MS) – рассеянный склероз

- (FR) la sclérose en plaques (SEP), Right bundle branch block (RBBB) – блокада правой ножки предсердно-желудочкового пучка, блокада правой ножки пучка Гиса,

- (ES) el bloqueo de rama derecha (BRD), Urinary Tract Infection (UTI) – инфекция мочеиспускательного канала

Инверсия.

В романских языках грамматика диктует порядок существительных и прилагательных, означая, что акронимы часто содержат те же самые буквы, но они не стоят в том же самом порядке.

– (EN) AIDS (СПИД) = SIDA (FR, ES, PT, RO),

– (EN) CBEU (cytobacteriological examination of urine – цитобактериологический анализ мочи) = EBCU (FR, ES, IT, PT, RO),

– (EN) CVA (cerebrovascular accident – инсульт) = ACV (FR, ES, IT, PT),

– (EN) MI (mitral insufficiency – митральная недостаточность, недостаточность митрального клапана) = IM (FR, ES, IT, PT, RO),

– (EN) MRI (magnetic resonance imaging – магнитно-резонансная томография – МРТ) = IRM (FR, ES, IT, PT).

Трудна для перевода документация, связанная с медицинским обслуживанием пациентов – эпикризы, выписки, истории болезни, результаты лабораторных и инструментальных обследований, анализов, протоколы операций, заключения специалистов. Переводчик должен учитывать, для кого предназначается переводимая им информация. В частности, к переводам, которые предоставляются вместе с документами в контрольно-разрешительные органы, требования могут быть несколько снижены. В отличие от этого перевод медицинской документации для пациента и лечащих его врачей требует особенной точности и ответственности. Если перевод предназначается для

пациентов, следует избегать непонятных объяснений и специализированных терминов и сокращений (кроме широко известных и общепринятых). Наличие терминов и латинских названий допускается в переводах, предназначенных для врачей. Используемые в документах латинские названия и сокращения адресуются в первую очередь врачам-специалистам и традиционно обладают однозначностью определений.

Также в современных медицинских текстах, благодаря интеграции медицинских специалистов, присутствуют многочисленные термины, заимствованные из разных языков в неизменном виде или адаптированные к языку документа. Подобные слова и выражения часто встречаются в документах, получаемых пациентами в международных клиниках и медицинских центрах, в которых трудятся многонациональные коллективы врачей. Такая коллективная работа приводит к появлению иногда весьма своеобразных терминов и выражений, которые используются только в определенном учреждении. В таких случаях особенное значение приобретают именно латинские названия, являющиеся общепринятыми на международном уровне. Нельзя не принимать во внимание также различия в оформлении документации, принятой форме записи, стиле изложения. Кроме этого, в медицинской сфере определенные термины применяется параллельно с международными, при этом первые относятся преимущественно к общеупотребительной лексике, а вторые – к специальной лексике. Нередки в таких переводах гибридные слова и словосочетания, своеобразные «многоязычные» лексические единицы, использующие, например, латинский корень и немецкое окончание.

В настоящее время специализированные медицинские словари не всегда успевают фиксировать вновь образующиеся лексические единицы, поэтому источником информации для переводчика должна служить специализированная литература (актуальные публикации, журналы, материалы конференций). Также не следует пренебрегать возможностями, предоставляемыми Интернетом.

Как еще одну сторону этой проблемы можно упомянуть специальные термины, которые используются при введении в действие новых законодательных актов, регулирующих сферу медицины, или при внесении изменений в уже существующие постановления и инструкции. Дополнительную сложность для переводчика представляют переводы, касающиеся сомнительных или трудных случаев или заболеваний. Здесь особую роль играет добросовестность и внимательность переводчика, умение правильно и точно перевести иногда расплывчатые и неопределенные медицинские выражения, не потеряв вкладываемый в них смысл, внутреннюю логику изложения. Здесь представляется уместным привести для переводчика слова Гиппократов «Не навреди», ибо неточный перевод может привести к неверному диагнозу и, в результате, ненадлежащему лечению, и даже к печальному исходу. Если переводчик не обладает необходимыми знаниями для конкретного случая, следует позаботиться о консультации с врачом-специалистом в данной сфере, ознакомиться со специальными медицинскими публикациями и другими источниками.

Особую трудность в переводах, которые предназначены для пациентов, занимают рукописные документы. «Врачебный» почерк давно стал синонимом неразборчивого. Непростая задача для переводчика, если документ на иностранном языке написан таким почерком. Известны случаи, когда переводчик, отчаявшись разобрать рукописный текст, связывался с его автором по указанному в документе телефону или электронной почте с целью уточнения написанного. При затруднениях в прочтении почерка, кроме профессионального медицинского знания, помогает применение поиска в электронных словарях по маске. Поиск по маске – это программная возможность поиска слов или словосочетаний по заголовкам карточек словаря с использованием подстановки символов. Он выполняется во всех включенных словарях выбранной группы в прямом направлении перевода только среди слов и словосочетаний из определенного списка слов. Поиском по маске можно воспользоваться в случаях, если точное написание слова неизвестно. Например,

найти список слов, если известна только часть слова, корень, окончание или несколько разных букв слова. Но даже если удастся подобрать подходящее слово или выражение, нельзя гарантировать, что именно оно было использовано в оригинале документа. Поэтому вопрос о специальной профессиональной подготовке переводчика остается актуальным. Только опытные переводчики, имеющие определенные знания в области медицины и фармацевтики, могут справиться с такой задачей. Особую трудность для перевода представляют аббревиатуры на языке оригинала, а также сокращения латинского происхождения. Расшифровка аббревиатур при переводе с европейских языков, алфавит которых совпадает с латинским, может привести к неправильному пониманию сокращенного выражения.

Аббревиатуры латинского происхождения распространены как в письменной официальной, так и в неофициальной разговорной речи медицинских специалистов. Некоторые из них приобрели статус условных обозначений, их применяют как самостоятельные лексические единицы, не задумываясь о расшифровке. Здесь тоже необходимо избежать путаницы. Например, привычно применяемая врачами-офтальмологами аббревиатура OD, расшифровываемая как *oculus dexter* (правый глаз), в других случаях может обозначать «профессиональное заболевание» (*occupational disease*) или «пациентов с передозировкой лекарства» (*patients with overdosage of some drug*). И это не все возможные значения для OD.

В научных текстах специалисты стараются приводить расшифровку применяемых сокращений. В текстах, предназначенных для пациента, врач не уделяет этому внимания. Поэтому переводчик иногда оказывается перед выбором из нескольких возможных вариантов. В таких случаях следует руководствоваться контекстом или попробовать найти похожий документ с приведенными расшифрованными сокращениями и аббревиатурами. Нередки случаи, когда для переводчика специально оговаривается необходимость расшифровки всех аббревиатур и сокращений, встречающихся в переводимом тексте. Проблема точности и однозначности аббревиатур в медицине является

жизненно важной. Несмотря на такую важность, англоязычные тексты зачастую изобилуют аббревиатурами, что повышает трудность восприятия медицинской информации.

Наиболее часто, особенно при переводе специальных, научно-технических текстов, переводчиком выполняется передача иностранного сокращения эквивалентным русским сокращением; также возможно создание аббревиатуры из эквивалентных терминов. При применении этого способа нужно быть уверенным в существовании действительно устойчивого, эквивалентного сокращения, в случае сомнений следует проверять его написание с помощью специальной литературы. В качестве примера можно привести аббревиатуру AIDS (Acquired Immune Deficiency Syndrome) – СПИД (синдром приобретенного иммунодефицита); в немецком языке, несмотря на расшифровку «Syndrom des erworbenen Immunodefizites», также применяется аббревиатура AIDS.

Помимо вышеперечисленных трудностей, медицинские тексты, предоставляемые для перевода, отличаются также своеобразным построением предложений (грамматические отношения между словами становятся ясными лишь при учете смысла), структурой предложения (проблема определения логического ударения в предложении), также возможно неудачное построение предложений, содержащих множество развернутых определений, затрудняющих установление связи между словами. Все это приводит к возникновению неоднозначности переводимого текста. Также при подготовке медицинских документов часто используются клише и терминологизированные словосочетания.

Список литературы

1. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. *Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.*
2. Zhatkin D.N., Kruglova T.S., Milotaeva O.S. *Russia and Europe: Dialogue of Cultures and Universal Values in Lidiya Chukovskaya's Perception //*

Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Т. 9. – №27. – Р. 380–391.

3. Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // *Русская речь*. – 2008. – №1. – С. 3 – 6.

4. Жаткин Д.Н. Д.Г.Россетти в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. – 2015. – Т. 2. – №1 (23). – С. 199–206.

5. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106 –110.

6. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.

7. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. – 2008. – №6. – С. 173–189.

8. Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.

9. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.

10. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского*. – 2016. – №3. – С. 215–222.

11. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.

12. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.
13. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И.Козлов и классики английской литературы (У.Шекспир, Р.Бёрнс): традиции и переводы // *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.* – 2008. – №47. – С. 57–60.
14. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И.Козлов и классики английской литературы (У.Шекспир, Р.Бёрнс): традиции и переводы // *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого.* – 2008. – №47. – С. 57–60.
15. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета.* – 2010. – №4. – С. 203 – 206.
16. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // *Мир науки, культуры, образования.* – 2013. – №3 (40). – С. 232–234.
17. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.
18. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.
19. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К вопросу о влиянии А.С.Пушкина на творчество Э.И.Губера (к 200-летию со дня рождения) // *Вестник Бурятского государственного университета.* – 2014. – №10-2. – С. 68–70.
20. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-*

гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

21. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

22. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в переписке Л.К.Чуковской с Д.С.Самойловым // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. – 2015. – Т. 1. – №6 (28). – С. 245–251.

23. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир и М.И. Цветаева // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – №2. – Ч. 26. – С. 5958 – 5962.

24. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.

25. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // *Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки*. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

26. Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. Н.В.Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // *Культурная жизнь Юга России*. – 2010. – №3. – С. 58–60.

27. Жаткин Д.Н., Чернин В.К. О.Н.Чюмина как переводчик лирического цикла Альфреда Теннисона о Марианне («Марианна», «Марианна на юге») // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. – 2011. – №1. – С. 176–178.

28. Круглова Т.С., Жаткин Д.Н. Немецкие страницы переписки К.И.Чуковского с Л.К.Чуковской // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. – 2015. – Т. 2. – №6 (28). – С. 250–256.

29. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Е.Мин – переводчик произведений Альфреда Теннисона // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. – 2009. – № 1. – С. 294–301.

30. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л.Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «In Memoriam» // *Вестник Северо-*

Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2012. – №1. – С. 324–328.

31. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Элегия Альфреда Теннисона «Умирающая лебедь» в русских переводах XIX в.: опыт сопоставительного анализа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – № 1. – С. 58–69.

УДК 82.09

СПЕЦИФИКА ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОЙ ЛИРИКИ ПОЭТАМИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

А. А. Устиновская, Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, Москва, Россия

SPECIFICS OF TRANSLATION OF ENGLISH POETRY BY POETS OF THE SILVER AGE

A. A. Ustinovskaya, Moscow University of IT and Technology-Moscow University of Architecture and Engineering, Russia, Moscow

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме перевода поэтических текстов с английского на русский язык. Обозначены особенности работы с поэтическими произведениями, требования, предъявляемые к качественному переводу и аспекты, требующие внимания. Рассмотрены подходы к переводу лирики поэтами серебряного века на примере произведения Эдгара Аллана По «Fairylan».

Ключевые слова: поэзия, прагматический аспект, стилистические средства, лексические средства, грамматическая структура, переводческая трансформация.

Abstract. The article deals with the problem of English-Russian translation of poetry. The main peculiarities of work with poetic texts, requirements for a high-quality translation and the points that need special attention are stated. Approaches of translation of poetry by poets of Silver Age are examined here on the example of the poem «Fairylan» by Edgar Allan Poe.

Key words: poetry, pragmatic aspect, stylistic devises, lexical features, grammatical structure, transformations.

E-mail: alyonau1@yandex.ru

Стилистические особенности языка поэзии являются одной из наиболее интересных тем для исследования в лингвистике. Прибегая к определенным стилистическим и лексическим средствам, автор оставляет отпечаток в душе читателя, пробуждает эмоции, и через них передает определенное послание. Эти инструменты создания произведений искусства, относящихся к поэзии, имеют уникальную структуру и ряд особенностей.

При переводе произведений с одного языка на другой важно в первую очередь учитывать прагматический аспект. Существует три фактора, определяющих природу прагматического эффекта в стихотворении:

1. Содержание утверждений;
2. Природа знаков, составляющих утверждение;
3. Способность реципиента к восприятию. [10, с.112]

Важно различать прагматический эффект, задуманный автором, и послание, которое в итоге воспринимает читатель.

Для сохранения и правильной передачи прагматической задачи оригинального произведения переводчик зачастую прибегает к ряду трансформаций. Кроме того, сам текст становится актом взаимодействия между культурами.

При переводе поэзии следует отказаться от формалистического подхода, который, по мнению многих теоретиков и практиков, может оказаться фатальным для перевода [10, с.53]; [2, с.86]. Кроме того, перевод произведений данного вида искусства – это всегда творческий процесс.

Тем не менее в творчестве переводчика должна присутствовать четкая мера – излишняя креативность также негативно сказывается на результате.

Английский ученый Т. Сейвори выявил ряд противоречивых требований, предъявляемых к качественному переводу:

1. Перевод должен передавать слова и идеи оригинального текста;
2. Перевод должен восприниматься читателем как оригинальное произведение;
3. Перевод должен отражать стиль автора или переводчика;

4. Язык перевода должен принадлежать к эпохе, в которой жил автор произведения, либо к эпохе, в которой живет переводчик;

5. Перевод может допускать (или не допускать) дополнения и опущения;

6. Перевод поэзии должен выполняться в формате прозы либо в стихотворной форме;

7. Перевод должен передавать национальное своеобразие и быть доступен для восприятия другой культурой. [11, с.131]

В данной статье рассмотрены подходы к переводу поэзии XXвека с английского на русский язык на примере произведения Эдгара Аллана По «Fairyland», выполненных гениями своего времени в этой области: В. Брюсовым и К. Бальмонтом.

И В. Брюсов, и К. Бальмонт в своих переводах постарались создать для читателя атмосферу, оставляющую ощущение того, что текст принадлежит к иной культуре.

В оригинале поэма состоит из 46 строк. Перевод Брюсова соответствует заданному размеру, однако в версии Бальмонта произведение было увеличено до 61 строки. Касательно длины самих строк, англоязычная версия представляется длиннее русскоязычной: они содержат от трёх до семи слов, в то время как максимальное количество в переводных вариантах не превышает пяти.

Основные различия переводов:

1. количество строк;
2. количество слов в каждой строке;
3. пунктуация;
4. чередование строк;
5. образность;
6. выбор лексических единиц;
7. выбор грамматических категорий.

Само название «Fairyland» принято переводить на русский язык как «волшебная страна» или «сказочная страна». Однако, оба переводчика предпочли использовать слово «фея» (Бальмонт – «Фейная страна», Брюсов – «Страна Фей»), вызывая у читателя ассоциации со сказочными лесными существами.

В оригинале название поэмы представлено одним существительным. В переводе Бальмонта оно включает два слова – прилагательное и существительное, при этом прилагательное звучит весьма необычно. В версии Брюсова название также состоит из двух слов, оба являются существительными, одно из которых стоит в Именительном, а другое – в Родительном падеже.

По грамматической структуре оба перевода отличаются от оригинала. Так, в первой строчке поэмы на английском языке («*Dim vales – and shadowy floods–*») стоит прилагательное-существительное во множественном числе-союз-прилагательное-существительное во множественном числе. У Бальмонта («*Долы дымные – потоки Теневые – и леса*») это существительное во множественном числе- прилагательное-существительное во множественном числе. При этом последующее прилагательное Бальмонт переносит в начало следующей строки, таким образом разбивая первую строку оригинального текста на две.

Брюсов в своём переводе («*Мгла долов – тень по кручам –*») использует существительное в Именительном падеже-существительное Родительного падежа во множественном числе- существительное в единственном числе-существительное множественного числа в Дательном падеже с предлогом.

В четвертой строке поэмы присутствует грамматическая категория Present Simple с модальным глаголом в отрицательной форме. Бальмонт в своём переводе использует сравнительную конструкцию: он сравнивает слово «леса», которое присутствует в оригинале, и «небеса», которого нет в оригинальной версии. Кроме того, переводчик использует метафору для создания дополнительной образности.

В английском произведении часто встречаются грамматические конструкции, типичные для повседневной речи, в то время как в русских переводах ей свойственна большая поэтичность, не встречающаяся в обыденной жизни. Особенно это характерно для перевода Бальмонта. Он использует такие слова как: *долы, краса, дымы, лики, дымный, благодать, чары, покров, чертоги, крылами, дремонствует, меж*.

На взгляд русского читателя подобные слова кажутся устаревшими. Здесь можно провести параллель со стихотворениями Пушкина: перевод изобилует метафорами (*леса глядят как небеса, луны тают и растут, лунный циферблат*), олицетворениями (*говорит луна луне, спит луна*), эпитетами (*складки бледных снов*).

Бальмонт добавляет некоторые строки, отсутствующие в тексте оригинала. Например, «*в них неверная краса*» (ст. 5), «*шар огромный там и тут*» (ст. 9), «*озаряется луной*» (ст. 12). Переводчик прибегает к приему метонимии: например, слово *вах* (ст. 5) заменено на глагол *тают* (ст. 8) – то, что происходит с воском на солнце.

В 22 и 23 строках переводчик выбирает наречия *ниже, дальше, ближе* как цепь лексических повторов, создавая эффект быстро разворачивающегося действия. Однако следует заметить, что 25 строка присутствует в оригинальном тексте в совершенно иной форме, нежели в переводе.

В 30 и 31 строках присутствует больше существительных в сравнении с оригиналом, однако они передают тот же смысл и служат для лучшего восприятия читателем. Строка 37 отсутствует в англоязычном тексте, однако переводчик решает более полно раскрыть значение слова «*лабиринт*», объясняя читателю, что случается с теми, кто в нем заблудился. В строке 40 представлены такие образы, как *луна, душа*, которых нет в оригинале.

В переводе Брюсова также присутствуют такие нетипичные для обыденной речи слова как «*мгла*», «*долы*», «*длила*». В 5 строке использована краткая форма существительного (*лун*).

В 6 строке он использует наречие «*всегда*» вместо «*снова*».

Строки 7–10 отсутствуют в оригинальном произведении.

Строки 13 и 14 переданы в форме риторического вопроса, при этом вопросительный знак не используется.

В 16 строке переводчик использует слово «*трон*» вместо слова «*корона*». Тем не менее, оба понятия вызывают образы, связанные с королевской властью.

В 19 строке у Брюсова «*плащ*» - более конкретизированное понятие, чем «*ткань*» в оригинальном тексте. Вероятно, выбор переводчика пал на это слово в продолжение к образу трона, использованному им ранее.

В 20 и 21 строках Брюсов добавляет «*хижину*» и «*руины*», которых нет в английском тексте. Эти образы помогают придать произведению большей драматической образности.

В 22 строке присутствует повтор, отсутствующий в оригинале.

29-я строка объединяет в себе две строки оригинального текста, соединяя два образа в один.

В строках 30 и 31 Бальмонт использует глаголы «*встанут*», «*сникнут*» и «*мчится*», которых нет в оригинальном произведении. В русской версии они также создают эффект быстро сменяющихся событий. Кроме того, в переводе присутствует слово «*страсть*», задающее переводу необходимый тон, воздействующий на читателя.

Также в переводе присутствует устаревшее слово «*колыбелясь*». Как правило, оно используется в форме существительного, однако Бальмонт превращает его в глагол.

Строчка «*как из жерл вулканов дымы*» придает переводу дополнительной образности. Существительные «*дождями*», «*блески*», «*снов*», прилагательные «*цветными*», «*расписными*» также отсутствуют в оригинале. Тем не менее, их использование оправдано в переводе на русский язык, так как они способствуют дополнительной экспрессивности.

Также примечательно, что переводчик прибегает к замене частей речи слов. Например, существительное «*Earth*» передано на русский как «*земными*».

Две строки полностью изменены:

(The unbelieving things!)

(Прихоть сна владеет ими!)

При этом мы видим, что пунктуация была сохранена.

Строчка *«have brought a specimen»* также отсутствует в переводе, при этом русскую версию поэмы закрывает строчка *«светит вишняя краса»*.

В переводе 29 строки у Брюсова изменена грамматическая структура предложения: происходит замена действительного залога (*«in the morning they arise»*) на страдательный (*«им вскроет день глаза»*). Кроме того, изменено само существительное, обозначающее время суток.

В 32 строке присутствует прилагательное «тяжелый», существительное «грозы» и устаревшее существительное «севом». В том же предложении оригинального текста встречаются два слова с сильной эмоциональной окраской: существительное *«tempests»* и глагол *«toss»*, использованные для создания атмосферы первозданного хаоса и ярости природы.

В 33 строке переводчик прибегает к спецификации: *«он стал – цепь облаков»*, тогда как в оригинале образы более абстрактны – *«like – almost anything»*.

36-я строка полностью отлична от оригинала как по грамматической структуре, так и по лексической выразительности: *«for the same end as before»* - *«им больше не нужна»*.

В 38 строке использована иная пунктуация. Переводчик ставит скобки и делает предложение восклицательным, в то время как в оригинале скобки отсутствуют, и строка оканчивается двоеточием (*«which I think extravagant»* - *«но как всё чрезвычайно!»*).

В 40 строке стоит глагол «разрешены», в то время как в оригинале использован глагол *«dissever»*, что также изменяет грамматическую структуру предложения. В русской она становится страдательной безличной, тогда как в английском это действительный залог.

В 41 строке переводчик выбирает существительное *«мотыльки»* вместо прямого перевода слова *«butterflies»*, представленного в оригинале. Выбор

оправдан необходимостью сохранения рифмы с 42 строкой: «*когда летят, легки*». Однако в оригинале смысловое содержание этой строки полностью отлично от русской версии: «*of Earth, who seek the skies*».

В 43 строке использовано слово «*в лазури*», которого нет в оригинальном произведении: «*and so come down again*».

В 44 строке вновь заменен смысл: «*the unbelieving things*» - «*вовек без достиженья*».

В строках 45-46 изменена последовательность оригинального произведения:

1. *have brought a specimen*
2. *upon their quivering wings*
1. *во образе пыльцы*
2. *приносят образцы!*

Кроме того, в переводе присутствует слово «*пыльцы*», отсутствующее в англоязычном тексте. Стихотворение заканчивается восклицательным знаком, что придает ему большей эмоциональной окраски.

Перевод поэзии по праву можно считать одним из наиболее трудных аспектов переводческого ремесла. Передача стихотворений как с английского на русский, так и наоборот, требует от переводчика незаурядных способностей. Кроме того, перевод поэзии требует осведомлённости в ряде связанных сфер. При работе над таким переводом необходимо располагать обширным запасом лексики, характерной для этого вида искусства, а также умением правильно передать требуемый эмоциональный эффект средствами языка.

Язык поэзии – это всегда выражение глубоких чувств и эмоций автора, которые нельзя игнорировать при переводе. Зачастую большие затруднения составляет подбор правильных, передающих смысл слов при переводе с одного языка на другой.

На сегодняшний день специфика работы над переводом в данной области изучена не до конца и требует глубокого анализа и дальнейших исследований.

Список литературы

1. Бахударов Л.С. *Язык и перевод.* – М., 1975.
2. Бреус Е.В. *Теория и практика перевода с английского языка на русский.* – М., 2003.
3. Бутусова А.С. *Прагматический потенциал эллиптических предложений (на материале немецкого бытового диалога): Дис. ... канд. филол. наук.* – Ростов-на-Дону, 2003. – 214 с.
4. Виноградов В.В. *О языке художественной литературы.* – М.: Гослитиздат, 1980. – 652 с.
5. Вишневский К.Д. *Мир глазами поэта: Начальные сведения по теории стиха.* – М.: Просвещение, 1979. – 176 с.
6. Гальперин И.Р. *Очерки по стилистике.* - М.: Изд-во литературы на иностранном языке, 2012. – 459 с.
7. Гачев Г.Д. *Содержательность художественных форм.* – М.: Просвещение, 2008. – 303 с.
8. Гачечиладзе Г.Р. *Стихосложение и поэтический перевод (фрагмент) // Поэтика перевода.* – М., 1988. – С. 88–93.
9. Гончаренко С.Ф. *Информационный аспект межъязыковой поэтической коммуникации // Тетради переводчика: Сб. научно-теоретический.* – М., 1994. – № 22. – С. 38–49.
10. Комиссаров В.Н. *Современное переводоведение.* – М.: ЭТС, 2002. – 192 с.
11. Комиссаров В.Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.* – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
12. Левковская Н.А. *Прагматическая установка текста и прагматическая установка адресанта // Коммуникативные единицы языка: стиль, прагматика, аспекты.* - М.: МГПИИЯ им. М. Горького, 1990. – С. 18–27.

13. Лозинский М.Л. *Искусство стихотворного перевода // Перевод – средство взаимного сближения народов: Худож. публицистика / Сост. А.А.Клышко. – М.: Прогресс, 1987. – 640 с.*
14. Лотман Ю.М. *Анализ поэтического текста // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство-СПб, 1996.*
15. Миньяр-Белоручев Р.К. *Способы и приёмы перевода. – М., 1996.*
16. Патюкова Р.В. *Функциональные основы перевода поэтического текста: на материале английского и русского языков: Дис.... канд. филол. наук. – 149 с.*
17. Якобсон Р. *Поэзия грамматики и грамматика поэзии. – Варшава, 1962.*
18. Yule G. *Pragmatics. – Oxford, 1996.*

УДК 44/46

**ГИБРИДНЫЙ ХАРАКТЕР SPANGLISH: «ВЕРБАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА
АНГЛОСАКСОНСКОЙ И ИСПАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»**

С.Д.Чалмаз, Абхазский государственный университет, г. Сухум, Абхазия

А.А.Дадьян, Абхазский государственный университет, г. Сухум, Абхазия

**HYBRID NATURE OF SPANGLISH: VERBAL ENCOUNTER OF ANGLO-
SAXON AND SPANISH CIVILIZATIONS**

S.D.Chalmaz, Abkhazian State University, Sukhum, Abkhazia

A.A.Dadyan, Abkhazian State University, Sukhum, Abkhazia

Аннотация. В статье отмечено влияние испанского языка на американский английский. Приведены различные дефиниции Spanglish. Указаны возможные перспективы развития испанского языка в Соединенных Штатах Америки. Ключевые слова: американский английский, испанский язык, Spanglish, языковое взаимодействие, межкультурное взаимодействие.

Ключевые слова: американский английский, испанский, спэнглиш, взаимодействие языков, межкультурное взаимодействие.

Abstract. The article deals with the problem of mutual influence of Spanish and American English. Different definitions of Spanglish are shown. The possible perspectives of the development of Spanish in the United States are defined.

Keywords: American English, Spanish, Spanglish, interaction of languages, intercultural interaction.

E-mail: svetachalmaz@mail.ru

В современном мире многонациональный и многовариантный английский язык становится глобальным языком мирового сообщества.

Два наиболее распространенных стандартизированных варианта английского языка – британский и американский. Американский английский разительно отличается от классической британской версии и по распространенности значительно превзошел свой первоисточник.

В нормативных документах российского образования установка на какой-либо определенный национальный вариант английского языка не закреплена. Организации для координации развития английского языка ни в Великобритании, ни в США не существует, т.е. нет официального органа, обладающего правом проводить языковые реформы или как-то регулировать английский язык. Правом устанавливать норму не обладает даже Оксфордский словарь. (9)

Несмотря на это, традиционно преподаватели ориентируются скорее на британский вариант (Queen's English), в особенности на «престижный» диалект, известный как «Received Pronunciation (RP)» и идентифицирующий социальный статус и образование говорящего.

При этом нет сомнений, что роль американского английского, отличающегося от британского варианта на всех языковых уровнях, в мире заметно возрастает.

Согласно ученым, изучение английского языка в США требует от профессионалов-англистов знания многих явлений социальной лингвистики, в особенности таких, которые происходят во взаимопроникновении языков.

Ученые отмечают, что на протяжении длительного времени политические и экономические интересы США, Испании, других латиноамериканских стран постоянно сталкивались (4):

1803 г. – Испания потеряла Луизиану, ставшую владением США;

1819 г. – к США перешла Флорида;

1835 г. – американские плантаторы в мексиканском Техасе объявили о его отделении;

1845 г. – Техас присоединился к США;

1846 – 48 гг. – в результате американо-мексиканской войны США отняли у Мексики более половины ее территории;

1850 г. – в состав США была включена Калифорния;

1898 г. – война с Испанией, потерпевшей полный разгром (десятилетняя война за независимость Кубы).

XX век характеризовался также военной интервенцией США на Кубу, в Мексику, в Гаити, в Доминиканскую Республику; насаждением американским империализмом диктаторских режимов в Венесуэле, Боливии и других странах.

Две трети территории современных США раньше принадлежали Испании.

Языковые контакты английского и испанского начались намного раньше и имели место на протяжении четырех столетий, с тех пор, как в XVI-XVII вв. англичане вели с испанцами упорную борьбу за господство на море, закончившуюся победой Англии, а позднее в период Наполеоновских войн англичане выступили на стороне Испании, что подогрело интерес к этой стране в общественных кругах Англии. (3)

Американский английский приобрел международное значение после Второй мировой войны, когда США стали играть важную роль в послевоенном переустройстве мира, а достижения в области политики, экономики и современных технологий позволили США оказывать значительное влияние на весь мир.

Указанные выше различные социально-исторические и экономические факторы, а также стремительные темпы роста испаноязычного населения в

США за счет иммиграции из стран Латинской Америки привели к возросшей популярности испанского языка, который является родным языком «для самого большого чужезычного меньшинства США». (Bills G. Spanish and English of the United States Hispanos. Arlington, 1975, p. V-XXII).

Этот факт не могли не учитывать американские политики. Билл Клинтон в июне 2000 г. заявил: «Надеюсь, что я – последний президент в американской истории, который не говорит по-испански».

Основой испанского языка на территории США, как отмечает Михеева Н.Ф., выступает мексиканский национальный вариант испанского языка, однако «в реализации языковых единиц в нем явно прослеживается влияние американского национального варианта английского языка». (1)

Глория Ансальда в книге «Как приручить дикий язык» (1987 г.) пишет: «Change, evolución, (and new words produced by) invención o adaptación have created variants of Chicano Spanish, un nuevo lenguaje». – «Изменения, эволюция, изобретение, адаптация (благодаря которым и рождаются новые слова) создали различные варианты испанского языка чикано, нового языка». Испанский – чикано (мексиканский вариант Spanglish) по словам автора, не стоит считать неправильным, т.к. он является живым языком.

Следы взаимодействия английского и испанского языков можно наблюдать на карте Америки, которая изобилует испанскими топонимами. Ученые отмечают, что «именно благодаря красоте литературного испанского языка города США пестрят такими прекрасными названиями, как Florida – «цветущая», Nevada – «заснеженная», Texas – «кровельные черепицы», Puerto Rico – «богатый порт», Las Vegas – «луга», Los Angeles – «ангелы» (полное название этого калифорнийского мегаполиса – El Pueblo de Nuestra Senora la Reina de Los Angeles de Porciuncula – «Местечко нашей Госпожи, королевы ангелов из Пор-сьюнкулы»). (7)

Именно в США смешение испанского и английского языков привело к появлению языкового феномена, получившего с легкой руки пуэрториканского

журналиста Сальвадора Тио в конце 40-х годов XX в. название Spanglish, «возраст» которого оценивают в 150-400 лет.

Исследователи отмечают, что «с социально-исторической точки зрения Spanglish возник внутри испаноговорящей диаспоры, сопротивляющейся процессу полной ассимиляции в обществе, где доминирует другая этническая группа». (5)

Несмотря на то, что на территории США проживают выходцы из разных стран Латинской Америки, владеющие соответствующими вариантами испанского языка (мексиканским, пуэрториканским, доминиканским, кубинским и т.д.), Spanglish является для них «взаимопонятным коммуникативным средством, за которым не закреплена определенная зона распространения». (10)

По этому факту метафорично высказался Д. Рамос (Jorge Ramos):

«Spanglish is a bridge of sorts: a generational, linguistic, technological, digital, and cultural bridge». (12)

Проиллюстрируем феномен Spanglish следующим примером:

«I am sorry I cannot attend next week's meeting porque tengo una obligación de negocios en Boston, pero espero que I'll be back for the meeting the week after», что в переводе на английский язык значит: «I'm sorry I cannot attend next week's meeting because I have a business obligation in Boston, but I hope to be back for the meeting the week after». (Википедия)

Статус Spanglish до сих пор не определен.

В американских словарях приводятся следующие определения Spanglish:

«Spanglish is Spanish characterized by numerous borrowings from English».

(The American Heritage Dictionary, 2006)

«Spanglish is a hybrid language combining words and idioms from both Spanish and English».

(Oxford American Dictionary, 2010)

Учеными Spanglish определяется как «Spanish literary dialect» (Gayle Rogers); «free form blend of Spanish and English... consisting of one part

Hispanicized English, one part Americanized Spanish», «a sort of code for Latinos», ... which «has begun to turn into a national slang» (J. Castro); как «вид жаргона», «lingua franca» (Хосе Кастро Роча) и т.п.

В российской англистике Spanglish дефинируют как «явление языковой межкультурной коммуникации», «интеръязык» (Питолин Д.Ф.), «смешанный код» (Солженицына М.В.) и т.д.

Отношение к этому языковому явлению у ученых прямо противоположное.

В 2001 г. в Нью-Йорке на коллоквиуме в Институте им. Сервантеса президент Североамериканской академии испанского языка Одон Бетанос Паласиос назвал Spanglish «уродливой и извращенной смесью, временным средством объединения, которое исчезнет, как только новое испаноязычное поколение оценит благо билингвизма и будет серьезно изучать оба языка, что необходимо для грамотного и культурного общения». (II Congreso Internacional de la Lengua Espanola. Espana, 2001)

Профессор Йельского университета Роберто Гонсалес Эчеверрия считает, что «говорить на Spanglish – обесценивать испанский». По его словам, «Spanglish, являясь гибридом испанского и английского языка, представляет серьезную опасность для испанской культуры и для успешной интеграции испаноязычного населения в американское общество».

С другой стороны, преподаватель испанского языка и переводчик Айлан Ставанс, американец мексиканского происхождения, считает, что «Spanglish – это новый язык, продукт творчества на стыке двух культур, «вербальная встреча англосаксонской и испанской цивилизаций».

Испаноязычный американец Ф. Молинеро, выступая на коллоквиуме, заявил на Spanglish:

«No se puede ningunear la realidad linguistica de los hispanos in this country. Estamos ante una generacion que no el pide disculpas for the language they are using». («Невозможно отрицать языковую реальность испаноязычного

населения в этой стране. Перед нами новое поколение, которое не просит извинения за язык, которым оно пользуется»).

По мнению профессора Франсиско Морено Фернандеса «сосуществование языков порождает динамизм, компромисс, противоборство, а иногда приводит к образованию разнообразных смешений... взаимообмен и взаимодействие испанского и английского языков неизбежны: Spanglish будет существовать столько, сколько будет продолжаться совместное существование этих двух языков». (11)

Более того, феномен Spanglish есть отражение проблем, существующих в разных сферах общественной жизни США – «отсутствие полноценной системы образования на испанском языке в США и проблема сохранения родного языка». (Википедия)

Существование Spanglish и его статус напрямую связан с вопросом о перспективах развития испанского языка в США, который сводится к трем основным мнениям (2):

1. Ассимиляция («melting pot») – «плавильный котел» – модель этнического развития, когда формирование американской национальной идентичности должно идти по формуле «сплавления», «смешивания» всех народов. (Концепции «плавильного котла» можно противопоставить политику «мультикультурализма» («mosaic», «salad bowl», «Kaleidoscope»), в которой всякая этническая группа сохраняла бы свою специфику в общенациональном букете).

Здесь необходимо отметить, что позиция, занятая властями США, на практике ориентирована «на явное доминирование идеи ассимиляции языков и культур для преодоления существенных качественных различий в культуре, религии, расовой принадлежности». (6)

2. Диглоссия, как сосуществование «престижной» и «непрестижной» языковых систем, обладающих разными функциями. «Падение престижности» испанского языка укрепляет функциональный статус английского языка.

Те, кто рассматривает Spanglish как «непрестижную» языковую систему, придерживаются именно такого мнения.

3. Билингвизм и бикультурализм. Этот путь развития испанского языка в США представляется наиболее вероятным. Экономическое, политическое и культурное влияние латиноамериканской диаспоры растет, и американское общество может пойти по пути билингвизма и мирного сосуществования двух культур по крайней мере в отдельных штатах.

Это путь «постепенной адаптации испанского языкового социума к лидирующей культуре английского, причем без обязательного отказа от собственной языковой идентичности.

В 1995 г. решение придать английскому языку статус единственного официального языка в США (English Only) было принято 20-ю штатами страны. В противовес политике English Only испаноязычными сенаторами была выдвинута программа Spanish Plus, которая подчеркивает культурную и экономическую важность владения не только испанским, но и другими языками в таком многонациональном сообществе, каким являются США. (9)

На данном этапе, как отмечают эксперты, испанский язык не только не исчезает в США, а как бы переживает возрождение. (4)

На 1 июля 2013 г. Национальное статистическое бюро США зафиксировало 54 млн. выходцев из испаноязычных стран, т.е. 17% от всего населения США. Ученые прогнозируют, что к 2050 г. количество испаноязычного населения в США будет составлять более 100 млн. человек и будет равняться сегодняшнему населению Мексики. (8). Более точную цифру приводит US Census Bureau: «By 2050, the US will have the highest Spanish – speaking population in the world at 132,8 mln».

В то же время английский язык в результате контактов с испанским языком приобретает несколько иные формы, значения и особый колорит. (3)

В настоящее время в Америке издается художественная литература на Spanglish (отметим, например, роман «The Power of the Dog» Д. Уинслоу с элементами Spanglish, детские рассказы, стихи, песни); делаются переводы (на

Spanglish переведена первая глава романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский»).

Еще в 1939 г. на Spanglish (тогда этот термин не существовал) были написаны знаменитые диалоги в одном из лучших романов Э. Хемингуэя «For Whom the Bell Tolls», а сам писатель, как отмечают исследователи его творчества, называл себя «Spanish author who happened to be born in America Ernest de la Mancha Hemingway» (SL873; Letters 175).

На Spanglish пишутся статьи в средствах массовой информации, работают теле- и радиоканалы.

Сейчас Spanglish – третий язык Нью-Йорка после английского и испанского (на нем говорит 1 млн. 800 тыс. жителей). (5)

Он отражает современную потребность людей в интеграции в культуру принимающую и желание сохранять связь с культурой исходной.

Spanglish, как результат взаимодействия американского английского и испанского языков, широко изучается и анализируется в англоязычных странах, и, учитывая масштабы его распространения, представляется необходимым рассмотрение этого явления при обучении наиболее известным в мировом масштабе вариантам английского языка, а также при изучении языковой ситуации других стран с такой же пестрой этнической картиной, какая сложилась в Соединенных Штатах Америки.

Список литературы

1. *Beach J.W. American Fiction 1920–1940. – N.Y., 1942.*
2. *Gayle R. Incomparable Empires: Modernism and the Translation of Spanish and American Literature. – Columbia Univ. Press, 2016.*
3. *Moreno F. F. EspanGLISH. – Madrid, 2004.*
4. *Ramos J. The other Face of America: Chronicles of the Immigrants Shaping Our Future. – New York: Harper Collins Publishers, 2002.*
5. *Williams S.T. The Spanish Background of American Literature. – London – Comberlege: Oxf. Univ. Press, 1955. – Vol. 1–2.*

6. *Абкадырова И.Р. Слова – реалии и их роль в процессе актуализации и моделирования мексиканского национального коммуникативного стиля: Дис. канд. филол. н. – Ростов-н/Д., 2016.*
7. *Антонюк Е.В. Актуальные лингвистические исследования о вариативности испанского языка (на примере штата Флорида) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – №2. – С. 7–14.*
8. *Жакупова Ш.С. Испанские заимствования в английском языке: Автореф. https://www.bbc.com/russian/learning_english/2014/08/140815_british_us_english_languages Алматы, 2010.*
9. *Козловская Т.П. Лексические испанизмы в английском языке США: Автореф. дис. канд. филол. н. – Киев, 1984.*
10. *Масляков В.С. «Спанглиш» как явление языковой межкультурной коммуникации // Язык и культура. – 2011. – №1. – С. 51–61.*
11. *Мунгалов Д.В. О некоторых особенностях испанского языка в США // Язык, сознание, коммуникация. Сб. ст. – М.: Диалог – МГУ, 2000. – Вып. 12.*
12. *Низкодубов Г.А. Современный этап в истории развития американского варианта английского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2006. – Вып. 4 (55). – С. 96–101.*
13. *Окулов А. США: «латинос» наступают // Росая. – 2004. – № 25 (27 мая).*
14. *Остапенко Р. Британский английский против американского: что учить // https://www.bbc.com/russian/learning_english/2014/08/140815_british_us_english_languages*
15. *Солженицына М.В. Социолингвистические механизмы порождения и особенности функционирования Spanglish: Автореф. дис. канд. филол. н. – М., 2014.*

УДК 81'373.45

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛИЦИЗМОВ В
РОССИЙСКИХ СМИ**

В.В. Шмелёв, МГИМО (университет) МИД РФ, Москва, Россия

**PECULIARITIES OF THE FUNCTIONING OF ANGLICISMS IN THE
RUSSIAN NEWS MEDIA.**

V.V. Shmelev, MGIMO University, Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме заимствования англицизмов в русский язык. На материале текстов СМИ были рассмотрены причины процесса заимствования лексики из английского языка в настоящее время; сделаны выводы об особенностях функционирования англицизмов в русском языке и их влияния на русскую речь.

Ключевые слова: русский язык, англицизмы, заимствование, публицистический дискурс.

Abstract. The article focuses on the issue of borrowing of Anglicisms by the Russian language. The reasons of borrowing words from the English language are being closely considered on the basis of the analyzed material of the Russian mass media. The conclusions are drawn about the peculiarities of the functioning of anglicisms in the Russian language and their influence on it.

Key words: Russian language, anglicism, journalistic discourse

E-mail: vvshmelev.bob@gmail.com

Как сказал великий русский писатель А.И. Куприн: «Язык – это история народа». С этим невозможно поспорить, учитывая тот факт, что язык неотделим от истории и культуры народа, его носителя, как и сам народ, неразрывно связанный с языком, ибо народ не способен существовать вне языка. Многовековые международные контакты, в ходе которых носители русского языка соприкасались с чужой культурой, не могли пройти бесследно для нашего родного языка. Поэтому говоря о процессах, имевших место ранее и до сих происходящих в русском языке, следует учитывать целый ряд исторических и конъюнктурных обстоятельств, обусловивших те или иные преобразования. Одним из этих условий, определяющих путь эволюции языка,

является такое лингвистическое явление, как заимствование, которое не перестает волновать умы ученых-лингвистов по сей день.

Начало процессу заимствования было положено в Петровскую эпоху, активность международных отношений послужила источником обогащения словарного состава русского языка [3, с. 1998]. С разной степенью интенсивности процесс пополнения русского лексикона иноязычными словами, которые обозначали предметы и понятия, отсутствовавшие в русской жизни, никогда не прекращался. Заметным этапом развития в истории функционирования русского языка стала всеохватывающая интернационализация, повлиявшая на его эволюцию в современном мире. Технологический прогресс, новшества в области экономики, политики и медицины, где США по праву занимают одну из лидирующих позиций, стали той почвой, на которой английский смог укрепить своё положение среди всех остальных языков мира [1, с. 95].

В такой переломный момент, когда американская нация взяла верх в ведущих направлениях человеческой деятельности, средства массовой информации послужили той лакмусовой бумажкой, которая дала возможность судить о метаморфозах русского языка. Стоит отметить, что одной из важнейших площадок для введения англицизмов в оборот стал публицистический дискурс. В целях выявления основных тенденций функционирования англицизмов в этом виде дискурса, мы, используя ресурсы Национального корпуса русского языка, проанализировали статьи таких российских газетных изданий, как «Комсомольская правда», РБК, «Известия», «Труд-7» и РИА Новости, с точки зрения мотивированного использования англицизмов.

Итак, мы пришли к следующим выводам, позволивших сформулировать тенденции функционирования заимствованной англоязычной лексики. Однако, прежде всего, нам видится необходимым показать пример того, как англицизмы функционируют в русской речи. Например:

1) «У нас сейчас соревнование, происходит этакий состязательный **эксцесс**» [Комсомольская правда, 2013.10.01] (От англ. excess – избыток, излишек). Вот какое толкование слова «эксцесс» мы находим в словаре Д.Н. Ушакова: «крайнее проявление чего-н., злоупотребление, излишество, невоздержанность в чем-либо» [4].

2) «Но только после совещания у Дмитрия Медведева бизнес почувствовал, что выигрывает битву за **офшоры**». [РБК Дейли, 2014.06.30] (**Офшор** - от англ. offshore — «вне берега»). Данный англицизм уже успел прочно закрепиться в русском языке, несмотря на то что он может быть заменен выражением *налоговый рай*.

3) «Для этого в ближайшее время в российских школах Рособрнадзор начнет **мониторинг** качества образования — аналогичный тому, который проходит в вузах» [Комсомольская правда, 2014.07.16] (**Мониторинг** - от англ. monitor – следить). Согласно толковому словарю Т.Ф. Ефремовой, *мониторинг* - это «постоянное наблюдение за каким-л. процессом с целью выявления его соответствия желаемому результату или первоначальным предположениям». Невзирая на относительно узконаправленный характер этого англицизма, при наличии подходящего контекста мы можем прибегнуть к таким словам, как *отслеживание* или *надзор*, которые могут быть употреблены в данном примере [3].

4) «Главное — сделать место привлекательным, потратить какие-то силы, деньги, вывести на **респектабельный** уровень, а потом уже пожинать плоды». [Известия, 2012.09.23] (**Респектабельный** - от англ. respectable – уважаемый) Здесь же, как нам кажется, ничто не мешает употребить *почтительный*, хотя, вполне возможно, кому-то покажется это неуместным ввиду книжности этого слова.

5) «По сюжету это самый **фешенебельный** небоскреб Москвы, символ амбиций, успеха и статуса». [Труд-7, 2010.11.25] (**Фешенебельный** - от англ. fashionable – модный). Согласно словарю Д.Н. Ушакова означает «модный, элегантный, отвечающий требованиям лучшего вкуса, светского тона» (URL:

<http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=82317>). Другими словами, эквивалентами этого иностранного слова могут послужить такие слова, как *пышный, роскошный* или *изящный*.

б) В субботу в Киеве состоялась **инаугурация** Порошенко, избранного на внеочередных выборах 25 мая [РИА Новости, 2014.06.07]. Это один из тех примеров, когда заимствование может быть заменено лишь описательным объяснительным оборотом, поскольку в своем распоряжении русский язык не имеет словесных аналогов, которые бы могли в одно слово выразить смысл, заложенный в данный англицизм.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что, с одной стороны, употребление англицизмов в определенных случаях является вполне оправданным, когда языку в связи с отсутствием эквивалента, необходимого для отражения современных реалий, приходится перенимать отсутствующие языковые единицы у других. Зачастую это обусловлено приходом в русский язык понятий, предметов и явлений, которые до настоящего времени не имели место. Вслед за интеграцией того или иного феномена в нашу жизнь соответственно входит и само новое слово, которое, во-первых, неизбежно сохраняется вследствие отсутствия эквивалента (компьютер, принтер, интернет), во-вторых, вытесняет аналогичное исконно русское слово (спичрайтер вместо речеписец), в-третьих, занимает равноправное место среди прочих похожих по смыслу слов либо изживает себя после проверки временем. (элегантный – изящный, комфортный – удобный, сподручный) С другой стороны, как было показано выше, в некоторых случаях употребление иноязычных слов, особенно англицизмов, является необоснованным, что объясняется целым рядом причин. Во-первых, после падения железного занавеса, распада СССР, установления прозападного устройства общества в народе зародилась стихийная мода на западную жизнь. Стала пропагандироваться мысль о том, что запад является символом лучшей и роскошной жизни, в результате чего язык, испытывая мощное воздействие другой культуры, запечатлел новейшие веяния, существующие внутри

общества. Исходя из анализа языка современных газет мы вынуждены констатировать, что данная тенденция была и продолжает наблюдаться. Во-вторых, «обильное» использование англоязычных слов продиктовано желанием определенного числа людей отличиться своими исключительными интеллектуальными способностями. По их мнению, наличие англицизмов в речи ярко свидетельствует о хорошем образовании и эрудированности человека, с чем мы никак не можем согласиться, поскольку довольно часто люди, употребляющие англоязычные слова, не могут подобрать адекватный синоним, имеющий исконно русское происхождение.

При этом, невзирая на все вышеперечисленные проблемы, мы способны увидеть то, что носит гораздо более серьезный и глубокий характер. Еще Александр Сергеевич Шишков писал, что русские слова хранят в себе тайны времени наших предков, для которых природа являлась первоисточником образования славянских корней. Именно корни стали той отправной точкой, от которой русский язык получил свое развитие. В качестве примера можно привести слово *кора*: в нём примечается звук **кр**; ибо оболочка дерева, называемая *кору*, бывает в старых деревьях обыкновенно сухая, черствая, ломкая, и во время преломления издает сей звук, от которого название свое получила. Со временем от слова *кора* возникло слово *корень*, а от него в свою очередь произошло слово *крыж*, а затем *крест*. Исходя из этого, мы можем сделать вывод о том, что для наших предков звуки природы послужили подсказкой для создания слов, корни которых сохранились до наших дней [5, с. 33].

Однако, используя слово *креативный* вместо *творческий*, *толерантность* вместо *терпимость*, *аморальный* вместо *безнравственный*, мы тем самым обрываем древние связи с нашими предками, вкладывавшими глубокий смысл в каждое слово. Ведь во многих из них, таятся ключи к разгадке тех проблем, с которыми нам приходится иметь дело. Например, Шишков пишет, что *слово* и *слава* суть смежные понятия. «Второе произошло от первого, поскольку слава рождается и возрастает через слово. По сей причине полагать должно, что имя славяне сделалось из *словяне*, то есть

словесные, одаренные *словом* люди» [5, с. 22]. Другой пример: слово *счастье* образовано от слова *соучастье*: значит, если человек хочет быть счастливым, то ему необходимо участвовать в жизни другого. И этот список можно продолжать.

Как нам кажется, иностранные слова подобны вирусам, попавшим в программу нашего развития. Многие используют англицизмы, чтобы придать своей речи «презентабельность звучания». Это связано с тем, что некоторые русские слова, по мнению определенного числа людей, не обладают той изящностью, которая свойственна английским словам. А некоторым - русские слова им и вовсе кажутся неудобными. Например, *мерчендайзер* – это раскладчик или фасовщик, *супервайзер* – надсмотрщик. Сейчас, чтобы не обидеть человека, страдающего от вшей, скажут, что у него *педикулёз*. А тот, у кого *диарея*, язык не повернется сказать *понос*. Посмотрите, как элегантно и в то же самое время непонятно звучат англоязычные слова. По сравнению с ними русские слова слишком простые, не несут никакой двусмысленности, они искренние, и поэтому некоторые люди предпочитают им слова англоязычного происхождения.

Таким образом, заимствование является вполне естественным проявлением жизни языка, неотъемлемой частью которого является последовательная эволюция. Однако в то же самое время мы не можем не согласиться с мыслью, выраженной А.С. Шишковым, который сказал, что «язык наш – древо наше». Но если мы не сумеем сберечь чистоту и красоту нашего языка, то мы станем «деревом с обрубленными корнями». В этой связи будет уместно вспомнить старую русскую поговорку, которая гласит: кто старое помянет — тому глаз вон, *а кто забудет — тому оба вон!* Из этого явствует, что изо всех сил мы должны держаться и радеть за свою родную речь, в которой кроется историческая память и многовековые традиции наших предков. Именно поэтому первостепенная задача любого народа, в том числе и русского, заключается в оберегании языка от избыточного и неконтролируемого наплыва иностранных слов [5, с. 5].

Список литературы

1. Астафьева О.Н., Аванесова Г.А. Взаимодействие культур // Глобалистика / Ред.- сост. М.М.Мазур, А.Н.Чумаков. – М.: Радуга, 2003. – С. 95–98.
2. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка // <http://efremova-online.ru/> (дата обращения 02.03.2018).
3. Солнцев В. М. Россия в Петровские времена . – М., 1998.
4. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка // <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 26.02.2018)
5. Шишков А.С. Славянорусский корнеслов. – СПб.: Фонд славянской письменности и культуры, 2002.

УДК 81

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И КЛАССИФИКАЦИЯ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

*И.Н. Юдина, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

GENERAL CHARACTERISTIC AND CLASSIFICATION OF ADVERTISEMENT TEXTS

I.N. Yudina, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В работе исследованы основные особенности и виды классификаций англоязычных рекламных текстов; выделены выявленные приемы и способы перевода с учетом стилистических, лексических и грамматических особенностей английского языка.

Ключевые слова: реклама, слоган, типология.

Abstract. This article considers the main peculiarities and types of classification of English advertisement texts; means and ways of performing the translation in the aspect of stylistic, lexical and grammatical specialties of English language.

Keywords: advertisement, tagline, typology.

E-mail: iyudina23@mail.ru

Термин «реклама» восходит к латинскому «reclamare», что значит громко кричать, извещать. Основная цель рекламы, как и любого другого текста СМИ, заключается в передаче информации.

Реклама является сложным и многоаспектным явлением, которое стало объектом исследования различных направлений лингвистики и представляет интерес для представителей самых разных профессий. Постепенно утверждается мнение, что рекламист – это не узкая специализация, а указание на широкую область профессиональной деятельности.

Термин «реклама» имеет несколько значений:

- 1) предоставляемая информация об услугах, товарах и т. п. с целью оповещения целевой аудитории и создания спроса;
- 2) распространение сведений с целью создания популярности кого-либо или чего-либо.

Уточняется определение рекламы в словаре экономических терминов: *«целенаправленное воздействие на потребителя с помощью средств информации для продвижения товаров на рынке сбыта. Реклама знакомит потребителя с товарами или услугами, которые предлагает предприятие, организация, фирма».*

Маркетолог Ф. Котлер, известный своими работами в области рекламы и считающийся основателем современной, применяемой и по сей день, теории маркетинга, определяет рекламу как *«любую платную форму презентации или продвижения идей, товаров или услуг при помощи средств массовой информации, таких как газеты, журналы, телевидение или радио».* Различные предприятия используют рекламу для передачи определенных, нужных для стимуляции ответа аудитории, сообщений о себе, производимых продуктах и оказываемых услугах. Ответ потребителя может быть перцепционным: у обывателя под воздействием рекламы появляются определенные взгляды на продукцию бренда. Кроме того, ответ может быть поведенческим: потребитель покупает определенный продукт, чего не делал ранее, или же увеличивает

количество покупаемой продукции рекламируемой марки.

Реклама – это один из самых действенных способов информирования и убеждения, целью которого является продвижение какого-либо бренда или мотивация к чему-либо.

С точки зрения лингвопрагматического подхода можно определить рекламу как *«разновидность коммуникационного процесса, при котором происходит, во-первых, неперсонифицированная передача информации о продукте, во-вторых – оказание воздействия на реципиента, с целью создания благоприятного образа рекламируемого продукта и мотивирования к совершению в отношении последнего определенных действий»*.

Реклама может выполнять несколько функций. Среди них выделяют убеждающую, внушающую, информирующую, напоминающую, аттрактивную, популяризирующую, дифференцирующую, оценочную, аргументативную, регулятивную, концептуальную, моделирующую, напоминающую, образовательную, мотивирующую и т. д.

При лингвопрагматическом подходе важное значение придается следующим функциям:

- информирующей;
- персуазивной (убеждающей);
- суггестивной (внушающей);
- побудительной.

Отмечается, что для любого рекламного текста характерно комплексное исполнение всех перечисленных функций.

Эффективность любой рекламы имеет прямую зависимость от того, насколько удачно соединены все ее составляющие. Однако многие исследователи отмечают важную роль вербального компонента, иными словами, рекламного текста.

Большинство людей воспринимает информацию с помощью зрения и слуха, поэтому понятие «рекламный текст» вбирает в себя вербальный компонент и совокупность всех значимых экстралингвистических компонентов,

т. е. изображения, звуков и т. д. Авторам рекламных текстов следует выбрать правильное соотношение вербальных и невербальных компонентов.

Т.Г.Добросклонская отмечает, что концепция многомерного рекламного текста важна при изучении рекламы лингвистами, так как именно она позволяет нам глубже понимать особенности функционирования каждого слова и образа в массовой коммуникации, получать объемное изображение объекта, который описывается, и раскрывать механизмы воздействия их в совокупности на целевую аудиторию, наконец, позволяет лучше понять особенности функционирования слова и образа в массовой коммуникации, а также раскрыть механизм их совокупного воздействия на массовую аудиторию.

Дж. Дайер писал о том, что *«словесная часть рекламы иногда более значима, чем ее визуальный аспект»*. Изображения зачастую служат исключительно для привлечения внимания потребителя, а также для более понятного выражения значимых моментов рекламы: *«...именно благодаря вербальным знакам эти ключевые моменты домысливаются строго по тем коммуникативным интенциям, которые имел в виду рекламодатель, и которые были разработаны рекламным агентством»*.

Вербальная часть в рекламном тексте, как правило, имеет четкую внутреннюю структуру, которая включает в себя такие части как заголовок, основной текст и эхо-фразу.

Заголовок – это зачастую самостоятельный элемент текста, который выражает законченную мысль. Он выполняет функции привлечения внимания целевой аудитории и вызова интереса к товару или услуге, которые рекламируются, являясь своеобразной приманкой для адресата рекламы. Заголовок содержит в себе обращение и основной аргумент рекламы, который потом развивается в основном тексте. Как правило, именно от того, насколько грамотно составлен заголовок, зависит «судьба» всей рекламы – будет ли она успешной и обратит ли внимание на нее потребитель вообще. Именно поэтому в рекламных текстах используются заголовки, которые могут заинтриговать: *«Again she orders... «Chicken salad, please»* – реклама книги по этикету, *«This*

pen “burps” before it drinks – but never afterwards!» – реклама авторучек.

Рекламный аргумент получает развитие в основном тексте, целью которого становится описание преимуществ рекламируемого продукта в подробностях, которые могут быть интересны потребителю. Объем такого текста обычно варьируется от 20 до 100 слов, то есть может быть как небольшим, так и развернутым. Совершенная языковая форма определяет ценность рекламного обращения, так как в этом случае полностью раскрываются идея, основной замысел и содержание рекламы; иначе при обозначении заголовка как выдвигаемого, определенного положения, основной текст рекламы становится как бы совокупностью аргументов, которая подтверждает заголовок.

Вербальную часть текста рекламы обычно завершает эхо-фраза (tag-line), которая имеет важную функциональную нагрузку. Она еще раз повторяет основной рекламный аргумент и делает рекламный текст завершенным. В эхо-фразе традиционно звучит название рекламируемой марки, продукта или услуги в сочетании с запоминающимся выражением: «*Hungry? Grab a Snickers*», «*It's a kosher world with Hermolis*».

Слоган в работе Х.Кафтанджиева определяется как «*краткое, простое и легкое для произнесения выражение, которое содержит как главный логический элемент товар, название торговой марки, услугу или место продажи*». Главной характеристикой слогана становится то, что он отражает сущность философии, корпоративную политику фирмы в различных областях: «*The Drive of your life*», «*The Pursuit Of Perfection*», «*Because you're worth it*», «*Quality in everything we do*», «*Shaping tomorrow with you*». Т.Г.Добросклонская обращает внимание, что структура основного текста рекламы должна отображать ту коммуникативную стратегию, которая была избрана составителями. Существует, таким образом, несколько моделей ее построения:

- модель перевернутой пирамиды;
- реклама-диалог;
- реклама-инструкция;
- реклама-сравнение;

- реклама-вопрос или парадокс, загадка;
- реклама с участием известных личностей;
- сюжетная или драматизированная реклама;
- реклама с участием обычных потребителей.

Модель перевернутой пирамиды состоит в том, что первая часть текста является самой информативной и в ней, как правило, сосредоточены все наиболее веские аргументы.

Реклама-сравнение так или иначе основывается на сопоставлении рекламируемого продукта с аналогичным, представляемым другими фирмами или организациями. Законами рекламного рынка, как известно, запрещается приведение названия фирмы-конкурента, чаще всего сравнение рекламируемой продукции происходит с неким абстрактным эквивалентом.

Сюжетная или драматизированная реклама обычно используется на телевидении, так как телевизионные возможности позволяют «драматизировать» рекламную идею, воплощая ее в виде некоего сюжета.

Текст в инструктивной рекламе представляет собой пошаговое описание действий предполагаемого потребителя, являясь своего рода инструкцией, где аргументация должна сочетаться с легко узнаваемой и устойчивой формой текста.

Модель рекламы-диалога особенно успешно применяется на телевидении и радио, предоставляя авторам рекламных текстов широкие возможности для креатива. Аргументация в тексте рекламы-диалога зачастую построена как ряд вопросительных конструкций.

Стратегия рекламы с участием медийных личностей опирается на доверие предполагаемого потребителя к мнению этих людей о высоком качестве описываемого товара и на стремление приблизиться к некоему желаемому образу жизни.

Реклама, основанная на свидетельствах рядового, обычного потребителя, тоже является высокоэффективной и очень часто используется для построения рекламного текста.

Существует и множество иных классификаций для систематизации рекламных текстов.

Ф.Котлер выделяет такие типы рекламы, опираясь на их цели:

- престижная реклама;
- реклама марки;
- рубричная реклама;
- реклама распродаж;
- пропагандистско-разъяснительная реклама.

Российские исследователи разработали классификацию, основанную на таких критериях:

- рекламируемый объект;
- целевая аудитория;
- СМИ-рекламоноситель.

Классификация рекламы с опорой на рекламируемый объект основывается на систематизации групп объектов, например, бытовая химия, косметика, парфюмерия, обувь, автомобили, мотоциклы и т.д. Данная классификация является основной при ответе на следующие вопросы: что чаще является предметом рекламы; универсальным ли является выбор товаров/услуг и насколько; в большей или меньшей степени то, что рекламируется, специфично для данной культуры.

Рекламы подразделяют и на некоммерческие и коммерческие, основываясь на предмете и цели. В некоммерческих рекламах не присутствует призыв к покупке того или иного товара, обывателю предлагаются определенные моральные установки, идеи или же воззвания к обществу разнообразных сообществ и ассоциаций. Цель такой рекламы может быть политической, социальной, благотворительной и т. п. Коммерческие же рекламы делятся на коммерческие потребительские и престижные рекламы. Первые включают в себя предложение товаров потребления, таких, как лекарства, запчасти и т. д., а престижные рекламы продвигают услуги, например, банковские,

развлекательные и т. д.

Рекламные тексты можно поделить на множество групп, исходя из их целевой аудитории: рекламный текст может быть направлен на студентов, школьников, женщин, мужчин и т. д.

Т.Г.Добросклонская в своих работах обращает внимание на то, что зачастую направленность рекламы на аудиторию, которая является целевой, очень тесно связана с объектом этой рекламы, что может существенно повлиять на стиль и язык.

Третий критерий – классификация по СМИ, которые являются носителями рекламы. Здесь реклама делится на такие группы: печатная, телевизионная, реклама на радио и в глобальной сети Интернет. Опираясь на эту классификацию, рекламодатель создает рекламные тексты, опираясь на характеристики выбранного средства массовой информации таким образом, чтобы позволить обывателю концентрировать внимание именно на тех медийных свойствах рекламного текста, которые наиболее важны.

Практически в каждой рекламной фразе, равно как и в художественном тексте, используется те или иные изобразительно-выразительные средства [см. об этом, напр.: 1, с. 324 – 328; 2, с. 116–135; 3, с. 106–110; 4, с. 82–91; 5, с. 68–70; 6, с. 104–118; 7, с. 280–284; 8; 9, с. 3–6; 10, с. 176–178; 11, с. 203–206; 12, р. 380–391; 13, с. 159–164; 14, с. 95–104; 15, с. 693–697; 16, с. 215–222; 17, с. 232–234; 18, с. 145–149; 19, с. 76–92; 20, с. 58–60; 21, с. 250–256; 22, с. 245–251; 23, с. 365–369; 24, с. 95–104]. Известно, что эмоциональная речь, полная экспрессии, воспринимается быстрее, находя глубокий эмоциональный отклик у слушателя или читателя, в отличие от монотонных фраз, лишенных эмоций. Сухие тексты могут утомить потребителя и очень быстро стереться из его памяти. Существительные, обозначающие бренд или название товара, прилагательные, акцентирующие внимание на его самых лучших свойствах, и глаголы, призывающие к его использованию, являются словами с высокой рекламной ценностью. С их помощью возможно сформировать нужный образ рекламируемого предмета; слыша их, предполагаемый покупатель с легкостью

будет вызывать представление о товаре или услуге в своем сознании. Кроме буквального смысла, такие слова несут информацию о социальных особенностях и культурно-этнических ценностях каждого народа. Семантика слов в подавляющем большинстве медиатекстов является положительной.

Различные образные средства, используемые в рекламных текстах, актуализируют и оживляют их. Большое разнообразие интересных приемов словесного выражения, усиленная экспрессивность, которые часто сопровождают даже простую тему, при условии общепонятости у целевой аудитории, служат одним из ключевых принципов составления рекламы. Ведь реклама призвана не просто информировать аудиторию о существовании тех или иных товаров или услуг, но она должна еще и формировать у покупателей яркий образ. Благодаря системе используемых изобразительно-выразительных средств в информацию о рекламируемом предмете вносится субъективная направленность.

Таким образом, можно сделать вывод, что рекламный текст является комплексным понятием, включающим в себя вербальную и невербальную составляющие, причем первостепенная важность приписывается, как правило, вербальному компоненту, в котором зачастую используются различные образные средства, для достижения нужного рекламодателю эффекта.

Список литературы

1. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л. Михаловский – переводчик фрагментов поэтического цикла Альфреда Теннисона «*In Memoriam*» // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова*. – 2012. – №1. – С. 324–328.
2. Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.
3. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106

–110.

4. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.

5. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К вопросу о влиянии А.С.Пушкина на творчество Э.И.Губера (к 200-летию со дня рождения) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – №10-2. – С. 68–70.

6. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.

7. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

8. Круглова Т.С. Адресованная лирика русского модернизма: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013.

9. Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // Русская речь. – 2008. – №1. – С. 3 – 6.

10. Жаткин Д.Н., Чернин В.К. О.Н.Чюмина как переводчик лирического цикла Альфреда Теннисона о Марианне («Марианна», «Марианна на юге») // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – №1. – С. 176–178.

11. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – №4. – С. 203 – 206.

12. Zhatkin D.N., Kruglova T.S., Milotaeva O.S. Russia and Europe: Dialogue of Cultures and Universal Values in Lidiya Chukovskaya's Perception // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Т. 9. – №27. – P. 380–391.

13. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой

рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159–164.

14. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

15. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.

16. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.

17. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3 (40). – С. 232–234.

18. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.

19. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.

20. Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. Н.В.Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – №3. – С. 58–60.

21. Круглова Т.С., Жаткин Д.Н. Немецкие страницы переписки К.И.Чуковского с Л.К.Чуковской // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – №6 (28). – С. 250–256.

22. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в переписке Л.К.Чуковской с Д.С.Самойловым // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 1. – №6 (28). – С. 245–251.

23. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

24. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* –2014. – №2 (30). – С. 95–104.

УДК 81

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

*И.Н. Юдина, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF LEXICAL PECULIARITIES OF ENGLISH ADVERTISEMENT TEXTS

I.N. Yudina, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В работе проведен анализ основных особенностей англоязычных рекламных текстов на уровне лексики; рассмотрены причины возникновения трудностей при их переводе на русский язык.

Ключевые слова: перевод, лексика, средства выразительности, реклама.

Abstract. The analysis of the main lexical peculiarities of English advertisement texts was conducted in this article; the origin of emerging difficulties by their translating into Russian was considered.

Keywords: translation, lexis, means of expression, advertisement.

E-mail: iyudina23@mail.ru

Рекламный жанр поднимает вопрос наличия специальных языковых средств для его формирования. В основе создания маркетингового сообщения заложены разнообразные языковые приемы, отличающиеся от стандартных жанров публицистики.

Необходимо отметить, что существуют ограничение по объему для

рекламных слоганов. Успешная реклама не может позволить себе быть длинной и развернутой. В самом оповещении не приветствуется присутствие больших языковых конструкций, как и трудных для восприятия оборотов речи. Основной чертой сообщения предстает отличие емкости и звучности используемых слов, чего можно достичь за счет применения таких изобразительно-выразительных средств как эпитеты и метафоры.

1. Явным лидером при формировании текста рекламы является такой лексический приём, как метафора, ее мы можем наблюдать практически в половине проанализированных нами рекламных слоганов. Выполняя в языке номинативную, познавательную и оценочную функции, метафора вместе с тем выступает как средство создания образности речи и конструирования новых смыслов. Еще античные авторы признавали, что нет тропа более блистательного, сообщаемого речи большое количество ярких образов, чем метафора.

Метафора оставляет за собой особое расположение: она влияет на волю и эмоции покупателей, подталкивает их к нужному рекламодателю действию – покупке. Возможна актуализация лишь необходимых и положительных свойств и признаков предлагаемых продуктов, их достоинства, что осложняет для покупателей формирование объективной оценки.

Характерной чертой использования метафор в рекламных слоганах считается то, что они внушают конкретную мысль без аргументов, общепризнанные истины с их содействием преподносятся как готовые, тяжело опровергаемые доказательства. Метафора – это одна из главных аргументирующих составляющих рекламного сообщения; она гарантирует вспомогательную экспрессивную интенсивность рекламного сообщения в целом. Именно метафора максимально частотна среди других изобразительных средств языка, встречающихся в рекламе.

2. Часто используются также эпитеты и каламбуры, причем употребление последних в большом количестве является характерным для англоязычной рекламы.

3. Также можно наблюдать пересечение нескольких лексических приемов в одном тексте, что позволяет усилить привлекательность и интерес потребителя к рекламе.

Анализ англоязычных маркетинговых сообщений и текста в целом, а также рекламного слогана в частности, дает возможность определить ряд его лингвистических специфик, где первоочередной предстает многоаспектность природы. Данный факт вытекает за счет различных употреблений лингвистических и экстралингвистических средств и приемов при создании слогана ради более эффективного воздействия на потребителя.

Таким образом, было проанализировано довольно значительное количество единиц англоязычных рекламных слоганов, что позволило нам вывести некоторые особенности. В ходе сравнения мы выяснили, что лексика, обозначающая новые качества и указывающая на уникальность товара используется во всех рекламах, вне зависимости от вида средств массовой информации.

Лексика, указывающая на усовершенствование товара и его новые качества, присутствует в наибольшем количестве в печатных СМИ. Самым частотным стилистическим приемом являются эпитеты и метафоры, так как именно они придают тексту образность и помогают вызвать желаемые ассоциации.

Следует отметить, что язык изученных слоганов является «простым», доступным. В нём не встречаются научные термины и официально-деловые клише, которые могут затруднить понимание текста, тем самым вызвав раздражение у предполагаемого покупателя.

Что касается стилистических и синтаксических средств в английских текстах, то их процент оказался относительно низким. Наиболее часто встречаются вопросительные и восклицательные предложения, которые помогают добавить тексту эмоциональности, придать форму диалога для того, чтобы заинтересовать потребителя. Кроме того, мы можем отметить сравнительно небольшое количество используемых императивов и эллипсисов.

Исследованные рекламные слоганы имеют правильный, прямой порядок слов, исключая тем самым неверное их понимание.

Так же, как и во всех предыдущих случаях, самым частотным лексическим приемом является использование лексики, обозначающей уникальность и новые свойства продукта, самый высокий процент употребления показали такие приемы, как эпитеты и метафоры.

Однако следует принимать во внимание, что присутствие внушительного объема средств выразительности в рекламном тексте, равно как и в художественном, публицистическом текстах, абсолютно не является залогом успеха [см.: 1, с. 106–110; 2, с. 82–91; 3, с. 68–70; 4, с. 324 – 328; 5, с. 116–135; 6, с. 107 – 115; 7, с. 173–189; 8, с. 199–206; 9, с. 104–118; 10, с. 280–284; 11, с. 176–178; 12, с. 203–206; 13, с. 5958–5962; 14, с. 3–6; 15, р. 380–391; 16, с. 159–164; 17, с. 95–104; 18, с. 232–234; 19, с. 76–92; 20, с. 250–256; 21, с. 245–251; 22, с. 365–369; 23, с. 95–104; 24, с. 180–183; 25, с. 58–69; 26, с. 294–301]. Отличительным признаком удачной рекламы является гармоничное соединение основной рекламной идеи с теми средствами выразительности, которые данной идее наиболее соответствуют.

Список литературы

1. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106–110.
2. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.
3. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К вопросу о влиянии А.С.Пушкина на творчество Э.И.Губера (к 200-летию со дня рождения) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – №10-2. – С. 68–70.
4. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Л.Михаловский – переводчик фрагментов

поэтического цикла Альфреда Теннисона «In Memoriam» // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. – 2012. – №1. – С. 324–328.

5. Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.

6. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.

7. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 173–189.

8. Жаткин Д.Н. Д.Г.Россетти в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – №1 (23). – С. 199–206.

9. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.

10. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

11. Жаткин Д.Н., Чернин В.К. О.Н.Чюмина как переводчик лирического цикла Альфреда Теннисона о Марианне («Марианна», «Марианна на юге») // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – №1. – С. 176–178.

12. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – №4. – С. 203 – 206.

13. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир и М.И. Цветаева // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – №2. – Ч. 26. – С. 5958 – 5962.
14. Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // *Русская речь*. – 2008. – №1. – С. 3 – 6.
15. Zhatkin D.N., Kruglova T.S., Milotaeva O.S. *Russia and Europe: Dialogue of Cultures and Universal Values in Lidiya Chukovskaya's Perception* // *Indian Journal of Science and Technology*. – 2016. – Т. 9. – №27. – P. 380–391.
16. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки*. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.
17. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.
18. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // *Мир науки, культуры, образования*. – 2013. – №3 (40). – С. 232–234.
19. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.
20. Круглова Т.С., Жаткин Д.Н. Немецкие страницы переписки К.И.Чуковского с Л.К.Чуковской // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. – 2015. – Т. 2. – №6 (28). – С. 250–256.
21. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в переписке Л.К.Чуковской с Д.С.Самойловым // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. – 2015. – Т. 1. – №6 (28). – С. 245–251.
22. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.
23. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к

постановке проблемы) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

24. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Погребальная песня» А.Теннисона в русских переводах второй половины XIX в. // *Вестник Бурятского государственного университета.* – 2009. – №10. – С. 180–183.

25. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Элегия Альфреда Теннисона «Умирающая лебедь» в русских переводах XIX в.: опыт сопоставительного анализа // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2009. – № 1. – С. 58–69.

26. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Д.Е.Мин – переводчик произведений Альфреда Теннисона // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки.* – 2009. – № 1. – С. 294–301.

*Секция 2. Деятельность Российских центров науки и культуры за рубежом.
Вопросы изучения и преподавания русского языка как иностранного.
Технологии и практики обучения иностранных граждан в российских вузах*

УДК 316.6

**ПРАКТИКИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В
НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ
«ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК (АНГЛИЙСКИЙ)» В ПЕНЗЕНСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ)**

А.Ю. Бехтер, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

**PRACTICE OF TRAINING FOREIGN STUDENTS IN NOT
LANGUAGE HIGHER EDUCATION INSTITUTION
(ON THE EXAMPLE TEACHING DISCIPLINES "FOREIGN
LANGUAGE (ENGLISH)" AT THE PENZA STATE UNIVERSITY)**

A. Y. Bekhter, Penza State University, Penza, Russia

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые технологии и практики обучения иностранных студентов в российских неязыковых вузах. Сегодня российские вузы становятся все более привлекательными для иностранных студентов. Инновационные технологии эффективно влияют на обучение студентов в неязыковых вузах. На примере Пензенского государственного университета рассказывается, как проходит адаптационный, учебный процессы иностранных студентов, атак же контроль усвоения знаний.

Ключевые слова: обучение иностранных студентов, российские вузы, саморазвитие, эффективность, адаптивность, английский язык

Abstract. In this article some technologies and practice of training of foreign students in Russian (not language) higher education institutions are considered. Today the Russian higher education institutions become more and more attractive to foreign students. Innovative technologies effectively influence training of students in not language higher education institutions. As an example it is described how adaptation, educational processes of foreign students as well as control of assimilation of knowledge are passed in Penza State University.

Key words: training of foreign students, Russian higher education institutions, self-development, efficiency, adaptability, English

E-mail: bekhter@yahoo.com

Соревнование национальных систем образования стало одним из ключевых элементов глобальной конкуренции. Все активнее вовлекается в этот процесс и отечественная высшая школа. Особый интерес представляет доля иностранных студентов образования (получающих подготовку по программам бакалавриата, дипломированных специалистов, магистратуры) в составе всех студентов российских вузов, обучающихся по аналогичным программам в разрезе всех федеральных округов.

Современный состав иностранных студентов, стажеров, аспирантов, слушателей подготовительных отделений по странам их происхождения радикально отличается от состава тех, кто приезжал учиться в Россию в период СССР [1, с.42]. Самой многочисленной группой получающих образование в отечественной высшей школе (и на очных, и особенно – на заочных отделениях) стали выходцы из бывших советских республик, в то время как доля представителей Восточной Европы (составлявшей в 1990/1991 академическом году 1/3 иностранных учащихся в РСФСР), сократилась сегодня до минимума. Наиболее крупным контингентом иностранных граждан, пользующихся образовательными услугами российских вузов по очной форме, стали в 2011/2012 академическом году граждане Казахстана. Второе место занял Китай, откуда в Россию в предшествующие 5 лет приезжало больше всего иностранных студентов. На третьем месте оказались выходцы из Туркмении, на четвертом – из Таджикистана, на пятом – граждане Украины. В то же время представителей Индии, ранее третью по численности группу иностранных студентов очной формы подготовки в российской высшей школе, в последние годы становится все меньше. Можно констатировать, что в России сегодня находятся лишь 3,2% китайских юношей и девушек, обучающихся в зарубежных вузах, и всего 2,3% – индийских и их доля постепенно сокращается [1, с.42].

Российские вузы становятся все более привлекательными для иностранных

студентов как в европейских, так и в азиатских странах. Помимо доступной цены и качественного образования, университеты России предлагают и все больше актуальных программ подготовки, что позволяет выпускникам получить профессию, востребованную на рынке труда и способствует их дальнейшему трудоустройству.

Как известно, процесс обучения иностранного студента в российском вузе не протекает изолированно от внешней социокультурной среды. Именно по данной причине существенным фактором, влияющим на эффективность обучения иностранных студентов, является успешность их адаптации к новым условиям этой среды.

Уровень знания русского языка у прибывающих в Россию с учебными целями иностранных граждан (причем не только из дальнего, но и из ближнего зарубежья), снижается. Все чаще представителей СНГ, если они не являются соотечественниками, выросшими в русскоязычных семьях, приходится до начала основной учебы направлять на курсы русского языка или подготовительные отделения для того, чтобы они освоили его в минимально необходимом объеме. Ухудшается и качество подготовки иностранных абитуриентов российских вузов по базовым школьным дисциплинам. Значительная часть из них – те, кто не смог поступить в национальные университеты на родине или поехать для получения высшего образования в страны Европы или Северной Америки [1, с.44].

Переход от централизованной системы обучения иностранных граждан в советское время к большей свободе и рыночной форме подготовки кадров для зарубежных стран после распада СССР привел к резкому росту количества отечественных высших учебных заведений, занявшихся международным образованием. Достаточно сказать, что если до 1990 года иностранцы обучались в 250 вузах РСФСР, то к 2011 г. их количество увеличилось более чем в 3 раза [3].

Быстро развивающиеся инновационные технологии совместно с классической организацией системы обучения определяют эффективность

уровня преподавания иностранного (английского) языка в неязыковых вузах.

Немаловажным является использование различных методик обучения и воспитания. Чрезвычайно важной является разработка норм педагогической деятельности – единых кафедральных «стандартов» – нормативных требований к практическим занятиям, учебным пособиям; реализация компетентного, модульного, контекстного подходов в условиях современных форм организации образовательного процесса; обновление программно-технологического обеспечения; утверждение гуманистического приоритета в образовательных целях – профессионально-личностного саморазвития будущих специалистов из различных стран мира.

В Пензенском государственном университете обучается более 1600 иностранных студентов из 47 стран. Реализуются двусторонние программы академического обмена с университетом г. Фленсбург (Германия), г. Ланьчжоу (Китай), университетом Лулео (Швеция), Софийским университетом «Св. Климент Охридски» (Болгария), университетом г. Падуя (Италия), Кокшетауским государственным университетом (Казахстан), Нахичеванским государственным университетом (Азербайджан). Образовательные программы специалитета «Лечебное дело» и «Стоматология», а так же магистерская программа «Международная экономика» реализуются с использованием языка-посредника (английского) [4].

В образовательном процессе Пензенского государственного университета применяются технологии модульного обучения, цель которых – это создание условий выбора для полного овладения содержанием образовательных программ в разной последовательности, разном объеме и темпе через отдельные учебные модули с учетом индивидуальных интересов и возможностей иностранных учащихся. Использование данной технологии позволяет активизировать познавательную деятельность, помогает студентам легче усваивать учебный материал, создает условия для творческого развития и самовыражения личности.

Иностранные студенты, наряду с академическими занятиями, знакомятся

со списком основных понятий с переводом на английский язык, лексико-семантическими конструкциями, тестовыми заданиями разного уровня сложности, заданиями для самостоятельной работы с методическими указаниями, темами рефератов для студентов с хорошей успеваемостью, контрольными вопросами для самопроверки, самостоятельными заданиями.

Для успешной реализации современных образовательных технологий, созданные учебно-методические комплексы (УМК), помимо учебной программы, содержат методические указания студентам по изучению дисциплины, учебники и учебные пособия, словари и справочную литературу, перечень работ с методическими указаниями, вопросы к экзамену. Учебно-методический комплекс, воплощающий в себе технологию формирования профессиональной и коммуникативной компетенции, является импульсом поддержания у студентов интереса к самому процессу обучения, формирования убежденности в необходимости знания предмета «Иностранный язык».

Необходимо также упомянуть технологию контекстного обучения. Использование данной технологии в учебном процессе способствует соединению учебной деятельности академического типа с будущей профессиональной деятельностью. При изучении дисциплины «Иностранный язык (английский)» иностранные студенты убеждаются, что получаемые знания необходимы для полноценной теоретической и практической подготовки будущих специалистов, т.к. на их основе строится последующее изучение ряда специализированных дисциплин.

Педагогический коллектив кафедры «Английский язык» ПГУ активно применяет контекстный подход в составлении кафедральных учебных пособий и учебников, которые могут входить в состав УМК.

Работу над УМК необходимо проводить в контакте с преподавателями русского языка. Такой подход с учетом методических принципов в обучении языку специальности способствует более быстрой адаптации иностранных учащихся, развитию предметно-речевой компетенции, что проявляется в успешном усвоении знаний по предметам и развитию речи в учебной и научной

сферах общения.

Модернизация системы высшего образования предполагает повышение роли самостоятельной работы студентов. Организация же самостоятельной деятельности является важной и одновременно сложной проблемой. Важность ее связана с новой ролью, которую она приобретает в связи с переходом на деятельностную парадигму образования. Сложность связана, в первую очередь, с начальным этапом обучения иностранных граждан в вузе на неродном (русском) языке, а также неоднородностью контингента учащихся, приезжающих из разных стран мира, с различной культурой, вероисповеданием, жизненным опытом, базовой подготовкой по учебным предметам.

Самостоятельная работа иностранных студентов – это планируемая работа, выполняемая по заданию и при методическом руководстве преподавателя, но без его непосредственного участия. Она способствует углублению и расширению знаний, формированию интереса к познавательной деятельности, овладению приемами процесса познания, развитию познавательных способностей.

Работа по формированию умений и навыков самостоятельного использования учебника проводится преподавателями кафедр систематически, на всех этапах обучения: при сообщении нового материала, осмыслении и закреплении знаний, выполнении и проверке домашнего задания, изучении устройства и принципа действия различных приборов, при подготовке к лабораторным и практическим занятиям, а также к итоговому контролю знаний.

Предложенные преподавателями конкретные задания: ответы на контрольные вопросы по изученному тексту учебника; выбор правильного ответа из нескольких предложенных; самостоятельное решение количественных, качественных и графических задач; установление соответствия; открытые задания, требующие написания определения понятия, формулировки законов, знание терминов и т.д., влекут за собой появление

мотивационной установки. Под влиянием мотивационных возбуждений данные задания стимулируют аналитико-синтетическую деятельность студентов, в которой ведущую роль играют мыслительные процессы, что приводит к повышению эффективности обучения [5].

Как уже было отмечено, самостоятельная работа студентов способствует формированию профессиональной компетентности, обеспечивает процесс развития навыков самоорганизации и самоконтроля собственной деятельности. При систематическом выполнении самостоятельной работы с использованием специально подготовленных дидактических материалов повышаются качество и прочность усвоения иностранными студентами знаний по предметам, развиваются познавательные процессы, мыслительная и речевая деятельность, активизируются внимание и память, что способствует интенсификации процесса обучения.

Для иностранных студентов, проходящих обучение в ПГУ, как и для российских студентов, характерны типовые формы занятий: лекции, семинары, практические занятия, лабораторные работы. Работа студентов оценивается также по рейтинговой системе, с двумя промежуточными контрольными срезами в учебном семестре. По итогам курса выводится общий рейтинг, на основании которого ставится итоговая оценка. В образовательной практике средством оптимизации учебной деятельности студентов и организации их самостоятельной работы выступает рейтинг учебных достижений. Основными видами деятельности, оцениваемыми в ходе рейтинга, являются учебно-познавательная деятельность, учебно-профессиональная деятельность, социальная активность студента, лично развивающие виды работ (например, участие в диспутах, заседаниях кружков, научных студенческих конференциях, в проведении олимпиады по предмету и т.д.). Итоговый обязательный рейтинг каждого студента состоит из максимального годового рейтинга и максимального экзаменационного рейтинга, полученного им на итоговом экзамене по конкретной дисциплине. Оценка (отметка) студента по предмету определяется его итоговым рейтингом путем соотнесения балльной

шкалы с рейтинговой оценкой [2].

Активное и широкое применение новейших технологий в образовательной практике, использование инновационных подходов в преподавании – это не самоцель, а средство повышения педагогического мастерства преподавателей и эффективности работы студентов в достижении более высоких образовательных результатов в системе их будущей профессиональной деятельности.

Российское высшее образование завоевывает новые рубежи, становясь все более сильным конкурентом европейским вузам [6]. Традиционно российские вузы пользуются популярностью в странах СНГ и на бывшем постсоветском пространстве, а также в Индии, Вьетнаме, Китае и большинстве стран Африки. Однако в последние годы интерес к университетам России растет и в Европе. Среди стран бывшего СССР наиболее активно образовательными программами российских вузов интересуются абитуриенты из Казахстана. Из этой страны насчитывается более 46 тысяч студентов. Также популярна Россия у желающих получить высшее образование в Узбекистане, откуда к нам приехали 14 тысяч студентов. Чуть меньше в российских вузах учится граждан Туркмении – 13,4 тысячи, Украины – 12,3 тысячи, Китая – 12 тысяч. Иностранцы студенты в России предпочитают очную форму обучения – число желающих получить образование таким образом выросло за прошедший год на 17%, тогда как количество заочников увеличилось только на 6% [6].

В заключении отметим, что теория и практика обучения иностранному языку в неязыковом вузе отражает смену подходов к обучению в поисках наиболее эффективной научно-методической концепции. Однако изменение подходов к обучению иностранного языка в высшей школе необходимо рассматривать в широком контексте того, что происходит в обществе в целом и в сфере образования в частности.

Список литературы

1. *Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э. Иностранцы студенты в российских вузах. Раздел первый: Россия на международном рынке образования. Раздел*

второй: *Формирование контингента иностранных студентов для российских вузов / Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Центр социологических исследований, 2012. – 228 с., 1 CD ROM.*

2. Закон «Об образовании в Российской Федерации» N 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года // <http://www.Минобрнауки. РФ /документы/2974>

3. Арефьев А.Л. *Иностранные студенты в российских вузах: Доклад на 3-м всемирном форуме иностранных выпускников советских и российских вузов (Москва, ноябрь 2012 года) // <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0571/analit02.php>*

4. <http://www.pnzgu.ru/pgutoday>

5. <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=5264>

6. <https://studyinrussia.ru/actual/articles/inostrannye-studenty-v-rossii/>

УДК 378.03

**МЕЖВУЗОВСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ
РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА**

Е.В. Борисова, Московский технологический институт, г. Москва, Россия

**INTERUNIVERSITY COOPERATION AS A TOOL FOR THE
DEVELOPMENT OF THE EDUCATIONAL SPACE**

E. V. Borisova, Moscow Technological Institute, Moscow, Russia

Аннотация. В данной статье рассматривается обобщенное понятие «образовательного пространства». Отмечается, что национальные образовательные системы находятся в тесной взаимозависимости от межгосударственного сотрудничества во многих сферах деятельности, в том числе и в образовании. В предложенных материалах публикации выделяются некоторые преимущества межвузовского сотрудничества. Предлагается классификация межвузовского взаимодействия, также приводятся основные стимулы его развития, предлагается состав сетевой организации деятельности вузов, приводятся примеры сложившихся сетей по различным видам их организации.

Ключевые слова: образовательные системы, образовательное пространство, межвузовское сотрудничество, стимулы развития межвузовского взаимодействия.

Abstract. In this article, the generalized concept of "educational space" is considered. It is noted that national educational systems are in close interdependence from interstate cooperation in many fields of activity, including education. The proposed materials of the publication highlight some of the advantages of inter-university cooperation. The classification of interuniversity interaction is proposed, the main incentives for its development are also given, the composition of the network organization of the universities' activities is proposed, examples of established networks are provided for various types of their organization.

Key words: educational systems, educational space, interuniversity cooperation, incentives for the development of interuniversity interaction.

E mail: e.v.borisova@bk.ru

В сложившихся на сегодняшний день условиях все более явным становится то, что эффективность современного образования и создание условий для совершенствования общественно значимых качеств личности зависит от многих факторов. Одним из таких и наиболее значимым фактором является образовательное пространство, в котором данная личность развивается.

Понятие «образовательное пространство» достаточно новое. Оно характеризует сформировавшиеся тренды в развитии образования, поэтому однозначной интерпретации данного определения пока не выработалось.

Рассматривая понятие «образовательное пространство» нельзя не заметить, что оно опирается на два слова: пространство и образование. То есть, учитывая тот факт, что получая образование, личность приобретает образовательную услугу, можно сказать, что образовательное пространство это пространство, где осуществляются образовательные услуги. Если попытаться обобщить различные трактовки этого термина, то можно сказать, что под «образовательным пространством» следует понимать совокупность объектов, имеющих отношения между собой. Большинство исследователей выделяют такие его характерные черты как структурированность, организованность и содержательность. С точки зрения организации «образовательное пространство» можно представить как множество образовательных систем,

состоящих из компонентов, каждая из которых занимает определенное место.[2,4]

В различных странах существуют свои образовательные системы. Они не могут оставаться незадействованными в процессы, происходящие в их государствах, в отношениях их стран с другими странами. Развитие и рост конкурентоспособности национальных образовательных систем находится в тесной взаимозависимости от межгосударственного сотрудничества во многих сферах деятельности и распространяется на образование.[1,3,5]

Именно поэтому межвузовское сотрудничество является важной частью стратегии развития вузов. Оно представляет сегодня один из основных видов международного сотрудничества в сфере высшего образования.

С ростом интереса к данному вопросу увеличивается и количество договоров о международном межвузовском сотрудничестве с зарубежными партнерами и международными организациями. Это дает вузам возможность:

- продвигать собственные «бренды»,
- повышать качество образования,
- обеспечивать академическую мобильность студентов и профессорско-преподавательского состава,
- обеспечивать международное признание дипломов.

Благодаря подобному сотрудничеству современный вуз становится определённым местом, где разрабатываются, апробируются и внедряются новые идеи в различных сферах, где готовятся будущие высококвалифицированные специалисты, обладающие междисциплинарными знаниями, способные к профессиональному росту и мобильности.

Однако такое сотрудничество требует координации правовых основ, создания нормативной базы национального и межгосударственного уровня. Решение этих вопросов приводит к объединению вузов, к созданию сетей и ассоциаций, инициируемых руководством многих вузов. Согласование образовательных программ позволяет более эффективно реализовывать

проекты академической мобильности преподавателей и студентов, укреплять свои конкурентные позиции.

Межвузовское взаимодействие происходит в зависимости от целей и ресурсов участников, может реализовываться в различных формах, на различных уровнях (международном, национальном и региональном), на формальной и неформальной основе, объединять вузы по различным принципам и достигать разной степени интегрированности. Классификация межвузовского взаимодействия представлена в табл. 1.

Основными стимулами развития межвузовского взаимодействия являются:

- необходимость развития в условиях возрастающей конкуренции на рынках образования и инвестиционных ресурсов;
- расширение средств коммуникации;
- повышение эффективности деятельности за счет интеллектуального обмена;
- внедрения современных форм обучения и инноваций;
- наличие взаимных выгод от специализации и сотрудничества участников взаимодействия [4,5].

Таблица 1

Классификация межвузовского взаимодействия

№ п/п	Параметры	Разновидности
1	Цели участников	Краткосрочные Среднесрочные Долгосрочные
2	Ресурсы участников	Собственные Вуза партнера Совместные
3	Формы взаимодействия участников	Совещания руководителей вузов Семинары руководителей вузов Программы академической мобильности преподавателей Программы академической мобильности студентов Научные обмены Системы грантов Системы стажировок и совместных исследовательских проектов Организация вебинаров, конференций, конкурсов

4	Уровни взаимодействия участников	Международный Национальный Региональный
5	Основа взаимодействия участников	Формальная Неформальная
6	Принципы взаимодействия участников	По договоренности
7	Степень интегрированности участников	Сильная Средняя Слабая

Наиболее распространенная на сегодняшний день сетевая организация деятельности в сфере образования. Основой такой формы взаимного сотрудничества становится возможность каждого вуза – участника сети использовать опыт всех участников и совершенствоваться за счет этого. Состав сетевой организации деятельности вузов следующий:

1. Сетевые ассоциации (Международная ассоциация по обмену студентами для получения технических навыков (IAESTE); Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ); Европейская ассоциация университетов (EAU/EAY); Евразийская ассоциация университетов (EAY); Ассоциации образовательных и научных учреждений «Сибирский открытый университет» и др.).

2. Университетские сети (Европейская сеть информационных центров по признанию эквивалентности (ENIC – NARIC); сети международных центров релятивистской астрофизики (ICRANet); европейская сеть «Сотрудничество для высшего образования в области радиологической и ядерной инженерии» (CHERNE), университетская сеть ЦЕИ (UniNet), Балтийская университетская программа (БУП), университетская сеть региона Балтийского моря (BSRUN), сеть университетов Черноморского региона (BSUN), сетевой университет СНГ и др.).

3. Сетевые консорциумы (международный консорциум учебных заведений из Польши, Литвы, Беларуси, Украины и России – Сеть университетов пограничья (СУП). Суперкомпьютерный консорциум

университетов России при участии МГУ им. М. В. Ломоносова и других университетов).

Таким образом, межвузовское сотрудничество охватывает все большее число участников. Оно становится инструментом развития образовательного пространства, инструментом расширения его географических, интеллектуальных границ и границ сфер деятельности. Сетевая модель развития таких отношений является на сегодняшний день наиболее эффективной, так как построена на взаимовыгодном и интересном сотрудничестве. Она способна обеспечить взаимопонимание сторон в межгосударственных вопросах. И одной из форм гармонизации интересов становится создание совместных университетов различных государств, например, университета МГУ – ППИ в Шэньчжэне.

Список литературы

1. Абдраимов Б. Ж. Межвузовское сотрудничество как ключевой фактор развития общего образовательного пространства: евразийское измерение // IA-CENTR [Электронный ресурс]. – URL: www.ia-centr.ru/expert/4223 (дата обращения: 03.03.2018)

2. Беккер И.Л., Журавчик В.Н. Образовательное пространство как социальная и педагогическая категория // Известия ПГПУ им. В.Г.Белинского. – 2009. – №12(16). – С. 132–140.

3. Гитман Е.К., Гитман Н.Б., Столбов В.Ю., Чугунов А.П. О некоторых проблемах организации сетевого межвузовского взаимодействия // Высшее образование в России. – 2017. – № 5 (22). – С. 5–14.

4. Касторнова В.А. Развитие становления понятия образовательного пространства, базирующегося на информационно-образовательной среде // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 10. – С. 107–111.

5. Неретина Е. А. Сетевое взаимодействие – основа динамичного развития вузов // Высшее образование в России. – 2013. – № 4. – С. 129–132.

УДК 811.1

РУССКИЙ ЯЗЫК В МОНГОЛИИ

Н. Буяндэлгэр, Финансовый университет при Правительстве Российской

Федерации, г. Москва

*(научный руководитель – Е.В. Павлова, преподаватель Департамента
языковой подготовки Финансового университета при Правительстве*

RUSSIAN LANGUAGE IN MONGOLIA

N. Buyandelger, Financial University under the Government of the Russian

Federation, Moscow

(research supervisor – E. V. Pavlova, teacher of the

Department of language preparation of Financial University under the

Government of the Russian Federation)

Аннотация. Данная статья описывает современное состояние русского языка в Монголии. Автор статьи обращает внимание на рост популярности русского языка в последние десятилетия.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, Монголия, Россия, межкультурные связи.

Abstract. This article describes the current state of the Russian language in Mongolia. The author of the article draws attention to the growing popularity of the Russian language in recent decades.

Keywords: Russian as a foreign, Mongolia, Russia, intercultural relations.

E-mail: katushka2311@yandex.ru, naran_39@yahoo.com

В Монголии изучение русского языка имеет многовековую историю. И всегда русский язык играл ведущую роль среди других иностранных языков. Особый пик популярности русского языка приходится на времена Советского Союза, когда каждый монгол прекрасно говорил и понимал по-русски. Монголия в то время стала пространством русского языка. Все советские фильмы, мультфильмы, телепередачи показывали по монгольскому телевидению. Книги на русском языке расходились по всей Монголии. Однако

после распада СССР русский язык, к сожалению, ощутимо сдал свои позиции и начинает возвращать их лишь сейчас.

В начале XXI века, по данным Министерства образования, культуры и науки Монголии, в учебных заведениях почти 3-миллионной страны русский язык изучают 386 тыс. человек (в том числе в 570 монгольских средних школах более 1 тыс. учителей обучают русскому языку свыше 296 тыс. детей; в 41 государственном и 130 частных вузах 350 преподавателей русского языка преподают русский более чем 90 тыс. студентов). Для сравнения: английский язык в Монголии учат около 210 тыс. человек. Правда, следует отметить, что в столице Монголии английскому и другим языкам отдают предпочтение вдвое больше человек, чем русскому, зато в глубинке русский язык считается совершенно необходимым. С 1991 года интерес к русскому языку угас. Монголам открылась Европа, её культура, традиции. И первым иностранным языком для Монголии стал английский язык.

В последние десятилетия интерес к русскому языку в Монголии набирает свои обороты. С 2006/07 учебного года во всех средних школах Монголии было введено преподавание русского языка как обязательного второго иностранного с 7-го класса. Также открылись специализированные русские школы, где все уроки ведутся на русском языке. Набирают популярность у монгольской молодежи и филиалы российских вузов; причем ряд вузовских дисциплин (в основном естественно-научных) преподается исключительно по русским учебникам. В сфере дошкольного образования также наблюдается влияние русского языка. В Монголии работают специализированные детские сады «Ягодка» и «Галактика», где занятия проходят только на русском языке. Также в столице, Улан-Баторе, работает Центр тестирования, где можно пройти официальное тестирование на знание русского языка. Распространением и популяризацией русского языка и культуры занимается Российский центр науки и культуры (РЦНК) при поддержке Россотрудничества. В РЦНК проходят ежегодные олимпиады среди школьников и студентов по русскому языку.

Кроме того, наблюдается тенденция к увеличению интереса не только к русскому языку, но и к русской культуре. В Монголии работает семь русских телеканалов. В больших городах есть рестораны русской кухни, например, «Матрёшка», «Кулинар», «Интерьер» и «Шоколадница». Молодые люди с удовольствием читают произведения русских писателей: А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского и других.

В сознании современных монголов Россия ассоциируется с властью в мире и с развитостью. Многие молодые люди приезжают в Россию, чтобы получить достойное образование и в результате найти высокооплачиваемую престижную работу, так как российское образование считается одним из высококачественных в мире. Изучение русского языка становится для них возможностью для гарантии своего будущего, помогает в получении образования. Студенты из Монголии проявляют большой интерес к русской культуре, истории и литературе, с удовольствием посещают музеи русских деятелей искусства и литературы. Освоение русского языка для них оказывается посильной задачей, практически не вызывает трудностей.

Список литературы

1. *Алешина Л.Н. Актуальные вопросы преподавания русского языка за рубежом // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: Материалы II Международной научно-практической конференции. – М.; Пенза, 2017. – С. 186–189.*

2. *Дэлгэрсайхан С., Зайцева И.А. Русский язык в Монголии: прошлое, настоящее, будущее // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: Материалы II Международной научно-практической конференции. – М.; Пенза, 2017. – С. 273–276.*

УДК 811.1

**О ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ КУРСА «ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА И
ТРАДИЦИИ РУССКОГО НАРОДА» В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА**

М.А. Волковская, Институт педагогических наук, г. Кишинев, Молдова

**ABOUT PROBLEMS OF STUDYING OF THE COURSE "HISTORY,
CULTURE AND TRADITIONS OF THE RUSSIAN PEOPLE" IN THE
REPUBLIC OF MOLDOVA**

M.A. Volcovscaia, Institute of Education Sciences, Kishinev, Moldova

Аннотация. Данная статья посвящена проблемам изучения курса «История, культура и традиции русского народа» в Республике Молдова. В статье приводятся примеры некоторых заданий, которые целесообразно, по мнению автора, использовать на уроках по данному предмету.

Ключевые слова: самоидентификация, Русский мир, куррикулум, интерактивные задания

Abstract. This article is devoted to the problems of studying the course "History, culture and traditions of the Russian people" in the Republic of Moldova. The article gives examples of some tasks, which, in the author's opinion, it is expedient to use in the lessons on this subject.

Key words: self-identification, the Russian world, curriculum, interactive assignments

E-mail: mariavolcovschi@rambler.ru

Одной из особенностей Республики Молдова является то, что исторически наше государство складывалось как сообщество разных этносов и культур. Особую актуальность для всех населяющих Молдову народов приобретает учет их интересов в современных условиях, поскольку изменения, произошедшие в стране в последние десятилетия в области политики, экономики, социальных отношений, вызвали, в свою очередь, рост национального самосознания этносов. В обществе появилась тенденция к межэтническому расслоению, обособлению, иногда переходящая в национальную нетерпимость. Для того чтобы сохранить прочность государства, необходимо уделять большое

внимание развитию культуры межнациональных отношений и гармонизации этнических взаимоотношений.

Для решения этих проблем, безусловно, необходимо с раннего детства воспитывать, с одной стороны, толерантность к представителям других культур, этносов, а, с другой стороны, необходимо повышать уровень самоидентификации.

Необходимо отметить, что процесс идентификации в современных условиях довольно не прост. Это связано с глобализацией, проходящей во всем мире в целом, и стремление в единую Европу, в частности, в Молдове, определенной девальвацией духовной и культурной жизни общества, повышением роли индивидуализма и потерей интереса к общественным (в том числе, и к этническим) проблемам и т.д.

Определение национальной принадлежности человека – непростой вопрос, тем более он сложен в Молдове, где большое количество смешанных браков. На бытовом уровне обычно идентификация человека проводится по принадлежности его родителей к той или иной общности и по языку. Но не во всех случаях данные критерии оправдывают себя. При смешанных браках, в полиэтническом окружении, зачастую почти невозможно определить этническую принадлежность того или иного человека.

Идентификация личности и особенно этнический его аспект приобретает в процессе общения в семье, школе, с друзьями, в студенческие годы, то есть по мере накопления определенного багажа знаний и опыта, при освоении определенной социальной практики. Осознание своей этнической принадлежности к каждому человеку приходит индивидуально. Кто-то осознает ее в детстве, кто-то позже. На это влияют социальные, политические, экономические, идеологические и другие обстоятельства.

Сохранение самобытности каждого народа, взаимообогащение культур, дружба и добрососедские отношения – задачи, которые стоят в любом полиэтническом государстве и это, безусловно, является весьма актуальным и для Молдовы.

Теоретические и практические аспекты формирования национального самосознания беспокоят не только политологов и социологов, но ставятся на повестку дня и в сфере образования.

Так, для того чтобы способствовать самоидентификации личности, чтобы русские учащиеся осознавали свою принадлежность к русскому этносу и русской культуре, чувствовали себя представителями Русского мира в Молдове, чтобы русская языковая картина мира была представлена в школах Молдовы с русским языком обучения (чтобы это в действительности была **русская** школа, а не школа с русским языком обучения), в школах Молдовы с русским языком обучения был введен предмет «История, культура и традиции русского народа». Данный курс изучается как обязательный в начальной школе (1 - 4 классы) и как факультативный в среднем звене обучения (5 - 9 классы) (аналогичный курс был введен и в школах с другими языками обучения). Данный курс имеет как познавательное значение (знакомство с обычаями, традициями, историческими фактами), так и воспитательное. Ученики должны чувствовать свою принадлежность к русскому народу (не забывая о том, что являются гражданами Молдовы), гордиться своими предками, приобщаться к русским традициям и культуре.

При реализации этого курса есть много нерешенных проблем. Одной из них является вопрос – чему отдать предпочтение – знанию истории России или же воспитанию лучших черт русского национального характера? В связи с этим возникает другой вопрос: кто должен читать этот курс – историки или же филологи?

Был создан куррикулум по данному предмету, однако мало методического обеспечения этого курса, дидактический материал подчас носит отрывочный характер. Из-за этого нет единства в преподавании предмета. Иногда на часах, отведенных на этот курс, учителя практически дают материал, который не успевают дать ученикам на уроках истории (или же литературы, в зависимости от того, кто читает этот предмет). Этого быть не должно, так как цели и задачи курсов «История, культура и традиции русского народа», «История России» и

«Русская литература» совершенно разные. Однако подчас в этом не вина учителей, а их беда, так как куррикулум во многом максимально приближен к курсу «История России». В этом отношении куррикулум для начальной школы удачней.

Так, в первом классе дети, может быть, впервые осознают, что они принадлежат к русскому этносу. Однако, на наш взгляд, надо начинать не с гражданской позиции малышей (первая тема куррикулума – *Моя Родина – Молдова*), а с более близких и понятных им понятий: русские имена, фамилии. Ведь именно благодаря этим понятиям мы можем с достаточной точностью определить, к какому народу принадлежит тот или другой человек.

В качестве одного из вариантов на одних из первых уроков можно детям предложить следующие задания:

Без чего на свете не может жить ни один человек? Что мы рады слышать всегда? Конечно же, собственное имя, особенно когда оно произносится ласково, с любовью. А ты знаешь, что у каждого народа есть свои наиболее популярные имена? Что каждое имя и фамилия что-то обозначает? Знаешь ли ты, когда твои именины, то есть день твоего имени? Если ты хочешь это узнать и еще многое другое об именах, выполни задания этого урока.

1. Давайте посоревнуемся, кто больше назовёт имён.
2. Скажи, как тебя называют дома родители. Как записано твое имя в документах?
3. Кто это: мальчик или девочка? Александр, Валерия, Валентин, Александра, Марина, Валентина, Валерий, Евгений, Константин, Ольга, Олег
4. Как можно назвать одним именем ребенка, которого называют: Лена, Аленушка, Ленуся;
Саша, Шура, Алик, Саня;
Люда, Мила, Люся;
Дима, Митя
Вова, Володя, Влад

Маша, Маня, Маруся, Муся

5. Послушай стихотворение и скажи, как полное имя и отчество девочки, её брата, их папы.

Её зовут Катюша,

А братика – Андрюша.

Их папа Александр,

А дедушка – Иван.

6. Как зовут твоих родителей? Твоих бабушек и дедушек?

7. Назови своё полное имя и отчество.

8. Прочитай текст и скажи, как образовались многие русские фамилии.

Слово **фамилия** в русский язык попало из языков Западной Европы. Сначала в России его употребляли в значении «семья, члены семьи». Только в девятнадцатом веке слово **фамилия** стало использоваться в современном значении.

До конца восемнадцатого – середины девятнадцатого века большинство жителей России, за исключением богатых людей, фамилии не имело. Что же её заменяло? Вместо фамилии использовали имена и прозвища. Например, человек был большого роста, его называли **Медведь**, маленький, худенький – **Воробей**. От этих прозвищ получились современные фамилии – **Медведев**, **Воробьёв**.

Если хотели сказать, чей это сын, то к имени отца прибавляли –ов или –ев. Так получились фамилии **Иванов**, **Васильев**. Так как в прежние времена имя **Иван** было очень популярным в России, самой распространённой русской фамилией стала фамилия **Иванов**.

Фамилии также образуются от профессии. Если твоя фамилия **Мельников**, то твой пра- пра- прадедушка был мельником, а если **Кузнецов** - то в твоей семье обязательно был когда-то кузнец.

Сколько существует русских фамилий? Никто их ещё не сосчитал. Учёные предполагают, что фамилий сотни тысяч.

9. Попробуй образовать полные имена от традиционных русских имён:

Ваня, Коля, Света, Люда, Дима, Оля, Маша, Катя, Вася, Лена, Саша, Костя, Петя, Павлик, Наташа, Таня, Володя.

10. Отгадай загадку:

Корней Чуковский

Марьюшка, Марусенька, Машенька и Манечка

Захотели сладкого сахарного пряничка.

Бабушка по улице старенькая шла,

Девочкам по денежке бабушка дала:

Марьюшке — копеечку,

Марусеньке — копеечку,

Машеньке — копеечку,

Манечке — копеечку,—

Вот какая добрая бабушка была!

Марьюшка, Марусенька, Машенька и Манечка

Побежали в лавочку и купили пряничка.

И Кондрат задумался, глядя из угла;

Много ли копеечек бабушка дала?

(Бабушка дала только одну копеечку, так как Марьюшка, Марусенька, Машенька и Манечка — одна и та же девочка.)

11. Вспомни, как зовут героев русских народных сказок. Рассмотрите иллюстрации к некоторым русским народным сказкам. Нарисуйте свой портрет любимого героя (героини). Расскажите, почему он (она) тебе нравится.

12. Расспроси своих родителей, почему они дали тебе твоё имя. Что оно означает? Расскажите о своём имени своим друзьям.

Во втором, третьем и четвертом классах дети познакомятся с народными праздниками, традициями их проведения, продолжат знакомство с русским фольклором, будут обсуждать проблемы традиционной семьи. Но очень хотелось бы, чтобы на уроках говорили не только о сказочной, далекой России, о традициях, которым сотни лет, но которые сейчас ушли из реального быта, но

и о современных традициях, о современной России. Ведь Россия, русская культура, ее обычаи не только далекое прошлое, но и современность. Если же мы будем заикливаться только на лубочно-самоварной России, не отобьем ли мы охоту у учеников XXI века познакомиться со своими национальными корнями?

Но если curriculum начальной школы даст достаточно разнообразное представление о традициях, культуре, быте, праздниках и т. д. русского народа (на соответствующем детям возрастном уровне), то curriculum для гимназического звена построен полностью на истории России и фактически является curriculumом не по самостоятельному предмету, а как бы довеском к предмету «История России», который не изучается в Молдове. На наш взгляд, curriculum для гимназического звена должен быть кардинально изменен и во главу угла должны быть поставлены проблемы нравственности, духовности, интереса к прошлому и настоящему России. И, на наш взгляд, курс «История, культура и традиции русского народа» должен быть интегрированным. Его должны вести совместно учителя-историки, филологи, учителя музыки, изобразительного искусства. Только при такой интеграции будут достигнуты те цели и задачи, которые были первоначально заложены в концепции курса. В этом случае изучаемый предмет будет по-настоящему интересным и увлекательным для учеников.

На занятиях целесообразно использовать как можно больше интерактивных видов работ. Особое внимание заслуживает выполнение групповых творческих проектов. Среди обучающих заданий можно назвать разработку сценариев национальных праздников, создание коллекции одежды для кукол, стилизованной под национальные костюмы (в виде журнала мод). Совместно с учителями трудового обучения, ИЗО ознакомить с мотивами национальной вышивки, интерьером жилого дома и т.д.

Для реализации всех этих задач, без сомнения, нужны современные яркие учебники с большим количеством цветных иллюстраций, необходимо использование современных источников информации, в первую очередь,

компьютеры. Современные дети и подростки с большим интересом пользуются компьютерами, чем книгами, поэтому необходимо использовать этот интерес и при помощи Интернета давать им информацию по изучаемому предмету. Если мы на уроках будем учитывать многие особенности этого предмета, нашим ученикам будет интересно заниматься, и они будут расти не *Иванами, не помнящими родства*, а истинными представителями русского этноса.

УДК 811.135.1

ОСНОВНЫЕ ТРУДНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В МОНГОЛЬСКОЙ АУДИТОРИИ

Далай Жамъянсурэн, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия.

(научный руководитель – Е.В. Бринюк, преподаватель Департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве Российской Федерации)

THE MAIN DIFFICULTIES OF STUDYING THE GRAMMATICAL STRUCTURE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN MONGOLIAN AUDIENCE

Dalai Jamyansuren, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

(research supervisor – E.V. Brinyuk, teacher of Department of language training of Financial University under the Government of the Russian Federation)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности изучения русского языка в монгольской аудитории. Проанализированы основные трудности, возникающие у обучающихся, для которых монгольский язык является родным. Освещены вопросы преодоления данных трудностей на занятиях по русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, монгольский язык, грамматика.

Annotation. The article deals with the peculiarities of the study of the Russian language in the Mongolian audience. The main difficulties encountered by students for whom the Mongolian language is native are analyzed.

Keywords: Russian as a foreign language, Mongolian language, grammar.

E-mail: toiho_2324@yahoo.com

В современной Монголии русский язык является одним из самых популярных иностранных языков. Русский язык, наравне с английским, изучается в монгольских школах и университетах. Это связано, прежде всего, с многолетним сотрудничеством России и Монголии в сфере экономики, внешней политики, науки и культуры.

Овладение иностранным языком предполагает не только знание и использование отдельных слов и словосочетаний, но и усвоение грамматической структуры изучаемого языка. Ведь грамматика является основой для понимания устной и письменной речи, а также выполняет организующую функцию в процессе построения обучающимися собственных высказываний. Л.С. Крючкова и Н.В. Мощинская отмечают, что «грамматика в чистом виде не существует, в её ткани растворена национально-культурная специфика, и погружение в русскую культуру благотворно влияет на изучение языка» [6, с. 169].

Следовательно, изучение грамматического строя русского языка становится необходимым на занятиях по РКИ и способствует созданию эффективной коммуникации иностранца с носителями данного языка.

В процессе усвоения любого иностранного языка обучающиеся всегда сталкиваются с рядом трудностей, связанных с различиями в структуре родного и изучаемого языка. Так, по мнению А.А. Реформатского, «Для овладения чужим языком надо, прежде всего, преодолеть навыки своего языка, так как навыки своего языка – это сито, через которое в искаженном виде воспринимаются факты чужого языка» [7, с. 27].

Таким образом, для полноценного усвоения иностранного языка необходимо учитывать особенности родного языка обучающихся и предвидеть основные сложности, которые могут возникнуть в процессе обучения в связи с различиями в фонетике, морфологии и синтаксисе.

Основные трудности изучения грамматической структуры русского языка в монгольской аудитории, с нашей точки зрения, связаны с тем, что:

1. в монгольском языке имена прилагательные не изменяются по родам, числам и падежам, что ведёт к ошибкам при составлении словосочетаний данной части речи с именами существительными в процессе коммуникации (например, *красивый дом*, но *красивая улица*);

2. в монгольском языке отсутствуют грамматические категории рода и числа у глаголов. В связи с этим монгольские обучающиеся зачастую допускают ошибки в образовании форм прошедшего времени глаголов (например, *он читал*, но *она читала*);

3. в отличие от русского, в монгольском языке нет предлогов, но существуют послелого, что вызывает трудности при образовании словосочетаний с глагольным управлением (например, *идти в университет*, но *идти на лекцию*; *приходить из университета*, но *приходить с работы*) и т.д.;

4. в русских и монгольских предложениях разный порядок слов. Например: в монгольском языке пишется “Я книгу читаю”, а не “Я читаю книгу”. Это приводит к трудностям при переводе предложений на русский язык;

5. в русском языке, в отличие от монгольского, глаголы делятся на два спряжения, а также имеют приставки, что усложняет процесс изучения русского языка для монголов.

Для преодоления данных трудностей на занятиях по РКИ в монгольской аудитории необходимо привлекать средства наглядности. Разноцветные таблицы с окончаниями имён прилагательных и существительных (например, при изучении падежной системы русского языка), а также различные иллюстрации (например, при изучении глаголов движения с приставками) «являются материалом для визуальных сопоставлений и сравнений, именно они заставляют адресата внимательно читать вербальный текст, выделять в нём главное, побуждают к самостоятельной деятельности и рассуждениям,

выступают в роли механизма управления процессом обучения» [3, с. 160], что способствует эффективному усвоению нового грамматического материала.

Таким образом, интерес к русскому языку, начиная с XX века и по настоящее время, в Монголии не исчезает. Так, в стране на протяжении долгого времени работает Российский центр науки и культуры, а также Монгольская ассоциация преподавателей русского языка. Однако процесс изучения грамматики русского языка в монгольской аудитории связан с рядом трудностей, вызванных различиями в структуре родного и иностранного для студентов языка. Преодоление данных трудностей является залогом успешного обучения и эффективного вовлечения слушателей в сферу межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Ариунаа Г., Байтматова А. Место грамматики в преподавании русского языка как неродного в монгольской аудитории // *Русский язык как неродной: новое в теории и методике (IV международная научно-методическая конференция): Сборник научных статей. – Вып. 4. – М.: МГПУ, 2015. – С. 164 – 168.*

2. Бадмаев А.З. Образ России и русский язык в Монголии: от советского наследия к современности // *Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – №8. – С.127 – 134.*

3. Бринюк Е.В. Значение креолизованного текста в методике преподавания иностранных языков и русского языка как иностранного // *Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, литературоведения, лексикографии, теории и практики обучения иностранным языкам (к юбилею Дж.Р.Р. Толкина) : Сборник материалов Международной научной конференции (г. Москва, 20 апреля 2017 г.). – М.: ИИУ МГОУ, 2017. – С. 159 – 161.*

4. Бринюк Е.В. Креолизация как средство раскрытия концепта «природа» (на материале учебника по русскому языку как иностранному) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. – 2017. – № 5. – С. 8 – 15.*

5. Козловцева Н.А. Продвижение образования на русском языке как гуманитарная практика формирования образа русского мира // *Культура и образование*. – 2017. – № 2 (25). – С. 61 – 68.

6. Крючкова Л.С., Мощинская Н.В. *Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: Учеб. пособие*. – 2-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 480 с.

7. Реформатский А.А. *О сопоставительном методе* // *Русский язык в национальной школе*. – 1962. – № 5. – С. 23 – 33.

8. Тодаева Б.Х. *Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология*. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 196 с.

УДК 811.135.1

**РУССКИЙ ЯЗЫК В ЭСТОНИИ: НАСТОЯЩЕЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ИСТОРИИ**

*Е.В. Комольцева, Российский государственный социальный университет,
г. Москва, Россия*

*Т.С. Круглова, Институт международного права и экономики имени
А.С.Грибоедова, г. Москва, Россия*

**RUSSIAN LANGUAGE IN ESTONIA AT THE PRESENT INTO ACCOUNT
HISTORICAL EVENTS**

E. V. Komoltseva, Russian State Social University, Moscow, Russia

*T.S. Kruglova, A.S. Griboedov Institute of International Law and Economy, Moscow,
Russia*

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению роли русского языка в Эстонии в настоящее время, с учетом различных исторических событий, которые влияли на его значимость в разных сферах жизни в разные периоды. На основе статистических данных Кассы по безработице Эстонии были сделаны выводы о влиянии знания русского языка на трудоустройство. Также в статье отражена деятельность различных организаций, которые поддерживают популярность русского языка и содействуют его продвижению в экономических, социальных и культурных отраслях.

Ключевые слова: статут русского языка, межкультурная коммуникация, образование на русском, русский язык в Эстонии.

Abstract. This article considers the role of the Russian language in Estonia at the present time, taking into account some historical events that have influenced its importance in various spheres of life during different time periods. On the statistical basis of the Estonian Unemployment Insurance Fund, some conclusions on the impact of the Russian language skills on employment were drawn. The article also reflects the activities of different organizations that support the popularity of the Russian language and promote its advancement in the economic, social and cultural sectors.

Keywords: the status of the Russian language, intercultural communication, education in Russian, the Russian language in Estonia.

E-mail: elena-komolceva@yandex.ru

Ситуация с русским языком в Эстонии на сегодняшний день является одной из самых непростых и неоднозначных, если сравнивать её с текущим положением в других постсоветских государствах. Несмотря на то, что Эстония в настоящее время является самостоятельным государством, входящим в Европейский Союз и имеет свой государственный язык, эстонский, относящийся к прибалтийско-финской ветви финно-угорской семьи языков, русский язык продолжает играть весьма важную роль в стране и общественной жизни эстонцев. Сам факт искусственного «умаления» значимости русского языка в Эстонии в постсоветское время официально не признан, но за счет инициатив языковой инспекции сохранить и популяризовать эстонский язык, который относится к числу самых малых государственных языков мира и является родным всего лишь для 922 000 человек, сфера влияния русского языка значительно уменьшилась. А после вступления Эстонии в Европейский союз резко возрос интерес к родственному финскому и самому распространенному в Европе английскому языкам.

Чтобы понять какую роль играет русский язык в современной Эстонии, вспомним историю его появления в стране и влияние на социальную и культурную сферы жизни на протяжении многовекового периода.

Проникновение древнерусского наречия в Эстонию датируется 1030 г., когда в городе Тарту на месте разрушенной, деревянной крепости киевский великий князь Ярослав Мудрый поставил новую и присоединил часть земель эстов к Киевской Руси. Так появилось первое, смешанное русское-эстское население, которое резко сократилось в процессе завоеваний германцами [4]. Дальнейший приток русскоязычного населения в Эстонию приходится лишь на начало XVIII века, когда после Северной войны территория современной Эстонии перешла под контроль Российской империи. Хотя русских на тот момент было не более 4 процентов, их влияние на общественную и культурную жизнь Эстонии было ощутимо. Так русский язык начинает вытеснять немецкий и даже оказывать влияние на словарный запас эстонского литературного языка. В 1789 г. в Ревеле открывается русская школа, которая явилась первой двухклассной школой в истории Эстонии не находящейся на попечении лютеранской церкви. Тынисмяэская Реальная Школа по сегодняшний день продолжает традиции Русской общины в Эстонии [1]. На удивление благополучно русский язык просуществовал в Эстонии 1920 – 1940 гг., когда после объявления государства независимым был взят курс на эстонизацию общественной жизни страны. Эстонизация в первую очередь выражалась в изменении неэстонских имён и фамилий в соответствии с правилами эстонского языка и в большей степени затронула балтийских шведов и немцев. Русскоязычное население практически не подверглось эстонизации, а его численность значительно увеличилась, составляя около 12% населения страны. В эпоху СССР доля русского населения увеличилась из-за притока специалистов в промышленные отрасли страны, а у эстоноязычного населения появилась серьезная мотивация изучать русский язык [8]. В современной Эстонии пока еще наблюдается четкое разделение на русские и эстонские общины, где например русские обращаются за услугами к русскоговорящим специалистам.

В настоящее время интерес к русскому языку у эстонцев остается на высоком уровне, хотя поток трудовой миграции увеличился в страны ЕС где необходимо знание английского языка. По мнению председателя Эстонской

ассоциации преподавателей русского языка и литературы Института Пушкина Инги Мангус, доля русского языка будет все же сокращаться. Это можно объяснить тем, что дети, родившиеся от русских «постперестроечных» родителей уже в большинстве случаев получают образование на эстонском языке и русский для них остается лишь языком для общения в семье. Но владение как русским, так и эстонским языками дает конкурентное преимущество на рынке труда. При приеме на работу в сферу услуг или экономики многим эстонцам отказывают уже на стадии просмотра резюме, поскольку там не указано знание русского языка или отмечен элементарный уровень. Согласно статистике Кассы по безработице, на начало июля 2017 года 53 процента эстоноговорящих в возрасте 24 лет указали в анкете, что не знают русского языка [2]. В эстонских школах русский язык чаще всего изучают как второй иностранный язык, который последнее время стал популярнее немецкого и французского. Но количество часов, отведенное на изучение русского языка не позволяет получить базовый уровень. Над продвижением русского языка как иностранного активно работает Институт Пушкина, в котором в 2008 году был открыт Русский центр Фонда «Русский мир».

Основными направлениями института являются: поддержка преподавания русского языка как родного и иностранного в Эстонии, прием экзаменов для вступления в гражданство РФ, проведение языковых курсов, проведение научно-методических семинаров для преподавателей-русистов, поддержка и информирование русскоязычной молодёжи в Эстонии. Институт Пушкина имеет лицензии Министерства образования и науки Эстонской республики и является координатором образовательных программ Посольства РФ в Эстонии. В 2011–2012 годах открылись представительства в Нарве и Тарту. Многие эстонские студенты, особенно те, которые родились в семьях где говорят на русском языке планируют поступать в российские вузы. В феврале 2018 года посольство России, Россотрудничество и таллинский Институт Пушкина принимали заявки на бесплатное обучение в России. По словам директора Института Пушкина Андрея Класноглазова, для абитуриентов из Эстонии

открыты двери 500 российских вузов. Причём, для поступления в большинстве случаев не нужно сдавать никаких дополнительных экзаменов. Несмотря на то что российские дипломы в Эстонии необходимо подтверждать, данная процедура не является препятствием для получения российского образования и реализации его в дальнейшей трудовой деятельности. Для укрепления позиции русского языка среди молодежи организуется ежегодный русскоязычный форум «Балфест», инициатором которого являются Эстонская ассоциация преподавателей русского языка и литературы, Таллинский Институт Пушкина при поддержке фонда «Русский мир» и Посольства России в Эстонии. Большинство участников форума заинтересовано в получении российского образования.

Итак, как видим, несмотря на неоднозначные политические отношения двух государств и старания укрепить в Эстонии позиции родного языка, русский язык пока остается самым распространенным иностранным языком. Владение русским языком дает существенные преимущества при устройстве на работу, также многие эстонцы планируют получать российское образование. Из-за уменьшения потока русских мигрантов в настоящее время, если брать для сравнения эпоху СССР, доля русского языка в Эстонии будет закономерно сокращаться, но из-за тесных экономических, культурных отношений с Россией интерес к русскому языку останется на высоком уровне.

Список литературы

1. *Костанди Е. И. Типовой дискурс диаспоры: русский язык в Эстонии // Псковский региональный журнал – 2017. – № 2 (30). – С. 38 – 48.*
2. *URL: <https://www.tootukassa.ee/ru> (дата обращения 15.02.2018).*
3. *URL: <http://www.valitsus.ee> (дата обращения 15.02.2018).*
4. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I. – Тарту, 2004.*
5. *Скуратоская К.Г. Современное положение русской этнической группы в Эстонии: политологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2016. – №1. – С. 85–96.*

6. Туровская С.Н. *Русский язык в странах рассеяния: в поисках ориентиров // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VI. Проблемы языка диаспоры. – Тарту, 2002.*

7. Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. *Притяжение Балтии (балтийские русские и балтийские культуры) // Мир России. – 2004. – Т. XIII. – № 3. – С. 98–130.*

8. Халлик К., Саар Е., Хелемяэ Е. *Этническая сегментация на рынке труда: что дает не эстонцам знание эстонского языка и наличие эстонского гражданства // Неэстонцы на рынке труда в новой Эстонии. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – С. 18–72.*

УДК 811.135.1

**ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЧЕРНОГОРИИ: ИСТОРИЯ И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

*С. Лабан, Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, г. Москва, Россия.*

*(научный руководитель – Е.В. Бринюк, преподаватель Департамента
языковой подготовки Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации)*

**THE STUDY OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN MONTENEGRO:
HISTORY AND PRESENT**

*S. Laban, Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow*

*(research supervisor – E.V. Brinyuk, teacher of Department of language training of
Financial University under the Government of the Russian Federation)*

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы обучения русскому языку в Черногории. Кратко представлена информация об истории изучения русского языка. Проанализирована роль русского языка в современной Черногории.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, Черногория, международное сотрудничество.

Abstract. This article describes the topical issues of teaching the Russian language in Montenegro. Information about the history of the study of the Russian language is briefly presented. The role of the Russian language in modern Montenegro is analyzed.

Keywords: Russian as a foreign language, Montenegro, international cooperation.

E-mail: sergejlaban@gmail.com

В настоящее время можно отметить увеличение числа иностранных обучающихся в высших учебных заведениях Российской Федерации и создание подготовительных факультетов на базе ведущих университетов страны. «Это связано с повышением авторитета России на международной арене и возросшим интересом к русскому языку и русской культуре в странах, которые планируют развивать торгово-экономические отношения» [2, с. 20] с данным государством, а также повышением престижа российского образования во всём мире.

Наравне с другими иностранными обучающимися приезжают студенты и из славянских государств (например, из Болгарии, Чехии), для которых процесс изучения русского языка имеет свои особенности. Данные особенности связаны с родством языков. Кроме того, во многих славянских странах русский язык является обязательным или дополнительным предметом в школах, институтах и университетах.

В данной статье объектом нашего исследования будет языковая ситуация и особенности изучения русского языка в Черногории. Ведь именно в этой стране раньше, чем во многих других странах мира, русский язык как предмет был включён в образовательную систему.

На сегодняшний момент русский язык в школах Черногории изучают в качестве первого или второго иностранного языка. В Будве уже много лет существует Центр непрерывного образования «Dukley Academy», работающий по программе государственного начального и среднего образования Российской

Федерации. После окончания данного центра школьники получают документы российского образца и могут продолжить своё обучение в России.

В высших учебных заведениях страны изучение русского языка началось в XX веке и продолжается по настоящее время. Так, студенты филологического факультета Университета Черногории имеют возможность получить теоретические знания и практические навыки в области русского языка, русской культуры и русской литературы. Обучающиеся изучают методологические основы лингвистики и систему русского языка (фонетический, морфемный, лексический, морфологический и синтаксический уровни). В магистратуре и докторантуре студенты имеют возможность продолжить свои научные исследования по русскому языку и русской литературе.

В 2005 году в Черногории создан Центр русского языка и культуры «Возрождение», в котором были организованы курсы русского языка и библиотека русской литературы. Совместная деятельность черногорской компании «Vozroždenje» и российского Центра «Возрождение» благоприятствовала «развитию научно – образовательных связей двух стран - проходили обмены студенческими группами, организовывались поездки слушателей курсов русского языка на языковую практику в Россию, проводились обучающие тематические семинары для российских студентов в Черногории» [8 URL].

В октябре 2007 года в Черногории Министерством образования и науки РФ, Федеральным агентством по образованию РФ, Санкт-Петербургским государственным университетом, Государственным институтом русского языка им. А.С.Пушкина, Центром русского языка и культуры «Возрождение» была организована «Неделя русского языка и российского образования».

Кроме того, в стране проходила «Неделя русского языка и культуры в Черногории», а также «Дни российского кино».

В заключение необходимо отметить, что в современной Черногории, как и во многих странах мира, среди других иностранных языков лидирующие

позиции занимает английский язык. Это связано, прежде всего, с развитием научно-технического прогресса и рыночных отношений. Однако интерес к изучению русского языка не угасает. О чём свидетельствует то, что русский язык как учебная дисциплина существует в школах и университетах Черногории. Кроме того, в стране регулярно проводятся мероприятия, направленные на продвижение русского языка, русской литературы и культуры.

Список литературы

1. Алешина Л.Н. Формирование толерантного сознания у иностранных студентов средствами русского языка // *Русский язык в коммуникативном пространстве современного мира: Сборник материалов Международной конференции.* – М., 2011. – С. 437–440.

2. Бринюк Е.В. *Контент учебника по русскому языку как иностранному как средство адаптации китайских обучающихся в русскоязычной среде // Педагогическое образование в России.* – 2016. – № 11. – С. 20 – 24.

3. Бринюк Е.В. Креолизация как средство раскрытия концепта «природа» (на материале учебника по русскому языку как иностранному) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология.* – 2017. – № 5. – С. 8 – 15.

5. Козловцева Н.А. *Продвижение образования на русском языке как гуманитарная практика формирования образа русского мира // Культура и образование.* – 2017. – № 2 (25). – С. 61 – 68.

6. Крючкова Л.С., Мощинская Н.В. *Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: Учеб. пособие.* – 2-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2011. – 480 с.

7. *Русский язык в мире.* – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 287 с.

8. http://www.vozintel.org/index.php?option=com_content&view=article&id=48&Itemid=27 (дата обращения: 10.03.2018).

УДК 811.135.1

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ТАДЖИКИСТАНЕ

*Д.А. Лапшина, Пензенский государственный технологический университет,
г.Пенза, Россия*

*В.В. Мушкова, Пензенский государственный технологический университет,
г.Пенза, Россия*

RUSSIAN LITERATURE IN TAJIKISTAN

D.A. Lapshina, Penza State Technological University, Penza, Russia

V.V. Mushkova, Penza State Technological University, Penza, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена русской литературе в контексте мировой культуры. Проведено анкетирование среди граждан Таджикистана 18-24 лет, чтобы определить, насколько читаема русская литература в этой стране, какие русские писатели и поэты наиболее известны. Особое внимание было уделено тому, почему нравятся гражданам Таджикистана те или иные произведения русских авторов.

Ключевые слова: русская литература, мировая культура, произведения, проза, поэзия, классики, контекст, анкетирование.

Abstract. This article is devoted to Russian literature in the context of world culture. A survey conducted among citizens of the Tajikistan at the age of 18-24 to determine how Russian literature in this country and which Russian writers and poets are more famous. Particular attention was paid why people of Tajikistan like these or other works of Russian authors.

Key words: Russian literature, world culture, works, prose, poetry, classics, context, survey.

E-mail: dashka.lapshina@mail.ru, vikavishenka1@rambler.ru

Как известно, произведения, написанные классиками русской литературы, читают не только в нашей стране, но и за рубежом. Стихотворения, рассказы, повести, романы, баллады, поэмы и т.д. интересны иностранным гражданам так же, как и русским.

Чтобы убедиться в этом, мы провели анкетирование (опрос) среди иностранных студентов – граждан Таджикистана. Данное анкетирование состояло из нескольких вопросов, посвящённых русским писателям и их произведениям. Возраст опрошенных – от 18-ти до 24-х лет.

При помощи первого вопроса мы узнали у студентов, произведения каких известных русских писателей или поэтов они читали. Далее следовал вопрос о том, сюжет каких из них больше всего запомнился и понравился. Оставшиеся два вопроса – почему иностранные студенты выбрали именно этих авторов, и есть ли произведения в их стране, похожие на те, что написаны русскими авторами.

Благодаря ответам опрошенных, мы выяснили, что самыми читаемыми среди иностранцев являются произведения Александра Сергеевича Пушкина, Льва Николаевича Толстого, Ивана Сергеевича Тургенева, Максима Горького, Михаила Юрьевича Лермонтова, Михаила Афанасьевича Булгакова, Николая Васильевича Гоголя, Сергея Александровича Есенина, Ивана Александровича Гончарова, Антона Павловича Чехова, Александра Степановича Грина, Дмитрия Алексеевича Глуховского, Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина, Фёдора Михайловича Достоевского и Михаила Александровича Шолохова.

По словам участников анкетирования, творчество перечисленных выше авторов является самым интересным, увлекательным, интригующим и, порой, грустным. В каждом из этих произведений есть что-то особенное, что-то завораживающее. Многие в написанном, по мнению студентов, связано с происходящим в реальной жизни, о чём всегда интересно читать, что является актуальным и заставляет задуматься.

В Таджикистане есть так же много известных писателей и поэтов, авторов множества интересных рассказов, стихов, повестей и т.д. Но произведения, похожие на творчество русских авторов, студенты назвать затруднились.

Для наглядного представления результатов данного анкетирования, нами была составлена таблица по ответам опрошенных студентов – граждан Таджикистана (Таблица 1).

Таблица 1

АВТОРЫ	ПРОИЗВЕДЕНИЯ	МНЕНИЯ
Александр Сергеевич Пушкин	«Сказка о рыбаке и рыбке», «Евгений Онегин», «Руслан и Людмила» и «Капитанская дочка».	По мнению иностранцев, данные сказки и повести привлекают читателей своим интересным сюжетом, разнообразным содержанием и жизненными и поучительными ситуациями.
Лев Николаевич Толстой	«Война и мир», «Детство», «Отрочество», «Юность», «Анна Каренина» и «Севастопольские рассказы».	Данные произведения <i>«привлекают захватывающе развивающимися действиями, жизненным положением»</i> и, в особенности, роман-эпопея «Война и мир» - <i>«любовью к родине, патриотизмом»</i> .
Иван Сергеевич Тургенев	Не были приведены конкретные работы этого автора, было лишь сказано о некоторых произведениях.	<i>«Легко читаемые рассказы»</i> и т.п.
Максим Горький	Также не сказано о конкретных.	<i>«Душевные рассказы, порой грустные»</i> .
Михаил Юрьевич Лермонтов	«Герой нашего времени», «Мцыри» и «Бородино».	<i>«Любовь к родине и патриотизм»</i> .
Михаил Афанасьевич Булгаков	«Мастер и Маргарита» и «Собачье сердце».	<i>«Романы, позволяющие человеку «мыслить за гранью», «захватывающие и интригующие, с неожиданным концом»</i> .
Николай Васильевич Гоголь	«Мёртвые души», «Тарас Бульба», «Вий», «Вечера на Хуторе близ Диканьки» и	<i>«Интересные, непредсказуемые и одновременно пугающие»</i>

	«Ночь перед Рождеством».	<i>произведения, иногда с печальным концом».</i> «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Ночь перед Рождеством» - волшебные и фантастические.
Сергей Александрович Есенин	«Некоторые стихотворения».	Легко читаемые стихотворения, по мнению студентов - <i>«то, что по душе».</i>
Иван Александрович Гончаров	«Обломов».	<i>«Жизненная и поучительная история».</i>
Антон Павлович Чехов	«Гибель человеческой души» и комедийные рассказы.	О комедийных рассказах: <i>«можно посмеяться и одновременно задуматься».</i>
Александр Степанович Грин	«Зелёная лампа».	<i>«Произведение, которое позволяет задуматься о реальности».</i>
Дмитрий Алексеевич Глуховский	«Метро 2033».	<i>«Фантастическая и интригующая работа автора».</i>
Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин	«Господа Головлёвы».	<i>«Легко и интересно читаемое произведение».</i>
Фёдор Михайлович Достоевский	«Преступление и наказание».	<i>«Заставляет задуматься и учит не совершать грубых ошибок».</i>
Михаил Александрович Шолохов	«Тихий Дон».	<i>«Позволяет глубоко мыслить».</i>

Проанализировав таблицу, можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, что иностранцы читают больше русскую прозу, чем поэзию. Как мы видим, были прочитаны и запомнились лишь стихи С.А. Есенина. По мнению граждан Таджикистана, эти стихотворения – *«то, что по душе».*

Возникает вопрос: почему прозу иностранцы читают больше, чем стихи? Можно предположить, что рассказы, повести, сказки и некоторые романы легче воспринимаются, их проще понять, так как в них зачастую всё написано простым языком, реже используются изобразительно-выразительные средства, которые могут «затуманить» основную идею произведения. В стихотворениях, написанных русскими поэтами, достаточно много подобных средств, часто используются слова в переносном значении, что не так хорошо понятно и знакомо иностранцам. Поэтические тексты намного сложнее и перевести на родной язык, так как теряется большая часть смысла, который хотел донести автор.

Во-вторых, исходя из таблицы, можно отметить какие темы в литературе наиболее интересны гражданам Таджикистана и почему. Сказки, по их словам, содержат интересный, легко читаемый, забавный сюжет. Повести и рассказы *«легко читаемы, интересны, непредсказуемы и привлекают захватывающе развивающимися действиями, жизненным положением»*. В таком жанре как роман, произведения привлекают читателей *«любовью к Родине, патриотизмом»* («Война и мир» Л.Н. Толстого), а также *«позволяют человеку “мыслить за гранью”, захватывающие и интригующие, с неожиданным концом»* (например, «Мастер и Маргарита» или «Собачье сердце» М.А.Булгакова). Несколько оставшихся произведений, по словам граждан Таджикистана, связаны с реальностью, с жизненными ситуациями, а также *«заставляют задуматься и не совершать грубых ошибок»*. Кроме того, по их мнению, произведения русских авторов таят в себе *«разнообразное содержание, интересный сюжет»*.

Читая прозу, написанную классиками русской литературы, иностранцы обращают большое внимание, на то, что и им близко и понятно, то есть на общечеловеческие ценности, несмотря на культурные различия. Ведь вопросы добра и зла, жизни и смерти, любви, дружбы, патриотизма, чести волнуют всех людей вне зависимости от их национальности и вероисповедания.

Особое внимание, конечно же, обращается молодыми людьми на сюжет произведения. Ценятся динамичные, захватывающие сюжеты с неожиданным финалом.

В заключении отметим, что наша русская литература является одной из самых читаемых в других странах по всему миру. В странах СНГ она обязательна не только в школьной программе, но также ей интересуются и студенты, и взрослые. Опрошенные нами граждане Таджикистана ценят русские произведения и их авторов, и говорят, что будут и в дальнейшем читать разнообразные захватывающие рассказы, повести, романы, комедии, детективы и тому подобное.

Список литературы

1. Минералов Ю.И. *История русской литературы XIX века (40–60-е годы)*. – М.: Высшая школа, 2003. – 301 с.
2. Орлов А.С. *История русской литературы*. – М.; Л.: АН СССР, 1983. – 217 с.
3. *История русской литературы второй половины XIX века / Под ред. Н.Н. Старыгиной*. – Изд. 3-е. – М.: Наука, 2001. – 256 с.
4. Либан Н.И. *Лекции по истории русской литературы. От Древней Руси до первой трети XIX в.* – М.: МГУ, 2005. – 462 с.
5. Эпштейн М.Н. *Модерн в русской литературе*. – М.: Высшая школа, 2005. – 495 с.
6. *Сказки и рассказы русских писателей для детей*. – Москва: Мир, 2018. – 415 с.
7. Саводник В. *Очерки по истории русской литературы XIX века*. – М.: Печатня С.П. Яковлева, 1897. – 418 с.
8. Мочульский К. В. *Великие русские писатели XIX в.* – М.: Алтейя, 2000. – 160 с.

УДК 372.881.161.1

**К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ КУРСА КУЛЬТУРЫ РЕЧИ В
ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ**

Л.А. Лобанова, МГИМО (университет) МИД РФ, Москва, Россия

О.И. Лыткина, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

**TO THE ISSUE OF THE COURSE CONTENT OF SPEECH CULTURE TO
FOREIGN AUDIENCE**

*L.A. Lobanova, Moscow State Institute of International Relations (University) of the
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia*

O.I. Lytkina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Аннотация. Обучение вопросам культуры русской речи осуществляется в иностранной аудитории на продвинутом этапе. Как показывает практика, иностранные учащиеся испытывают большие затруднения в освоении данной дисциплины, несмотря на интерес к теоретической части курса, касающейся вопросов определения, признаков литературного языка и его функционирования. Трудности в освоении практического курса культуры речи связаны с тем, что преподаватели в процессе обучения ориентируются на содержание курса культуры речи, который преподается в российских учебных заведениях для носителей русского языка. В связи с чем возникает вопрос о содержании курса культуры речи для иностранных учащихся и методике его преподавания.

Данная работа содержит практические рекомендации для преподавателей русского языка как иностранного в организации курса культуры русской речи: определен круг тем и вопросов, которые целесообразно изучать в иностранной аудитории, предложены упражнения, направленные на овладение литературными нормами русского языка.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика преподавания, культура речи.

Abstract. Education for the culture of Russian speech is carried out in a foreign audience at an advanced stage. As practice shows, foreign students have great difficulties in mastering this discipline, despite the interest in the theoretical part of the course concerning the issues of definition, features of the literary language and its functioning. Difficulties in mastering the practical course of speech culture are connected with the fact that teachers in the process of learning are guided by the content of the course of speech culture, which is taught in Russian educational

institutions for native speakers. In this connection, there is a question about the content of the course of culture of speech for foreign students and the methodology of its teaching.

This work contains practical recommendations for teachers of Russian as a foreign language in the organization of the course of culture of Russian speech: a range of topics and questions that are advisable to study in a foreign audience, proposed exercises aimed at mastering the literary norms of the Russian language.

Key words: speech culture, Russian as a foreign language, methods of teaching Russian as a foreign language.

E-mail: lytkinao@list.ru

Изучение дисциплины «культура русской речи», как правило, осуществляется в иностранной аудитории на продвинутом этапе. Многие преподаватели указывают на трудность освоения дисциплины учащимися, отмечая интерес к теоретической части курса, в которой рассматриваются общие вопросы литературного языка, и сложность работы с практическим материалом. Трудности в освоении практического курса культуры речи связаны, на наш взгляд, с тем, что преподаватели в процессе обучения ориентируются на содержание курса культуры речи, который преподается в российских учебных заведениях для носителей русского языка. В связи с чем возникает вопрос о содержании курса культуры речи для иностранных учащихся и методике его преподавания.

На данный момент термин «культура речи» имеет несколько определений. В настоящей работе мы придерживаемся определения культуры речи, данное Е.Н. Ширяевым: «Культура речи – это такой набор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач» [1: 13]. Выделяют пять аспектов культуры речи, среди которых нормативный, коммуникативный, этический.

Опыт нашей работы показал, что в иностранной аудитории целесообразным является обращение к нормативному аспекту культуры речи

уже на начальном этапе изучения русского языка, только в этом случае изучение культуры речи как отдельной учебной дисциплины будет органично восприниматься учащимися. Таким образом, освоение норм литературного русского языка иностранными учащимися происходит в течение всего их обучения в высших учебных заведениях России. Речь идет об академическом бакалавриате, о постепенном изучении русского языка начиная с элементарного уровня А1 до уровня В2 по европейской шкале языковых измерений. Нормы литературного языка принято изучать в соответствии с уровнями языка: от фонетических до синтаксических. Однако для иностранной аудитории изучение орфоэпических и акцентологических норм русской речи в рамках курса культуры русской речи не так эффективно, как в аудитории носителей русского языка, поскольку иностранцы заучивают наизусть слова и их формы вместе с нормативным ударением и не знают других вариантов. Что касается лексических норм русского литературного языка, то для их освоения требуется свободное владение русским языком, поскольку работа с лексическими нормами предполагает обретение навыков литературного редактирования. Как показывает практика, лексические нормы могут быть освоены иностранными учащимися в той части, которая касается пополнения словарного запаса за счет подбора к словам антонимов и синонимов, а также работы с паронимами. В связи с чем мы предлагаем обратить особое внимание на грамматические нормы русского литературного языка.

Что касается грамматических норм русского литературного языка, то мы считаем целесообразным сократить массив грамматических правил, ограничив их коммуникативной значимостью для учебной, социокультурной и будущей профессиональной деятельности.

При изучении грамматических норм имен существительных нам кажется целесообразным обратиться к грамматическим нормам, связанным с трудностями в определении рода, вариативностью образования предложно-падежных форм имен существительных в единственном и множественном числе.

Определение рода имен существительных имеет свои сложности уже на первом этапе обучения русскому языку, когда учащиеся сталкиваются со словами, имеющими на письме конечный мягкий знак, который используется для обозначения мягкости или служит грамматическим показателем [4]. Как правило, наиболее часто употребляемые слова просто выучиваются, потому что иностранец не может в данном случае дифференцировать род. На наш взгляд, здесь можно предложить упражнения типа: определите род имен существительных в словах *мышь, площадь, зверь, гель, конь, вещь, гусь, тень, степь, соль, картофель, область, ель* и т.п.

Определение числа имен существительных также является сложным моментом в обучении русскому литературному языку. Следует уже на начальном этапе давать слова, которые употребляются только в единственном или только во множественном числе, например: *каникулы, сутки, очки, будни* и др. Такие слова, на наш взгляд, следует давать списком для заучивания.

Необходимо обратить внимание на группу слов, которые при образовании форм множественного числа обретают другое лексическое значение, например: *вода – воды, выбор – выборы, песок – пески*. Мы думаем, что разницу в значении объяснять надо, так как учащиеся, читая тексты, спрашивают об этом уже во II семестре на подготовительном отделении. Однако отрабатывать и давать упражнения, на наш взгляд, нецелесообразно. Это касается и слов типа *человек – люди, крестьянин – крестьянство*.

Наиболее эффективными заданиями на определение категории рода и числа являются упражнения на согласование существительных с прилагательными.

Как правило, у иностранных учащихся возникают сложности в определении окончаний некоторых форм множественного числа тех существительных, которые и для носителей русского языка представляют определенные трудности, речь идет о вариативности окончаний *-ы(-и)* и *-а(-я)* (*директор – директора, паспорт – паспорта, тренер – тренеры, возраст – возрасты* и др.). Данные слова обозначают названия профессий, должностей, предметов окружающего мира. Эти слова иностранцы заучивают как исключения. Поэтому, как показывает наш опыт,

их следует давать списком, а затем контролировать их усвоение при помощи специальных упражнений. То же касается окончаний –е(-у) имен существительных в предложном падеже.

Формы родительного падежа множественного числа также представляют особую трудность не только для иностранных учащихся, но и для носителей русского языка, особенно это касается правил, в которых правописание определяется ударением, например существительных женского и среднего рода на –ье, -ья: *оладья, судья, ружье* и др. Иностранцам трудно определить место ударения, поэтому мы не рекомендуем включать в курс культуры речи задания типа: *образуйте родительный падеж множественного числа от слов оладьи, судьи* и т.п.

Для иностранных учащихся даже на подвинутом этапе продолжает оставаться камнем преткновения использование в речи предлогов «в» и «на» с формами винительного и предложного падежей. Как известно, для употребления этих предлогов не существует четких правил, во многом их использование в речи немотивированно. Кроме того, существует много исключений, поэтому, как правило, иностранным учащимся дается список слов с этими предлогами, который они заучивают. Однако объяснение преподавателем некоторых правил (с исключениями) помогает учащимся понять логику функционирования русского языка, способствует развитию языкового чутья. Так, например, известно, что, если мы говорим о материальных предметах (на столе, на шкафу, на холодильнике), то предлог «на» означает расположение на поверхности предмета, а предлог «в» внутри его. Если речь идет о событиях то используется предлог «на» (*на уроке, на занятии, на курсе, на каникулах, на балете*), если же речь идет о месте, то мы употребляем предлог «в» (*в офисе, в театре*). Логика русского языка диктует использование предлога «на», если действие происходит на поверхности (*на улице, на площади, на остановке, на горе, на стадионе*). Однако существует много разных исключений, которых мы не будем касаться в рамках данной статьи.

При изучении грамматических норм имен прилагательных мы предлагаем использовать традиционные задания на образование кратких форм, форм

сравнительной и превосходной степеней сравнения и правила их употребления в тексте. Особое внимание при образовании сравнительной степени следует обратить на чередование согласных (*дешевый – дешевле*), на разницу в образовании простой и сложной форм сравнительной и превосходной степеней.

Изучая краткие и полные формы прилагательных, необходимо обратить внимание на трудности в образовании кратких форм, а также важно показать разницу в их употреблении и функционировании в предложении.

Умение правильно использовать имена числительные в речи – показатель уровня культуры речи. Изучение употребления русских числительных представляет трудность для всех контингентов учащихся, включая русских, которые, как правило, плохо знакомы с использованием в речи данного разряда слов. Дело в том, что в разговорной речи наблюдаются нарушения норм литературного языка, например, вместо сложных числительных с компонентом – *десять, - сот*, в которых должны склоняться обе части, часто происходит изменение по разным падежам: *пятидесятью, шестистами вместо пятьюдесятью, шестьюстами* и т.п.

Ошибки в использовании числительных встречаются очень часто, это касается и ошибок в косвенных падежах от двухсот до девятисот, а также в собирательных числительных. Для данного разряда слов следует сократить массив правил и ограничиться упражнениями рецептивного характера. Эти упражнения даются уже на этапе базового уровня обучению языку (А1, А2), так как знание склонения числительных необходимо для речевой деятельности учащихся. Постепенно обучаемые, читая тексты на русском языке, в которых встречаются числительные, привыкают к ним, однако детально освоить их могут лишь те, кто заучивает их наизусть. В спонтанной речи, как правило, присутствуют ошибки. Эффективными являются упражнения, ориентирующие учащихся на применение полученных знаний в речевой практике. К ним можно отнести упражнения, например, типа «*замените цифры словами*».

Наиболее трудным в курсе культуры речи, на наш взгляд, является изучение синтаксических норм русского языка. Здесь речь идет прежде всего о глагольном

и именном управлении, о правильном использовании в речи причастных и деепричастных оборотов, существительных с предлогами, однородных членов предложения с составными сочинительными союзами, а также сложных предложений. Эта работа имеет большой объем, поэтому надо начать, на наш взгляд, с ведения специальной «глагольной» тетради, в которую учащиеся будут записывать глаголы, их формы, управление (падежные вопросы), а также примеры употребления в предложениях. В такую тетрадь также можно записывать причастия с примерами и отглагольные существительные (девербативы). Преподавателю очень удобно работать с такой тетрадью, дополняя вопросами и примерами; и сами учащиеся выписывают примеры, тем самым расширяя и обогащая словарный запас, усваивая грамматические формы. В этой тетради также можно показать разницу в глагольном управлении при наличии приставки, например: *платить за проезд – оплатить проезд*.

Эффективной, на наш взгляд, является и работа с глагольными словосочетаниями (*победить кого? что? в чем? – одержать победу над кем? в чем?*). В процессе работы над такой тетрадью учащиеся сами создают записи, и это становится для них важным этапом в освоении синтаксических норм русского языка. Предлагаем пример работы с видовой парой глаголов *читать – прочитать* в глагольной тетради:

№ п/п	вид	несовершенный	совершенный
1.	глагол	чита/ть а I	прочита/ть а I
	вопрос, примеры	я читаю ты читаешь он (она) читает мы читаем вы читаете они читают читал (-ла, -ли) читай (те)!	я прочитаю ты прочитаешь он (она) прочитает мы прочитаем вы прочитаете они прочитают прочитал (-ла, -ли) прочитайте!

что? о чем? о ком? кому?	Я читаю книгу.	Он прочитал книгу и пошел в общежитии.
	Он любит читать книги о космосе.	Когда я прочитаю эту книгу о космосе, я верну ее в библиотеку.
	Мать читает сыну сказку.	
	чита/ющ/ий (-ая, -ие) чита/вш/ий(-ая, -ие)	прочита/вш/ий (-ая, -ие) прочита/нн/ый (-ая, -ые)
	Люди, читающие книги, много знают.	Прочитанный журнал лежит на столе.
	Читая книги, мы узнаем новое.	Прочитав журнал, он начал работать на компьютере.

Разделы грамматики «Причастие» и «Деепричастие» являются очень важными в процессе формирования коммуникативно-речевых компетенций у учащихся. В текстах общенаучного характера и специальных текстах, которые иностранцы читают, имея подготовку на уровне А2, встречается, как правило, большое количество причастных и деепричастных оборотов, освоение которых служит базой для развития таких видов речевой деятельности, как чтение, письмо, аудирование. Поэтому важность изучения этого языкового материала трудно переоценить. Известно, что главным принципом в обучении иностранным языкам, в том числе и русскому, является опора на текст (в широком смысле слова), поэтому на первом этапе учащимся предлагается наблюдать за употреблением причастий и деепричастий в тексте и анализировать их. В процессе работы над причастием, например, традиционно предлагаются задания на трансформацию причастного оборота в предложении со словом «который» и, наоборот, замену предложения со словом «который» причастным оборотом. Эти задания вдвойне полезны, поскольку способствуют формированию навыков анализа грамматической конструкции предложения и помогают повторить всю падежную систему русского языка.

Изучая употребление в речи причастных оборотов, необходимо обращать внимание учащихся на ошибки, встречающиеся при их построении. Во-первых, неправильное согласование причастия с определяемым словом. Во-вторых, неправильная позиция определяемого слова в предложении с причастным оборотом. Следует акцентировать внимание иностранных учащихся на положение причастного оборота в предложении, выделяя позиции перед определяемым словом или после него [3].

В процессе работы над деепричастным оборотом следует напомнить иностранным учащимся о том, что деепричастный оборот обозначает добавочное действие по отношению к основному действию, выраженному глаголом-сказуемым. Следовательно, конструируя предложения с деепричастным оборотом, важно следить за тем, чтобы и основное, и добавочное действие в предложении относились к одному субъекту действия, выраженному именем существительным или местоимением в именительном падеже. В связи с чем здесь можно предложить традиционные упражнения и задания на редактирование.

Деепричастия и деепричастные обороты используются в научном стиле речи, в разговорной речи, как правило, заменяемы придаточными предложениями в составе сложноподчиненных. Умение распознавать их в текстах, понимать их значение является необходимым условием формирования профессиональной компетенции у студентов-иностранцев.

Курс культуры речи для носителей русского языка предполагает изучение правильного использования причастных и деепричастных оборотов. Иностранному учащемуся, освоившим уровень А2, В1, также можно предложить задания на исправление построения причастных и деепричастных оборотов. Подобные задания помогают учащимся закрепить навыки построения синтаксических конструкций с причастными и деепричастными оборотами и их употребления в речевых произведениях [2].

Как мы видим, курс культуры речи в иностранной аудитории носит многоаспектный характер, охватывая все разделы русского языка как учебной дисциплины. Он направлен на совершенствование речевой культуры учащихся

для их успешной коммуникации в различных сферах деятельности. Однако важно учитывать то, что данный курс опирается в своей основе на филологические науки, включающие в себя множество дисциплин, одной из которых является грамматика, поэтому мы попытались в данной статье коснуться некоторых вопросов грамматики в аспекте культуры речи, которые, на наш взгляд, необходимо ограничить их коммуникативной значимостью.

Нам кажется целесообразным, обратиться к грамматическим нормам, связанным с вариативностью образования предложно-падежных форм имен существительных в единственном и множественном числе, образованием краткой формы и степеней сравнения имен прилагательных, склонением имен числительных, функционированием причастных и деепричастных оборотов, вопросами именного и глагольного управления и др.

Эффективному освоению грамматических норм, как показывает опыт, способствуют грамматические упражнения: образование грамматических форм (как изолированных, так и в контексте), выбор грамматических форм из нескольких, составление предложений и др.; условно-коммуникативные упражнения (имитационные, трансформационные, репродуктивные, подстановочные), рецептивные упражнения.

Изучение курса культуры речи способствует формированию профессионально-коммуникативных навыков учащихся, повышению качества обучения, интереса к изучаемому языку и научно-исследовательской деятельности.

Список литературы

1. *Афанасьева Н.Д., Беляков М.В., Могилева И.Б., Захарченко С.С., Лобанова Л.А. Русский язык как иностранный: Учебник и практикум для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2016.*
2. *Культура русской речи и эффективность общения / Общ. ред. Л.К.Граудиной, Е.Н. Ширяева. – М.: Изд-во Российской Академии наук, 1996.*
3. *Лыткина О.И., Селезнева Л.В., Скороходова Е.Ю. Практическая стилистика русского языка. – М.: Флинта. Наука, 2013.*

4. Стрельчук Е.Н. *Русский язык и культура речи в иностранной аудитории: Учебное пособие для иностранных студентов-нефилологов.* – М.: Флинта; Наука, 2011.

УДК 811.1/8

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА В БАНГЛАДЕШ**

Рана Мд Масуд, Финансовый университет

при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

(научный руководитель: Зайцева И.А.,

кандидат филологических наук,

доцент Департамента языковой подготовки

Финансовый университет при Правительстве РФ)

**PERSPECTIVES FOR THE STUDY AND DISSEMINATION
OF RUSSIAN LANGUAGE IN BANGLADESH**

Rana Md Masud, Financial University under

the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

(scientific advisor: Zaytseva I.A., Financial University under

the Government of the Russian Federation)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с изучением русского языка в Бангладеш. Также отмечается роль русского языка в развитии дальнейших отношений между странами. Названы перспективы развития отношений в области образования и культуры между Россией и Бангладеш.

Ключевые слова: русский язык, обучение русскому языку в Бангладеш, перспективы изучения русского языка.

Abstract. The article discusses the problems associated with the study of the Russian language in Bangladesh. The role of the Russian language in the development of further relations between the countries is also noted. Prospects of development of relations in the field of education and culture between Russia and Bangladesh are named.

Key words: Russian language, teaching Russian in Bangladesh, prospects of studying the Russian language.

E-mail: rana1409@yahoo.com; slunce@inbox.ru.

Люди, которые живут в Бангладеш, хорошо знают о России. Конечно, они знают, что Россия – самая большая страна в мире с богатой историей. Отношения между Бангладеш и Россией можно назвать дружественными, потому что именно Россия вместе с Индией помогали жителям Бангладеш в 1971 году, когда между Бангладеш и Пакистаном развернулась война. Но, к сожалению, бенгальцы и другие народы, проживающие на территории Бангладеш, знают о культуре России недостаточно много. Конечно, это объясняется тем, что Россия находится далеко. Но одно точно в Бангладеш известно всем: русский язык – это государственный язык Российской Федерации, а также язык, на котором разговаривают все жители России.

Как уже отмечалось выше, отправной точкой развития двусторонних отношений между Россией и Бангладеш стала война между Бангладеш и Пакистаном. СССР оказал неоценимую помощь в деле победы над вражескими захватчиками. После окончания войны первый президент Бангладеш Шейх Мужибур Рахман, который является настоящим отцом нации, посетил СССР по приглашению официальных лиц. В ходе двусторонних переговоров была достигнута договоренность о выделении СССР достаточно большого числа стипендий для молодых людей из Бангладеш. Уже в августе 1972 года первые студенты приехали в разные города СССР для того, чтобы получить высшее образование. И вот уже на протяжении более чем 40 лет ежегодно граждане нашей страны едут в Россию, чтобы получить специальность и профессию. Многие из этих молодых людей позже возвращаются в родную страну, чтобы работать там и развивать ее.

Между Россией и Бангладеш расширяются экономические связи. Это еще одна причина, по которой изучение русского языка становится перспективным и привлекательным для граждан Бангладеш. В настоящее время большое число бангладешских бизнесменов осуществляют свою деятельность в России. Кроме того, наблюдается увеличение числа российских туристов, которые посещают нашу страну. Это также способствует повышению интереса к изучению

русского языка: туризм как отрасль экономики активно развивается в Бангладеш.

Распространению русского языка в Бангладеш активно способствует деятельность Российского центра науки и культуры (РЦНК) в Дакке, который был открыт ещё в 1974 году (ранее Культурный Центр Советского Союза). При центре уже многие годы работают курсы русского языка. Сначала преподавание осуществлялось русистами, приехавшими из Москвы и других городов СССР. Однако с конца 80-годов XX века в Бангладеш стали возвращаться выпускники, которые получили в вузах филологическое образование. На курсах предлагаются различные программы обучения, например, курсы разговорной речи, а также углубленного изучения русского языка и обучения по индивидуальным программам. Занятия ведутся с учетом современной методики при использовании изданий учебно-методической литературы последних лет, а также мультимедийных материалов и необходимого вспомогательного оборудования. По окончании обучения слушатели курсов получают сертификат.

Таким образом, несмотря на то, что в Бангладеш не так много школ и университетов, в которых преподают русский язык, интерес к русскому языку все возрастает. В настоящее время многие жители Бангладеш изыскивают возможности для знакомства с русским языком на родине, для того чтобы в будущем продолжить изучать его в России, а также иметь возможность получить образование. Российский научный и культурный центр в Дакке организывает курсы русского языка. Также здесь проходят семинары на русском языке и встречи, на которых желающие получить образование в России могут узнать о возможностях получения такого образования. Также в российском культурном центре часто организуются различные мероприятия (например, выступления российских артистов или музыкальных исполнителей). Все это даёт надежду на то, что русский язык станет в нашей стране всё более популярным и привлекательным для изучения.

Список литературы

1. Алешина Л.Н. Диалог культур: проблемы адаптации иностранных студентов в российских вузах // Межкультурное общение: контакты и конфликты: Материалы Первой Международной научной конференции. – М., 2015. – С. 27.

2. Алешина Л.Н. Концепция инновационного развития образования российских вузов // Проблемы и перспективы социально-экономического, правового реформирования и модернизации современного государства и общества: Материалы международной научно-практической конференции. – М., 2011. – С. 3–4.

3. Алешина Л.Н., Зайцева И.А., Манукян Г.В. Из страны «медведя с балалайкой» в мир русской культуры (разрушение стереотипов с помощью внеаудиторной работы с иностранными слушателями Подготовительного факультета) // Муниципальная академия. – 2017. – № 2. – С. 13–17.

4. Крючкова Е.В. Лингвокультурный подход в преподавании русского языка как иностранного // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: Материалы II Международной научно-практической конференции. – М.; Пенза, 2017. – С. 236–241.

УДК 82.09 (470): 821.161.1

**РУССКИЙ ЯЗЫК В СРЕДНЕЙ АЗИИ КАК ПРОВОДНИК В МИРОВУЮ
КУЛЬТУРУ ДЛЯ НАРОДОВ БЫВШЕГО СССР**

*М. Мамасаидова, Финансовый университет при Правительстве РФ,
Россия, Москва*

*(научный руководитель: Л.Н. Алешина, к.ф.н., доцент Департамента
языковой подготовки Финансового университета при Правительстве РФ,
Россия, Москва)*

**RUSSIAN IN CENTRAL ASIA AS THE CONDUCTOR IN WORLD
CULTURE FOR THE PEOPLE OF THE FORMER USSR**

*M. Mamasaidova, Financial University under the Government of the Russian
Federation, Russia, Moscow*

*(L.N. Aleshina, Cand.Phil.Sci., associate professor Department of language
preparation of Financial University under the Government of the Russian
Federation, Russia, Moscow)*

Аннотация. Статья посвящена влиянию русского языка в Средней Азии. Мы проанализировали языковую ситуацию в трех странах (бывших республиках СССР): Узбекистане, Таджикистане и Казахстане. Русскому языку отводится роль проводника в мировую культуру для народов бывшего СССР.

Ключевые слова: русский язык, Средняя Азия, мировая культура, проводник, народ.

Summary. Article is devoted to influence of Russian in Central Asia. We analyzed a language situation in three countries (the former republics of the USSR): Uzbekistan, Tajikistan and Kazakhstan. The part of the conductor in world culture for the people of the former USSR is assigned to Russian.

Keywords: Russian, Central Asia, world culture, conductor, people.

E-mail: muza.8888@mail.ru

Русский язык – один из мировых языков, являющийся проводником в мировую культуру для большинства народов бывшего СССР. Русский язык - это не только язык русского народа, но и второй или третий язык в некоторых

странах Средней Азии. В Узбекистане русский определяется как язык межнационального общения. В Узбекистане раньше проживало 809530 русских. Конечно, благодаря этому в Узбекистане сохранилось очень много русских школ, православных церквей, ресторанов русской кухни, достопримечательностей (памятников русской архитектуры) и университетов с обучением на русском языке. В Ташкенте работает один из самых популярных и престижных вузов России: Московский Государственный университет. Этот вуз отличается от других вузов требовательностью и уровнем преподавания: работают преподаватели из Москвы. МГУ в Ташкенте открылся 24 февраля 2006 года Президентом Узбекистана. Экзамены в МГУ принимают по системе ЕГЭ. После окончания МГУ студентам вручается диплом МГУ, потому что этот университет является филиалом МГУ. (14 ноября 2005 года Президенты Узбекистана и России решили открыть филиал МГУ в Узбекистане, в Ташкенте.) Если мы будем говорить о школах, то в 739 школах обучение ведётся на русском языке и в них учится 350 тысяч учеников. Кроме этого в Ташкенте очень много лицеев и колледжей, университетов, в которых можно учиться на русском языке. Но несмотря на этого в Узбекистане русским языком владеют только 41% жителей. Остальные плохо или вообще не говорят по-русски.

Известный русский поэт, покоритель многих сердец А.С.Пушкин в Узбекистане тоже очень популярен и всем известен. В Ташкенте есть памятник А.С.Пушкину. Не зря говорят, что А.С.Пушкин - бессмертный талисман русской литературы и дружбы народов: «Я предпринял... литературный подвиг», «Не зарастёт ко мне народная тропа». В 2014 году День русского языка и 215 –летний юбилей А.С. Пушкина совпал ещё с одним республиканским праздником – 40-летием памятника создателю современного русского языка в центре узбекской столицы. Он был выполнен известным скульптором, народным художником Михаилом Константиновичем Аникушиным и установлен в Ташкенте в 1974 году. В Таджикистане во времена СССР большая половина народа считала русский язык родным языком.

Русский язык и сегодня, по-прежнему, является родным языком для части населения, особенно той, что живет в крупных городах: Душанбе, Худжанде. По данным последней переписи населения (сентябрь 2010 года), для 3 тысяч 182 человек из 6 миллионов 373 834 таджиков (имеются в виду таджики по национальности, а не граждане РФ) он являлся вторым родным. Согласно данным последней переписи населения, русских по национальности в Таджикистане – всего 34 838 человек, тогда как еще в 1989 году их численность составляла 388 тысяч 481 человек. Также данные последней переписи населения свидетельствуют о том, что более чем из 6 миллионов таджиков свободно владеют русским языком лишь два миллиона, а точнее - 1 963 857 человек. Президент Таджикистана несколько раз утверждал, что народ должен знать иностранные языки и, особенно, русский язык, потому что он является одним из официальных языков ООН и ряда других авторитетных международных и региональных организаций. На русском языке созданы шедевры мировой литературы, и сегодня русский язык, играя важную роль в развитии науки, техники и образования, служит мостом для сближения и взаимообогащения разных народов и культур. В 27 школах, в том числе в школе при Российско-Таджикском (Славянском) университете, а также в более 130 классах при общеобразовательных учреждениях страны обучение полностью ведется на русском языке. В десяти вузах Таджикистана функционируют факультеты русской филологии, во многих дошкольных учреждениях воспитательный процесс осуществляется на русском языке. Правительство страны приняло новую шестилетнюю Программу по изучению и преподаванию русского языка. Кроме этого в Таджикистане работают русский драматический театр имени Маяковского и Российско-Таджикский (славянский) университет. Последний населенный пункт с русским названием был переименован в 2016 году.

В Кыргызстане государственным языком является кыргызский, а официальным — русский. Глава государства подчеркнул, что он относится к русскому языку очень серьезно и положительно, так как знание языков, в том

числе русского, — самый короткий путь к развитию личности. «Кыргызы в идеале должны знать три, а в лучшем случае еще больше языков. Мир станет для них не таким глобальным и сложным для путешествий при получении образования. Поэтому знание языков только обогащает жизнь человека», — так считает глава страны. Кыргызско-Российский Славянский университет был открыт в 1993 году в соответствии с Договором о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией.

В Казахстане русский язык считается вторым государственным языком. Первый язык, конечно же, казахский. В Казахстане русский язык выступает с объединительной функцией, его по-прежнему используют в деловых кругах, финансовой и банковской системах. В Казахстане русский язык, как родной, количество людей, общающихся на русском языке стабильно высоко. В Казахстане русский язык имеет конституционный статус, предполагающий его официальное употребление наряду с казахским языком. В Казахстане русским языком владеют 89,4% людей. МГУ, этот знаменитый университет России, так же открыл свой филиал в Казахстане. Он открылся в 2001 году в городе Астана. В филиале МГУ несколько направлений, где студенты смогут пройти обучение на русском языке по программе МГУ в полном объеме. Причем учеба на последних курсах и защита дипломной работы в обязательном порядке должна проходить в Москве на равных условиях со студентами, обучающимися в головном МГУ. Кроме этого, в казахстанской Караганде открыли памятник советскому и российскому рок-музыканту Виктору Цою. Памятник Виктору Цою установили на пересечении нескольких улиц города.

Список литературы

1. *Алешина Л.Н. Актуальные вопросы преподавания русского языка за рубежом // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. – М.; Пенза, 2017. – С. 186–189.*

2. Алешина Л.Н. Роль этнокультурного аспекта в преподавании русского языка как иностранного // Научный альманах. – 2016. – №9-2 (23). – С. 346–348.

3. Алешина Л.Н. Российские центры науки и культуры в Болгарии: направление деятельности и проекты // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. – М., 2017. – С. 194–198.

4. Алешина Л.Н., Зайцева И.А., Манукян Г.В. Из страны «медведя с балалайкой» в мир русской культуры (разрушение стереотипов с помощью внеаудиторной работы с иностранными слушателями Подготовительного факультета) // Муниципальная академия. – 2017. – № 2. – С.13–17.

УДК 811.135.1

**ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В МОНГОЛИИ:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ**

Цацрал Нэргуй, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия.

(научный руководитель – Е.В. Бринюк, преподаватель Департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве Российской Федерации)

**FEATURES OF STUDYING OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN
MONGOLIA: THE PAST AND THE PRESENT**

Tsatsral Nerguy, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

(research supervisor – E.V. Brinyuk, teacher of Department of language training of Financial University under the Government of the Russian Federation)

Аннотация. В статье рассматривается история распространения русского языка в Монголии. Проанализирована современная языковая ситуация в стране и особенности изучения русского языка в школах и университетах.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, монгольский язык, российско-монгольские отношения.

Abstract. The article is devoted to the history of Russian language distribution in Mongolia. The modern language situation in the country and features of studying the Russian language in schools and universities are analyzed.

Keywords: Russian as a foreign language, Mongolian language, Russian-Mongolian relations.

E-mail: ts120505@gmail.com

После стран, ранее входивших в состав СССР, Монголия занимает одно из ведущих мест в мире по числу говорящих на русском языке. Это связано, прежде всего, с географическим положением (наличием общей границы с Россией, протяжённостью 3485 километров) и многолетним экономическим, научно-техническим и культурным сотрудничеством государств.

Развитие российско-монгольских языковых связей начинается в XX веке. В результате этого взаимодействия в Монголии в «1930-х гг. во всех профессиональных школах (соответствует училищам и техникумам в русской системе образования), а после 1940 г. и во всех средних образовательных школах, стали обучать русскому языку» [6, с. 35]. Так были заложены основы изучения русского языка.

В годы социализма изучение русского языка стало обязательным во всех образовательных учреждениях Монголии. Владение русским языком было одним из требований при приёме на ответственную государственную должность.

В 1970 году в Монголии была создана Монгольская ассоциация преподавателей русского языка и литературы, способствовавшая распространению русского языка в стране как «языка обучения».

В 1976 году в Улан-Баторе был открыт Российский центр науки и культуры, основными задачами которого является создание правильного и положительного представления о Российской Федерации, обеспечение благоприятных условий для сохранения и развития культуры, постоянно

проживающих в Монголии россиян, а также распространение русского языка и русской культуры в Монголии. Здесь проходит обучение заинтересованных студентов русскому языку и подготовка их к поступлению в высшие учебные заведения России. Представительство «на сегодняшний момент является крупнейшим российским информационно-культурным центром Азиатско-Тихоокеанского региона» [5 URL].

В современных средних государственных школах в Монголии с 2006 – 2007 учебного года русский язык является обязательным иностранным языком, начиная с 7 класса. В процессе обучения школьники получают базовые знания в области русского языка. Это позволяет ученикам познакомиться с русской культурой, обычаями и традициями, а также зарождаёт интерес для дальнейшего изучения языка.

Кроме того, существуют престижные монголо-российские частные школы, в которых обучение многим предметам происходит на русском языке квалифицированными учителями из Российской Федерации. Выпускники данных школ сдают государственные экзамены России и Монголии и имеют возможность получить два аттестата, что в дальнейшем позволяет продолжить учёбу в российских университетах. Существует ряд школ, работающих по российским государственным стандартам (например, школа при посольстве России в Монголии).

В Монголии регулярно проводятся олимпиады по русскому языку. Также в стране функционирует Центр тестирования, который даёт возможность монгольским гражданам получить сертификаты, свидетельствующие об уровне владения русским языком.

В высших учебных заведениях Монголии русский язык не является обязательным предметом. Исключение составляют технические и медицинские университеты, а также университеты, готовящие учителей и переводчиков русского языка. В них обучение русскому языку проходит в обязательном порядке.

В заключение следует отметить, что в настоящее время в связи с развитием рыночных отношений изменилась и языковая ситуация в Монголии. Интерес к русскому языку на данном этапе значительно ниже, чем во времена СССР. На первое место среди иностранных языков, изучающихся в Монголии, выходит английский язык. Однако русский язык по-прежнему остаётся популярным и сегодня. Это связано, прежде всего, с развитием российско-монгольских отношений, многолетним взаимодействием стран в области культуры и науки, престижем российского образования в мировом сообществе и, тем самым, желанием учиться в России большого количества представителей монгольской молодёжи, что даёт надежду на восстановление позиций русского языка в Монголии в ближайшем будущем.

Список литературы

1. Алешина Л.Н. Формирование толерантного сознания у иностранных студентов средствами русского языка // *Русский язык в коммуникативном пространстве современного мира: Сборник материалов Международной конференции.* – М., 2011. – С. 437–440.

2. Бадмаев А.З. Образ России и русский язык в Монголии: от советского наследия к современности // *Вестник Бурятского государственного университета.* – 2011. – №8. – С.127 – 134.

3. Бринюк Е.В. Креолизация как средство раскрытия концепта «природа» (на материале учебника по русскому языку как иностранному) // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология.* – 2017. – № 5. – С. 8 – 15.

4. Бринюк Е.В. Креолизованный текст как вектор межкультурной коммуникации (на материале учебников по русскому языку как иностранному) // *Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи: Сборник статей.* – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. – С. 314 – 319.

5. <http://mng.rs.gov.ru/ru> (дата обращения: 10.03.2018).

6. Свердлова Н.А., Энхбаатар У. Русский язык: история и перспективы изучения в Монголии // *Magister Dixit.* – 2015. – №2 (18). – С. 34 – 40.

7. Томтогтох Г. Русский язык в социокультурном пространстве современной Монголии // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2015. – №4 (18). – С.208 – 213.

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ТОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА РУССКОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА

*А.Д. Пиякова, Пензенский государственный технологический университет,
г. Пенза, Россия*

FEATURES OF THE SENTIMENT ANALYSIS OF RUSSIAN-LANGUAGE TEXT

A.D. Piyakova, Penza State Technological University, Penza, Russia

Аннотация: Мнение является одним из ключевых факторов, влияющих на выбор, так как наши убеждения и представления об окружающем мире, зависят от мнения окружающих. Таким образом, анализ тональности является одним из самых популярных вопросов обработки естественного языка, потому что не только касается всех её аспектов, но и обладает огромным практическим значением. При анализе тональности русскоязычных текстов, мы встречаемся с рядом проблем, обусловленных особенностями русского языка.

Ключевые слова: перевод, лексика, средства выразительности, компьютерная лингвистика, машинный перевод.

Abstract: Opinion is one of the key factors which influence our choice, as our beliefs and perceptions of reality are governed by opinion of others. Thus, the sentiment analysis is one of the most popular issues of Natural Language Processing, because it not only addresses all its aspects, but obtains huge practical importance. When analyzing sentiment of Russian-language texts, we meet a number of problems caused by the peculiarities of the Russian language.

Keywords: translation, lexis, means of expression, computational linguistics, machine translation.

E-mail: srsly7@yandex.ru

Анализ тональности или Sentiment analysis – это область исследований, которая специализируется на анализе мнений, чувств, оценок, отношений и эмоций людей по отношению к объектам и их атрибутам, выраженные в тексте.

Главной задачей анализа эмоциональной окраски текста необходимо разрешить проблемы извлечения аспектов из текста, а так же определение полярности с помощью алгоритма. То есть необходимо определить тональность на трёх уровнях:

- На уровне документа, т.е. является ли характеристика объекта во всём тексте положительной или отрицательной.

- На уровне предложения, т.е. является ли характеристика объекта в предложении положительной или отрицательной.

- На уровне объектов и конструктивных характеристик.

Последний уровень является самым сложным, так как включает в себя ещё несколько подуровней:

5-1-2008: «Несколько дней назад я купил iPhone. Это такой хороший телефон. Сенсорный экран действительно классный. Качество голоса также отличное. Он намного лучше, чем мой старый Blackberry, на котором было так трудно печатать из-за этих маленьких кнопок. Тем не менее, моя мать злилась на меня, потому что я не сказал ей, что собираюсь купить телефон. Она также думала, что он слишком дорогой...»

- Объект тональности: его сущности и их черты (g_i)

- Тональность: позитивный sentiment, негативный sentiment (so_{ijl})

- Субъект тональности (h_i)

- Время (t_i)

В некоторых случаях объект тональности – это единая сущность («I support tax cut»), но во многих других случаях он более комплексный:

For those of you who own RAGE or bought it recently due to a Steam Sale you may have noticed that the texture pop-ins can be unbearable. (Объектом тональности в конце предложения являются не какие-то «texture pop-ins», а «texture pop-ins in RAGE»).

Но при анализе тональности русскоязычных текстов, встречается ряд проблем, которые связаны с особой структурой языка. Этим должен быть обусловлен особый подход к выбору методов классификации и признаков.

Методы классификации тональности

Автоматический анализ тональности может использовать несколько методов: метод основанный на правилах и словарях (т.е. поиск эмотивной лексики), машинное обучение с учителем и без и сочетание этих методов.

Самая большая проблема всех методов заключается в предварительной обработке текста, а именно стемминге и лемматизации. Суть этих процедур заключается в приведении слов к одному виду для уменьшения размерности задачи. Однако, из-за них методы, использующие предварительную обработку текста, теряют в точности. Причина заключается в том, что, русский язык относится к флективным синтетическим языкам и, обрезая аффиксы, мы рискуем допустить ошибку: отнести однокоренные слова к разным леммам (ошибка первого рода) или разные слова к одной лемме (ошибка второго рода).

Идёшь -> ид; шёл -> шёл – разные леммы

Летел -> лет; лето -> лет – одна лемма

Окончания слов зачастую играют роль в анализе тональности. Например, слова «люблю» и «любил» имеют разную тональность. Если в первом случае человек всегда любил и сейчас любит, то есть тональность скорее всего положительная, то во втором случае человек всегда любил, а теперь не любит и тональность уже отрицательная.

Решить ошибку второго рода может tagger, путём присвоения морфологической пометы каждой словоформе.

Таким образом, с увеличением количества морфологических помет увеличивается точность анализа.

Летел [Verb-Fin] -> летать [Verb-Fin] -> лет [Verb-Fin] ≠ лето [Nn-Nom] -> лето [Nn-Nom] -> лет [Nn-Nom]

Методы основанные на правилах и словарях заключаются в составлении набора правил или тональных словарей, согласно которым система даёт вывод о тональности текста.

То есть, к каждому участку текста применяется правило, например, если сказуемое ("ненавидеть") входит в отрицательный набор глаголов и в

предложении не имеется отрицаний, то классифицировать тональность как "отрицательная".

Что касается методов, основанных на словарях, то система присваивает каждому слову его значение тональности из словаря, а потом вычисляет общую тональность всего текста с помощью среднего арифметического или обучив классификатор.

Affective Norms for English Words (ANEW)

Слово	Перевод	Валентное значение (Valence mean)
handsome	красивый	7.93
joyful	счастливый	8.22
angry	злой	2.85

Эти методы обладают рядом преимуществ и недостатков. Они достаточно трудоёмкие, так как требуют описания всех случаев и особенностей употребления лексики, но в тоже время обладают высокой точностью, если составлена хорошая база. Кроме того, в сочетании с другими видами анализа (морфологическим и синтаксическим) он не только позволяет увидеть цепочки эмотивной лексики, но и получить синтаксически корректные эмоциональные выражения. Но здесь метод, основанный на словаре, встречается с проблемой: в одной области лексема может иметь положительное значение, тогда как в другой отрицательное: «огромный» относительно одежды может носить негативный характер, хотя в случае с объёмом памяти устройства имеет положительную окраску. Таким образом, составление хорошего словаря возможно только для узких предметных областей, так как при анализе текста из другой области возможны ошибки. Это сказывается на полноте лексического покрытия. В то же время, если тональный словарь можно просто перевести с другого языка, то количество правил варьируется от языка к языку и поэтому при их переносе требуется значительная корректировка.

Методы машинного обучения с учителем является наиболее часто используемыми в исследованиях и на практике. Процесс создания системы

анализа тональности очень похож на процесс создания других систем с применением машинного обучения:

- создание обучающей выборки для классификатора
- представление документов из выборки в виде вектора признаков
- маркировка правильных ответов, по этим ответам и будет обучаться классификатор
- выбор алгоритма классификации и обучение классификатора
- использование полученной модели

Нельзя точно сказать, какой метод даст лучшие результаты, у каждого из них есть свои преимущества и недостатки.

Количество классов

В современных алгоритмах чаще всего используется бинарная классификация тональности, так как классификации с 3 и более классами обладают низкой точностью при использовании любого подхода. Если требуется создать классификатор на более чем 2 класса, то тут возможны 3 варианта:

- плоская классификация – один классификатор для всех видов классов
- иерархическая классификация – несколько классификаторов, для нескольких групп классов
- регрессия – измерение тональности по шкале от 1 до 10 и т.п.

В целом, задача классификации на три класса достаточно сложна. Рационально сделать классификатор для двух классов, а затем уже либо добавить дополнительные классификаторы либо расширить модель для трех классов.

Выбор признаков

Качество анализа тональности напрямую зависит от набора характеристик, представленных для составления вектора признаков. Наиболее распространёнными способами представления текста являются «мешок слов»/ bag-of-words или N-граммы.

«Мешок слов» – это модель, которая обучается на словаре, составленном из слов всех документов с векторами, каждая компонента которого соответствует термину из словаря. Но в отличие от англоязычных корпусов

текстов, в русском языке bag-of-words встречается с проблемой определения отрицаний, которая является ключевой для анализа тональности текста.

Другим способом представления текста являются n-граммы. Так, например, предложение «Я люблю черный кофе» можно представить в виде набора униграмм (Я, люблю, черный, кофе) или биграмм (Я люблю, люблю черный, черный кофе).

N-граммы чрезвычайно полезны при анализе текста с большим количеством ошибок или сленга, так как текст разбивается не пословесно, а побуквенно, и некоторые куски слова не будут содержать ошибок:

«ужаасно» --> ужа, жаа, ааа, аас, асн, сно.

Слово	Расстояние
woman	0,6056
guy	0,4935
boy	0,4893
men	0,4632
person	0,4574
lady	0,4487
himself	0,4288
girl	0,4166
his	0,3853
he	0,3829

Эти проблемы может решить сочетание способов представлений текста, например в word2vec. Word2vec – набор алгоритмов, которые находят похожие контексты слов, а потом полагают, что слова, находящиеся в одинаковых контекстах, значат одно и то же, т.е. являются семантически близкими. В word2vec реализуются две основные архитектуры – Continuous Bag of Words (CBOW) и Skip-gram.

Word2vec обучается на огромном корпусе, так как сначала ему необходимо создать словарь данного корпуса, а затем изучить векторное представление слов. То есть на выходе мы имеем взвешенный вектор определённой длины для каждого слова. Например, слова «мужчина» и «парень» часто встречаются в

похожих контекстах, и Word2vec, при анализе этих контекстов и делает вывод, что эти слова являются близкими по смыслу.

Семантически близкие слова к слову 'man' (косинусное расстояние как мера близости)

Заключение

Наблюдается ощутимая разница в прогрессе моделей sentiment анализа английского и русского языков. Русский язык во многом отличается от других и использование методик языковых моделей, применимых для английского языка может привести к низкой точности.

Таким образом, при создании модели тонального анализа русскоязычного текста, требуется учитывать, что русскому языку необходимо сочетание лемматизации, стемминга и частеречной разметки.

Кроме того, нельзя однозначно сказать, что определённый метод классификации лучше остальных, так как они все имеют определённые преимущества и недостатки, обусловленные структурой языка. Поэтому, разные задачи требуют разных подходов и сочетания методов, как в Word2vec.

Именно понимание различных аспектов и особенностей грамматики русского языка, которые делают его уникальным, позволит создать точный алгоритм анализа тональности русскоязычных текстов.

Список литературы

1. Turney P. *Thumbs Up or Thumbs Down? Semantic Orientation Applied to Unsupervised Classification of Reviews* // *Proceedings of the Association for Computational Linguistics*. – Ottawa: Institute for Information Technology, 2002.

2. Пазельская А., Соловьёв А. *Метод определения эмоций в текстах на русском языке. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: «Диалог-2011»*. – М.: РГГУ, 2011. – С. 510 – 522.

3. Pang B., Lee L., Vaithyanathan S. *Thumbs up? Sentiment Classification using Machine Learning Techniques* // *Proceedings of EMNLP*. – N.Y.: Cornell University, 2002. – С. 79–86.

4. Pang B., Lee L. *Opinion Mining and Sentiment Analysis // Foundations and Trends in Information Retrieval*. – N.Y.: Cornell University, 2008. – С. 10 – 71.

5. <http://datareview.info/article/sovremennyye-metodyi-analiza-tonalnosti-teksta/> (дата обращения 1.03.2018)

6. Liu B. *Handbook of Natural Language Processing. Sentiment Analysis and Subjectivity*. – London: Cambridge University Press, 2007.

7. <https://m.habrahabr.ru/post/263171/> (дата обращения 01.03.2018)

8. <https://code.google.com/archive/p/word2vec/> (дата обращения 01.03.2018)

УДК 811.1

РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В ЗАМБИИ

Нокс Силавве, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

(научный руководитель – Е.В. Павлова, преподаватель Департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве РФ)

RUSSIAN CENTRE OF SCIENCE AND CULTURE IN ZAMBIA

Knox Silavwe, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

(research supervisor – E. V. Pavlova, teacher of the Department of language preparation of Financial University under the Government of the Russian Federation)

Аннотация. В данной статье показана роль Российского центра науки и культуры в распространении русского языка в Замбии. Представлена информация о культурных мероприятиях, проводимых Российским центром, в частности мероприятия, приуроченные к Дню России в Замбии.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, Замбия, Россия, межкультурные связи.

Abstract. This article shows the role of the Russian Center of Science and Culture in the dissemination of the Russian language in Zambia. The author presents the information on cultural events held by the Russian Center, in particular events confined to the Day of Russia in Zambia.

Key words: Russian as a foreign, Zambia, Russia, intercultural relations.

E-mail: katushka2311@yandex.ru; knoxnoelsilavwe01@gmail.com

Российский Центр науки и культуры (РЦНК) в столице Замбии, Лусаке, был основан в 1989 году. Другое название РЦНК – "Посольство Культуры". Главная задача Российского центра в Замбии – поддерживать отношения и связи между Россией и Замбией, передавать информацию о России, о её культуре и языке. Кроме того, центр занимается содействием развитию культуры посредством поддержки деятельности в области образования, искусства и обучения русскому языку. Центр имеет большую популярность среди молодежи, которая интересуется русским языком, русской культурой и историей. РЦНК организует курсы русского языка. Обучение проходит по подготовке к сдаче сертификационного экзамена по русскому языку трёх уровней: элементарный, базовый и первый сертификационный, и в зависимости от выбранного для изучения уровня варьируются сроки обучения: 3-4 месяца - элементарный и базовый уровни и 6 месяцев – Первый сертификационный уровень. В дополнении к основному курсу в РЦНК предлагают экспресс-курс для приобретения коммуникативных навыков, в основном данный курс рассчитан на взрослую аудиторию. Обучение на курсах начинается в ноябре и заканчивается в августе. По окончании курсов студенты сдают письменный экзамен по русскому языку и получают сертификат об окончании. Лучшие студенты награждаются подарками и красными сертификатами за успехи в изучении русского языка. В РЦНК можно изучать русский язык в разных видах деятельности. Например, можно участвовать конкурсах русской песни, культурологических олимпиадах, читать стихи на русском языке и т.д.

Ежегодно при посольстве Российской Федерации и РЦНК в Лусаке проходит празднование Дня России. Целью данного мероприятия является укрепление международных отношений России и Замбии, популяризация русского языка и русской культуры среди населения страны. В 2018 году открытие Дня России пришлось на Широкую Масленицу. В школе при посольстве РФ в Замбии ученики и учителя проводили зиму весёлыми песнями, играми и частушками. В завершении гуляний ребята попробовали русские

блины, которые приготовили вместе с родителями. Вечером в ресторане прошла встреча выпускников российских вузов, где был организован караоке-конкурс русских песен разных лет. Также в рамках Дня России в РЦНК прошла образовательная выставка, на которой выпускники школ и их родители смогли познакомиться с российской системой образования и возможностями поступления в вузы Российской Федерации. Абитуриенты и их родители получили бесплатную консультацию о порядке подачи документов в российские вузы.

Безусловно, интерес к России в Замбии набирает обороты в последние десятилетия. Многие молодые люди выбирают Россию для получения высшего образования, вследствие чего предпочитают изучать русский язык и знакомиться с русской культурой в родной стране ещё до приезда в Россию. РЦНК занимается подготовкой молодых людей для дальнейшей учёбы в российских вузах и налаживанием контактов с различными вузами России, предпочтение отдаётся техническим, естественно-научным и экономическим специальностям.

Список литературы

1. *Алешина Л.Н. Роль подготовительного факультета для иностранных граждан в интеграции российских вузов в международное образовательное пространство // Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 28–30.*

2. *Чишимба М. Роль Российского центра науки и культуры в Лусаке (Замбия) в распространении русского языка // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: Материалы III Международной научно-практической конференции. – М.; Пенза, 2017. – С. 378–382.*

УДК 821.16

РАБОТА С ТЕКСТАМИ ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

*Е.А. Трушина, филиал Военной академии материально-технического
обеспечения им. А.В. Хрулёва, г. Пенза, Россия*

WORKING WITH TEXTS ON WAR HISTORY DURING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE CLASSES

*E.A. Trushina, filiation of "The army's general A.V. Hrulev military academy of the
material and technical ensuring", Penza, Russia*

Аннотация. Статья посвящена вопросу изучения военно-исторических текстов на занятиях по русскому языку как иностранному на основных курсах обучения в военном вузе. Говорится о необходимости использования данных текстов при развитии навыков чтения, письма, аудирования, говорения. В качестве примера приводится работа с текстом о Денисе Васильевиче Давыдове.

Ключевые слова: военно-исторические тексты, русский язык как иностранный, обучающиеся-инофоны, Отечественная война 1812 года, Денис Давыдов.

Abstract. The article deals with the question of studying military-historical texts during Russian as a foreign language classes in basic education courses in a military university. Attention is drawn to the necessity to use these texts to develop reading, writing, listening and speaking skills. Working with the text about Denis Vasilyevich Davidov is drawn as an example.

Key words: military-historical texts, Russian as a foreign language, foreign servicemen, Patriotic war of the year 1812, Denis Davidov.

E-mail: rousebude@rambler.ru

В число умений, которые должны быть сформированы у иностранных военнослужащих в процессе обучения русскому языку, входит умение работать с учебной и специальной литературой, что является важнейшей составляющей профессионально-речевой компетенции курсантов и слушателей. Изучение русского языка иностранными обучающимися предполагает не только овладение языковыми и речевыми умениями и навыками, но и усвоение понятий, связанных с русской языковой картиной мира, историей и культурой.

Обучающиеся-инофоны, особенно военного вуза, должны иметь представление о выдающихся событиях военной истории России и великих российских полководцах.

Военная история России – наука и учебная дисциплина, изучающая историю войн, которые вело Российское государство с древнейших времен до наших дней. Изучение российской военной истории на материале текстов страноведческого характера является неотъемлемой частью дисциплины «Русский язык как иностранный» в военном вузе. Знакомство с военной историей России в Пензенском филиале Военной академии материально-технического обеспечения им А.В. Хрулёва начинается на подготовительном курсе изучения дисциплины и продолжается на основных курсах.

На занятиях курсанты знакомятся со страноведческим военно-историческим материалом, посвященным выдающимся личностям в военной истории России (Александр Невский, Дмитрий Донской, Петр Первый, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, Г. К. Жуков и т.д.) и самым знаменательным ее военным событиям (Куликовская битва, Ледовое побоище, Полтавская битва, Отечественная война 1812 года, Крымская война, Великая Отечественная война и т.д.), оказавшим влияние не только на события того времени, но и на будущее развитие России. Также особое внимание уделяется людям, сыгравшим большую роль в военной истории России, чья жизнь и судьба связаны с Пензенским краем (Д. В. Давыдов, маршал М. Н. Тухачевский, Герой Советского Союза А. М. Кижеватов).

Работа с военно-историческими текстами имеет целью совершенствование навыков устной и письменной речи и коммуникативной компетенции иностранных обучающихся, а также решение следующих задач: расширение и углубление знаний по страноведению и изучению культуры страны пребывания, развитие и совершенствование навыков изучающего, поискового, выборочного чтения, формирование и закрепление речевых навыков употребления языковых единиц и речевых образцов, закрепление грамматического и лексического материала, расширение словарного запаса,

развитие навыков свободного говорения на определенную тему, умений высказывать собственное мнение о прочитанном, развитие навыков диалогической и монологической речи, смысловой переработки текста (составления назывного и вопросного планов, тезисов, конспекта, аннотации), развитие навыков аудирования.

В качестве примера приведем работу над военно-историческим текстом «Денис Давыдов» с курсантами первого курса, владеющими русским языком на уровне В 1.

Перед чтением текста обучающиеся вспоминают известную им по подготовительному курсу информацию об Отечественной войне 1812 года и отвечают на следующие вопросы: что вы знаете об Отечественной войне 1812 года? Какие страны принимали в ней участие? Кто возглавлял армии враждующих стран? Чем закончилась война?

Затем курсантам предлагаются следующие задания, направленные на расширение лексического запаса и снятие лексико-грамматических трудностей, такие, как:

Задание 1. Объясните значение следующих слов и словосочетаний, при необходимости обратитесь к словарю.

Партизан – партизанский, летучий партизанский отряд, курносый нос, огорчать, имение, недостача казенного имущества, отказаться наотрез, остроумие, фортификация, преследовать, отвлечься, упустить момент, трофейный, обоз, фураж, попасть в засаду, мужицкий кафтан, вылазка, телега, поимка, домашний арест, легенда, сослуживец.

Задание 2. Прочитайте комментарии к тексту: *кавалергарды* – гвардейская тяжелая кавалерия Российской империи (1724 – 1918); *корнет* – звание старшего офицера в кавалерии Российской армии до 1917 года; *адъютант* – должность старшего офицера, который состоял при военачальнике или при штабе для исполнения служебных поручений или выполнения штабной работы; *Багратион Петр Иванович* (1765 – 1812) – русский генерал, погиб во время Бородинской битвы; *гвардия* – отборная привилегированная часть

вооруженных сил Российской империи; *Новодевичье кладбище* – одно из самых известных кладбищ в Москве, существует с XVI века.

Задание 3. Составьте словосочетания «имя прилагательное + имя существительное». Слова справа расположены не по порядку. С некоторыми словосочетаниями составьте предложения.

Образец: отряд – партизанский отряд. Партизанский отряд находился в лесу.

отряд	отечественный
движение	партизанский
война	великий
езда	верховой
уважение	огромный
полководец	знаменитый
место	опасный
укрепление	трофейный
боеприпасы	фортификационный
батарея	артиллерийский

После чтения текста курсанты выполняют систему послетекстовых заданий, предназначенных для уяснения глубины и правильности понимания текста, например:

Задание 1. Ответьте на вопросы теста (правильных вариантов может быть несколько).

1. Денис Давыдов был

А. партизаном.

Б. поэтом.

В. адъютантом Кутузова.

2. Для Дениса Давыдова примером был

А. Суворов.

Б. Кутузов.

В. Багратион.

3. Дениса Давыдова

- А. сразу приняли в армию.
- Б. отказались принять в армию.
- В. приняли в армию благодаря его настойчивости.

4. Денис Давыдов

- А. отличался необыкновенной храбростью в войне 1812 года.
- Б. предложил создать партизанское движение.
- В. не дал разобрать свой дом в Бородино на фортификационные сооружения.

5. В ходе первой партизанской операции Давыдова и его партизан чуть не захватили русские крестьяне, так как

- А. партизанский отряд имел слабую военную подготовку.
- Б. русская военная форма была похожа на французскую.
- В. крестьяне относились отрицательно к партизанскому движению.

6. Действия партизанского отряда Давыдова были успешными, поэтому

- А. Кутузов всячески поддерживал партизанское движение.
- Б. Наполеон отдал приказ уничтожить Давыдова.
- В. Давыдов решил переодеть своих партизан в крестьянскую одежду.

7. Жители Европы хотели увидеть Давыдова, так как

- А. знали о его удивительных подвигах и храбрости.
- Б. надеялись вступить в его отряд.
- В. боялись его.

Также курсантам предлагаются задания на закрепление лексико-грамматических навыков на микротекстах, содержание которых связано с основным текстом и дополняет его, например:

Задание 1. Вставьте подходящие по смыслу слова в нужной форме. Прочитайте полученный текст. Как судьба Давыдова была связана с Пензой? Как пензенцы чтят память о герое? Как вы понимаете слова поэта о Пензе?

Последние годы ... Д. В. Давыдов провел в селе, принадлежавшем ... поэта. Здесь он охотился, писал ... и военно-исторические записки, занимался воспитанием ... (их было 9) и домашним ... : выстроил завод, устроил пруд и т. д.

Но в 1833 году Давыдов поехал навестить сослуживца в Пензу и ... в его племянницу - 23-летнюю Евгению Золотарёву. Он был на 27 лет старше её. Этот роман ... три года. Потом Евгения вышла ... , а Денис ... в семью. Давыдов ... Золотаревой: «Все кончено для меня, нет настоящего, нет будущего! Мне осталось только прошлое, и все оно заключается в этих письмах, которые я Вам писал в течение двух с половиной лет счастья». Вместе с Золотаревой поэзия навсегда ушла из его жизни. До своей смерти (через пять лет) Давыдов не ... больше ни строчки.

Накануне 200-летия со Д. В. Давыдова 19 мая 1984 года в Пензе был открыт Особенность памятника состоит в том, что Давыдов изображен не в , как обычно, а в того времени. Этим подчеркивается, что памятник ему установлен прежде всего как поэту.

О Пензе Давыдов говорил так: «Пенза – моя вдохновительница».

Слова для справок: жизнь, стихи, писать, хозяйство, жена, влюбиться, ребенок, продолжаться, военная форма, замуж, написать, вернуться, день рождения, памятник, гражданская одежда.

Обучающиеся также комментируют слова Дениса Давыдова о том, что партизанское движение способно обратить “войсковую войну в народную”; высказывают собственное мнение о прочитанном.

Конечным этапом работы над текстом является подготовка связного монологического высказывания о Денисе Давыдове на основе информации основного и дополнительных текстов по составленному плану и тезисам:

План	Тезисы
1. Денис Давыдов – герой Отечественной войны 1812 года.	1. Денис Давыдов является человеком-символом 1812 года, героем, партизаном, поэтом.
2. Детство Давыдова	2.
3. Встреча с Суворовым	3.
4. Начало военной службы	4.
5.	5. В 1807 году Давыдов был назначен адъютантом Багратиона.

6. Участие в сражениях 1807 года	6.
7. Идея создания партизанского отряда	7.
8. Подвиги партизан	8.
9. ...	9. Наполеон отдал приказ о поимке Давыдова как очень опасного противника, но поймать главу партизанского движения не удалось.
10. Давыдов в Европе	10.
11. Связь Давыдова с Пензой	11. С Пензой героя связывала история любви. Приехав навестить своего друга, Давыдов полюбил его племянницу. Любовь с самого начала не имела будущего. Отказавшись от неё, поэт навсегда перестал писать стихи.
12. Память о герое	12.

В качестве задания на самостоятельную подготовку курсантам предлагается рассказать о войнах в истории их страны, в которых большую роль сыграло партизанское движение.

Знакомство с военно-историческими текстами способствует формированию у иностранных обучающихся социокультурной и лингвокультурологической компетенций, развитию толерантности, интереса к стране обучения, активизации познавательной деятельности, самостоятельного анализа и синтеза информации, воспитанию и развитию умений интерпретировать прочитанное, поэтому работа с текстами по военной истории России на занятиях по русскому языку как иностранному в военном вузе является неременной составной частью процесса обучения.

Список литературы

1. Абатуров В. В., Божedomов Б. А. и др. *История военного искусства: Учебник для высших военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации.* – М.: Воениздат, 2006. – 399 с.

2. Божedomов Б. А., Бородин Н. И. и др. *Военная история: Учебник для высших военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации.* – М.: Воениздат, 2006. – 469 с.

3. Жарова О. С., Третьякова Л. Н., *Военная история России. Учебное пособие по языку специальности.* – СПб.: Златоуст, 2015. – 136 с.

4. Займидорога В. Ф., Косенок Ю. Н. *Военная история: Учебное пособие для вузов. В 2 ч. Ч. 1.* – Пенза: ПАИИ, 2009. – 238 с.

5. *Пензенская энциклопедия / Под ред. К. Д. Вишневого.* – М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. – С. 142.

7. <http://ru.m.wikipedia.org>

УДК 811.1

**РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В БОЛГАРИИ: ПРОШЛОЕ,
НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

Г. Цачева, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

(научный руководитель – Е.В. Павлова, преподаватель Департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве РФ)

**RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE IN BULGARIA: PAST, PRESENT,
FUTURE**

G. Tsacheva, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

(research supervisor – E. V. Pavlova, teacher of the Department of language preparation of Financial University under the Government of the RF)

Аннотация. Данная статья посвящена развитию отношения к русскому языку и русской культуре в Болгарии. Автор показывает культурную и историческую связь России и Болгарии, что стало причиной роста интереса к изучению русского языка в болгарских школах и университетах.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, международное сотрудничество, Болгария, Россия.

Abstract. This article is devoted to the development of attitudes towards the Russian language and Russian culture in Bulgaria. The author shows the cultural and historical communications between Russia and Bulgaria, which led to a growing interest in the study of the Russian language in Bulgarian schools and universities

Keywords: Russian as a foreign, international cooperation, Bulgaria, Russia.

E-mail: katushka2311@yandex.ru, gabriela_tsacheva@abv.bg

Все болгары знают, что если бы Россия не оказала помощь Болгарии в войне с Турцией, Болгария не была бы свободна. Поэтому у нас все очень благодарят и чтят Россию. Символом этой неоценимой помощи стал храм-памятник Александра Невского в Софии – столице Болгарии, который воздвигли в честь освобождения Болгарии и посвятили его русскому святому, Александру Невскому. Ещё один интересный факт, связанный с почитанием России в Болгарии, это то, что во всех соборах в конце каждой литургии Патриарх благодарит Российскую Федерацию за помощь во время Русско-турецкой войны.

Во время коммунизма русская культура оказала огромное влияние на болгарскую культуру. Люди в Болгарии жили как в СССР: слушали русские песни, смотрели русские фильмы, читали русскую литературу, праздновали русские праздники, как настоящие братья-славяне. Каждый гражданин должен был учить русский язык в школе и университете, поэтому сейчас все взрослые: мамы, папы, бабушки и дедушки хорошо знают русский.

Сейчас в болгарских школах, как и во времена СССР, школьники отдают предпочтение русскому языку наряду с английским, немецким и французским языками. Школьники выбирают русский язык как иностранный для изучения, во-первых, потому что русский язык похож на болгарский, а, во-вторых, потому что молодые люди видят перспективы в изучении русского языка. Многие выпускники болгарских школ решают продолжить своё обучение в России, поступить в университет и получить высшее образование на русском языке.

С 1975 года в Софии работает Российский культурно-информационный центр (РКИЦ), который является представительством Россотрудничества в Болгарии и призван популяризировать русский язык и русскую культуру за рубежом. РКИЦ ведёт просветительскую работу для болгарских граждан, занимается налаживаем связей России и Болгарии в сфере учебных, культурных и научных контактов. Центр организует различные культурные мероприятия, посвященные русским праздникам: Масленице, 23 февраля, 8 марта, Новому году и т.д. Русский культурный центр имеет обширную программу творческих курсов и мастер-классов, связанных с русской историей, культурой и литературой. В центре открыты даже курсы кулинарии, где любой желающий может научиться готовить русские блюда.

Кроме того, в РКИЦ открыты курсы русского языка. Большое разнообразие программ обучения русскому языку как иностранному дает возможность гражданам Болгарии выбрать наиболее подходящий для цели их обучения курс. Курсы русского языка подразделяются на курсы общего русского языка, сертификационные курсы, интенсивные курсы (срок обучения – 8 недель), курсы для корпоративных клиентов, курсы для детей и учащихся (с 5 до 14 лет), летние интенсивные курсы русского языка. По окончании курсов русского языка любого типа студент может сдать сертификационный экзамен для определения уровня владения русским языком А1, А2, В1, В2, С1 или С2. Экзамены проводятся в трех городах – в Софии, Пловдиве и Бургасе. Курсисты полностью обеспечены современными учебными пособиями, которые изданы ведущими российскими издательствами. Обучение русскому языку в РКИЦ и успешная сдача сертификационного экзамена дает возможность для поступления на бесплатное обучение в российские вузы. Интересно, что на курсах преподают русский язык исключительно болгары.

История отношений Болгарии и России насчитывает множество веков, и всё это время эти две страны как сёстры помогали друг другу. Российская история и культура оказали огромное влияние на болгарскую культуру и историю. Таким образом, русский язык для болгар стал как второй родной

язык. В Болгарии ценят российское образование за фундаментальность и большую историю, поэтому сейчас многие болгары приезжают учиться в Россию. В большей степени с этим связан такой большой интерес к изучению русского языка в Болгарии.

Список литературы

1. Алешина Л.Н. *Российские центры науки и культуры в болгарии: направление деятельности и проекты // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: Материалы II Международной научно-практической конференции.* – М.; Пенза, 2017. – С. 194-198.

2. Петр И.П., Алешина Л.Н. *Болгарский и русский языки как части межкультурной коммуникации в единой славяноязычной среде // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: Материалы II Международной научно-практической конференции.* – М.; Пенза, 2017. – С. 111–115.

УДК 371.31

НЕКОТОРЫЕ СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

З.Г.Шакирбай, Абхазский государственный университет, г.Сухум, Абхазия

SOME MEANS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE IN HIGH SCHOOL

Z.G.Shakirbai, Abkhazian State University, Sukhum, Abkhazia

Аннотация. Данная статья посвящена анализу современных УМК в общеобразовательной школе. В качестве примера проанализированы учебники английского языка в 10 средней горской школе г. Сухум. Средства обучения - это комплекс учебных пособий и технических приспособлений. Центральным компонентом системы средств обучения является учебник, содержащий языковой материал, тексты, образцы устной и письменной речи и комментарии к ним. Материалы и учебники, предлагаемые учителями средних школ города Сухум усложнены, т.к. процесс обучения проходит в условиях билингвизма.

Ключевые слова: learning package, средство learning tool, система упражнений, аудирование, одноязычные и двуязычные словари, учебные пособия.

Abstract. The article focuses on analysis of modern learning package at comprehensive school. As an example text books were analyzed at school №10, Sukhum. Means of training is a complex of teaching AIDS and technical devices. The central component of teaching system is the textbook, including texts, language materials, comments to them, samples of oral and written speech. Available textbooks and materials in general schools of Sukhum are complicated in case of bilingual conditions.

Key words: learning package, learning tool, exercise system, audition, lingual and bilingual dictionaries, tutorials.

E-mail: larisa57-09@mail.ru

Данная работа посвящена основным средствам обучения иностранному языку, то есть учебно-методическому комплексу, который является основным языковым средством обучения в общеобразовательной школе.

В системе обучения иностранному языку в средней школе, как известно, используют основной учебник, книгу для дополнительного чтения, технические средства обучения, различные учебные пособия, содержащие грамматический, фонетический, лексический материал, а также одноязычные и двуязычные словари, методические разработки для учителя и т.д.

Весь перечисленный комплекс обучения учащихся необходим в любом учебном процессе, но ведущая роль принадлежит, на мой взгляд, основному учебнику английского языка. Учебник является основным средством обучения иностранному языку, так как он не только дает материал, но и определяет методику работы и направление всего учебного процесса. Правильный выбор УМК является актуальным и позитивным для современной общеобразовательной школы, так как комплексный учебник обучает одновременно различным компетенциям, как чтение, говорение, аудирование и письмо.

Анализируя учебники, непосредственно касаешься вопроса последовательности, а именно в каком порядке должны располагаться устные и письменные, механические и творческие, одноязычные и двуязычные упражнения.

В связи с разработкой проблемы теории построения учебника по ИЯ встает

ряд вопросов. Основными среди них, несомненно, следует считать: а) роль и место учебника в учебном процессе; б) содержание учебника, соотношение текстов и последовательность различных упражнений; в) методическое построение; г) оформление; д) приложения.

Опыт показывает, что для успешного обучения устной речи недостаточно одного лишь учебника. В задачу школы входит обучить школьников как монологической, так и диалогической речи, как умению высказывать свои мысли на ИЯ, так и умению понимать речь на слух. В связи с этим большое значение в процессе обучения имеет аудирование, которое необходимо для обучения пониманию речи на обучаемом языке. Поэтому учебник должен быть дополнен всевозможными аудио и видеоматериалами. На этих звукозаписях должны быть отражены как основные тексты, так и ряд специальных текстов. Хотелось бы также, чтобы учебники были оснащены кинофильмами.

Содержание учебника в какой-то мере определяется задачей, которая стоит перед учителем, а именно: научить учащихся делать сообщения, вести беседу и читать с полным пониманием несложные тексты из художественной, научно-популярной и общественно-политической литературы.

К содержанию учебника принято относить:

- 1) языковой материал (лексика, грамматика, фонетика);
- 2) тексты;
- 3) упражнения;
- 4) ключи к упражнениям;
- 5) словарь.

Эта традиционная точка зрения основана на том, что обучению лексике и грамматике необходимо уделять основное внимание.

В первую очередь учебник должен быть ориентирован на систематизацию и обобщение опыта учащихся, быть для них источником самообучения, самообразования, предлагать им всевозможные методические ориентиры: памятки, рекомендации, инструкции, алгоритмы. По сути, если современный учебник ИЯ будет выполнен в русле учебно-методического пособия, то это

поможет учителю работать по интерактивной методике и управлять их коммуникативно-речевым развитием.

Значимость анализа учебника очевидна. Исходя из объективных условий обучения, учитель может определить, что необходимо для успешного обучения своих подопечных: соотнести свои представления с тем, что предложено в учебнике; оценить, насколько эффективен путь, избранный авторским коллективом; выделить наиболее значимые параметры и решить, что можно дополнить или исключить.

Прежде чем приступить к отбору и анализу учебника и получить о нем общее представление, необходимо, во-первых, знать классические методы обучения и понимать, в рамках какого метода учебник написан.

Во-вторых, следует ознакомиться с программой и книгой для учителя, где автор и авторский коллектив излагают свои методические позиции. Учебник иностранного языка – базовое средство обучения, и он должен быть ориентирован на систематизацию знаний, на обобщение языкового, коммуникативного, социокультурного опыта учащихся, помогая учителю управлять их учебно-познавательной деятельностью.

В ходе анализа и отбора учебника следует опираться на следующие критерии:

1. Оформление учебника;
2. Структура;
3. Содержание;
4. Методическая организация материала.

Самое главное при выборе учебника – это способность учителя определить качество оформления. Оно должно привлекать учащихся и вызывать положительные эмоции. Форма изложения информации должна быть реалистичной, соответствовать реальным жизненным ситуациям и вызывать познавательную мотивацию.

Анализируя структуру учебника, следует обратить внимание по какому принципу он составлен. Традиционно учебник структурируют по четвертям,

включая в каждую четверть несколько тем, а темы в свою очередь разбивают на уроки. Структуру следует соотнести с рабочей программой и количеством часов, отведенных на изучение каждой темы.

Если в учебнике обозначены вместо тем ситуации общения, то нужно постараться определить, в рамках какой темы их лучше изучать, а также выделить и выписать все его компоненты, определив, из каких частей он состоит, какова последовательность тем, сколько часов необходимо для их изучения.

Содержание должно быть ориентировано на формирование иноязычной коммуникативной компетенции. Содержание, представленное в учебнике может быть тематическим, ситуативным, ситуативно-тематическим, либо сюжетно-ситуативным или сюжетно-тематическим. В учебнике необходимо определить социолингвистические единицы, установить их объем и соотношение языковых, речевых, коммуникативных, страноведческих, лингвострановедческих, социокультурных единиц.

При анализе содержания учебника предъявляются определенные требования к оценке его качества и эффективности.

Содержание должно:

- соответствовать требованиям государственных стандартов и отражать основные направления современного языкового образования;
- отражать четыре аспекта обучения: кого, чему, как, для чего обучать;
- соответствовать возрастным особенностям учащихся, их речевому опыту в родном языке; типу, виду, профилю образовательного учреждения;
- отражать содержание потребности и показывать в динамике личности (дошкольный, младший школьный, подростковый, юношеский возраст);
- иметь ориентиры на развитие всех сторон личности и межличностных отношений учащихся соответствующего возраста;
- отражать менталитет и образ жизни сверстников учащихся;
- иметь ориентиры на реализацию цели в двух направлениях: развитие общения на ИЯ на базе живого разговорного языка и развитие связной

монологической речи в устной и письменной формах на основе нормативного литературного языка;

- ориентироваться на создание образа «человека-деятеля», готового и способного к осуществлению свободного выбора, ответственного и творческого решения;

- состоять из определенного количества единиц, соответствующих реальному времени их усвоения учащимися.

Методическая организация материала учебника – это способ структурирования социолингвистических единиц, указывающий на возможный путь решения задач для достижения поставленной цели.

При анализе методической организации материала учебника можно использовать следующие материалы:

- отражает ли тема урока уровень языковых обобщений учащихся определенного возраста: да (нет, не в полной мере);

- насколько содержание единиц соответствует возрасту, интересам и потребностям учащихся: да (нет, не в полной мере);

- насколько методическая организация материала каждого урока (в среднем) обеспечивает общение и взаимодействие учащихся: более 50%, менее 50%, слабо обеспечивает, не обеспечивает;

- насколько организация материала обеспечивает деятельный характер его усвоения: только учебный характер/коммуникативный (ситуации общения) в рамках учебной деятельности), речевая деятельность, которая обслуживает другие виды;

- позволяет ли организация материала проследить путь решения задач в полной мере, частично нет;

- имеются ли в учебниках инструкции, памятки (рекомендации) для учащихся, облегчающие усвоение материала: да, в достаточном количестве (недостаточно), не имеются;

- имеются ли ориентиры для оценки (самооценки) достижений учащихся: да/нет.

Во время учебно-педагогической практики в 10 средней школе города Сухум, студентам пятого курса было предложено высказать свое мнение по поводу использования учебного материала в процессе обучения учащихся. Практиканты отметили, что учебная литература, предлагаемая учителями средних школ является более усложненной. В связи с этим, хотелось бы с целью более результативного обучения учащихся средних школ, особенно на начальном и на среднем этапе обучения обратить на это особое внимание. Методическая организация материала по грамматике является конструктивным и систематизированным в учебниках 5-7 классов. Учебник для 5-го класса красочно иллюстрирован, что привлекает учащихся и вызывает положительные эмоции. Все упражнения по грамматике в учебнике 5-го класса предназначены для формирования умений и навыков, систематизации знаний. В учебнике даются грамматические таблицы, которыми учащиеся всегда могут воспользоваться.

К каждому уроку даны упражнения для развития диалогической и монологической речи. Все они должны выполняться при помощи аудиокассет.

В конце учебников имеются таблицы неправильных глаголов, англо-русский словарь и таблица перевода некоторых англо-американских единиц измерения: меры длины, меры веса, меры объема.

Таким образом, при обучении иностранному языку в средней школе, особое внимание направлено на процесс обучения, который осуществляется главным образом посредством основного учебника по ИЯ, в котором должны быть, на наш взгляд, четко сформулированы требования, предъявляемые к учащимся, а также должен быть изложен обучающий материал со своим лексическими, грамматическими и фонетическими заданиями. Однако, следует отметить, как показала практика, при обучении иностранному языку, как диалогической, так и монологической речи, особое внимание нужно уделить техническим средствам обучения, так как они являются наиболее актуальными и эффективными для овладения иноязычной речью. Следует подбирать учебники английского языка для средне общеобразовательных школ с учетом билингвизма.

Список литературы

1. Милованова Л.А. Учебные материалы как средство обучения иностранному языку в профильной школе // *Иностранные языки в школе*. – 2012. – №5. – С.63–68.
2. Горлова Н.А. *Методика обучения иностранному языку*. – М.: Academia, 2013. – Ч. 2. – С. 51–62.
3. Миролюбова А.А., Рахманова И.В., Цетлин В.С. *Общая методика обучения иностранным языкам*. – М.: Просвещение, 1967.
4. Рогова Г.В., Верещагина И.Н. *Методика обучения английскому языку*. – М.: Просвещение, 2000.
5. Якушев М.В. *Концептуальные основы оценки качества учебника иностранного языка*. – Орел, 2009.

Секция 3. Русская литература и журналистика в контексте мировой культуры

УДК 82.09 (470): 821.161.1

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЧЕСТЬ» В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА БОРИСА АКУНИНА
«СТАТСКИЙ СОВЕТНИК»**

*П.В. Воротникова, Российский государственный социальный университет,
г. Москва, Россия*

**REPRESENTATION OF THE CONCEPT «HONOR» IN THE MODERN
RUSSIAN LANGUAGE IN THE NOVEL «THE STATE COUNCILLOR» BY
BORIS AKUNIN**

P. V. Vorotnikova, Russian State Social University, Moscow, Russia

Аннотация. В данной статье кратко описывается проблема восприятия концепта «честь» в романе «Статский советник». Исследуется номинативное поле концепта и его когнитивные признаки.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, ядро, номинативное поле, когнитивные признаки.

Abstract. This article is briefly described the problem of perception of the Russian concept «honor» in the novel «The State Councillor by Boris Akunin». The nominative field of the concept and its cognitive features are explored.

Keywords: concept, language picture of the world, nominative field, predicate, cognitive indicators.

E-mail: paulina-95@yandex.ru

Термин «концепт» остаётся актуальным в современной лингвистической науке (когнитивной лингвистике) и всё чаще используется исследователями в ходе их работ, в которых необходимо подчеркнуть выбранный концепт (лексема) как основу национальной ментальности в той или иной языковой культуре. Согласно Э. Сепиру, язык является ключом в культуре, и в данной статье мы постараемся определить специфику русского концепта *честь*, а

именно когнитивные признаки в национальном и индивидуальном сознании на примере персонажей материала исследования.

В русском языке концепт *честь* представлен обширным номинативным полем, включающим фразеологические и лингвистические единицы, которые, в свою очередь, репрезентуют когнитивные признаки.

Прежде чем приступить непосредственно к анализу романа, мы обратились к ряду русских толковых словарей с целью структурировать общее определение концепта. Мы выделили «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» Н. Ю. Шведовой и отметили следующие значения лексической единицы *честь*: *1. Дстойные уважения и гордости моральные качества человека; его соответствующие принципы. 2. Хорошая, незапятнанная репутация, доброе имя. 3. Целомудрие, непорочность. 4. Почёт, уважение* [5, с. 1090]. Исходя из приведённых определений *чести*, мы выясняли, что этот концепт является как ядром, так и номинативным полем и подразумевает такие когнитивные признаки, как внутренние *нравственные качества личности* и его репутацию в обществе (*уважение*). *Качества и уважение* имеют причинно-следственную связь. Чувство уважения к человеку рождается на основе присутствия у него положительных качеств. Если человек не обладает этими качествами, то чувства уважения у других к нему не будет.

Так, на примере протагониста из романа Б. Акунина «Статский советник» - Эраста Фандорина, мы наблюдаем, как убийство министра Храпова очерняет его репутацию, ведь именно он, статский советник, отвечающий за безопасность министра в Москве, не выполнил порученную миссию самим генералом-губернатором, а также был подставлен революционером Грином (лидером Боевой Группы) в убийстве министра, которого Фандорин не совершал. С главного героя быстро снимают все обвинения, но для Фандорина найти настоящего преступника становится *делом чести*: *«Убийца воспользовался моим именем и тем самым бросил мне вызов»* [1, с. 20], выражая в контексте, таким образом, обещание, данное самому себе и Департаменту полиции. На протяжении всего романа мы видим, как

протагонист Эраст Петрович, антагонист Пожарский и другие, в том числе и второстепенные герои произведения, трактуют понятие **чести** как в индивидуальном, так и в национальном сознании.

Приведём и разберём некоторые из примеров, проанализировав синтагматику лексемы *честь* и определив её когнитивные признаки:

1. *«Тут вопрос государственной безопасности. Когда власти страшно, она никого не жалеет. Надо на всех страху нагнать, и особенно на своих. Чтоб в оба смотрели и чтоб её, власти, большие, чем убийц боялись. Моя территория, мне и отвечать. Об одном только Бога молю: сыскать бы преступника побыстрее, своими силами. Хоть уйду без срама. Красиво служил и красиво закончу» - уныло протянул Долгорукой [1, с. 20].* Для генерала-губернатора Долгорукого убийство министра стало роковым в его карьере, он озабочен не только своей репутацией, но и в некой степени безопасностью Царской России. В приведённом примере мы видим такой когнитивный признак **чести** как *сохранение доброго имени*, из чего делаем вывод, что **честь** можно рассматривать на уровне ценности, она является хрупким объектом и может быть отчуждена от субъекта (*потерять, вернуть, сохранить честь* и т.д.).

2. На вопрос Фандорина не задевает ли Смольянинова служить в «синем мундире», тот ответил: *«Я на это внимание не обращаю, потому что служу России и совесть моя чиста мы — главные защитники престола, отбирают самых достойных и образованных из армейских офицеров ..., чтобы ни одного пятнышка по службе не было и упаси боже никаких долгов. У жандарма должны быть чистые руки а непросвещённую часть общества следует образовывать и постепенно воспитывать в ней чувство самоуважения и достоинства. Это самое главное!» [1, с. 30].* Здесь мы можем наблюдать периферийный признак **чести** персонажа и сделать следующие выводы: концепт **честь** служит номинативным полем для лексем *самоуважение, уважение и достоинство*.

3. Ярким примером следующей синтагматики концепта *честь* может послужить неоднократное высказывание антагониста Пожарского в отношении

к Фандорину: «*Вы умны, остры, смелы, но есть в вас такая чистоплюйская, аристократическая вялость пусть другие наступают, а вы своих нежных чувств и белых перчаток загрязнять не станете.*» [1, с. 195]. Важно подчеркнуть то, что слово «чистоплюйность» Пожарский употреблял лишь тогда, когда его собеседник упоминал о *честности, достоинстве и справедливости* в том или ином контексте. Антагонист, таким образом, на самом деле презирал Фандорина и других с «*высокими моральными принципами*». В этом примере мы выделяем *честь* как идею *чистоты*.

4. «*С чего вы взяли, юноша, что государство – это справедливость и чистота? – благодушно усмехнулся Пожарский. – Хороша справедливость. Поймите вот что, если уж не можете без морального обоснования. Наше государство несправедливо и нечисто. Справедливости все равно не будет ...*» [1, с. 112 – 113]. Такой ответ получил господин Смольянинов от Пожарского на вопрос о правде и справедливости государства, призывая всех честно и преданно выполнять свою работу. Мы видим, что *честь* корпоративна (например: *честь офицера, профессиональная честь* очень много значит для Смольянинова и Фандорина и в буквальном смысле воспринимается ими как *подвиг*), и её признак в данном контексте указывает на то, что каждый персонаж понимает наш концепт по-своему. Он может быть связан с *честностью, справедливостью* и *правдой* как в индивидуальном сознании, так и национальном. Однако другая личность может все эти понятия разделять. Сюда же мы можем отнести еще одно, но достаточно двусмысленное высказывание, того же героя (Пожарского):

Фандорин: «*И всё это вы делали ради спасения России?*»

Пожарский: «*Да. И, разумеется, ради самого себя. Я себя от России не отделяю*» [1, с. 271].

В последнем примере очевидно, что антагонист стремится убедить статского советника в том, что его намерения, какими бы они не были, нацелены, в первую очередь, на благо государству. Как и многие герои романа господин Пожарский, на самом деле, заинтересован личной выгодой. Для него

честь – это, отнюдь, не здоровое понимание концепта в целом.

На первый взгляд читателю может показаться, что именно революционер Грин, госпожа Игла и другие сторонники БГ являются яркими оппонентами Эраста Фандорина, но все они, так или иначе, (за исключением Жюли и Рахмета) придерживались понятию **чести**, хоть и имели иную идеологию. Для Грина, как и для статского советника, **честь** ассоциировалась с преданностью и доверием. Самым ярким тому подтверждением могут послужить его слова: «*Лучше поверить предателю, чем оттолкнуть товарища*» [1, с. 101]. Но с другой стороны, революционеру Грину нельзя списать убийство министра Храпова, его намерение запятнать доброе имя статского советника и другие преступления. Основываясь на перечисленных злодеяниях, то самое чувство уважения, о котором мы упомянули в начале нашего исследования, данный персонаж у читателя и Фандорина в итоге не вызывает.

Проанализировав ряд примеров, мы на практике убедились в том, что концепт **честь** имеет обширное номинативное поле: *справедливость, совесть, подвиг, чистота, честность, преданность, уважение, доверие, гордость*. Но здесь же мы можем отметить и то, что не все перечисленные лексемы ассоциируются с концептом в целом как в индивидуальном, так и в национальном сознании. Как на материале нашего исследования, так и в реальности мы не можем быть абсолютно уверены, что эти лексемы из данного номинативного поля являются синонимами для всех людей в обществе.

Следующий вывод заключается в описании когнитивных признаков концепта: **честь** является объектом, так как может относиться или не относиться к своему субъекту; **честь** связана с идеей чистоты (*запятнать, очернить честь* и т.д.); **честь** человека может зависеть от мнения окружающих; **честь** рассматривается на уровне ценностных качествах человека.

По мнению Ю.С. Степанова, концепт «это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» - с одной стороны. И с другой стороны, человек как творец «влияет на неё» [4]. В данной статье мы опирались на труд советского лингвиста, придерживались

этому выводу и постарались кратко, но ясно описать специфику концепта *честь* в русской картине мира на примере героев романа Б. Акунина.

Список литературы

1. Акунин Б. *Статский советник*. – М.: Захаров, 1999.
2. Алешина Л.Н. *Отражение национальных культурных смыслов в содержании концепта «подвиг» // Теоретические и прикладные вопросы науки и образования, 2015. – С. 11–12.*
3. Алешина Л.Н. *Национально-культурные особенности репрезентации концепта смерть в контексте межкультурной коммуникации // Русское культурное пространство. – М., 2013. – С. 137–141.*
4. Степанов Ю.С. *Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004. – С. 42 – 67.*
5. Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН, Инст. рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2008. – 1090 с.*

УДК 82-192

БАШЛАЧЕВ И ПУШКИН

В.А. Гавриков, Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте российской Федерации, г. Брянск, Россия

BASHLACHEV AND PUSHKIN

V.A. Gavrikov, Bryansk branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Bryansk, Russia

Аннотация. В статье делается попытка отыскать все пушкинские заимствования в творчестве одного из наиболее изучаемых современных поэтов – Александра Башлачева. Рассматривается научная литература, посвященная теме «Башлачев и Пушкин». Кроме того, в научный обиход вводятся ранее не изученные тексты Башлачева, в которых есть порядка 25 цитат из творчества Пушкина. Всего же автором статьи и другими исследователями

обнаружено около 50 башлачевских отсылок к творчеству Пушкина и его личности. Делается попытка их типологизировать.

Ключевые слова: Александр Пушкин, Александр Башлачев, цитаты, аллюзии, интертекстуальность, типология.

Abstract. Bashlachev is one of the most studied contemporary Russian poets. The article is devoted to Pushkin's quotations in the work of Bashlachev. First, the author of the article considers the tradition of scientific study of the Pushkin text in the work of Bashlachev. Scientists found about 25 citations from Pushkin at Bashlachev. The author of the article investigates the texts of Bashlachev not studied before and finds about 25 more quotations from Pushkin. As a result, all quotations are typologized.

Key words: Alexander Pushkin, Alexander Bashlachev, citations, allusions, intertextuality, typology.

E-mail: yarosvettt@mail.ru

Около 15 лет я изучаю поэзию Башлачева. У меня собран архив публикаций о творчестве поэта, в котором более ста только научных статей (я уже не беру критику, беллетристику, воспоминания и т.д.). А есть еще несколько монографий и тематических «статейных» сборников, первый из которых был выпущен Череповецким университетом к 40-летию (!) поэта. Защищены четыре исключительно «башлачевские» диссертации.

А.В. Чернов отмечает, что Башлачев с поражающей легкостью вошел в академическое изучение, даже удостоился школьной «рефлексии»: «Одним из самых удивительных, с моей точки зрения, явлений, связанных с поэзией Башлачева, было ее стремительное и практически бесспорное принятие сразу же после первых публикаций. Я имею в виду принятие текстов Башлачева именно как поэзии» [11, с. 3]. Среди авторов, родившихся в 60-е, на сегодняшний день Башлачев, быть может, самый изучаемый поэт. И вполне вероятно, что рано или поздно он даже станет классиком, подобно, например, Лермонтову. Это сравнение напрашивается потому, что оба поэта ушли почти на одном рубеже: первый немного не дожил до 27-летия, второй – погиб в 27. Поэтому уже сегодня не выглядит крамольной такая постановка вопроса: Башлачев и Пушкин.

Насколько важен был Пушкин для Башлачева? По воспоминаниям Марины Вздорновой, студенческой подруги поэта, у Башлачева было три главных автора: Пушкин, Маяковский, Высоцкий [6, с. 237]. Вероятно, первым, кто открыл вынесенную в заголовок тему, был С.С. Шаулов, который в 1999 году опубликовал две статьи: «А.С. Пушкин и А.Н. Башлачев в дискурсе постмодернизма» [12] и «Пушкин и Башлачев: Этика смерти» [13]. В статьях немало пересечений, поэтому остановимся на второй из них. Начиная работу со «специфики башлачевского “постмодерна”», в частности, особенностей интертекстуальности, С.С. Шаулов предполагает, что «Пушкин занимает одно из первых мест по количеству аллюзий, реминисценций и цитат» [13, с. 58]. Так, автор исследования справедливо указывает, что в песне Башлачева «Не позволяй душе лениться» есть несколько отсылок к творчеству классика, но, к сожалению, эти отсылки не раскрываются, хотя и приводятся несколько фрагментов текста – исследователь рассчитывает на эрудированного читателя.

А вот в статье того же 1999 года О.В. Палий [8], исследуя интертекст у Башлачева, более подробно останавливается на данной песне, однако приводит не все пушкинские заимствования в ней. Вот что заметил О.В. Палий, первая цитата: «Не мореплаватель, не плотник, // Не академик, не герой, – // Иван Кузьмич – ответственный работник. // Он заслужил почётный геморрой». Ср. у Пушкина: «То академик, то герой, // То мореплаватель, то плотник, // Он всеобъемлющей душой // На троне вечный был работник» («Стансы»).

А вот цитата из «Медного всадника», которая встраивается, видимо, в «маяковский контекст»: «Он был глашатай поколений. // Куда бы он не убежал, // За ним повсюду бедный Ленин // С тяжелой кепкою шагал». Ср. у Пушкина: «И во всю ночь безумец бедный, // Куда стопы не обращал, // За ним повсюду Всадник Медный // С тяжелым топотом скакал». Однако, кажется, никто из исследователей не связал башлачевское четверостишие с «Каменным гостем» Пушкина, а такие ассоциации напрашиваются.

15 лет спустя башлачевскую песню «Не позволяй душе лениться» через призму интертекстуальности проанализировали И.В. Нефёдов, Е.В. Огрызко

[7]. Они отмечают следующие цитаты, восходящие к пушкинскому наследию (о которых не было сказано ранее): «Мороз и солнце – день чудесный // Для фрезеровочных работ». Это измененный фрагмент из хрестоматийного текста «Зимнее утро».

В третьей строке катрена «В огне тревог и в дни ненастья // Гори, гори, моя звезда! // Звезда пленительного счастья – // Звезда Героя соцтруда!» авторы справедливо видят заимствование из пушкинского стихотворения «К Чаадаеву» (ср.: «Товарищ, верь: взойдет она, // Звезда пленительного счастья»).

Наконец, пушкинская аллюзия обнаружена исследователями в четверостишии: «Как славно выйти в чисто поле // И крикнуть там: “Едрёна мать!”. // Мы кузнецы! Чего же боле? // Что можем мы ещё сказать?». Это, конечно, апелляция к «Евгению Онегину» – хрестоматийному письму Татьяны к Онегину: «Я к Вам пишу: чего же боле? // Что я могу ещё сказать?».

К слову, Башлачев иногда пел не «едрёна мать», а так, как часто дается в пушкинской «Телеге жизни» (выражение приводить не буду). Контексты в чём-то схожи, чем не заимствование?

Не так давно в сеть выложен диплом М. Бухарской, который, если верить автору, был защищен в 1999 году. Здесь также речь идет о пушкинском следе в творчестве Башлачева. Помимо некоторых указанных ранее цитат, тогдашняя студентка находит и еще одну пушкинскую отсылку в «Не позволяй душе лениться»: «Его пример – другим наука»: точное повторение фрагмента из «Евгения Онегина» [1].

Но возвращаемся к работе С.С. Шаулова. После «Не позволяй душе лениться» он рассматривает песню «Трагикомический роман», где речь идет, несмотря на название, о любовных отношениях субъекта «он» и субъекта «она». В композиции есть такая фраза: «Тьмы низких истин, как всегда, дороже // Нас возвышающий роман». Пушкинский претекст очевиден: «Тьмы низких истин нам дороже // Нас возвышающий обман...» («Герой») – к сожалению, автор снова не ссылается на претекст.

Пушкинские отголоски (из «Медного всадника») С.С. Шаулов видит в двустии: «Мой бедный друг, из глубины твоей души // Стучит копытом сердце Петербурга». Снова отсылка кажется справедливой, но на этот раз обоснование есть: «Подобие героев Пушкина и Башлачева в данном случае доказывается употреблением одинаковых эпитетов: “бедный друг”, “безумец бедный”» [13, с. 60].

С.С. Шаулов находит и цитату из «Руслана и Людмилы» в строках из «Имени Имен»: «Бой с головой затевает еще один витязь, // В упор не признавший своей головы». На эту цитату обратил внимание и О.В. Палий, присовокупляя к ней вторую «сказочную»: «Ой-ёй-ёй, спроси меня, ясная звезда, // Не скучно ли долбить толоконные лбы?» [8, с. 69].

И хотя О.В. Палий не поясняет, откуда эти заимствования, они идентифицируются довольно легко. Второй фрагмент – из «Сказки о попе и о работнике его Балде». Кстати, никто пока не заметил, что Балда появляется и в другом тексте Башлачева – «Пляши в огне»: «Всякий знает срок, всяк себе Балда». За счет слова «срок» это заимствование можно атрибутировать как пушкинское: по сюжету, Балда дожидался срока расплаты, что не раз обыгрывается в пушкинском тексте, например: «О расплате думает частенько: // Время идет, и срок уж близенько». Смысл башлачевской строки понятен: каждый сам себе судья – общая идея и песен, и интервью поэта, ср.: «Станут Страшным судом по себе нас судить зеркала» («Имя Имен»).

В следующем году появляется статья Ю.В. Доманского «Легенда о Поэте: Александр Башлачев и Александр Пушкин» [3]. В ней автор рассуждает об автобиографическом и биографическом мифах Башлачева и Пушкина, ядром которых является мифологема «Поэт». Ю.В. Доманский приводит и некоторые башлачевские цитаты, апеллирующие к творчеству классика. Так, не забывает исследователь указать и на единственное в песенной поэзии Башлачева прямое упоминание о Пушкине (песня «Петербургская свадьба»): «За окнами – салют! Царь-Пушкин в новой раме». Это сочетание справедливо соотносится с Царь-

пушкой (первой обратила внимание на это Т.Е. Логачева (ныне – Виноградова) [5, с. 141]). Хотя всё же главное здесь величание Пушкина как Поэта поэтов.

Наконец, еще одна статья о текстуальных связях Пушкина и Башлачева написана мной (опубликована в 2006 году). Она посвящена сюжетному соотношению песни «Мельница» Башлачева с пушкинским «Пророком». По моей версии, оба текста построены на основе единой сюжетной матрицы, узловым мотивом которой становится мистическая инициация лирического субъекта [2]. Создавая эту статью, я упустил из виду, что ранее на это соотношение указал С.В. Свиридов, правда, мельком.

Конечно, не бесполезной видится проведенная нами «каталогизация» цитат, но в не меньшей степени важно то, как и зачем встраивает их в свой контекст Башлачев. В этой связи точной кажется мысль С.С. Шаулова, подводящая итог его статьи 1999 года: «Заимствуя у Пушкина отдельные мотивы, образы, темы, Башлачев или превращает их в объект постмодернистской игры, или, гораздо чаще, включает их в свою поэтическую систему, меняя их семантику, творя на их основе индивидуальную знаковую систему» [13, с. 66]. Таким образом, Башлачев либо травестирует высокий классический претекст, либо, наоборот, манифестирует им какие-то сакральные смыслы. Первый подход был свойственен ранней лирике Башлачева, второй ярко проявился в поздних песнях поэта. Чтобы показать, как адаптируется классический текст к башлачевской поэтике, рассмотрю еще одну песенную аллюзию. С виду она может показаться не вполне доказуемой, однако если присмотреться...

Речь идет о фразе из песни «Когда мы вместе»: «Целовало меня Лихо, только надвое разрезало язык». Если говорить о контекстуальном смысле слова «Лихо» (именно так, с большой буквы дано оно в авторских рукописях и распечатках), то в него включается весь образно-смысловой ряд одноименной песни. Но суть в том, что Лихо – это персонификация Беды, то есть некий одушевленный «персонаж», который имеет свою волю и производит некоторые

действия. В данном случае – целует. С.В. Свиридов справедливо увидел здесь намек на пушкинское стихотворение «Пророк» [9, с. 65].

Сразу оговорю, что не следует утверждать, будто Башлачев, когда создавал этот образ, непременно ориентировался на Пушкина. Образ мог выйти из подсознания, «выплыть» из культурной памяти. Тем не менее намечается интересная пара: башлачевское Лихо – пушкинский Серафим. Если продолжать эту аналогию, можно задаться вопросом: уж не Богом ли попущенные очистительные беды и страдания кроются за этим Лихом? Уж не божий ли посланник перед нами? То есть не так просто понять: Лихо – это небесный посланник или гость из преисподней?

Далее. У обоих поэтов присутствуют, скажем так, «насильственные действия» в отношении языка. Причем речь идет не о том языке (совокупности слов и правил), который «русский язык». А об органе в полости рта.

Обратим внимание, что у Башлачева этот орган разрезается. Первая ассоциация – раздвоенный язык змеи. Это в точности соотносится с пушкинским: «И жало мудрая змеи...». То есть Лихо наделяет героя особым знанием. Фразу Башлачева на бытовой язык можно было бы перевести: «Беды нас делают мудрее». Однако такая «расшифровка» – слабый отблеск тех смыслов, которые открывает эта примечательная фраза.

Есть и еще один пласт. Башлачев, конечно, не мог не задействовать второе значение слова «язык». В этом контексте раздвоенность тоже показательна. Герой Башлачева после столкновения с Лихом как бы обретает второй способ высказывания, условно говоря, – вторую речь. А соответственно, и второе, новое мышление. Это уже сопрягается с тем, что говорил Башлачев в интервью Андрею Бурлаке о том, что перестал мыслить синтаксически, а мыслит корнями слов.

Выше отмеченные аллюзии и цитаты – это, вероятно, все очевидные следы пушкинских заимствований в песнях Башлачева. Правда, многие из цитируемых мной исследователей касаются довольно большого числа

миломлетных пересечений двух поэтик: эти соответствия прочитываются скорее как общекультурные «перекрестки», а не прямые заимствования.

Таким образом, на данный момент башлачевская рецепция творчества классика осмыслена преимущественно на материале песен. Однако не так давно были опубликованы некоторые ранние тексты поэта. В них тоже обнаруживаются пушкинские цитаты. Так, А.С. Иванов обнаруживает в ранней поэме «Разлюли-малина (из жизни кунгурских художников)» цитату из «Евгения Онегина». У Башлачева: «А за окном хихикала // Глупая, пьяная в стельку // Луна». У Пушкина: «Как эта глупая луна // На этом глупом небосводе» [4, с. 70]. Кроме того, А.С. Иванов отмечает, что фрагмент: «Смеялся, как довольная смеется // Красавица, что в зеркало глядит» («Ты поутру взглянул...») есть апелляция к «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» [4, с. 71]. Хотя эта аллюзия не бесспорна (нет точных лексических соответствий), однако она неминуемо извлекает из культурной памяти пушкинский претекст.

Если же взять стихи Башлачева, то в них помимо указанных строк, можно заметить еще несколько отсылок к Пушкину. Например, в стихотворении «Чужой костюм широким был в плечах» – тот же аллегорический сюжет, что и в «Телеге жизни». Только вместо седого ямщика-Времени здесь – седой кондуктор. Кстати, девочка-Время и Время-мальчишка из «Триптиха...» могут быть отголоскам именно этого пушкинского Времени-ямщика.

Особняком в пушкинской теме у Башлачева стоят произведения, написанные, как правило, в соавторстве с Сергеем Нохриным и предназначенные для шуточной оперы «Мы помним чудные мгновенья» (еще один пушкинский след: в претексте – везде единственное число). В «Арии Гоголя» есть упоминание о классике: «Здравствуй, милый Пушкин!» (здесь и далее стихи Башлачева цитируются по книге Л. Наумова [6, с. 17-23]).

Насквозь пронизана отсылками к творчеству классика «Ария Пушкина» – далее в скобках будем приводить название пушкинского претекста. «И вновь я посетил тот уголок земли...» (строка является и начальным стихом

пушкинского произведения, за исключением союза «и»). «Без вдохновенья жил я, без любви» (измененные строки из «Я помню чудное мгновенье...»). «В каком-то возвышающем обмане» (см. ранее рассмотренную песню «Трагикомический роман»). «Еще с небес не слышен Божий глас» (аллюзия на стихотворение «Пророк»). «Еще звучат, звучат напевы Вакха» (вероятно, аллюзия на «Торжество Вакха»). «Еще на мне гарцуют, серебрясь, // Воротничок бобровый вместе с шапкой» (Ср. «Морозной пылью серебрится. // Его бобровый воротник» – фрагмент из «Евгения Онегина»). «Еще лежит, лежит ночная мгла» («На холмах Грузии лежит ночная мгла...»). «Еще шалун не обморозил пальчик» («Евгений Онегин»). «Еще печаль, печаль моя светла» («На холмах Грузии лежит ночная мгла...»). «Пробка в потолок» (ср.: «Вошел: и пробка в потолок», «Евгений Онегин»). «Терпенье сохраним в сибирских рудах» («Во глубине сибирских руд...»). По сути дела, перед нами – центон, искусно составленный из известных строк Пушкина, где перемешаны расхожие образы и афоризмы, первые строки стихов.

Следующий текст – «Ария Ржевского». Каждый куплет сопровождается рефреном, который «Пушкин» и «Гоголь» поют хором. Первый рефрен из «Евгения Онегина»: «И лучше выдумать не мог». Второй – немного измененные строки из «Зимнего вечера»: «Так выпьем с горя; где же кружка? // Пусть сердцу будет веселей». Третий: «Не пропадет ваш скорбный труд» («Во глубине сибирских руд...»). Кроме того, в тексте есть измененная цитата из «Евгения Онегина»: «Чем больше женщину мы меньше // Тем меньше больше, больше меньше к нам она» (ср. у Пушкина: «Чем меньше женщину мы любим, // Тем легче нравимся мы ей»).

Кстати, поручик Ржевский хоть и не созданный Пушкиным персонаж, но в народном сознании они во многом «рифмуются». Так, распространено немало анекдотов, где Пушкин и Ржевский являются друзьями и вместе озорничают.

В той же опере есть еще «Дуэт Пушкина и Гоголя»: «Будет всё вокруг усыпано обломками // На которых будут наши имена» – здесь шутливо обыгрывается пафос стихотворения «К Чаадаеву». А фраза: «оковы тяжкие

падут» уже из стихотворения «Во глубине сибирских руд...». То есть пушкинские стихотворения революционной направленности соединяются в одном контексте.

«Дуэт Татьяны и Онегина» начинается со строки: «Сегодня я опять письмо писала...». В тексте есть две шуточных, хотя вовсе не безобидных обвинения в адрес Пушкина (судя по структуре текста, обвинителем выступает Онегин): «Смотри, как он отделал Дон Жуана, // Беднягу стало просто не узнать!»; «Припомни, как он Ленскому Володе // Одною пулей высадил мозги». А завершается всё упоминанием главы из «Евгения Онегина», которую Пушкин сжег по цензурным соображениям: «Ведь мы с тобою всё-таки сумели // Сегодня сжечь десятую главу!».

Среди арий затесался текст, также написанный Башлачевым и Нохриным, правда, он не вошел в оперу. Этот текст – «Взгляд в прошлое», где есть цитата: «Когда на лесную поляну // Луна пролила бледный свет...». Ср. стихотворение Пушкина «Зимняя дорога»: «На печальные поляны. Льет печально свет она» (луна). Соответствие не полное, и всё же совпало: «луна льет свет на поляну».

Итак. Если разделить творчество Башлачева на две большие части: ранние (условно говоря – допесенные) тексты, написанные до 1982 года, то окажется, что здесь есть порядка 25 твёрдых пушкинских цитат и аллюзий. К этому пласту пушкинских влияний ученые еще только подходят. И моя статья в этом смысле – пробный камень. Возможно, при более пристальном изучении ранних текстов отыщется еще несколько пушкинских интертекстуальных следов. Однако рискну утверждать, что на итоговые выводы это не повлияет: очевидно, что массовое обращение к творчеству классика было свойственно именно ранним произведениям Башлачева (и, соответственно, Нохрина – как соавтора).

В башлачевских песнях 1982-1986 годов мной и моими предшественниками, занимавшимися этой тематикой, было обнаружено порядка 15 явных пушкинских интертекстов. Самый насыщенный ими текст – песня «Не позволяй душе лениться», в которой Башлачев возвращается к той же технике центона, в которой с пушкинским материалом они некогда работали

вместе с Нохриным. Причем в этой песне как минимум шесть пушкинских цитат и аллюзий. То есть если взять всё песенное наследие Башлачева, то на эту одну песню приходится больше трети от общего числа пушкинских заимствований.

Соответственно, в произведениях, которые принесли славу Башлачеву, не так много пушкинских цитат и аллюзий. Если не брать «Не позволяй душе лениться», то на 60 песен – менее десятка или одна цитата / аллюзия на шесть песен. В целом же у Башлачева порядка 50 различных апелляций к «пушкинской теме», притом, что сохранилось менее ста его стихов и песен. Таким образом, общая статистика проста: на каждые два текста – одна пушкинская цитата, аллюзия или упоминание о классике (о факте его биографии). Даже не проводя специального исследования по другим заимствованиям в наследии Башлачева, можно смело утверждать, что Пушкин по количеству интертекстов значительно опережает всех других писателей и поэтов. Сейчас у меня в разработке тема «Башлачев и Высоцкий», по предварительным данным, «рокер» цитирует творчество «барда» до тридцати раз. Остальные авторы, вероятнее всего, не наберут и десятка заимствований.

Ну и что касается общей динамики. Изначально Башлачев относился к Пушкину по-постмодернистски: травестировал его тексты. Потом намечается небольшая полоса, скажем так, нейтральных цитат (пример: «Трагикомический роман»). Пушкин – авторитетный источник, который своим узнаваемым словом как бы оттеняет нужные Башлачеву смыслы. Третий этап цитирования выпадает на поздние башлачевские творения, в которых уже не было места постмодернистской игре и юмору. Поэтому и специфика цитирования меняется: пушкинские цитаты «обслуживают» сакральные башлачевские смыслы, являются апелляциями к глубинным общекультурным кодам, среди которых одним из важнейших является мифологизированная фигура Поэта поэтов.

Список литературы

1. Бухарская М. Реминисценции и образы-символы в творчестве А.Башлачева // http://samlib.ru/b/buharskaja_m/h.shtml
2. Гавриков В.А. «Пророк» А.С. Пушкина и «Мельница» А.Н. Башлачева: классические традиции в осмыслении современной поэзии // Литература в диалоге культур – 4: Материалы Международной научной конференции. – Ростов-на-Дону: ИП Лункина Н.В., 2006. – С. 84–87.
3. Доманский Ю.В. Легенда о Поэте: Александр Башлачев и Александр Пушкин // Северо-запад: Историко-культурный региональный вестник. – Череповец: ЧГУ, 2000. – Вып. 3. – С. 223–232.
4. Иванов А.С. Раннее творчество Александра Башлачева: некоторые замечания // Вестник ЦМО МГУ. – 2011. – № 1. Литературоведение. Анализ художественного текста. – С. 70–74.
5. Логачева Т.Е. Русская рок-поэзия 1970-х – 1990-х гг. в социокультурном контексте: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 214 с.
6. Наумов Л. Александр Башлачев: человек поющий. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Выргород, 2017. – 608 с.
7. Нефёдов И.В., Огрызко Е.В. Интертекстуальный анализ стихотворения А. Башлачёва «Не позволяй душе лениться» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – №3-2. – С. 50–57.
8. Палий О.В. Рок-н-ролл – славное язычество... (источники интертекста в поэзии А. Башлачева) // Русская рок-поэзия. Текст и контекст. – Вып. 2. – Тверь, 1999. – С. 67–72.
9. Свиридов С.В. Имя Имен: концепция слова в поэзии А. Башлачева // Русская рок-поэзия: текст и контекст. – Вып. 2. – Тверь, 1999. – С. 60–67.
10. Столбов В.И. Образ поэта в творчестве А.Н.Башлачева // Вестник Костромского государственного университета. – 2008. – Т. 14. – № 1. – С. 144–148.

11. Чернов А.В. Проблема традиционности в поэзии А. Башлачева // Рок-поэзия как социокультурный феномен: Сборник научных статей. – Череповец, 2000. – С. 3–5.

12. Шаулов С.С. А.С. Пушкин и А.Н. Башлачев в дискурсе постмодернизма // Пушкин и современность: Материалы научно-практической конференции. – Уфа, 1999. – С. 83–95.

13. Шаулов С.С. Пушкин и Башлачев: Этика смерти // Известия в Республике Башкортостан. – 1999. – 11 сент.

УДК 82.09

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ РАССКАЗА «СКАРПЕЯ
БАСКАКОВЫХ» БОРИСА АКУНИНА С АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРОЙ XIX ВЕКА**

*К.Ф. Герейханова, Институт международного права и экономики имени
А.С.Грибоедова, Москва, Россия*

**INTERTEXTUAL CONNECTIONS OF THE STORY “SCARPIA
BASKAKOV’S” BY BORIS AKUNIN WITH
RUSSIAN AND ENGLISH LITERATURE OF THE 19TH CENTURY.**

*K. F. Gereikhanova, Griboyedov Institute of International Law and Economics,
Moscow, Russia*

Аннотация. Статья посвящена рассказу «Скарпея Баскаковых» Бориса Акунина, входящему в сборник «Нефритовые четки». «Нефритовые четки» представляют собой сборник из 10 произведений, каждое из которых имеет интертекстуальные связи с произведениями авторов классического детектива. В данной статье прослежены интертекстуальные связи рассказа «Скарпея Баскаковых» как с «Собакой Баскервилей» Артура Конан Дойля, так и с другими произведениями русской и английской литературы.

Ключевые слова. Интертекст, аллюзия, Акунин, Конан Дойль, Чехов, Достоевский.

Annotation. The article is devoted to the story “Scarpia Baskakov’s” by Boris Akunin, included in the book “Greenstone rosary”. The book “Greenstone rosary” consists of 10 short

stories and novels, each of which has intertextual connections with the works of the authors of the classic detective. In this article are traced intertextual connections of the story “Scarpia Baskakova” with the “The Hound of the Baskervilles” by Arthur Conan Doyle and with other works of Russian and English literature.

Keyword: Intertext, allusion, Akunin, Chekhov, Dostoevsky, Conan Doyle.

E-mail: kamilla@adm.iile.ru

Борис Акунин – писатель, игра с читателем в творчестве которого едва ли не интереснее самого сюжета произведения. Одним из образцов интеллектуальной игры с взаимодействием и взаимопроникновением различных текстов является сборник «Нефритовые четки», в который вошли рассказы и повести, посвященные различным мастерам детективного жанра. Рассказ «Скарпея Баскаковых» является аллюзией к повести Артура Конан Дойля «Собака Баскервилей», о чем говорит не только посвящение, предваряющее сборник («Нефритовые четки», включающие в себя 10 произведений, посвящены 10 признанным мастерам детективного жанра, и порядковому номеру «Скарпеи Баскаковых» в сборнике как раз соответствует позиция Артура Конан Дойля в этом списке авторов), но и ряд очевидных совпадений. Перечислим вкратце точки соприкосновения двух произведений:

1. В обоих произведениях речь идет о некоем чудовище, которое терроризирует род владельцев имени. Наименование чудовища совпадает по «инициалам» - С.Б. (Скарпея Баскаковых – Собака Баскервилей). Чудовище является родовым проклятием, оно внушает ужас одним своим видом, и слабый сердцем пожилой владелец имени умирает лишь от того, что повстречался с чудовищем. При этом чудовище способно нанести и физический вред: покусать человека (что и происходит с другими персонажами).

2. Существует легенда о некоем прародителе данного рода (Гуго Баскервиль у Конан Дойля и Святой Панкратий, бывший баскак, у Акунина), который впервые повстречался с данным чудовищем.

3. Расследовать таинственное преступление направляется не сам главный герой – сыщик (Шерлок Холмс / Эраст Фандорин), но его помощник

(доктор Ватсон / Анисий Тюльпанов). При этом помощник пишет письма-отчеты своему шефу, а в момент решающей схватки сыщик сам оказывается на месте событий, заgrimировавшись под бродягу. Помощник проживает в доме владельцев имения, имеет свою версию преступлений, которая оказывается в итоге неверной, однако помогает сыщику выйти на правильный след;

4. Местом действия являются зловещие болота, у которых также «совпадают инициалы»: Grimпенская трясина в «Собаке Баскервилей» и Гниловская топь в «Скарпее Баскаковых». В обоих произведениях эти места описаны как имеющие зловещую репутацию, считающиеся местами рождения мистических существ. Кроме того, и посреди Grimпенской трясины, и посреди Гниловской топи имеется островок, на котором в итоге и прячется чудовище;

5. Ассистент сыщика достаточно по-дружески общается с убийцей, не подозревая, что именно этот человек хладнокровно уничтожил тех, кто стоит между ним и наследством.

Очевидные текстовые параллели именно с «Собакой Баскервилей» на этом заканчиваются, однако есть и другое произведение Конан Дойля, связи с которым могут быть прослежены в тексте «Скарпеи». Это рассказ «Пестрая лента», в котором в роли чудовища-убийцы выступает именно змея – правда, не гигантских размеров, как у Акунина, а вполне обыкновенная. Наиболее очевидным моментом сходства является сцена, в которой змея обвила своего хозяина – убийцу:

«У стола на соломенном стуле сидел доктор Гримсби Ройлотт в длинном сером халате, из-под которого виднелись голые лодыжки. Ноги его были в красных турецких туфлях без задников. На коленях лежала та самая плеть, которую мы еще днем заметили в его комнате. Он сидел, задрвав подбородок вверх, неподвижно устремив глаза в потолок; в глазах застыло выражение страха. Вокруг его головы туго обвилась какая-то необыкновенная, желтая с коричневыми крапинками лента. При нашем появлении доктор не шевельнулся и не издал ни звука» [3]. У Акунина убийцу также находят в халате, обвитого змеей (точнее, то, что визуально кажется халатом, впоследствии и оказывается

змеей): «Сначала увидел керосиновую лампу на дощатом столе, флягу в замшевой обшивке и походный стаканчик, а уж потом самого Самсона Степановича. Он сидел, обмякнув на стуле и запрокинув голову. Одет был во что-то широкое, мешковатое, наподобие узорчатого азиатского халата. ... Лицо у приказчика жутко посинело и распухло, а на шее, сбоку от бороды виднелись две чёрные точки, из каждой стекало по капельке крови. ... широкий халат странным образом шевелится. ... Никакой это был не халат, а невиданных размеров змеюка, обмотавшаяся вокруг трупа. Она подняла сужающуюся к концу голову, блеснула агатовыми глазками и разинула мерзкую пасть с двумя тонкими клыками» [1].

Самсон Степанович, впрочем, представлялся хладнокровным убийцей только Анисию Тюльпанову – при расследовании дела стало очевидным, что убийца не он. Однако сходство двух сцен очевидно: стол, стул, мертвый человек в халате, обвитый укусившей его (как считают первоначально герои «Скарпей») змеей. Когда же выясняется, что истинный убийца – Блинов, а его «помощником» является амурский полоз, привезенный из странствий по Дальнему Востоку, проявляет себя и еще один элемент сходства с «Пестрой лентой»: отчим сестер Стоунер также привез из своих странствий диковинных животных – в том числе и змею, ставшую роковой для него самого.

Сходство двух произведений Конан Дойля и «Скарпей» Акунина прослеживается и на уровне сюжета: и в «Пестрой ленте», и в «Собаке Баскервилей», и в «Скарпее Баскаковых» причиной преступления является наследство – в погоне за именем преступник использует животное, чтобы устранить того, кто стоит между ним и крупной суммой денег, особняком и участком земли. Однако есть и немаловажное отличие, которое является чрезвычайно сигнификативным в аспекте переноса сюжета из английского культурного пространства в русское.

В «Собаке Баскервилей» все претенденты на Баскервиль-холл являются родственниками: молодой сэр Генри приходится племянником сэру Чарльзу, пожилому владельцу Баскервиль-холла, а убийца Стэплтон также принадлежит

к роду Баскервилей, что Шерлок Холмс устанавливает по фамильному портрету. В «Пестрой ленте» наследство принадлежит двум сестрам, а отчим получит его в случае смерти их обеих – и он стремится устранить падчериц с помощью змеи.

В «Скарпее Баскаковых» же родственные связи между претендентами на Баскаковку отсутствуют. К моменту начала действия хозяйкой имения является бывшая приживалка Варвара Ильинична, не имеющая родственных связей с Баскаковыми – и, следовательно, могущая не бояться родового проклятия. Она намерена продать имение, и вьющиеся вокруг нее «охотники за наследством» – не родственники в очереди на наследование, а обыкновенные покупатели, соревнующиеся лишь в том, кто из них получит больше выгоды от имения. Убийцей оказывается председатель земской управы, который мечтал получить доступ к распределению участков в аренду для постройки дач.

Безусловно, автор не ставил себе цели перенести сюжет «Собаки Баскервилей» на русскую почву без изменений, однако сам факт отсутствия родственной связи между претендентами на имение в «Скарпее» заслуживает отдельного комментария. Вероятнее всего, выбор именно такого сюжета осуществлен автором по двум причинам. Первой следует считать то, что в Западной Европе, в частности, в Англии была принята практика так называемого майората – имение отходило целым и неделимым к старшему сыну, что порождало распри и ненависть между родственниками, и убийство старшего брата младшим было достаточно распространенным явлением. В России же майорат не действовал – после смерти отца имение делилось между сыновьями поровну (что обусловило свою специфику раздробленности и распрей между наследниками). Только при Петре I была введена практика майората, отмененная Анной Иоанновной [4, с. 556] как несоответствующая российским традициям и реалиям. Иными словами, сюжет «родственники убивают друг друга за имение» вполне архетипичен для европейской культуры, однако отнюдь не является таковым в российской традиции.

Второй причиной выбора автором именно такого поворота сюжета обусловлен тем фактом, что у «Скарпеи» существуют не только английские, но и русские интертекстуальные связи: образ девушки, на которую внезапно обрушилось наследство и которая чувствует себя растерянно и тратит деньги на сладости и наряды, описан у Ф.М. Достоевского в «Селе Степанчикове и его обитателях»: Татьяна Ивановна «кушала конфеты, срывала цветы удовольствия, читала романы. Романы еще более распяляли ее воображение и бросались обыкновенно на второй странице. Она не выносила далее чтенья, увлекаемая в мечты самыми первыми строчками, самым ничтожным намеком на любовь, иногда просто описанием местности, комнаты, туалета. Бесперывно привозились новые наряды, кружева, шляпки, накладки, ленты, образчики, выкройки, узоры, конфеты, цветы, собачонки. Три девушки в девичьей проводили целые дни за шитьем, а барышня с утра до ночи, и даже ночью, примеряла свои лифы, оборки и вертелась перед зеркалом. Она даже как-то помолодела и похорошела после наследства» [2]. Варвара Ильинична в «Скарпее Баскаковых» также балует гостей изысканными сладостями, по суждению Тюльпанова «несколько сдвинулась в рассудке от неожиданного богатства», однако стремится не к жениху, как Татьяна Ивановна у Достоевского, а мечтает о поездке в Европу, в частности в Париж и в Мариенбад, где планирует вылечить свою чахотку. Упоминание о Париже и само имя героини – Варвара – позволяет увидеть еще одну аллюзию к русской литературе – отсылку к «Вишневому саду» Чехова, герои которого также обсуждают судьбу имения, подлежащего продаже, разделению на участки для будущих дачников, и в итоге на деньги от продажи имения Раневская уезжает в Париж.

«Скарпея Баскаковых», таким образом, представляет собой комплекс интертекстуальных связей, которые частично обозначены с помощью «посвящения» данного рассказа Артуру Конан Дойлю. Как и во многих других произведениях из сборника «Нефритовые четки», «Скарпея» не однослойна. Творческий метод Бориса Акунина предполагает соединение нескольких

пластов интертекста в одном произведении и создание при этом острого и непредсказуемого детективного сюжета, который интересен и в отрыве от интертекстуальных связей.

Список литературы

1. Акунин Б. *Нефритовые четки*. М.: Захаров, 2015. 704 с. // Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://www.kharkivosvita.net.ua/files/nefrit.pdf>. Дата обращения: 15.01.2018
2. Достоевский Ф.М. *Село Степанчиково и его обитатели* // Электронный ресурс [Режим доступа]: <http://rvb.ru/dostoevski/01text/vol3/18.htm>. Дата обращения: 20.01.2018
3. Конан Дойль А. *Пестрая лента* / Пер. М. Чуковской // Электронный ресурс [Режим доступа]: http://www.221b.ru/archive/doyle/1/The_Adventure_of_the_Speckled_Band_R.txt. Дата обращения: 19.01.2018
4. *Советский юридический словарь*. – М.: Госюриздат, 1953. – 782 с.

УДК 81'373

ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ЛЕКСИКОНОВ

А.С. ПУШКИНА И Д.В. ДАВЫДОВА

Н.Л. Васильев, Национальный исследовательский Мордовский

государственный университет, г. Саранск, Россия

Д.Н. Жаткин, Пензенский государственный технологический университет, г.

Пенза, Россия

COMPARISON EXPERIENCE OF POETIC LEXICAL SYSTEMS

OF A.S.PUSHKIN AND D.V.DAVYDOV

N.L. Vasilyev, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

D.N. Zhatkin, Penza State Technological University, Penza, Russia

Аннотация. В статье сравниваются поэтические словари (лексика) А.С. Пушкина и Д.В. Давыдова. В поэзии Пушкина встречается 12 844 лексемы, в произведениях Давыдова – 3 535 лексем; совокупный объем стихотворного наследия писателей, соответственно, 187 тысяч и 17 тысяч словоупотреблений. В качестве выборок для статистического

сравнительного анализа соотнесенности их поэтических словарей были взяты лексемы на буквы А, Я. Доля общего в языке поэтов составляет 18 %, а их речевые индивидуальности выражаются 75,3 % у Пушкина и 6,7 % у Давыдова, т. е. стилистическая оригинальность произведений первого намного выше, чем у второго, что объясняется, прежде всего, значительной разницей в объеме литературного наследия и, соответственно, словариков этих поэтов. Сопоставление полученных статистических данных с аналогичными парными сравнениями лексиконов других стихотворцев XVIII–XIX в. (И.И. Дмитриев, Н.М. Карамзин, П.А. Вяземский, К.Ф. Рылеев, А.А. Дельвиг, Е.А. Баратынский, Н.М. Языков, Ф.И. Тютчев, А.И. Полежаев, Д.В. Веневитинов, М.Ю. Лермонтов, Н.П. Огарев), показывает, что словарная корреляция между произведениями Пушкина и Давыдова является весьма низкой на фоне соотнесенности других просчитанных по той же методике авторских «танDEMов». Полученные данные могут быть приняты во внимание, в частности, при обсуждении вопроса о мере близости лингвопоэтики Пушкина и Давыдова, а также Пушкина и иных поэтов пушкинской плеяды.

Ключевые слова: словари языка писателей, лексемы, поэтика, лингвопоэтика, статистика, А.С. Пушкин, Д.В. Давыдов.

Abstract. The article deals with the comparison of poetical vocabularies (lexics) of A.S.Pushkin and D.V.Davydov. The poetry of Pushkin contains 12 844 lexemes, the works of Davydov contain 3 535 lexemes; the cumulative amount of the writers' poetic heritage is, respectively, 187 thousand and 17 thousand word usages. The lexemes starting with the letters А, Я have been taken as the samples for the statistical comparative analysis of the correlation of their poetic vocabularies. The proportion of the common in the language of the poets makes 18 %, Pushkin's speech individuality is 75,3 % and Davydov's one is 6,7 %, that is stylistic originality of the first writer's works is much higher than that of the second what is explained, first of all, by the significant difference in these writers' literature heritage, and, respectively, vocabulary amounts. The comparison of the obtained statistical data with the similar paired comparisons of lexicons of other poets of the XVIIIth–XIXth centuries (I.I.Dmitriyev, N.M.Karamzin, P.A.Vyazemsky, K.F.Ryleyev, A.A.Delvig, E.A.Baratynsky, N.M.Yazykov, F.I.Tutchev, A.I.Polezhayev, D.V.Venevitinov, M.Yu.Lermontov, N.P.Ogarev) shows that the vocabulary correlation between the works of Pushkin and Davydov is quite low against the background of other authors “tandems” calculated by the same method. The obtained data can be taken into consideration, in particular, while discussing the question of the degree of similarity in the linguistic poetics of Pushkin and Davydov, and also of Pushkin and other Pushkin pleiad poets.

Keywords: writers' language dictionaries, lexemes, poetics, linguistic poetics, statistics, A.S.Pushkin, D.V.Davydov.

E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru ; ivb40@yandex.ru

Активное развитие авторской лексикографии [см.: 1] стимулирует компаративные статистические исследования языка и лингвопоэтики русских классиков. Первыми масштабными опытами отечественной писательской лексикографии закономерно стали словари языка А.С.Пушкина [2] и М.Ю.Лермонтова [3], построенные, однако, по принципиально разным информационным моделям. Указанные словари наметили основные подходы к пониманию того, что требуется от данного лексикографического жанра, чем он может быть полезен квалифицированному филологу и рядовому читателю, какие теоретические и прикладные задачи способен решать такой словарь в плоскости литературоведения и языкознания [см., напр.: 4; 5]. Дальнейшее развитие филологии в русле углубленного изучения истории русской литературы и ее художественного языка основывается на использовании исследовательского потенциала уже изданных писательских словарей и создании новых лексикографических справочников подобного рода, системно охватывающих важнейшие литературные эпохи и имена, на возможности проведения на этой основе сравнительных статистических исследований писательских лексиконов как проекции авторских поэтик [см. об этом, напр.: 6–8].

Творческие связи А.С.Пушкина (1799–1837) и Д.В.Давыдова (1784–1839) давно являются предметом внимания исследователей [см., напр.: 9, 10, с. 158–161; 11; 12, с. 81–84; 13; 14; 15, с. 611, 630, 639–641, 647, 659, 665, 676–677, 739, 756; 16, с. 17–39]. Пушкин посвятил легендарному поэту-партизану ряд посланий и незавершенных набросков: «Красноречивый забияка...» (1819), «Певец-гусар, ты пел биваки...» (1821), «Недавно я в часы свободы...» (1822), «Д.В. Давыдову» (1836). Особенно часто писатели общались на рубеже 1820–1830-х гг. Позже их сблизила и работа в «Современнике». В пушкинской поэзии встречается множество реминисценций из давыдовской лирики. Давыдов, в свою очередь, не раз перепевал Пушкина, признаваясь в том, что

стихи последнего его вдохновляют. К стихотворению Давыдова «Герою битв, биваков, трактиров и б.....» (1830?) Пушкин дописал строфу, которую автор, видоизменив, использовал при публикации. Стилистические манеры поэтов настолько близки, что порой сложно определить, кто на кого ориентировался, поскольку сходные контексты рождались в близкое время. Примечательно в этом плане, что ранние басни Давыдова («Голова и ноги», 1803; «Быль, или Басня, как кто хочет назови», 1803) приписывались иногда Пушкину.

В меньшей степени можно говорить об изучении связей произведений Пушкина и Давыдова на языковом уровне, прежде всего в аспекте привлекаемой ими лексики и фразеологии. Между тем «История русского поэтического языка» как своеобразная научная и учебная дисциплина [17] нуждается в эмпирических данных, основанных на писательских словарях и их эвристических возможностях (словники, ономастиконы, статистика употребления слов и имен, компаративные наблюдения и т. д.).

В контексте этого интересно сравнить поэтические лексиконы Пушкина и Давыдова с точки зрения соотношенности привлекаемых ими речевых ресурсов, степени общности и различий в их писательских словарях, причем в сопоставлении с другими поэтами. Данная исследовательская стратегия вписывается в ряд наших публикаций, где были изложены результаты количественно-качественного изучения языка А.С. Пушкина как основоположника современной литературно-художественной речи [18, с. 7–104; 19–21], А.И. Полежаева [22–23], М.Ю. Лермонтова [24], А.А. Дельвига [25–30], Н.П. Огарева [31], Н.М. Языкова [32], П.А. Вяземского [33–37], Д.В. Давыдова [16; 38], Е.А. Баратынского [39], Н.М. Карамзина [40], Д.В. Веневитинова [41], К.Ф. Рылеева [42], И.И. Дмитриева [43], К.Н. Батюшкова [44], а также приведены данные сравнительно-статистических срезовых экспресс-анализов поэтических словарей Дмитриева, Карамзина, Давыдова, Вяземского, Рылеева, Дельвига, Пушкина, Баратынского, Языкова, Тютчева, Полежаева, Веневитинова, Лермонтова, Огарева [см., напр.: 45–47; 48, с. 253–266; 49–50] и намечены подходы к системно-сопоставительному

квантитативному осмыслению лингвопоэтики стихотворцев, объединенных литературной или дружеской корпоративностью [51],

В статье ставится цель сравнить поэтические лексиконы А.С. Пушкина и Д.В. Давыдова. Материалом для исследования послужили словари языка этих писателей [2; 16]. Намеченные задачи актуальны, поскольку их решение дает возможность статистически проверить во многом интуитивные филологические представления о мере соотнесенности поэтического творчества этих авторов, их близости и различиях в плоскости лингвистической поэтики и отчасти поэтики в целом, а также сопоставить полученные данные с наблюдениями подобного рода в отношении других стихотворцев XVIII–XIX вв.

В поэзии Пушкина встречается 12 844 лексемы [см. об этом: 22, с. 7]; в произведениях Давыдова – 3 535 лексем. Совокупный объем учтенных словарных выборок из их поэтического наследия, соответственно, 187 тысяч [см.: 52] и 17 тысяч словоупотреблений. Следовательно, языковой «арсенал» Пушкина заметно богаче, чем у Давыдова, что вполне закономерно, учитывая, с одной стороны, жанровое многообразие пушкинского поэтического творчества (лирика, поэмы, драматургия, роман в стихах, сказки), его языковую «всеядность», стилистические эксперименты по вовлечению в новый речевой синтез всех жизнеспособных ресурсов русского языка, включая научные термины, западноевропейские заимствования, варваризмы и окказионализмы [см.: 53–60], а с другой, не вполне регулярную поэтическую деятельность Давыдова, его преимущественно военную, а не литературную профессионализацию и относительно малый объем его писательского наследия.

В качестве материала для сравнительного анализа языка поэтов были взяты подвыборки лексем на буквы А, Я, количественно и качественно вполне репрезентативные (около 200 словарных единиц), чтобы судить о степени общего и различного в словарях данных авторов.

Общими для обоих поэтов являются слова *а* (союз), *адский*, *акафист*, *алкать*, *алмаз*, *алтарь*, *альбом*, *анакреонтический*, *ангел*, *английский*, *арак* «крепкий алкогольный напиток из сока пальм, риса, изюма и др.

ингредиентов», *аренда, ареопаг, аромат, атаман, ах; я, явиться, являться, явно, явный, язвить, язык, яко* «как» (церк.-слав.), *яркий, яростный, ярость, ярый, ясный, яство, ястреб, яхонт* – всего 32 единицы, что составляет 18 % от совокупного числа трех сравниваемых языковых явлений (общее / собственное Пушкину / присущее Давыдову).

Только в поэзии Пушкина используются лексемы *а* (межд.), *авось, автор, ага, агат, агнец* «ягненок», *агу, ад, адех* «черкес», *адриатический, адъютант, азбука, азбучный, азийский, айдесский* (от онима *Аид*), *ай, академик, академический, акация, аккорд, аккуратный, аксельбант, актер, актриса, алгебра* (ср., однако, *алгебраический* – у Давыдова), *алебарда, александрийский, алеть, али/аль, аллея, алой* (алоэ – «тропическое растение, а также ароматическое вещество, извлекаемое из него»), *алмазный, алчно, алчный, алый, альманах, амврозия* «амброзия», *амвон, американец, аминь, амурный, амфора, ан, ананас, анафема, анахорет, англичанин, анекдот, анненский* (в словосочетании *а. лента* «знак воинской доблести» и др.), *аноним, антик, антихрист, анчар, аониды* «музы», *апельсин, апостол, аппетит, апрель, аптека, арабский, аравийский, арап, арапник, арапский, арест, аристократ, ария, аркан, ароматный, арлекин, армейский, армянин, арпачайский* (от онима *Арпача* – река на Кавказе), *арфа, архангел, архив, архивный, архипастырь* «почтительно-торжественное именование высших духовных лиц», *аршин* (ср., однако, *аршинный* – у Давыдова), *ассессор* «заседатель, младший член в административных и судебных учреждениях» (ист.), *ассигнация, ассирийский, атаган* «ятаган», *аттестат, аул, афедрон* «седалище, зад» (греч.), *афеизм* «атеизм», *афей* «атеист» (ср., однако, *атеист* – у Давыдова), *афинский, ахать, ахнуть, ахти; ябеда, яблоко, яблоня, яблочко, яблочный, явить, явление/явление, являть, явор* «разновидность клена», *ягода, яд, ядовитый, ядро, язва, язвительный, яичко, яишница* «яичница», *яйцо, якорь, якшаться, яма, ямб, ямской, ямщик, январь, янтарный, янтарь, янычар, ярем, яриться, ярко, ярко-позлащенный, ярманка* «ярмарка», *ярмо, яростно, ясень, ясмин* «жасмин»,

яснеть, ясно, ясность, ясской (от онима *Яссы*), *ящик* – всего 134 единицы (75,3 %).

Лишь в поэзии Давыдова встречаются слова *аббатик* «аббат» (окказ.?), *абшид* «отставка» (арх.; в перен. употребл.), *авангард*, *алгебраический* (ср., однако, *алгебра* – у Пушкина), *аргус* «о бдительном, неусыпном страже» (арх.), *арифметический*, *армия*, *аршинный* (ср., однако, *аршин* – у Пушкина), *атеист* (ср., однако, *афеизм*, *афей* – у Пушкина), *аханье*, *ахтырский* [от онима *Ахтырский гусарский полк*]; *якобинка* (шутл., occas.) – всего 12 единиц (6,7 %).

Следовательно, в языке поэтов есть некоторая доля общих элементов, но при этом речевая (словарная) оригинальность Пушкина, как и следовало ожидать, значительно выше, чем у Давыдова.

В какой мере Пушкин и Давыдов близки в лексическом отношении, можно судить с учетом сравнения подобных параметров в других поэтических «тандемах», просчитанных нами ранее по той же методике. Так, доля общего в лексиконах Пушкина и Веневитинова составляет 16,1 %, при этом свойственное лишь Пушкину – 81,7 %, присущее только Веневитинову – 1,2 %; общее в словарях Полежаева и Тютчева [61], выпускников Московского университета, – 20,3 %, свойственное Полежаеву – 65,5 %, присущее Тютчеву – 14,2 %; общее в словарях Пушкина и Дельвига, не просто друзей, а и во многом литературных единомышленников, 22,1 %, при этом свойственное лишь Пушкину – 68,5 %, присущее Дельвигу – 9,4 %; общее в словарях Полежаева и Огарева, причастных к Московскому университету и типологически близких своим трагическим мироощущением, – 23 %, свойственное только Полежаеву – 41,8 %, присущее лишь Огареву – 35,2 %; общее в словарях Полежаева и Языкова, также формировавшегося в университетской среде, – 25,1 %, свойственное Полежаеву – 46,4 %, присущее лишь Языкову – 28,5 %; общее в словарях Давыдова и Веневитинова (поэтов совершенно разного склада) – 25,4 %, свойственное Давыдову – 49,2 %, присущее Веневитинову – 25,4 %; общее в словарях Дельвига и Языкова – 26 %, свойственное Дельвигу – 20,3 %, присущее Языкову – 53,7 %; общее в словарях Баратынского и Веневитинова,

склонных к поэтической «метафизике», – 26,8 %, свойственное Баратынскому – 63,4 %, присущее Веневитинову – 9,8 %; общее в словарях Пушкина и Рыльева, близких своим гражданским пафосом, – 27,7 %, свойственное Пушкину – 60,6 %, присущее Рылеву – 11,7 %; общее в словарях Полежаева и Баратынского – 28,4 %, свойственное Полежаеву – 53,7 %, присущее Баратынскому – 17,9 %; общее в словарях Пушкина и Карамзина – 29,2 %, свойственное Пушкину – 59,6 %, присущее Карамзину – 11,2 %; общее в словарях представителей «пушкинской плеяды» Дельвига и Баратынского – 30 %, свойственное Дельвигу – 26 %, присущее Баратынскому – 44 %; общее в словарях Баратынского и Языкова – 35,5 %, свойственное Баратынскому – 23,4 %, присущее Языкову – 41,1 %; общее в словарях Пушкина и Дмитриева – 35,6 %, свойственное Пушкину – 50 %, присущее Дмитриеву – 14,4 %; общее в словарях Карамзина и Дмитриева – 35,9 %, свойственное Карамзину – 24,4 %, присущее Дмитриеву – 39,7 %; общее в словарях Пушкина и Языкова – 35,9 %, свойственное Пушкину – 49,2 %, присущее Языкову – 14,9 %; общее в словарях Пушкина и Полежаева – 36,1 %, свойственное Пушкину – 40,7 %, присущее Полежаеву – 23,2 %; общее в словарях Полежаева и Лермонтова, тесно связанных с Пензенской губернией и Московским университетом, а на эстетическом уровне с романтизмом и кавказским колоритом, тоже – 36,1 %, свойственное Полежаеву – 39,2 %, присущее Лермонтову – 24,7 %; общее в словарях Пушкина и Вяземского – 38,9 %, свойственное Пушкину – 40,9 %, присущее Вяземскому – 20,2 % (принимался во внимание только ранний период творчества последнего, совпадающий с жизнью Пушкина); общее в словарях Пушкина и Лермонтова, вообще не знакомых друг с другом, – 41,1 %, свойственное Пушкину – 46,3 %, присущее Лермонтову – 12,6 %.

В результате очевидно, что словарная корреляция поэтических произведений Пушкина и Давыдова гораздо ниже, чем у большинства других вышеуказанных поэтов, – хотя этому, как уже говорилось, есть некоторое «оправдание» в виде существенной разницы в объеме их поэтического

наследия. Обращает на себя внимание и невысокая стилистическая оригинальность Давыдова на фоне Пушкина.

Среди 20 статистически самых активных полнозначных слов в поэзии Пушкина (в порядке убывания их частотности) – *день, один, любовь, душа, милый, мочь* (глагол.), *о* (межд.), *сказать, любить, ночь, взор, вдруг, здесь, идти, пора, молодой, конь, небо, жизнь, другой* [см.: 62, с. 32]; в то время как в произведениях Давыдова – *любить, друг, любовь, душа, один, бог, рука, день, милый, мочь* (глагол.), *бой, сердце, взор, жизнь, слава, слово, век, радость, слеза, царь*. Доля словарных совпадений между поэтами в этом плане составляет 45 %. Отличия же касаются таких концептов, как *о* (межд.), *сказать, ночь, вдруг, здесь, идти, пора, молодой, конь, небо, другой* (у Пушкина), – и *друг, бог, рука, бой, сердце, слава, слово, век, радость, слеза, царь* (у Давыдова). Можно полагать, что в них концентрируются тематические доминанты и микромотивы творчества этих поэтов. Для сравнения отметим, что доля общего в списках из 20 наиболее частотных поэтических концептов между Пушкиным и Дмитриевым – 30 %, Карамзиным и Дмитриевым – 35 %, Пушкиным и Дельвигом, Пушкиным и Языковым, Пушкиным и Рылеевым – 40 %, Пушкиным и Карамзиным, Пушкиным и Веневитиновым – 45 %, Пушкиным и Полежаевым, Дельвигом и Баратынским – 50 %, Баратынским и Веневитиновым, Дельвигом и Языковым – 55 %, Баратынским и Языковым, Давыдовым и Веневитиновым (в последнем случае это поэты, весьма далекие друг от друга в стилистическом плане) – 60 %.

К сожалению, нет возможности сопоставить ономастиконы поэтов, поскольку «Словарь языка Пушкина» не отражает системно имена собственные, использующиеся в стихотворных текстах классика, в отличие от «Словаря поэтического языка Д.В. Давыдова», где они представлены в полном виде.

Таким образом, в поэтическом языке Пушкина и Давыдова наблюдается мало общего. Доля совпадений между их словарями составляет, по выборочным данным, всего 18 % на лексическом уровне, исходя из

статистической методики, предложенной в статье. Соответственно, велика разница и в стилистической оригинальности Пушкина (75,3 %) и Давыдова (6,7 %). В сравнении с аналогичными данными о мере корреляции словников других стихотворцев первой половины XIX в., это показывает заметное расхождение лингвохудожественных систем писателей.

Список литературы

1. Васильев Н.Л. «...Метафизического языка у нас вовсе не существует» (Из истории русского литературного языка) // *Филологические науки*. 1997. № 5. С. 76–79.

2. Васильев Н.Л. «История русского поэтического языка» как специальный курс в системе филологической подготовки словесника // *Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин: Мат-лы Международной конф. «Филологическая подготовка преподавателя-словесника в университете»: 31 янв. – 3 февр. 2001 г. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2001. С. 54–57.*

3. Васильев Н.Л. А.И. Полежаев в истории русского литературного языка: Программа, методические рекомендации и материалы к спецкурсу. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1995. 40 с.

4. Васильев Н.Л. Заимствованная лексика в языке А.С. Пушкина // *Вестн. Мордов. ун-та*. 2000. № 3/4. С. 58–60.

5. Васильев Н.Л. Индивидуально-авторские слова в языке А.С. Пушкина // *Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Варна, 17–23 сентября 2007 г. Sofia: Heron press, 2007. Т. 3. С. 320–327.*

6. Васильев Н.Л. Научная лексика в литературном творчестве А.С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1981. 27 с.

7. Васильев Н.Л. Научная лексика в языке А.С. Пушкина: Учебное пособие. Саранск: тип. Морд. ун-та, 1989. 92 с.

8. Васильев Н.Л. Новые горизонты в писательской лексикографии и в изучении исторической лингвопоэтики русской литературы // *Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 1. С. 150–153.
9. Васильев Н.Л. Новые данные о лексической структуре языка Пушкина // *Известия РАН. Сер. лит. и яз.* 2000. Т. 59. № 3. С. 48–51.
10. Васильев Н.Л. О Пушкине: язык классика, поэтика романа «Евгений Онегин», писатель и его современники. Саранск: тип. «Красный Октябрь», 2013. 388 с.
11. Васильев Н.Л. Опыт сопоставления поэтических лексиконов А.И. Полежаева и М.Ю. Лермонтова // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2016. № 1. С. 140–146.
12. Васильев Н.Л. Опыт сравнения поэтических лексиконов А.И. Полежаева и Н.П. Огарева // *Актуальные проблемы стилистики, риторики и лингводидактики*. Вып. II. М.: Изд-во МГОУ, 2014. С. 27–33.
13. Васильев Н.Л. Опыт сравнения поэтических лексиконов Е.А. Баратынского и А.И. Полежаева // *Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер. «Соц.-гуманит. науки»*. 2016. № 4. С. 99–104.
14. Васильев Н.Л. Опыт сравнения поэтических лексиконов Н.М. Языкова и А.И. Полежаева // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014. № 3. С. 325–327.
15. Васильев Н.Л. Опыт сравнения поэтических лексиконов Ф.И. Тютчева и А.И. Полежаева // *Тютчев – русская поэтическая и политическая языковая личность: Междунар. науч. заочн. конф., посвященная 210-летию со дня рождения поэта, политика, дипломата*. Брянск: Курсив, 2013. С. 193–196.
16. Васильев Н.Л. Поэтические идиолекты А.С. Пушкина, А.И. Полежаева и М.Ю. Лермонтова: лексические стыковки и расхождения // *Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе: Мат-лы Всерос. науч. конф. «Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе» (18–20 окт. 2011 г.)*. СПб.: Наука, 2012. С. 276–280.

17. Васильев Н.Л. Пушкинское словотворчество в аспекте писательской лексикографии // *Русская академическая неография* (к 40-летию научного направления): *Материалы Международной конф. СПб.: ИЛИ РАН; "ЛЕМА", 2006. С. 15–17.*
18. Васильев Н.Л. Сколько слов в языке Пушкина? (К истории пушкинской лексикографии) // *Болдинские чтения – 2014. Н. Новгород: РИ «Бегемот НН», 2014. С. 208–216.*
19. Васильев Н.Л. Словари языка писателей как источник изучения поэтики русской литературы XIX века // *Проблемы изучения лирики в школе: К 200-летию со дня рождения Ф.И. Тютчева: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. Арзамас, 4–5 дек. 2003 г. Арзамас: АГПИ, 2003. С. 152–162.*
20. Васильев Н.Л. Словари языка поэтов XIX в. как один из источников исторической и «синхронической» лексикографии // *Материалы Международной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика А.А. Шахматова. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 84–85.*
21. Васильев Н.Л. Словари языка поэтов XIX в. как один из источников исторической и «синхронической» лексикографии // *Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 993–1001.*
22. Васильев Н.Л. Словари языка поэтов пушкинского времени: проект будущего, проекция прошлого... // *II Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». Гранада, 8–10 сент. 2010 г.: В 2 т. Madrid: Rubiños – 1860, S.A., 2010. Т. II. С. 2006–2010.*
23. Васильев Н.Л. *Словарь поэтического языка Н.П. Огарева. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 124 с.*
24. Васильев Н.Л. *Словарь языка А.И. Полежаева. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2001. 88 с.*

25. Васильев Н.Л. *Словарь языка Пушкина»: 50 лет спустя... // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М.: Издат. центр «Азбуковник», 2013. С. 23–29.*
26. Васильев Н.Л. *Теория языка. Русистика. История советской лингвистики. М.: Ленанд, 2015. 368 с.*
27. Васильев Н.Л. *Языковое со-творчество Пушкина // Болдинские чтения. Н. Новгород: Вектор-Тус, 2003. С. 200–211.*
28. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *«Словарь языка А.А. Дельвига»: теоретические и прикладные аспекты писательской лексикографии // Проблемы прикладной лингвистики: Сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т, 2007. С. 51–54.*
29. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Авторская неология в творчестве поэтов «пушкинской плеяды» // Текст. Язык. Человек: Сб. науч. тр. IX Международной науч. конф.: В 2 ч. Мозырь: МГПУ им. И.П.Шамякина, 2017. Ч. 2. С. 132–136.*
30. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *О проекте «Словаря поэтического языка Д.В. Давыдова» // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 12. Ч. 5. С. 917–920.*
31. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *О проекте «Словаря языка А.А. Дельвига» // Проблемы авторской и общей лексикографии: Мат-лы Междунар. науч. конф. Брянск; М.: РИО БГУ, 2007. С. 106–109.*
32. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь Н.М. Языкова. М.: Флинта; Наука, 2013. 120 с.*
33. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка К.Ф. Рылеева. Пенза: Изд-во ПензГТУ, 2017. 100 с.*
34. Васильев Н.Л., Савина Е.В. *Варваризмы в языке А.С. Пушкина // Филологические науки. 2000. № 2. С. 99–105.*
35. Васильев Н.Л. *Творческое взаимодействие А.С. Пушкина и А.А. Дельвига сквозь призму писательских лексиконов // Болдинские чтения. Саранск: Респ. тип. «Красный Октябрь», 2010. С. 21–28.*

36. Васильев Н.Л. *Творческое содружество А.С. Пушкина и А.А. Дельвига сквозь призму писательских лексиконов // Пушкин и мировая культура: Мат-лы III Междунар. науч. конф. (г. Минск, 21–22 апр. 2009 г.): В 2 ч. Минск: РИФШ, 2009. Ч. 1. С. 126–130.*
37. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *О проекте «Словаря поэтического языка П.А. Вяземского» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2. С. 841–845.*
38. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Поэтический язык П.А. Вяземского в словарной интерпретации // Russian Linguistic Bulletin. 2016. № 1. С. 22–24.*
39. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка Д.В. Веневитинова. М.: Флинта; Наука, 2017. 108 с.*
40. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка Д.В. Давыдова. М.: Флинта; Наука, 2016. 100 с.*
41. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка Е.А. Баратынского. М.: Флинта; Наука, 2016. 156 с.*
42. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка И.И. Дмитриева. М.: Флинта; Наука, 2017. 128 с.*
43. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка К.Н. Батюшкова. М.: Флинта; Наука, 2018. 97 с.*
44. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка Н.М. Карамзина. М.: Флинта; Наука, 2016. 80 с.*
45. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка П.А. Вяземского (с приложением малоизвестных и неопубликованных его стихотворений). М.: Флинта; Наука, 2015. 424 с.*
46. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь языка А.А. Дельвига. М.: Флинта; Наука, 2009. 148 с.*
47. Вацуро В.Э. *Пушкин и Денис Давыдов в 1818–1819 гг. // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сб. к 50-летию служения С.О.Шмидта Историко-архивному институту. М.: РГГУ, 2000. С. 150–154.*
48. Виноградов В.В. *Стиль Пушкина. М.: ГИХЛ, 1941. 620 с.*

49. Голованевский А.Л. *Поэтический словарь Ф.И. Тютчева*. Брянск: РИО БГУ, 2009. 962 с.
50. Городецкий Б.П. *Лирика Пушкина*. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 469 с.
51. Жаткин Д.Н. *Актуальные вопросы подготовки словарей языка писателей пушкинского времени (на материале языка А.А. Дельвига) // IV Житниковские чтения: Актуальные проблемы лексикографирования науч. иссл.: Мат-лы межвуз. науч. конф. (20–21 апр. 2000 г.): В 2 ч. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2000. Ч. 1. С. 217–225.*
52. Жаткин Д.Н., Васильев Н.Л. *К вопросу об источниках «Словаря поэтического языка П.А. Вяземского» // Изв. высших учебных заведений. Поволжский регион: Гуманитарные науки. 2009. № 3. С. 90–103.*
53. Жаткин Д.Н., Васильев Н.Л. *Об источниках «Словаря поэтического языка П.А. Вяземского» // Поэтика художественного текста: Мат-лы Междунар. заочн. науч. конф.: В 2 т. Борисоглебск: БГПИ, 2008. Т. 2: Русская филология вчера и сегодня. С. 15–27.*
54. Лернер Н.О. *Стихотворная складчина Пушкина и Дениса Давыдова (Новое четверостишие Пушкина) // Пушкин и его современники: Материалы и иссл. Вып. XXXVI. Пб.: Изд-во АН СССР, 1923. С. 21–25.*
55. *Материалы к Частотному словарю языка Пушкина: (Проспект). М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1963. 52 с.*
56. Потапова Г.Е. <Денису Давыдову> // *Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1: А–Д. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 437–438.*
57. *Примечания к текстам стихотворений // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 20 т. Т. 1. СПб.: Наука, 1999. С. 564–792.*
58. *Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. В.В. Виноградов. М., 1956–1961.*
59. Фрумкина Р.М. *Статистическая структура лексики Пушкина // Вопр. языкознания. 1960. № 3. С. 78–81.*

60. *Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова / Под ред. В.В. Бородина, А.Я. Шайкевича // Лермонтовская энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1981. С. 717–774.*

61. *Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки слав. культур, 2011. 464 с.*

62. *Шик А.А. Пушкин и Давыдов // Возрождение: Лит.-полит. тетради / Cahiers periodiques. Париж, 1949. Тетр. 3 (май). С. 84–97.*

УДК 81'373

ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ЛЕКСИКОНОВ

А.С. ПУШКИНА И Д.В. ВЕНЕВИТИНОВА

*Н.Л. Васильев, Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет, г. Саранск, Россия*

*Д.Н. Жаткин, Пензенский государственный технологический университет,
г. Пенза, Россия*

COMPARISON EXPERIENCE OF POETIC LEXICAL SYSTEMS OF A.S.PUSHKIN AND D.V.VENEVITINOV

N.L. Vasilyev, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

D.N. Zhatkin, Penza State Technological University, Penza, Russia

Аннотация. В статье сравниваются поэтические словари (лексика) А.С. Пушкина и Д.В. Веневитинова. В поэзии Пушкина встречается 12 844 лексемы, в произведениях Веневитинова – 2 835 лексем; совокупный объем стихотворного наследия писателей, соответственно, 187 тысяч и 13 тысяч словоупотреблений. В качестве выборок для статистического сравнительного анализа соотнесенности их поэтических словарей были взяты лексемы на буквы А, Я. Доля общего в языке поэтов составляет 16,1 %, а их речевые индивидуальности выражаются 81,7 % у Пушкина и 1,2 % у Веневитинова, т. е. стилистическая оригинальность произведений первого несравненно выше, чем у второго, что объясняется, прежде всего, значительной разницей в объеме литературного наследия и, соответственно, словников этих поэтов.

Сопоставление полученных статистических данных с аналогичными парными сравнениями лексиконов других стихотворцев XVIII–XIX в. (И.И. Дмитриев, Н.М. Карамзин, Д.В. Давыдов, П.А. Вяземский, К.Ф. Рылеев, А.А. Дельвиг, Е.А. Баратынский, Н.М. Языков,

Ф.И. Тютчев, А.И. Полежаев, М.Ю. Лермонтов, Н.П. Огарев), показывает, что словарная корреляция между произведениями Пушкина и Веневитинова оказывается самой низкой среди просчитанных по той же методике авторских «танDEMов». Полученные данные могут быть приняты во внимание, в частности, при обсуждении вопроса о мере близости лингвопоэтик Пушкина и Веневитинова, а также Пушкина и других поэтов пушкинской плеяды.

Ключевые слова: пушкинская плеяда поэтов, словари языка писателей, лексемы, лингвопоэтика, статистика, А.С. Пушкин, Д.В. Веневитинов.

Abstract. The article deals with the comparison of poetical vocabularies (lexics) of A.S.Pushkin and D.V.Venevitinov. The poetry of Pushkin contains 12 844 lexemes, the works of Venevitinov contain 2 835 lexemes; the cumulative amount of the writers' poetic heritage is, respectively, 187 thousand and 13 thousand word usages. The lexemes starting with the letters А, Я have been taken as the samples for the statistical comparative analysis of the correlation of their poetic vocabularies. The proportion of the common in the language of the poets makes 16,1 %, Pushkin's speech individuality is 81,7 % and Venevitinov's one is 1,2 %, that is stylistic originality of the first writer's works is incomparably higher than that of the second what is explained, first of all, by the significant difference in these writers' literature heritage, and, respectively, vocabulary amounts. The comparison of the obtained statistical data with the similar paired comparisons of lexicons of other poets of the XVIIIth–XIXth centuries (I.I.Dmitriyev, N.M.Karamzin, D.V.Davydov, P.A.Vyazemsky, K.F.Ryleyev, A.A.Delvig, E.A.Baratynsky, N.M.Yazykov, F.I.Tutchev, A.I.Polezhayev, M.Yu.Lermontov, N.P.Ogarev) shows that the vocabulary correlation between the works of Pushkin and Venevitinov turns out to be the lowest among authors “tandems” calculated by the same method. The obtained data can be taken into consideration, in particular, while discussing the question of the degree of similarity in the linguistic poetics of Pushkin and Venevitinov, and also of Pushkin and other Pushkin pleiad poets.

Keywords: Pushkin pleiad poets, writers' language dictionaries, lexemes, linguistic poetics, statistics, A.S.Pushkin, D.V.Venevitinov.

E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru ; ivb40@yandex.ru

Активное развитие авторской лексикографии [см.: 1] стимулирует компаративные статистические исследования языка и лингвопоэтики русских классиков. Первыми масштабными опытами отечественной писательской лексикографии закономерно стали словари языка А.С. Пушкина [2] и М.Ю. Лермонтова [3], построенные, однако, по принципиально разным

информационным моделям. Указанные словари наметили основные подходы к пониманию того, что требуется от данного лексикографического жанра, чем он может быть полезен квалифицированному филологу и рядовому читателю, какие теоретические и прикладные задачи способен решать такой словарь в плоскости литературоведения и языкознания [см., напр.: 4; 5]. Дальнейшее развитие филологии в русле углубленного изучения истории русской литературы и ее художественного языка основывается на использовании исследовательского потенциала уже изданных писательских словарей и создании новых лексикографических справочников подобного рода, системно охватывающих важнейшие литературные эпохи и имена, на возможности проведения на этой основе сравнительных статистических исследований писательских лексиконов как проекции авторских поэтик [см. об этом, напр.: 6–8].

Творческие связи А.С. Пушкина (1799–1837) и Д.В. Веневитинова (1805–1827), традиционно включаемого в пушкинскую плеяду поэтов, давно стали предметом исследовательского внимания [см., напр.: 9, 10, с. 36, 45–46; 11, с. 16–17; 12, с. 112, 118–119; 13, с. 310]. Выявлены, в частности, следы влияния Пушкина на произведения Веневитинова и, наоборот, знаки воздействия на творчество классика со стороны его младшего современника. Это касается лирики поэтов, а также романа «Евгений Онегин», в котором имеются параллели с творчеством Веневитинова, особенно интригующие в плане генеалогии образа Ленского, поскольку в середине XIX в. появляются авторитетные высказывания (С.А. Соболевский, А.И. Герцен) относительно идейной корреляции лирических фигур Веневитинова и Ленского.

В меньшей степени можно говорить об изучении связей произведений Пушкина и Веневитинова на языковом уровне, прежде всего в аспекте привлекаемой ими лексики и фразеологии. Между тем «История русского поэтического языка» как своеобразная научная и учебная дисциплина [14] нуждается в эмпирических данных, основанных на писательских словарях и их

эвристических возможностях (словники, ономастиконы, статистика употребления слов и имен собственных, компаративные наблюдения и т. д.).

В контексте этого интересно сравнить поэтические лексиконы Пушкина и Веневитинова с точки зрения соотнесенности используемых ими речевых ресурсов, степени общности и различий в их писательских словарях, причем в сопоставлении с другими поэтами. Данная исследовательская стратегия вписывается в ряд наших публикаций, где были изложены результаты количественно-качественного изучения языка А.С. Пушкина как основоположника современной литературно-художественной речи [15, с. 7–104; 16–18], А.И. Полежаева [19–20], М.Ю. Лермонтова [21], А.А. Дельвига [22–27], Н.П. Огарева [28], Н.М. Языкова [29], П.А. Вяземского [30–34], Д.В. Давыдова [35–36], Е.А. Баратынского [37], Н.М. Карамзина [38], Д.В. Веневитинова [39], К.Ф. Рыльева [40], И.И. Дмитриева [41], К.Н. Батюшкова [42], а также приведены данные сравнительно-статистических срезовых экспресс-анализов поэтических словников Дмитриева, Карамзина, Давыдова, Вяземского, Рыльева, Дельвига, Пушкина, Баратынского, Языкова, Тютчева, Полежаева, Веневитинова, Лермонтова, Огарева [см., напр.: 43–45; 46, с. 253–266; 47–48] и намечены подходы к системно-сопоставительному количественному осмыслению лингвопоэтики стихотворцев, объединенных литературной или дружеской корпоративностью [49],

В статье ставится цель сравнить поэтические лексиконы А.С. Пушкина и Д.В. Веневитинова. Материалом для исследования послужили словари языка этих писателей [2; 39]. Намеченные задачи актуальны, поскольку их решение дает возможность статистически проверить во многом интуитивные филологические представления о мере соотнесенности поэтического творчества этих авторов, их близости и различиях в плоскости лингвистической поэтики и отчасти поэтики в целом, а также сопоставить полученные данные с наблюдениями подобного рода в отношении других стихотворцев XVIII–XIX вв.

В поэзии Пушкина встречается 12 844 лексемы [см. об этом: 19, с. 7]; в произведениях Веневитинова – 2 835 лексем. Совокупный объем учтенных словарных выборок из их поэтического наследия, соответственно, 187 тысяч [см.: 50] и 13 тысяч словоупотреблений. Следовательно, языковой «арсенал» Пушкина в несколько раз богаче веневитиновского, что вполне закономерно, учитывая, с одной стороны, жанровое многообразие пушкинского поэтического творчества (лирика, поэмы, драматургия, роман в стихах, сказки), его языковую «всеядность», стилистические эксперименты по вовлечению в новый речевой синтез всех жизнеспособных ресурсов русского языка, включая научные термины, западноевропейские заимствования, варваризмы и окказионализмы [см.: 51–58], а с другой, непродолжительный период творческой деятельности Веневитинова и «сверхмалый» объем его литературного наследия.

В качестве материала для сравнительного анализа языка поэтов были взяты подвыборки лексем на буквы А, Я, количественно и качественно вполне репрезентативные (около 200 словарных единиц), чтобы судить о степени общего и различного в словарях данных авторов.

Общими для обоих поэтов являются слова *а* (союз), *а* (межд.), *ад*, *азбука*, *азиатский* (Пушкин) / *азиатский* (Веневитинов), *алеть*, *алкать*, *алтарь*, *альбом* (Пушкин) / *альбум* [арх.] (Веневитинов), *ангел*, *ароматный*, *арфа*, *ах*; *я*, *явиться*, *явление/явление*, *являться*, *яд*, *ядовитый*, *язык*, *ямщик*, *яркий*, *ярость*, *ярый*, *ясно*, *ясный*, *яхонт* – всего 27 единиц, что составляет 16,1 % от совокупного числа трех сравниваемых языковых явлений (общее / свойственное Пушкину / присущее Веневитинову).

Только в поэзии Пушкина используются лексемы *авось*, *автор*, *ага*, *агат*, *агнец* «ягненок», *агу*, *адех* «черкес», *адриатический*, *адский*, *адъютант*, *азбучный*, *айдесский* (от онима *Аид*), *ай*, *академик*, *академический*, *акафист*, *акация*, *аккорд*, *аккуратный*, *аксельбант*, *актер*, *актриса*, *алгебра*, *алебарда*, *александрийский*, *али/аль*, *аллея*, *алой* (алоэ – «тропическое растение, а также ароматическое вещество, извлекаемое из

него)), алмаз, алмазный, алчно, алчный, алый, альманах, амврозия «амброзия», амвон, американец, аминь, амурный, амфора, ан, анакреонтический, ананас, анафема, анахорет, английский, англичанин, анекдот, анненский (в словосочетании *а. лента* «знак воинской доблести» и др.), аноним, антик, антихрист, анчар, аониды «музы», апельсин, апостол, аппетит, апрель, аптека, арабский, аравийский, арак «крепкий алкогольный напиток из сока пальм, риса, изюма и др. ингредиентов», арап, арапник, арапский, аренда, ареопаг, арест, аристократ, ария, аркан, арлекин, армейский, армянин, аромат, арпачайский (от онима *Арпача* – река на Кавказе), архангел, архив, архивный, архипастырь «почтительно-торжественное именование высших духовных лиц», аршин, ассессор «заседатель, младший член в административных и судебных учреждениях» (ист.), ассигнация, ассирийский, атаган «ятаган», атаман, аттестат, аул, афедрон «седалище, зад» (греч.), афеизм «атеизм», афей «атеист», афинский, ахать, ахнуть, ахти; ябеда, яблоко, яблоня, яблочко, яблочный, явить, являть, явно, явный, явор «разновидность клена», ягода, ядро, язва, язвительный, язвить, яичко, яишница «яичница», яйцо, яко, якорь, якшаться, яма, ямб, ямской, январь, янтарный, янтарь, янычар, ярем, яриться, ярко, ярко-позлащенный, ярманка «ярмарка», ярмо, яростно, яростный, ясень, ясмин «жасмин», яснеть, ясность, ясской (от онима *Яссы*), яство, ястреб, ящик – всего 139 единиц (82,7 %).

Лишь в поэзии Веневитинова встречаются слова *апофеоза* «апофеоз» (арх.), *атмосфера* (в перен. употребл.) – всего 2 единицы (1,2 %).

Следовательно, в языке поэтов есть некоторая доля общих элементов, но при этом речевая (словарная) оригинальность Пушкина, как и следовало ожидать, значительно выше, чем у Веневитинова.

В какой мере Пушкин и Веневитинов близки в лексическом отношении, можно судить с учетом сравнения подобных параметров в других поэтических «тандемах», просчитанных нами ранее по той же методике. Так, доля общего в лексиконах Пушкина и Давыдова составляет 18 %, при этом

свойственное лишь Пушкину – 75,3 %, присущее только Давыдову – 6,7 %; общее в словарях Полежаева и Тютчева [59], выпускников Московского университета, – 20,3 %; общее в словарях Пушкина и Дельвига, не просто друзей, а и во многом литературных единомышленников, 22,1 %, при этом свойственное лишь Пушкину – 68,5 %, присущее Дельвигу – 9,4 %; общее в словарях Полежаева и Огарева, причастных к Московскому университету и типологически близких своим трагическим мироощущением, – 23 %, свойственное только Полежаеву – 41,8 %, присущее лишь Огареву – 35,2 %; общее в словарях Полежаева и Языкова, также формировавшегося в университетской среде, – 25,1 %, свойственное при этом Полежаеву – 46,4 %, присущее лишь Языкову – 28,5 %; общее в словарях Давыдова и Веневитинова (поэтов совершенно разного склада) – 25,4 %, свойственное Давыдову – 49,2 %, присущее Веневитинову – 25,4 %; общее в словарях Дельвига и Языкова – 26 %, свойственное Дельвигу – 20,3 %, присущее Языкову – 53,7 %; общее в словарях Баратынского и Веневитинова, склонных к поэтической «метафизике», – 26,8 %, свойственное Баратынскому – 63,4 %, присущее Веневитинову – 9,8 %; общее в словарях Пушкина и Рылеева, близких своим гражданским пафосом, – 27,7 %, свойственное Пушкину – 60,6 %, присущее Рылееву – 11,7 %; общее в словарях Полежаева и Баратынского – 28,4 %, свойственное Полежаеву – 53,7 %, присущее Баратынскому – 17,9 %; общее в словарях Пушкина и Карамзина – 29,2 %, свойственное Пушкину – 59,6 %, присущее Карамзину – 11,2 %; общее в словарях представителей «пушкинской плеяды» Дельвига и Баратынского – 30 %, свойственное Дельвигу – 26 %, присущее Баратынскому – 44 %; общее в словарях Баратынского и Языкова – 35,5 %, свойственное Баратынскому – 23,4 %, присущее Языкову – 41,1 %; общее в словарях Пушкина и Дмитриева – 35,6 %, свойственное Пушкину – 50 %, присущее Дмитриеву – 14,4 %; общее в словарях Карамзина и Дмитриева – 35,9 %, свойственное Карамзину – 24,4 %, присущее Дмитриеву – 39,7 %; общее в словарях Пушкина и Языкова – 35,9 %, свойственное Пушкину –

49,2 %, присущее Языкову – 14,9 %; общее в словарях Пушкина и Полежаева – 36,1 %, свойственное Пушкину – 40,7 %, присущее Полежаеву – 23,2 %; общее в словарях Полежаева и Лермонтова, тесно связанных с Пензенской губернией и Московским университетом, а на эстетическом уровне с романтизмом и кавказским колоритом, тоже – 36,1 %, свойственное Полежаеву – 39,2 %, присущее Лермонтову – 24,7 %; общее в словарях Пушкина и Вяземского – 38,9 %, свойственное Пушкину – 40,9 %, присущее Вяземскому – 20,2 % (принимался во внимание только ранний период творчества последнего, совпадающий с жизнью Пушкина); общее в словарях Пушкина и Лермонтова, вообще не знакомых друг с другом, – 41,1 %, свойственное Пушкину – 46,3 %, присущее Лермонтову – 12,6 %.

В результате очевидно, что словарная корреляция поэтических произведений Пушкина и Веневитинова гораздо ниже, чем у других вышеуказанных поэтов, – хотя этому, как уже говорилось, есть некоторое «оправдание» в виде существенной разницы в продолжительности творческого развития обоих и объеме их поэтического наследия. Обращает на себя внимание и невысокая стилистическая оригинальность Веневитинова на фоне Пушкина и других поэтов.

Среди 20 статистически самых активных полнозначных слов в поэзии Пушкина (в порядке убывания их частотности) – *день, один, любовь, душа, милый, мочь* (глагол.), *о* (межд.), *сказать, любить, ночь, взор, вдруг, здесь, идти, пора, молодой, конь, небо, жизнь, другой* [см.: 60, с. 32]; в то время как в произведениях Веневитинова – *душа, друг, жизнь, сердце, здесь, один, день, небо, любить, рука, лишь, пусть, грудь, мир* «вселенная и т. д.», *любовь, милый, радость, волна, художник, взор*. Доля словарных совпадений между поэтами в этом плане составляет 45 %. Отличия же касаются таких концептов, как *мочь* (глагол.), *о* (межд.), *сказать, ночь, вдруг, идти, пора, молодой, конь, небо, другой* (у Пушкина), – и *друг, сердце, рука, лишь, пусть, грудь, мир* «вселенная и т. д.», *радость, волна, художник* (у Веневитинова). Можно полагать, что в них концентрируются тематические доминанты и

микромотивы творчества этих поэтов. Для сравнения отметим, что доля общего в списках из 20 наиболее частотных поэтических концептов между Пушкиным и Дмитриевым – 30 %, Карамзиным и Дмитриевым – 35 %, Пушкиным и Дельвигом, Пушкиным и Языковым, Пушкиным и Рылеевым – 40 %, Пушкиным и Карамзиным, Пушкиным и Давыдовым – 45 %, Пушкиным и Полежаевым, Дельвигом и Баратынским – 50 %, Баратынским и Веневитиновым, Дельвигом и Языковым – 55 %, Баратынским и Языковым, Давыдовым и Веневитиновым (в последнем случае это поэты, весьма далекие друг от друга в стилистическом плане) – 60 %.

К сожалению, нет возможности сопоставить ономастиконы поэтов, поскольку «Словарь языка Пушкина» не отражает системно имена собственные, используемые в стихотворных текстах классика, в отличие от «Словаря поэтического языка Д.В. Веневитинова», где они представлены в полном виде.

Таким образом, в поэтическом языке Пушкина и Веневитинова наблюдается, как ни странно, мало общего. Доля совпадений между их словарями составляет, по выборочным данным, лишь 16,1 % на лексическом уровне, исходя из статистической методики, предложенной в статье. В сравнении с аналогичными данными о мере корреляции словников других стихотворцев первой половины XIX в., это показывает, на первый взгляд, заметное расхождение лингвохудожественных систем писателей. Однако данный вывод основывается на учете всех поэтических текстов Пушкина, типологически иногда далеких от лирической доминанты, характерной для творчества Веневитинова. Поэтому мы бы не стали абсолютизировать результаты проведенного исследования. Тем не менее, они могут быть приняты во внимание при анализе литературной рецепции Пушкиным произведений его современников, включая и оставивших после себя относительно небольшое поэтическое наследие.

Список литературы

1. Шестакова Л.Л. *Русская авторская лексикография: Теория, история, современность*. М.: Языки слав. культур, 2011. 464 с.
2. *Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. В.В. Виноградов*. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956–1961.
3. *Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова / Под ред. В.В. Бородина, А.Я. Шайкевича // Лермонтовская энциклопедия*. М.: Сов. энцикл., 1981. С. 717–774.
4. Васильев Н.Л. *Словари языка поэтов XIX в. как один из источников исторической и «синхронической» лексикографии // Материалы Международной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика А.А. Шахматова*. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 84–85.
5. Васильев Н.Л. *Словари языка поэтов XIX в. как один из источников исторической и «синхронической» лексикографии // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого*. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 993–1001.
6. Васильев Н.Л. *Словари языка писателей как источник изучения поэтики русской литературы XIX века // Проблемы изучения лирики в школе: К 200-летию со дня рождения Ф.И. Тютчева: Мат-лы регион. науч.-практ. конф. Арзамас, 4–5 дек. 2003 г. Арзамас: АГПИ, 2003. С. 152–162*.
7. Васильев Н.Л. *Словари языка поэтов пушкинского времени: проект будущего, проекция прошлого... // II Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы»*. Гранада, 8–10 сент. 2010 г.: В 2 т. Madrid: Rubiños – 1860, S.A., 2010. Т. II. С. 2006–2010.
8. Васильев Н.Л. *Новые горизонты в писательской лексикографии и в изучении исторической лингвопоэтики русской литературы // Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 1. С. 150–153.
9. Стратен В.В. *Пушкин и Веневитинов // Пушкин и его современники*. Вып. 38/39. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 228–240.

10. *Благой Д.Д. Подлинный Веневитинов // Веневитинов Д.В. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Academia, 1934. С. 7–46.*
11. *Комарович В.Л. Д.В. Веневитинов // Веневитинов Д.В. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1940. С. 5–26.*
12. *Тартаковская Л.А. Дмитрий Веневитинов (Личность. Мировоззрение. Творчество). Ташкент: Фан, 1974. 158 с.*
13. *Благой Д.Д. От Кантемира до наших дней: В 2 т. М.: Худ. лит, 1973. Т. 2. 462 с.*
14. *Васильев Н.Л. «История русского поэтического языка» как специальный курс в системе филологической подготовки словесника // Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин: Мат-лы Международной конф. «Филологическая подготовка преподавателя-словесника в университете»: 31 янв. – 3 февр. 2001 г. Саранск: тип. «Красный Октябрь», 2001. С. 54–57.*
15. *Васильев Н.Л. О Пушкине: язык классика, поэтика романа «Евгений Онегин», писатель и его современники. Саранск: тип. «Красный Октябрь», 2013. 388 с.*
16. *Васильев Н.Л. Новые данные о лексической структуре языка Пушкина // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 2000. Т. 59. № 3. С. 48–51.*
17. *Васильев Н.Л. Словарь языка Пушкина»: 50 лет спустя... // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М.: Издат. центр «Азбуковник», 2013. С. 23–29.*
18. *Васильев Н.Л. Сколько слов в языке Пушкина? (К истории пушкинской лексикографии) // Болдинские чтения – 2014. Н. Новгород: РИ «Бегемот НН», 2014. С. 208–216.*
19. *Васильев Н.Л. Словарь языка А.И. Полежаева. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2001. 88 с.*
20. *Васильев Н.Л. А.И. Полежаев в истории русского литературного языка: Программа, методические рекомендации и материалы к спецкурсу. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1995. 40 с.*

21. Васильев Н.Л. Поэтические идиолекты А.С. Пушкина, А.И. Полежаева и М.Ю. Лермонтова: лексические стыковки и расхождения // *Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе: Мат-лы Всерос. науч. конф. «Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе» (18–20 окт. 2011 г.)*. СПб.: Наука, 2012. С. 276–280.
22. Жаткин Д.Н. Актуальные вопросы подготовки словарей языка писателей пушкинского времени (на материале языка А.А. Дельвига) // *IV Житниковские чтения: Актуальные проблемы лексикографирования науч. иссл.: Мат-лы межвуз. науч. конф. (20–21 апр. 2000 г.)*: В 2 ч. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2000. Ч. 1. С. 217–225.
23. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. О проекте «Словаря языка А.А. Дельвига» // *Проблемы авторской и общей лексикографии: Мат-лы Междунар. науч. конф. Брянск; М.: РИО БГУ, 2007. С. 106–109.*
24. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. «Словарь языка А.А. Дельвига»: теоретические и прикладные аспекты писательской лексикографии // *Проблемы прикладной лингвистики: Сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т, 2007. С. 51–54.*
25. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь языка А.А. Дельвига*. М.: Флинта; Наука, 2009. 148 с.
26. Васильев Н.Л. Творческое содружество А.С. Пушкина и А.А. Дельвига сквозь призму писательских лексиконов // *Пушкин и мировая культура: Мат-лы III Междунар. науч. конф. (г. Минск, 21–22 апр. 2009 г.)*: В 2 ч. Минск: РИФШ, 2009. Ч. 1. С. 126–130.
27. Васильев Н.Л. Творческое взаимодействие А.С. Пушкина и А.А. Дельвига сквозь призму писательских лексиконов // *Болдинские чтения*. Саранск: Респ. тип. «Красный Октябрь», 2010. С. 21–28.
28. Васильев Н.Л. *Словарь поэтического языка Н.П. Огарева*. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 124 с.
29. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь Н.М. Языкова*. М.: Флинта; Наука, 2013. 120 с.

30. Жаткин Д.Н., Васильев Н.Л. Об источниках «Словаря поэтического языка П.А. Вяземского» // *Поэтика художественного текста: Мат-лы Междунар. заочн. науч. конф.: В 2 т. Борисоглебск: БГПИ, 2008. Т. 2: Русская филология вчера и сегодня. С. 15–27.*
31. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. О проекте «Словаря поэтического языка П.А. Вяземского» // *Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2. С. 841–845.*
32. Жаткин Д.Н., Васильев Н.Л. К вопросу об источниках «Словаря поэтического языка П.А. Вяземского» // *Изв. высших учебных заведений. Поволжский регион: Гуманитарные науки. 2009. № 3. С. 90–103.*
33. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка П.А. Вяземского (с приложением малоизвестных и неопубликованных его стихотворений). М.: Флинта; Наука, 2015. 424 с.*
34. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. Поэтический язык П.А. Вяземского в словарной интерпретации // *Russian Linguistic Bulletin. 2016. № 1. С. 22–24.*
35. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. О проекте «Словаря поэтического языка Д.В. Давыдова» // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 12. Ч. 5. С. 917–920.*
36. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка Д.В. Давыдова. М.: Флинта; Наука, 2016. 100 с.*
37. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка Е.А. Баратынского. М.: Флинта; Наука, 2016. 156 с.*
38. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка Н.М. Карамзина. М.: Флинта; Наука, 2016. 80 с.*
39. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка Д.В. Веневитинова. М.: Флинта; Наука, 2017. 108 с.*
40. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка К.Ф. Рылеева. Пенза: Изд-во ПензГТУ, 2017. 100 с.*
41. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка И.И. Дмитриева. М.: Флинта; Наука, 2017. 128 с.*

42. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка К.Н. Батюшкова*. М.: Флинта; Наука, 2018. 97 с.
43. Васильев Н.Л. *Опыт сравнения поэтических лексиконов Ф.И. Тютчева и А.И. Полежаева // Тютчев – русская поэтическая и политическая языковая личность: Междунар. науч. заочн. конф., посвященная 210-летию со дня рождения поэта, политика, дипломата*. Брянск: Курсив, 2013. С. 193–196.
44. Васильев Н.Л. *Опыт сравнения поэтических лексиконов А.И. Полежаева и Н.П. Огарева // Актуальные проблемы стилистики, риторики и лингводидактики*. Вып. II. М.: Изд-во МГОУ, 2014. С. 27–33.
45. Васильев Н.Л. *Опыт сравнения поэтических лексиконов Н.М. Языкова и А.И. Полежаева // Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014. № 3. С. 325–327.
46. Васильев Н.Л. *Теория языка. Русистика. История советской лингвистики*. М.: Ленанд, 2015. 368 с.
47. Васильев Н.Л. *Опыт сопоставления поэтических лексиконов А.И. Полежаева и М.Ю. Лермонтова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2016. № 1. С. 140–146.
48. Васильев Н.Л. *Опыт сравнения поэтических лексиконов Е.А. Баратынского и А.И. Полежаева // Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер. «Соц.-гуманит. науки»*. 2016. № 4. С. 99–104.
49. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Авторская неология в творчестве поэтов «пушкинской плеяды» // Текст. Язык. Человек: Сб. науч. тр. IX Международной науч. конф.: В 2 ч. Мозырь: МГПУ им. И.П.Шамякина, 2017. Ч. 2. С. 132–136*.
50. Фрумкина Р.М. *Статистическая структура лексики Пушкина // Вопр. языкознания*. 1960. № 3. С. 78–81.
51. Васильев Н.Л. *Научная лексика в литературном творчестве А.С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Горький, 1981. 27 с.

52. Васильев Н.Л. *Научная лексика в языке А.С. Пушкина: Учебное пособие*. Саранск: тип. Морд. ун-та, 1989. 92 с.
53. Васильев Н.Л. «...Метафизического языка у нас вовсе не существует» (Из истории русского литературного языка) // *Филологические науки*. 1997. № 5. С. 76–79.
54. Васильев Н.Л., Савина Е.В. *Варваризмы в языке А.С. Пушкина* // *Филологические науки*. 2000. № 2. С. 99–105.
55. Васильев Н.Л. *Заимствованная лексика в языке А.С. Пушкина* // *Вестн. Мордов. ун-та*. 2000. № 3/4. С. 58–60.
56. Васильев Н.Л. *Языковое со-творчество Пушкина* // *Болдинские чтения*. Н. Новгород: Вектор-Тус, 2003. С. 200–211.
57. Васильев Н.Л. *Пушкинское словотворчество в аспекте писательской лексикографии* // *Русская академическая неография (к 40-летию научного направления): Материалы Международной конф. СПб.: ИЛИ РАН; "ЛЕМА", 2006. С. 15–17.*
58. Васильев Н.Л. *Индивидуально-авторские слова в языке А.С. Пушкина* // *Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы*. Варна, 17–23 сентября 2007 г. Sofia: Heron press, 2007. Т. 3. С. 320–327.
59. Голованевский А.Л. *Поэтический словарь Ф.И. Тютчева*. Брянск: РИО БГУ, 2009. 962 с.
60. *Материалы к Частотному словарю языка Пушкина: (Проспект)*. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1963. 52 с.

УДК 81'373

ОПЫТ СРАВНЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКИХ ЛЕКСИКОНОВ

А.А. ДЕЛЬВИГА И Н.М. ЯЗЫКОВА

*Н.Л. Васильев, Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет, г. Саранск, Россия*

*Д.Н. Жаткин, Пензенский государственный технологический университет, г.
Пенза, Россия*

COMPARISON EXPERIENCE OF POETIC LEXICAL SYSTEMS

OF A.A.DELVIG AND N.M.YAZYKOV

N.L. Vasilyev, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

D.N. Zhatkin, Penza State Technological University, Penza, Russia

Аннотация. В статье сравниваются поэтические словари (лексика, имена собственные) ярких представителей «пушкинской плеяды» – А.А. Дельвига и Н.М. Языкова. В поэзии Дельвига (с учетом небольших фрагментов художественной прозы, близкой по стилистике к лирике автора) встречается 5297 лексем и 426 онимов; в поэзии Языкова – 8429 лексем и 596 онимов; совокупный объем их литературного наследия, соответственно, 34 тысячи и 79 тысяч словоупотреблений. В качестве выборок для статистического и семантического сравнительного анализа соотношенности лингвопоэтик указанных авторов были взяты лексемы и онимы на буквы А, Я. Доля общего между поэтами на лексическом уровне составляет 26 %, на ономастическом (учитывались только общезначимые культурно-исторические имена) – 23,2 %; речевые индивидуальности поэтов на лексическом уровне выражаются, соответственно, 20,3 % и 53,7 %, т. е. стилистическая оригинальность Языкова проступает заметно ярче; однако на ономастическом уровне картина иная – соответственно 44,2 % и 32,6 %, т. е. культурологическая насыщенность произведений Дельвига выше. Доля общего между словарями поэтов в выборках из 20 наиболее частотных полнозначных лексем – 55 %, а их различия отражают те или иные доминанты в поэтике авторов, в частности излюбленные мотивы. Сопоставление полученных статистических данных с аналогичными «парными» сравнениями лексиконов других стихотворцев XIX в. показывает, что словарная и, вероятно, эстетическая корреляция между произведениями Дельвига и Языкова превышает словарно-художественную близость, например, творчества Полежаева и Тютчева, приблизительно соответствует стилистической общности между

Давыдовым и Веневитиновым, Баратынским и Веневитиновым, но уступает в этом плане общности между, например, Дельвигом и Баратынским, Баратынским и Языковым, Пушкиным и Вяземским. Выявленные количественные результаты объективируют филологические представления о степени типологической соотнесенности лингвопоэтик виднейших стихотворцев прошлого и будут дополняться, уточняться по мере появления новых словарей языка писателей и новых сравнительных исследований подобного плана.

Ключевые слова: пушкинская плеяда поэтов, словари языка писателей, лексемы, имена собственные, статистика, А.А. Дельвиг, Н.М. Языков.

Abstract. The article deals with the comparison of poetical vocabularies (lexics, proper names) of outstanding representatives of Pushkin pleiad A.A.Delvig and N.M.Yazykov. The poetry of Delvig (including short fragments of belles-lettres prose, close in stylistics to the author's lyrics) contains 5297 lexemes and 426 onyms, the poetry of Yazykov contains 8429 lexemes and 596 onyms; the cumulative amount of their poetic heritage is, respectively, 34 thousand and 79 thousand word usages. The lexemes and onyms starting with the letters А, Я have been taken as the samples for the statistic and semantic comparative analysis of the correlation of the authors' linguistic poetics. The proportion of the common between the poets on the lexical level makes 26 %, on the onomastic level (only cultural and historical names of general significance were taken into consideration) – 23,2 %; Delvig's speech individuality is 20,3 % and Yazykov's one is 53,7 %, that is stylistic originality of Yazykov is much brighter, though on the onomastic level the picture is different – 44,2 % and 32,6 % respectively, that is cultural saturation of Delvig's works is higher. The proportion of the common between the poets' vocabularies in the samples of 20 most frequent meaningful lexemes is 55 %, and their differences reflect these or those dominants in the poetics of the authors, in particular, favorite motives. The comparison of the obtained statistical data with the similar paired comparisons of lexicons of other poets of the XIXth century shows that the vocabulary, and, probably, aesthetic correlation between the works of Delvig and Yazykov exceeds vocabulary and art proximity of, for example, creative work of Polezhayev and Tutchev, is approximately equal to stylistic similarity between Davydov and Venevitinov, Baratynsky and Venevitinov, but concedes in this respect to similarity between, for example, Delvig and Baratynsky, Baratynsky and Yazykov, Pushkin and Vyazemsky. The obtained quantitative data make philological ideas of the degree of typological correlation in the linguistic poetics of the most outstanding poets of the past more objective and will be supplemented, specified in the process of emergence of new writers' language dictionaries and new similar comparative researches.

Keywords: Pushkin pleiad poets, writers' language dictionaries, lexemes, proper names, statistics, A.A.Delvig, N.M.Yazykov.

E-mail: nikolai_vasiliev@mail.ru ; ivb40@yandex.ru

«Пушкинская плеяда» поэтов (П.А. Вяземский, А.А. Дельвиг, Е.А. Баратынский, Н.М. Языков, Д.В. Веневитинов, Д.В. Давыдов) складывалась из вполне самобытных авторских индивидуальностей, оказывавших эстетическое воздействие друг на друга и на самого Пушкина, а также испытывавших литературное влияние последнего. В результате это порождало более или менее определенные общие, синтетические черты в поэтике и предположительно в лингвопоэтике данных авторов, как и других писателей пушкинской эпохи [см., напр.: 1, с. 16–18; 2, с. 14–21, 25–38; 3; 4; 5, с. 88–105; 6; 7, с. 297–299, 324–336, 347–354]. Уместно в связи с этим проследить не только собственно реминисцентные слои такого творческого взаимодействия [см., напр.: 8–10], но и конкретные языковые (речевые) его проявления, по возможности с привлечением статистического инструментария.

В ряде недавних исследований нами были изложены результаты количественно-качественного изучения поэтических лексиконов А.С. Пушкина [11–13], А.И. Полежаева [14], А.А. Дельвига [15–17], Н.П. Огарева [18], Н.М. Языкова [19], П.А. Вяземского [20–24], Д.В. Давыдова [25–26], Е.А. Баратынского [27], Н.М. Карамзина [28], Д.В. Веневитинова [29], К.Ф. Рылеева [30], И.И. Дмитриева [31], К.Н. Батюшкова [32]; проведены сравнительно-статистические экспресс-анализы словников Дмитриева, Карамзина, Давыдова, Вяземского, Рылеева, Дельвига, Пушкина, Баратынского, Языкова, Тютчева, Полежаева, Веневитинова, Лермонтова, Огарева [см., напр.: 33–35; 36, с. 253–266; 37–38]; намечены подходы к системно-сопоставительному квантитативному осмыслению лингвопоэтики стихотворцев «пушкинской плеяды» [см., напр.: 39–40]. В связи с этим, после завершения работы по созданию словарей основных представителей «пушкинской плеяды», уместно дальнейшее «перекрестное» сравнение их поэтических лексиконов.

В статье ставится цель сопоставить лексиконы А.А. Дельвига (1798–1831) и Н.М. Языкова (1803–1846), в частности их словники, ономастиконы (имена собственные) и наиболее употребительные лексемы. Материалом для

исследования являются алфавитно-частотные словари языка этих писателей [17; 19]. Намеченные задачи актуальны, поскольку их решение дает возможность статистически проверить интуитивные представления о мере соотнесенности творчества указанных авторов, их близости и различиях в плоскости лингвопоэтики и отчасти поэтики в целом, а также сравнить полученные данные с наблюдениями подобного рода в отношении как представителей «пушкинской плеяды», так и других стихотворцев первой половины XIX в.

Дельвиг и Языков – поэты-современники, представители «пушкинской плеяды». Оба были ценимы А.С. Пушкиным, оказали эстетическое влияние на него и сами в некоторой степени испытали воздействие произведений классика. С другой стороны, каждый из них отличался яркой творческой индивидуальностью, что создавало предпосылки для самобытного литературного развития, расхождения поэтических идиостилей. Поэтому интересно проследить меру общности и различий между языком указанных авторов с помощью объективных словарно-статистических данных.

В поэзии Дельвига (с учетом и его художественной прозы, представленной в незначительном объеме и эстетически перекликающейся с лирикой автора) встречается 5297 лексем и 426 имен собственных; в поэзии Языкова – 8429 лексем, 596 онимов и 11 варваризмов. Совокупный объем учтенных выборок из литературного наследия поэтов, соответственно, 34 тысячи и 79 тысяч словоупотреблений, т. е. написанное Языковым в два с лишним раза превышает массив дельвиговских художественных текстов, что не удивительно, учитывая больший период его творческой активности и склонность к лиро-эпическим жанрам. Однако на богатстве словарей писателей подобные расхождения сказываются не прямо, а скорее косвенно.

В качестве основного материала для сравнительного анализа языка поэтов были взяты выборки лексем и онимов на буквы А и Я, количественно и качественно вполне репрезентативные (около 200 словарных единиц), чтобы судить о степени общего и различного в художественных лексиконах авторов.

Учитывались, кроме того, и наиболее частотные лексемы среди однозначных слов (существительные, прилагательные, глаголы, наречия) в творчестве писателей.

Общими для обоих поэтов являются слова *а* (союз), *ад*, *академия* (у Языкова – в арх. знач. «место, где выступают философы», ирон.), *алеть*, *алмазный*, *алтарь*, *алый*, *альбом*, *анахорет*, *ангел*, *апрель*, *аромат*, *ароматный*, *арфа*, *архив*; *я*, *яблоко*, *яблоня*, *явить*, *явиться*, *явление/явление*, *являться*, *яд*, *язык* «анатомический орган», *язык* «средство общения», *яркий*, *ярем* (Дельвиг) / *ярмо* (Языков), *яростный*, *ярость*, *ясмин* «жасмин» (арх.), *ясно*, *ясный* – всего 32 единицы, что составляет 26 % от совокупного числа трех сравниваемых языковых явлений (общее / свойственное Дельвигу / присущее Языкову).

Только в поэзии Дельвига используются лексемы *а* (межд.), *азиатский* «азиатский» (арх.), *аи* «сорт шампанского», *акт*, *алгебра*, *альбаум* «альбом» (арх.), *амбра* «аромат, благовоние» (арх.), *амврозия* (амброзия «пища богов», в др.-греч. миф.), *амфора*, *анбар* («амбар», арх. и диалектн.), *антология*, *аониды* «музы», *аполог* «притча» (лит.), *апофема* «перпендикуляр, опущенный из центра правильного многоугольника на одну из его сторон; высота треугольника или трапеции, являющихся боковыми гранями правильной пирамиды» (матем.), *аркадский* (от онима *Аркадия*), *армада*, *атлантиды* «жители легендарной Атлантиды», *африканский*, *ах*; *являть*, *явно*, *ядро*, *яйцо*, *ямка*, *ямщик* – всего 25 единиц (20,3 %).

Лишь в поэзии Языкова встречаются слова *авгур* «древнеримский жрец, предсказывающий будущее по поведению птиц», *август*, *авось*, *австриец*, *автор*, *авторский*, *агава*, *адский*, *азбука*, *аист*, *академический*, *акация*, *алкать*, *аллея*, *алмаз*, *алхимик*, *альпийский*, *альфа* (в составе фразеологизма *а. и омега*), *амазонский* «свойственный амазонкам», *аминь*, *ан* (в составе выражения *ан нет*), *ангельский*, *ангельски-прекрасный*, *английский*, *англичанин*, *англичанка*, *анекдот*, *антидот* «противоядие», *апокалипсис*, *апостол*, *аппетит*, *аптекарь*, *аргамак*, *арендатор*, *аристократ*, *арифметика*, *ария*, *армейский*, *армия*, *археолог*, *атаман*, *атеист*, *атукать* («кричать *ату*»), *ау*, *аукнуть*, *аул*,

афинский; явный, ягдташ, ягненок, язва, языческий, яко «как» (церк.-слав.), *яма, ямб, янтарный, янтарь, ярко, ярко-голубой, ярко-пурпуровый* (окказ.), *ярмарка, ярый, яснеть, ясно-голубой, ясность, яство, ящик* – всего 66 единиц (53,7 %).

Следовательно, в языке поэтов немало общих элементов, но при этом речевая (словарная) оригинальность Языкова в два с половиной раза выше, чем у Дельвига, что отчасти объясняется разницей в объеме их поэтического наследия и словников. В какой мере эти поэты близки в лексическом отношении, можно судить с учетом сравнения подобных статистических параметров в других поэтических «тандемах», просчитанных нами ранее по той же методике. Так, доля общего в лексиконах Пушкина и Веневитинова составляет 16,1 %, при этом свойственное лишь Пушкину – 81,7 %, присущее только Веневитинову – 1,2 %; доля общего в лексиконах Пушкина и Давыдова – 18 %, свойственное Пушкину – 75,3 %, присущее Давыдову – 6,7 %; общее в словарях Полежаева и Тютчева [41] – 20,3 %; общее в словарях Пушкина и Дельвига – 22,1 %, свойственное Пушкину – 68,5 %, присущее Дельвигу – 9,4 %; общее в словарях Полежаева и Огарева – 23 %, свойственное Полежаеву – 41,8 %, присущее Огареву – 35,2 %; общее в словарях Полежаева и Языкова – 25,1 %, свойственное Полежаеву – 46,4 %, присущее Языкову – 28,5 %; общее в словарях Давыдова и Веневитинова – 25,4 %, свойственное Давыдову – 49,2 %, присущее Веневитинову – 25,4 %; общее в словарях Баратынского и Веневитинова – 26,8 %, свойственное Баратынскому – 63,4 %, присущее Веневитинову – 9,8 %; общее в словарях Пушкина и Рылеева – 27,7 %, свойственное Пушкину – 60,6 %, присущее Рылееву – 11,7 %; общее в словарях Полежаева и Баратынского – 28,4 %, свойственное Полежаеву – 53,7 %, присущее Баратынскому – 17,9 %; общее в словарях Пушкина и Карамзина – 29,2 %, свойственное Пушкину – 59,6 %, присущее Карамзину – 11,2 %; общее в словарях Дельвига и Баратынского – 30 %, свойственное Дельвигу – 26 %, присущее Баратынскому – 44 %; общее в словарях Баратынского и Языкова – 35,5 %, свойственное Баратынскому – 23,4 %,

присущее Языкову – 41,1 %; общее в словарях Пушкина и Дмитриева – 35,6 %, собственное Пушкину – 50 %, присущее Дмитриеву – 14,4 %; общее в словарях Карамзина и Дмитриева – 35,9 %, собственное Карамзину – 24,4 %, присущее Дмитриеву – 39,7 %; общее в словарях Пушкина и Языкова – 35,9 %, собственное Пушкину – 49,2 %, присущее Языкову – 14,9 %; общее в словарях Пушкина и Полежаева – 36,1 %, собственное Пушкину – 40,7 %, присущее Полежаеву – 23,2 %; общее в словарях Полежаева и Лермонтова – 36,1 %, собственное Полежаеву – 39,2 %, присущее Лермонтову – 24,7 %; общее в словарях Пушкина и Вяземского – 38,9 %, собственное Пушкину – 40,9 %, присущее Вяземскому – 20,2 % (принимался во внимание только ранний период творчества последнего, совпадающий с жизнью Пушкина); общее в словарях Пушкина и Лермонтова – 41,1 %, собственное Пушкину – 46,3 %, присущее Лермонтову – 12,6 %. Можно отметить, что словарная корреляция поэзии Дельвига и Языкова приблизительно соответствует таким представителям «пушкинской плеяды», как Давыдов и Веневитинов, Баратынский и Веневитинов, но существенно ниже, чем у Дельвига и Баратынского, Языкова и Баратынского.

На уровне имен собственных в лексиконах поэтов наблюдается следующая пропорция. Общими для обоих из числа общезначимых в культурном плане (не принимались во внимание имена родственников, друзей, знакомых) являются онимы *Адам* («первочеловек»; в библ. миф.), *Аквилон* («сев. ветер»; в др.-рим. миф.), *Альпы*, *Амур* («бог любви, сын Венеры»; в др.-рим. миф.), *Америка*, *Анакреон* (др.-греч. поэт), *Аполлон* (бог солнечного света, покровитель поэзии и искусств; в др.-греч. миф.), *Ареев* (от онима *Арей*), *Арей* (бог войны; в др.-греч. миф.), *Афины* – всего 10 онимов (23,2 %).

Только Дельвиг используются онимы *Ааронов* (от имени *Аарон* – легендарный древнееврейский жрец, брат пророка Моисея), *Авзония* (поэтическое обозначение Италии), *Азия*, *Аидов* (от онима *Аид*), *Айдес* (Аид – подземный мир, царство мертвых; в др.-греч. миф.), *Акаст* (один из аргонавтов – участников морской экспедиции в Колхиду за золотым руном волшебного

овна; в др.-греч. миф.), *Актеон* (охотник, увидевший купающуюся богиню Артемиду и превращенный ею в оленя, растерзанного его же собаками; в др.-греч. миф.), *Александр* (Александр I), *Александрийская школа* (условное наименование античных гуманистов и поэтов эпохи эллинизма в 3–1 вв. до н. э., центром сосредоточения которых был г. Александрия), *Алфей* (древнее название реки Руфии в греческом Пелопоннесе), *Алцей* (Алкей, др.-греч. поэт), *Амарилла* (усл.-поэт. имя), *Аматузия* (одно из имен Афродиты, от названия г. Амата на Кипре, где, по преданию, жила богиня), *Аргус* (многоглазый великан, охранявший по воле богини Геры возлюбленную Зевса Ио, превращенную ею в корову; в др.-греч. миф.), *Аркадия* (область в центральной части Пелопоннеса; в перен. знач. «счастливая страна»), *Афиней* (Атеней – храм богини мудрости Афины в Афинах, в котором собирались ораторы и поэты для упражнения в риторике; символ учебного заведения), *Аэт* (Ээт – царь Колхиды; в др.-греч. миф.); *Язон* (Ясон, в др.-греч. миф. и лит. традиции – предводитель аргонавтов, муж Медеи), *Япетов* (от имени *Япет* – титан, отец Прометея; в др.-греч. миф.) – всего 19 единиц (44,2 %).

Лишь у Языкова встречаются имена *Август* (др.-рим. император), *Аврора* (богиня утренней зари; в др.-рим. миф.), *Аглая* (усл.-поэт. имя), *Адамов* (притяж. прилаг. от онима *Адам*), *Альбион* (древнее название Англии), *Апеннины* (горная система в Италии), *Апокалипсис* (одна из книг Нового завета; букв. «откровение», греч.; в перен.-ирон. употребл.), *Аравия*, *Арминий* (др.-герм. воин, победитель римлян в битве в Тевтобургском лесу), *Аруэт* (Вольтер – François-Marie Arouet Voltaire), *Аскольд* (др.-рус. князь), *Ахмат* (хан Большой Орды), *Ярослав* (Ярослав Мудрый), *Ярославов* (прилаг. от онима *Ярослав*) – всего 14 (32,6 %).

Следовательно, доля общего между поэтами в данном плане несколько ниже, а эстетическая индивидуальность на этот раз выше у Дельвига, более склонного, чем Языков, к активизации античного мифологического комплекса.

Среди 20 статистически самых активных полнозначных слов в поэзии Дельвига (в порядке убывания их частотности): *друг, любовь, рука, бог, сердце,*

любить, душа, песня, жизнь, день, петь, знать (глагол.), *небо, здесь, там, слеза, радость, говорить, сон, певец*. В произведениях Языкова – *день, душа, любовь, друг, мечта, там, милый/милóй, поэт, прекрасный, знать* (глагол.), *стих, живой, слава, небо, рука, вино, здесь, нет, любить, жизнь*. Доля словарных совпадений здесь составляет 55 %. Отличия касаются таких концептов, как *бог, сердце, песня, петь, слеза, радость, говорить, сон, певец* (у Дельвига), и – *мечта, милый/милóй, поэт, прекрасный, стих, живой, слава, вино, нет* (у Языкова). Отчасти в них концентрируются основные микромотивы творчества поэтов, их лирическая индивидуальность, хотя, по мере пролонгирования рейтинга высокочастотных лексем в сторону снижения их речевой активности, указанные различия постепенно нивелируются. Для сравнения отметим, что доля общего в списках из 20 наиболее частотных поэтических концептов между Пушкиным и Дмитриевым – 30 %, Карамзиным и Дмитриевым – 35 %, Пушкиным и Дельвигом, Пушкиным и Языковым, Пушкиным и Рылеевым – 40 %, Пушкиным и Карамзиным, Пушкиным и Давыдовым – 45 %, Пушкиным и Полежаевым, Дельвигом и Баратынским – 50 %, Баратынским и Веневитиновым, Баратынским и Языковым, Давыдовым и Веневитиновым – 60 %.

Таким образом, в поэтическом языке Дельвига и Языкова наблюдается немало пересечений на уровне лексики и имен собственных. Доля общего между их словарями составляет, по выборочным данным, 26 % в лексике и 23,2 % в общекультурном ономастиконе, исходя из статистической методики, предложенной в статье. В сравнении с данными о мере корреляции словников других стихотворцев XIX в., в частности представителей «пушкинской плеяды», это показывает относительную близость художественных систем писателей, соответствующую таким парным оппозициям, как Давыдов и Веневитинов, Баратынский и Веневитинов, но меньшую, чем у Дельвига и Баратынского, Языкова и Баратынского. На лексическом уровне богаче выглядит языковой арсенал Языкова, на ономастическом, наоборот, Дельвига. Общее между поэтами в частотном рейтинге 20 самых употребительных

полнозначных слов составляет 55 %, их конкретные словарные предпочтения отражают особенности индивидуальных художественных «мировоззрений».

Список литературы

1. Васильев Н.Л. «Так он писал темно и вяло...» (Пушкин и Языков) // *Болдинские чтения 2015*. Саранск: Респ. тип. «Кр. Октябрь», 2015. С. 218–230.
2. Васильев Н.Л. А.И. Полежаев в истории русского литературного языка: Программа, методические рекомендации и материалы к спецкурсу. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1995. 40 с.
3. Васильев Н.Л. Д.Ю. Струйский (Трилунный): биография, творчество, библиография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. 284 с.
4. Васильев Н.Л. Евгений Баратынский и «Евгений Онегин» // *Болдинские чтения 2017*. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 28–37.
5. Васильев Н.Л. Князь Вяземский и «онегинский текст» Пушкина // *Болдинские чтения 2016*. Арзамас: Изд-во Арзамас. филиала ННГУ, 2016. С. 101–116.
6. Васильев Н.Л. Новые горизонты в писательской лексикографии и в изучении исторической лингвопоэтики русской литературы // *Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 1. С. 150–153.
7. Васильев Н.Л. Новые данные о лексической структуре языка Пушкина // *Известия РАН. Сер. лит. и яз.* 2000. Т. 59. № 3. С. 48–51.
8. Васильев Н.Л. О Пушкине: язык классика, поэтика романа «Евгений Онегин», писатель и его современники. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2013. 388 с.
9. Васильев Н.Л. Опыт сопоставления поэтических лексиконов А.И. Полежаева и М.Ю. Лермонтова // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2016. № 1. С. 140–146.
10. Васильев Н.Л. Опыт сравнения поэтических лексиконов А.И. Полежаева и Н.П. Огарева // *Актуальные проблемы стилистики, риторики и лингводидактики*. Вып. II. М.: Изд-во МГОУ, 2014. С. 27–33.

11. Васильев Н.Л. Опыт сравнения поэтических лексиконов Е.А. Баратынского и А.И. Полежаева // *Вестн. Псков. гос. ун-та. Сер. «Соц.-гуманит. науки»*. 2016. № 4. С. 99–104.

12. Васильев Н.Л. Опыт сравнения поэтических лексиконов Н.М. Языкова и А.И. Полежаева // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014. № 3. С. 325–327.

13. Васильев Н.Л. Опыт сравнения поэтических лексиконов Ф.И. Тютчева и А.И. Полежаева // *Тютчев – русская поэтическая и политическая языковая личность: Междунар. науч. заочн. конф., посвященная 210-летию со дня рождения поэта, политика, дипломата*. Брянск: Курсив, 2013. С. 193–196.

14. Васильев Н.Л. Поэзия А.И. Полежаева в контексте русской литературы: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1994. 33 с.

15. Васильев Н.Л. Поэтические идиолекты А.С. Пушкина, А.И. Полежаева и М.Ю. Лермонтова: лексические стыковки и расхождения // *Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе: Мат-лы Всерос. науч. конф. «Русский язык XIX века: роль личности в языковом процессе» (18–20 окт. 2011 г.)*. СПб.: Наука, 2012. С. 276–280.

16. Васильев Н.Л. Сколько слов в языке Пушкина? (К истории пушкинской лексикографии) // *Болдинские чтения – 2014*. Н. Новгород: РИ «Бегемот НН», 2014. С. 208–216.

17. Васильев Н.Л. Словари языка поэтов пушкинского времени: проект будущего, проекция прошлого... // *II Международная конференция «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы»*. Гранада, 8–10 сент. 2010 г.: В 2 т. *Granada*, 2010. Т. II. С. 2006–2010.

18. Васильев Н.Л. Словарь поэтического языка Н.П. Огарева. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 124 с.

19. Васильев Н.Л. Словарь языка А.И. Полежаева. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2001. 88 с.

20. Васильев Н.Л. *Словарь языка Пушкина»: 50 лет спустя... // Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет «Словаря языка Пушкина». М.: Издат. центр «Азбуковник», 2013. С. 23–29.*
21. Васильев Н.Л. *Теория языка. Русистика. История советской лингвистики. М.: Ленанд, 2015. 368 с.*
22. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *О проекте «Словаря поэтического языка Д.В. Давыдова» // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 12. Ч. 5. С. 917–920.*
23. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *О проекте «Словаря языка А.А. Дельвига» // Проблемы авторской и общей лексикографии: Мат-лы Междунар. науч. конф. Брянск; М.: РИО БГУ, 2007. С. 106–109.*
24. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь Н.М. Языкова. М.: Флинта; Наука, 2013. 120 с.*
25. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка К.Ф. Рылеева. Пенза: Изд-во ПензГТУ, 2017. 100 с.*
26. Васильев Н.Л. *Творческое взаимодействие А.С. Пушкина и А.А. Дельвига сквозь призму писательских лексиконов // Болдинские чтения. Саранск: Респ. тип. «Красный Октябрь», 2010. С. 21–28.*
27. Васильев Н.Л. *Творческое содружество А.С. Пушкина и А.А. Дельвига сквозь призму писательских лексиконов // Пушкин и мировая культура: Мат-лы III Междунар. науч. конф. (г. Минск, 21–22 апреля 2009 г.): В 2 ч. Минск: РИФШ, 2009. Ч. 1. С. 126–130.*
28. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *О проекте «Словаря поэтического языка П.А. Вяземского» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. № 2. С. 841–845.*
29. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Поэтический язык П.А. Вяземского в словарной интерпретации // Russian Linguistic Bulletin. 2016. № 1. С. 22–24.*
30. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка Д.В. Веневитинова. М.: Флинта; Наука, 2017. 108 с.*

31. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка Д.В. Давыдова*. М.: Флинта; Наука, 2016. 100 с.
32. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка Е.А. Баратынского*. М.: Флинта; Наука, 2016. 156 с.
33. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка И.И. Дмитриева*. М.: Флинта; Наука, 2017. 128 с.
34. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка К.Н. Батюшкова*. М.: Флинта; Наука, 2018. 97 с.
35. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка Н.М. Карамзина*. М.: Флинта; Наука, 2016. 80 с.
36. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь поэтического языка П.А. Вяземского (с приложением малоизвестных и неопубликованных его стихотворений)*. М.: Флинта; Наука, 2015. 424 с.
37. Васильев Н.Л., Жаткин Д.Н. *Словарь языка А.А. Дельвига*. М.: Флинта; Наука, 2009. 148 с.
38. Голованевский А.Л. *Поэтический словарь Ф.И. Тютчева*. Брянск: РИО БГУ, 2009. 962 с.
39. Жаткин Д.Н. *Актуальные вопросы подготовки словарей языка писателей пушкинского времени (на материале языка А.А. Дельвига) // IV Житниковские чтения: Актуальные проблемы лексикографирования науч. иссл.: Мат-лы межвуз. науч. конф. (20–21 апр. 2000 г.): В 2 ч. Челябинск Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2000. Ч. 1. С. 217–225.*
40. Жаткин Д.Н., Васильев Н.Л. *К вопросу об источниках «Словаря поэтического языка П.А. Вяземского» // Изв. высших учебных заведений. Поволжский регион: Гуманитарные науки. 2009. № 3. С. 90–103.*
41. Жаткин Д.Н., Васильев Н.Л. *Об источниках «Словаря поэтического языка П.А. Вяземского» // Поэтика художественного текста: Мат-лы Междунар. заочн. науч. конф.: В 2 т. Борисоглебск: БГПИ, 2008. Т. 2: Русская филология вчера и сегодня. С. 15–27.*

**«ВСЕ ЕСТЕСТВО ОЖИВЛЯЮЩИЙ ДУХ»: М. В. ЛОМОНОСОВ
О ПРИРОДЕ И ЯЗЫКЕ**

*Т. Н. Жужгина-Аллахвердян, Донецкий национальный университет
экономики и торговли имени М. Туган-Барановского, г. Кривой Рог, Украина*

«THE SPIRIT ANIMATING ALL NATURE»:

M. V. LOMONOSOV ABOUT THE NATURE AND LANGUAGE

*T.N. Zhuzhgina-Allahverdian, Donetsk National University of Economics
and Trade named after M. Tugan-Baranovsky, Kriyoy Rog, Ukraine*

Аннотация. Данная статья представляет собой исследование подходов М.В.Ломоносова к изучению русского стихотворства и русского языка как системы, особенностей его развития как сложного разветвленного процесса. В видении ученого-просветителя, язык – живая сущность, находящаяся в постоянном движении и обновлении. С одной стороны, язык уподоблен природе и так же, как она, развивается по естественным законам, с другой – подобен человеку и обладает специфическим характером, который унаследовал от своего народа и земли российской. Изучая природу и своеобразие русского языка, Ломоносов получал откровения о законах общения, подвижничества, научно-интеллектуальной эволюции, в соответствии с которыми обновлялось российское общество и культура XVIII в.

Ключевые слова: русское стихотворство, русский язык, Ломоносов, наука, законы природы, рассуждение, версификация.

Abstract. This article is devoted to the problem of M. Lomonosov's approaches to the study of Russian language as a system, the properties of its development as a complex process, and also the peculiarities of Russian versification. In the M. Lomonosov's opinion the language is like a nature and develops according to natural laws in constant movement and renewal, on the one hand. On the other hand it is like a person and has a specific character that inherited from its people and the land of Russia. Studying the nature and properties of the Russian language, poetry and versification system, M. Lomonosov received the knowledge and revelations about the laws of communication, intellectual, scientific and cultural evolution in accordance with the requests of the 18th century society and culture.

Key words: Russian poetry, language, Lomonosov, science, laws of nature, versification.

E-mail: allahverdian.tamara@rambler.ru

М. В. Ломоносов, на протяжении всей жизни занимавшийся филологией наряду с естествознанием, написал несколько работ о русском языке, имевших большой резонанс в России XVIII и XIX вв. Во время учебы в Германии Ломоносов написал «Рассуждение о нашей версификации вообще» и в сентябре 1739 г. отправил его из Фрайберга в Россию в качестве приложения к оде «На взятие Хотина». Только после смерти автора «Рассуждение» было напечатано как самостоятельное произведение под названием «Письмо о правилах российского стихотворства» (1778) и стало предметом историко-литературных, литературоведческих, поэтологических и лингвистических штудий. Наша задача, лишь частично выполненная в рамках небольшой статьи, заключается в том, чтобы рассмотреть комплексно и детально аспекты учения М.В. Ломоносова о связи языка с природой, о его духовной стороне и структурных особенностях. Сын помора и сын своего отечества, который «из простой хижины шагнул в Академию» [2, с. 158], человек энциклопедических знаний, естествоиспытатель и филолог, он с большим трепетом относился к русскому языку, как языку науки и поэзии, и стал первым российским русскоговорящим академиком, первым ученым, пишущим трактаты и читающим лекции на русском языке. «Наш северный гений», как назвал его К. Н. Батюшков [2, с. 157], прославился не только тем, что «лирою гремел» («Свисток»), но и ученым подходом к языку, как объекту трезвого анализа. Уже в «Рассуждении»-«Письме о правилах российского стихотворства» было представлено новое видение языка, как динамического процесса и «сосуда» для «все естество оживляющего духа» [7, с. 86]. В понимании ученого-просветителя язык – источник таинства и откровения; уподобленный природе, он, в отличие от нее, обладает особым характером, унаследованным от своего народа и родной земли. Двигая отечественное просвещение, он ратовал за самостоятельность русской науки [3, с. 134], был противником навязывания языку неестественных правил, а отечественным поэтам – предписаний по развитию силлабической системы, не отвечающей исконной природе живого русского языка. Предлагая ученому собранию «о российской версификации мнения», Ломоносов подошел

к этому вопросу творчески и прозорливо. Для него культура, наука, язык, поэзия и природа в равной степени были объектом наблюдений и опытов, предметом изучения и теоретических обоснований. Экспериментальные открытия соответствовали естественным законам развития, а не привнесенным извне правилам. Ученый поэт первым увидел связь между богатством российской природы и большими возможностями русского языка. Изучая фонетическую и морфологическую структуру в сравнении с другими языками, он фактически заложил основы сравнительного языкознания в России. Исследуя особенности силлабической и силлабо-тонической систем, он обосновывал практическую необходимость введения в поэтическую практику двусложных и трехсложных стоп, по примеру греко-римской и немецкой поэзии. Изложенные в «Рассуждении» мысли о языках и их системном изучении положили начало дискуссии о русском стихотворчестве, перешедшей в состязание, главным образом, между Ломоносовым, поддержавшим его Сумароковым, и В. Тредиаковским. Дискуссия стала началом споров о принципах русского стихосложения, которые растянулись почти на два столетия, вылившись в дискуссию вокруг содержания и формы перевода. Подход, который заложил М. Ломоносов, был основан на творческом исследовании «природных» особенностей русского языка. Второй подход, более ранний, был заложен в XVI – XVII вв., в период заката «византийской эпохи» на Руси и наступления эпохи западноевропейского влияния. Под воздействием польских философов-просветителей находились писатели-полемисты и филологи, вышедшие из «братских школ» [5, с. 136]. В их числе был упоминаемый Ломоносовым писатель и критик Мелетий Смотрицкий (ок. 1578 – 1633), воспитанник Острожской школы, автор «Грамматики словенской» и знаменитого «Треноса». В «Треносе» («Плаче»), изданном в 1610 г. в Вильно под именем Теофила Ортолога, М. Смотрицкий создал образ страдающей матери-церкви, не православной, а католической, «по существу тождественный образу матери-родины» [5, с. 137]. Под влиянием взглядов польского историка XVI в. Матвея Стриковского, автора «Хроники польской» (Кенигсберг, 1582),

названной в ломоносовском «Рассуждении» «Сарматской хронологией», М. Смотрицкий предложил применить в России по примеру Польши правила силлабического стихосложения. Выступив в «Рассуждении» против этой традиции, Ломоносов подкрепил свою точку зрения доводами, к которым пришел в результате своих наблюдений: *Того ради совсем худо и свойству славенского языка, который с нынешним нашим не много разнится, противно учинил Смотрицкий, когда он е, о за короткие, а, і, ѵ за общие, и, ѱ с некоторыми двугласными и со всеми гласными, что пред двумя или многими согласными стоят, за долгие почел. Его, как из первого параграфа его просодии видно, обманула Матфея Стриковского Сарматская хронология, или он, может быть, на сих Овидиевых стихах утверждался: de Ponto, lib. IV, eleg. 13)* [8, с. 10].

Во-первых, Ломоносов был против применения к русскому языку правил о долготе и краткости гласных звуков и чуждого ему правила ударения, по примеру французского и польского языков. Во-вторых, он был против уравнивания разных славянских языков и механического следования польским нормам стихосложения, даже если образцом и служили знаменитые римские стихи из книги IV «Посланий с Понта» Публия Овидия Назона (*Epistulae ex Ponto*), написанных в период ссылки в «страну гетов и сарматов». В-третьих, он возражал также против правил силлабической системы, навязанных польскому языку, который не сильно отличается от русского. Исследуя особенности российского (русского), польского и французского языков, Ломоносов прежде всего обращал внимание на их морфолого-фонетические различия, которые следует учитывать в стихотворчестве: *Не знаю, чего бы ради инога наши гексаметры и все другие стихи, с одной стороны, так запереть, чтобы они ни больше, ни меньше определенного числа слогов не имели, а с другой, такую волю дать, чтобы вместо хоря свободно было положить ямба, пиррихия и спондея, а следовательно, и всякую прозу стихом называть, как только разве последуя на рифмы кончающимся польским и французским строчкам?* [8, с. 12]. Упомянув «Московские школы», Ломоносов имел в виду, прежде всего,

Славяно-греко-латинскую академию в Москве (где учился с 1731 г.), принявшую правила силлабического стихосложения, которые из Польши «пришел в Москву» (через Украину) [8, с.16]. При этом Ломоносов установил сходство русского (русского) языка с греческим и латинским. Греческий язык, по своему характеру синтетический, испытал в византийский период воздействие не только восточных языков, но также славянских, имел с последними «некоторые общие черты» [10, с. 5]. Прежде всего, это наличие флексий, служащих средствами формообразования и выражения связей между словами, разнообразие типов склонения, также сложная система глагольных времен, залогов и наклонений [10, с. 6 – 7]. В русский язык грецизмы проникали большей частью через непосредственное общение и через языки-посредники, в частности, старославянский язык, на который в Византийскую эпоху были переведены церковные книги. С другой стороны, через церковнославянский язык, а также языки-посредники в русский язык проникали латинизмы [10, с. 7]. Однако не в перечисленных выше свойствах и особенностях видел Ломоносов главное сходство греческого и русского языков (всеми перечисленными достоинствами в равной степени обладал и польский язык), но в их близкой силлабо-тонической структуре, в подвижном ударении. Для польского языка, в котором ударение в словах всегда стоит на предпоследнем слоге, естественны женские рифмы. Французский язык отличается постоянным ударением на последнем слоге и для него типичны мужские рифмы. В русском языке естественно употребление и мужских, и женских рифм, а также различного количества слогов в строке. Потому в «Рассуждении» Ломоносов обратился к русским стихотворцам с призывом не подражать французам: *Французы <...> нам в том, что до стоп надлежит, примером быть не могут: понеже, надеясь на свою фантазию, а не на правила, толь криво и косо в своих стихах слова склеивают, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя* [8, с. 13]. Однако, следует заметить, что «стихи Боало-Депро» (Никола Буало-Депрео, 1636 – 1711) по-прежнему оставались для русского поэта-классициста образцовыми и ода, посвященная взятию фландрской

крепости Людовиком XIV (1692), опубликованная вместе с «Рассуждением об оде» (1693), приводится в качестве таковой.

В сознании ученого-естествоиспытателя и поэта скрестились метафизика и диалектика, античные и средневековые мифологемы. При этом поэтонимы и пиетизмы уживались с рационализмом, силлогизмами, формально-логическими выкладками и представлениями. Выстраивая риторическую парадигму исследования, Ломоносов немало сделал для развития русской риторики, «сладкоречия», как он говорил. В традиции древнегреческой науки и риторики как «инструмента абстрагирования, средства упорядочить, систематизировать пестроту явлений» [1, с. 16], он создавал новые слова для науки и культуры, обогащал и корректировал состав русского языка. Язык его трактатов и силлабо-тонической поэзии отличается самобытностью: это уже не латынь, не греческий или немецкий, на которых писали ученые книги, даже не старославянский, а русский язык науки XVIII в., ни в чем не уступающий другим «ученым» языкам: *российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобно оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может* [8, с. 13].

В целом структурные принципы ломоносовских трактатов и стихов тяготеют к античным риторическим и поэтическим образцам. Тем более ученый поэт отдавал предпочтение ямбическому размеру, которым славил «любезное отечество» в одических стихах. По его мнению, четырехстопный ямб усиливает благородство и возвышенность содержания и потому более всего подходит для сочинения од, одна из которых была предложена на рассмотрение почтеннейшего академического собрания. Ученая дискуссия Ломоносова и Сумарокова с Тредиаковским о выразительных средствах языка и свойствах двухмерных размеров, приобретшая широкую известность к середине XVIII в. и закончившаяся победой Ломоносова, имела в дальнейшем большое значение для развития русской поэзии. Иронизируя по поводу рифмы *ходуль – красовуль* [8, с. 16], Ломоносов полагал, что

устранение искусственных ограничений откроет небывалые возможности для ритмики русского стиха. Он рассматривал размеры с точки зрения художественной экспрессивности, утверждая, что ямб подходит для выражения мыслей и книжности, а хорей – для излияния чувств и описания элегических настроений, характерных для народного стиха. С этим утверждением В. Третьяковский, проигравший состязание, но не смирившийся, так и не согласился. Он остался при мнении, что не в поэтическом размере суть: «ни хорей не нежен, ни ямб не благороден по себе, но что та и другая стопа и благородна и нежна по словам...» [11, с.13] и, таким образом, оказался «ближе к нашей современной точке зрения на экспрессию размеров», к современному понятию контекста [11, с.13]. Как бы то ни было, спор о размерах и состязание между поэтами имел для поэзии большое значение. «И мог ли Третьяковский с братиею быть ценителем величайшего ума своего времени, ценителем Ломоносова?» – вопрошал романтический поэт К. Н. Батюшков [2, с. 156]. Ломоносов же постигал поэзию интуитивно, как Божий дар, в символах вертикали, унаследованной просветительским классицизмом от средневекового теоцентрического мировоззрения. В его видении природы, в представлениях о недрах земли присутствовала метафизическая устремленность к «высшим и абсолютным духовным ценностям» – к Богу, к божественной истине, что нашло воплощение в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1757), в знаменитой теории трех штилей, связанной с учением о жанрах и типах речений – церковно-славянских, общеупотребительных и разговорных, составляющих вместе литературный язык (язык богов), который должен быть понятным народу [3, с. 134], с одной стороны, с другой – отделенным от группы «неупотребительных», «обветшалых» и «подлых» слов. В своих научных сочинениях Ломоносов широко использовал метафору – признак высоко стиля. Метафора у него является способом воспроизведения и передачи естественнонаучной и одновременно языковой картины мира, особой модели знания и всеобъемлющего концепта, символического и

научного мирообраза, выстроенного с помощью отвлеченных конструкций и образных ассоциаций, средствами как фигурального, так и логико-понятийного языка. Ни логический дискурс научных трудов Ломоносова, ни его поэтический дискурс не могут быть идентифицированы, как типичное подражание античности в силу иного соотношения конкретно-живописного и отвлеченного. В «Слове о пользе химии» (1751) и в «Слове о рождении металлов от трясения земли» (1757) Ломоносов-ученый оставался поэтом и оратором. Его научные трактаты о природе сочетают в себе пейзажное описание, размышление, обзор, географическую карту и художественное полотно, ландшафтное изображение, картину местности, но не схематичную, а ярко расцвеченную, динамичную, бурную, украшенную словесными деталями:

Какая горючая материя изобильнее оныя из недр земных выходит? Ибо не токмо из челюстей огнедышуших гор отрыгается, и при горячих из земли кипящих ключах и при сухих подземных продушинах в великом множестве собирается: но нет ни единой руды, нет почти ни единого камня, которой бы чрез взаимное с другим трение не дал от себя серного духу, и не объявил бы тем ее в себе присутствия [7, с. 87]. В таких зарисовках Ломоносова огромную роль играет метафизическая составляющая, символика света, тепла, огня и звуков. Природа предстает в различных образных трансформациях, образы стихий во взаимодействии подтверждают и усиливают мысль о богатстве и вечной красоте мироздания, как божественного творения и источника тайн, откровения для внимательного наблюдателя и пытливого исследователя.

Фрагменты пейзажа, масштабные картины гор, образ недр в движении, выполнены мастером поэтического слова и одновременно в традиции просветительского топографо-геометрического видения. Слово подчинено созданию ослепительного образа-символа: в нем переплетаются конкретно-живописное и риторико-силлогическое, образное и линейно-абстрактное, логико-понятийное. Рефлексирующий человек выступает одновременно и

созерцателем и активным наблюдателем, способным визуализировать и фиксировать увиденное в диахроническом срезе и описать движение по вертикали, направленной вверх к небу и вниз – в самую глубь земли. Штудируя древнюю литературу, обозревая и анализируя многочисленные источники, Ломоносов находил в книжных описаниях доказательства благотворного человеческого опыта в освоении естественных процессов, изыска воображения и изображения, эксперимента и абстрагирования от него. Для описания открытий, узнавания естественных процессов он подбирал выразительные средства из античной риторики [1, с. 21], создавал русские неологизмы, обогащая родной язык словами и выражениями, изобретенными с помощью транслитерации, транскрипции, калькирования и других способов языковых и переводческих трансформаций. Как заметила А.С. Елеонская, проза М. В. Ломоносова находилась «на стыке науки и искусства» [4, с. 24]. Действительно, в «похвальных словах» и научных трактатах Ломоносов сохранял «высокий штиль»: возвышенную лексику и экспрессию, приемы комплементарности [4, с. 17], обращался к пышному слогу в панегирической традиции в восторженных описаниях состояний природы, ее мощи и величия. С одной стороны, представляя европейское, с другой – русское просветительское сообщество и русский ментальный и научный мир, Ломоносов в духе времени искал «истину, проверяемую и действенную в своей конкретности», сосредоточившись также на чувственном восприятии «монолитного и единогласного идеала эмпирической науки», познавательном процессе и поиске общих законов, определяющих объективную сторону жизни [9]. Он познавал природу, изучал ее законы как естествоиспытатель и как художник, формулировал механические и естественные законы земли как ученый и как поэт, параллельно изучая язык как откровение в границах законов научно-интеллектуальной эволюции и коммуникации, общения и подвижничества. Потому в языке он видел и конкретную, буквальную, однозначную реальность и ее незыблемую символическую основу.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. *Риторика как подход к обобщению действительности // Поэтика древнегреческой литературы.* – М.: Наука, 1981. – С. 15 – 46.
2. Батюшков К. Н. *Нечто о поэте и поэзии.* – М.: Современник, 1985. – 408 с.
3. Березин Ф. М. *Ломоносов // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ф.П.Филина.* М.: Сов. энциклопедия, 1979. – С. 134 – 135.
4. Елеонская А. С. *Отечества умножить славу... / Ломоносов М. В. Для пользы общества... / Сост., вступ. ст. и примеч. А. С. Елеонской.* – М.: Сов. Россия, 1990. – С. 5 – 21, 356 – 381.
5. Замалеев А. Ф., Зоц В.А. *Отечественные мыслители позднего Средневековья. Конец XIV – первая треть XVII в.* – Киев: Лыбидь, 1990. – 176 с.
6. *Критика XVIII века.* – М.: Олимп, АСТ, 2002. Режим доступа: http://az.lib.ru/Lomonosow_m_w/text_0250.shtml
7. Ломоносов М. В. *Для пользы общества... / Сост., вступ. ст. и примеч. А.С. Елеонской.* – М.: Сов. Россия, 1990. – 384 с.
8. Ломоносов М. В. *Труды по филологии. 1739 – 1758 // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. 7 / Под ред. В. В. Виноградова, С.Г.Бархударова.* – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 996 с.
9. Тарнас Р. *Страсти западного ума [Романтизм и его судьба. Две культуры] / Пер. Т. А. Азаркович.* – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-all/tarnas-romantizm-i-ego-sudba.htm>
10. Козаржевский А.Ч. *Введение // Козаржевский А. Ч. Учебник древнегреческого языка.* – М.: МГУ, 1975. – С. 5 – 11.
11. Эткин Е. *Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина.* – Л.: Наука (Ленингр. отд-ние), 1973. – 248 с.

УДК 81'373

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ГЕРОЕВ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК ПЬЕСЫ А.П.ЧЕХОВА
«ВИШНЕВЫЙ САД»**

И.А.Кириллова, Институт международного права и экономики им.

А.С.Грибоедова, г. Москва, Россия

**PROBLEMS IN REPRESENTING EMOTIONAL STATE OF CHARACTERS
OF A.CHEKHOV S PLAY «CHERRY ORCHARD» IN ITS TRANSLATION
INTO GERMAN**

*I.A.Kirillova, Griboyedov Institute of International Law and Economics, Moscow,
Russia*

Аннотация. Данная статья посвящена эмотивной составляющей текста пьесы А.П.Чехова «Вишневый сад» и проблеме ее перевода на немецкий язык, осуществленном Петером Урбаном. В статье рассматриваются базовые эмоциональные концепты русского и немецкого языков, такие, как «страх», «радость», «гнев», «печаль» на материале авторских ремарок пьесы, обращений, оценочных номинаций, идиом. Изучаются такие явления, как особенности русской и немецкой концептосфер, проблема эмотивности текста, трудности, связанные с переводом языковых средств, выражающих эмоциональные состояния персонажей пьесы.

Ключевые слова: эмотивность, эмоциональные концепты, драматургия А.П.Чехова, лакунарность.

Abstrakt. The article is devoted to the emotive aspect of A. Chekhov's play "Cherry Orchard" and its translation into German, made by Peter Urban. The article deals with the basic emotional concepts of the Russian and the German languages such as "fear", "happiness", "anger", "sadness" in author's stage directions, adress, evaluative nominations, idiomatic expressions. The article studies such phemomena as peculiarities of Russian and German conceptual spheres, emotivity of the text and words and lexical units expressing emotional state of the characters of the play in the original text and its translation into German.

Key words: semitivity, emotional concept, play, Chekhov, lacunar.

E-mail: kir93956@gmail.com

Россия – страна по преимуществу эмоциональная,
убеждения тут большой роли не играют.

Дм. Быков

Жизнь – трагедия для того, кто чувствует, и
комедия для того, кто мыслит.

Ж. де Лабрюйер

Антропоцентрический подход при изучении самых различных проблем языкознания наметился в середине прошлого столетия и по-прежнему находится в центре современных лингвистических исследований.

Одним из таких направлений является лингвистическая теория эмоций волгоградского ученого профессора В.И.Шаховского.

В своих исследованиях В.И. Шаховский многократно подчёркивает необходимость антропоцентрического подхода к лингвистическому изучению эмоций, «при котором категория эмотивности получает ситуативно-личностное звучание». (См. Шаховский 2008, с. 29). Разделение понятий «эмоция» и «эмотивность», по мнению ученого, состоит в том, что эмоция относится к категории психологии, а эмотивность предстает ее трансформацией на языковом уровне, воплощает ее в языке. В целом эмотивность – это «имманентно присущее языку свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики; отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» (Шаховский 1987, с. 24). Представляется также очень важным замечание ученого о том, что «категория эмотивности представлена *во всех языках* (курсив наш И.К.), на всех уровнях его системы и предстает в фонетическом, лексическом, фразеологическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом, сверхфразовом, текстовом, гипер-, мега-, межтекстовом статусах» (Шаховский 2008, с. 28). При этом профессор Шаховский подчеркивает, что «в случае эмоциональной коммуникации эмоциональными являются и стимулы, и

интенции, и ситуации, и, как правило, реакции [...]. Функциональным превалированием в данных случаях является процесс выражения, в отличие от неэмоционального типа коммуникации, где превалирует процесс номинации» (Шаховский 2008, с. 162).

Представляется, что драматургические тексты вообще и пьесы А.П.Чехова в частности, являются отражениями именно такой «эмоциональной коммуникации», пронизанной миром чувств и переживаний героев. В отличие от других литературных жанров, именно драма отражает непосредственную коммуникацию персонажей. (Ср. с эпическими жанрами романа, повести, новеллы, рассказа и т.д., где лишь диалоги, как внешние, так и порой внутренние, воплощают коммуникативную сторону бытия персонажей). Дискуссионный вопрос о национальной специфичности эмоциональных концептов также стоит «на повестке дня» современной лингвистики и лингвокультурологии. В связи с этим возникает закономерный вопрос: «как эмоциональный мир языковой личности соотносится с ее национально-культурной спецификой?» (Шаховский 2008, с.46) .

В нашем исследовании мы попытались сопоставить эмотивные составляющие текста комедии А.П.Чехова «Вишневый сад» при переводе на немецкий язык Петера Урбана, известного немецкого слависта и переводчика.

Сам А.П. Чехов писал по поводу переводов его пьесы «Вишневый сад» в Вене и Берлине, «что и там успеха иметь не будет, так как там нет ни биллиарда, ни Лопухина, ни студентов а`la Трофимов». В письмах встречается и другое пессимистичное замечание писателя: «Переводить с русского не следует». Современные исследователи с позиций теории языковой картины мира и национальной концептосферы интерпретировали бы слова классика русской литературы, ссылаясь на лакунарность соответствующих систем при переводе с русского языка на немецкий язык.

Н.А.Красавский (Красавский 2008) посвятил свое исследование сопоставлению эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах. Так ученый выделяет такие базовые эмоциональные

концепты в немецком и русском языках, как Freude- радость, Zorn- гнев, Angst- страх, Traur- печаль. Каждому из них соответствуют определенные эмоциональные лексико-семантические поля.

Радость: счастье, триумф, эйфория, блаженство, нирвана, экстаз, фурор, восторг, восторженность, экзальтация, нега, благодать, торжество, восхищение, наслаждение, удовольствие, удовлетворение, упоение, веселье, отрада, возбуждение, услада, жизнерадостность, беззаботность, умиление, утешение.

Гнев: неистовство, буйство, ярость, бешенство. Исступление, аффект, раздражительность, раздражение, аффектация, остервенение, злость, злоба, негодование, возмущение

Страх: ужас, жуть, страсть, паника, боязнь, фобия, испуг, опасение, тревога.

Печаль: горе, несчастье, горечь, горечь, скорбь, кручина, отчаяние, мука, боль, невзгода, безутешность, сожаление, страдание, печаль, тоска, меланхолия, ностальгия, уныние, грусть, скука, хандра, разочарование, расстройство, подавленность, растерянность, прострация, апатия.

Наиболее явно, как показывает проведенное нами исследование, соответствующие базовые эмоциональные концепты находят отражение в авторских ремарках.

Они и были подвергнуты детальному анализу на предмет установления эмотивной составляющей драматургического текста. Ремарки, содержащие в себе соответствующий эмоциональный концепт (или намек на него), представлены в таблицах.

Табл. 1. Ремарки с выражением эмоций радости и любви

Как бы торжествуя	Gleichsam triumphierend
Смеется	Lacht
Смеется от радости	Lacht vor Freude
Смеется, целует ее	Lacht, küsst sie

Смеясь	Ремарка в переводе отсутствует
Глядит в свою дверь, нежно	Blickt durch die Tür in ihr Zimmer, zärtlich
Ласкаясь	Streichelt sie
Сквозь слезы	Unter Tränen
Обнимает Варю, тихо	Umarmt Varja, leise
Обнимает дочь	Umarmt die Tochter
Радостно	Freudig
Плачет от радости	Weint vor Freude
Целует ее лицо, руки	Küsst ihr Gesicht und Hände
Хочет поцеловать у нее руку	Will ihr die Hand küssen
Целует горячо дочь	Küsst innig
Удивляясь	Staunt
В умилении	Gerührt
Нежно	Zärtlich
Хохочет	Lacht laut
Оживленно	Lebhaft

В пьесе «Вишневый сад» сравнительно много ремарок, выражающих радость, любовь, привязанность, нежное отношение героев друг к другу. Многие персонажи связаны между собой семейными узами, все они знают друг друга долгие годы. Но также подобные характеристики свойственны не всем, а лишь отдельным персонажам. Так Любовь Андреевну Раневскую (с говорящим именем) характеризует восторженность, экзальтация, повышенная эмоциональность. Героиня ласкова и нежна в общении со всеми персонажами, а не только с родной и приемной дочерьми. Практически все ремарки, выражающие подобные отношения, переданы при переводе на немецкий язык

предельно точно. Реплика «хохочет» переведена описательно, «lacht laut», так как в немецком языке нет однословного эквивалента к глаголу «хохотать». Реплика же «ласкаясь» передана немецким глаголом «streicheln»- «streichelt sie», то есть буквально «гладить». Но в русском «ласкаться»- проявлять нежность, ласковое отношение, с лаской приникать к кому-то, стараясь вызвать лаской ответную ласку. Таким образом, в оригинальном тексте задан некий «фрейм», воплощающий эмоциональный уровень любви и нежности, а не просто отдельное действие. (Достаточно вспомнить ахматовские строки: «так гладят кошек или птиц» и чуть выше «так непохожи на объятая прикосновенья этих рук») Наконец, опущенный переводчиком перевод реплики «смеясь» нивелирует соответствующую эмоциональную окраску, в контексте передающую приподнято-радостное состояние героини (семнадцатилетней Ани).

Табл. 2 Реплики с выражением гнева и раздражения

Грозит кулаком	Droht mit der Faust
Рвет телеграммы, не прочитав	Zerreit die Telegramme
Рвет телеграмму	Zerreit das Telegramm
Отнимая руку	Erzieht ihm die Hand
Сердито	Zornig
Рассердившись, но сдержанно	Zornig, aber beherrscht
Вспылив	Aufbrausend
Варя снимает с пояса ключи, бросает их на пол, посреди гостиной, и уходит.	Varja nimmt das Schlsselbund vom Grtel, wirft es zu Boden, mitten im Salon, und geht ab.
В дверях, недовольным голосом	In der Tr, mit unzufriedener Stimme
Возмущаясь	Emprt
Выйдя из себя	Auer sich geraten
Топочет ногами	Stampft mit den Fen auf

Концепт «гнев» в пьесе присутствует в отдельных репликах, и, несмотря на сравнительно небольшое их количество, они раскрывают данную эмоцию с разных сторон. Данное эмоциональное состояние в большей степени свойственно конкретным персонажам. Скажем, реплика «сердито» встречается

в тексте пьесы 4 раза и характеризует речевое поведение Вари. Одна из ремарок, передающих состояние раздражения и даже именно гнева, но не прямо, а через конкретные действия другой героини, Раневской, сопровождающие ее реплики, по какой-то причине переведена на немецкий язык не полностью, с опущением. «Рвет телеграммы, не прочитав» передается в тексте перевода «zerreißt die Telegramme» (рвет телеграммы). Деепричастный оборот «не прочитав» несет значительную смысловую нагрузку, описывая конкретную ситуацию. И в оригинале, и в тексте перевода телеграммы разорваны. Но из перевода на немецкий язык можно предположить, что гнев Любови Андреевны вызван содержанием полученных телеграмм, тогда как в тексте оригинала ремарка характеризует отношение героини к бывшему возлюбленному: она настолько зла на него, что не желает читать его телеграммы.

Табл. 3. Ремарки с выражением эмоций страха

Испуганно	Erschrocken
Немного сконфуженный	Ein wenig verlegen
Оторопел	Außer Fassung
Ощупывает карманы, встревоженно	Befühlt die Taschen, beunruhigt
В ужасе	Entsetzt
Закрывает уши	Hält sich die Ohren zu
Взволнованно	Erregt
Варя испугалась, вскрикивает	Varja erschrickt, schreit auf
Струсив	Bekommt es mit der Angst
Тревожно	Beunruhigt

Как видно из приведенной таблицы, ремарок, выражающих эмоциональный концепт «Страх», в пьесе сравнительно немного. В основном они, по-видимому, могут быть легко переданы при переводе на немецкий язык, что нашло отражение в переводе Петера Урбана.

Обращает на себя перевод деепричастия «оторопев», в немецком переводе данной ремарки присутствует устойчивое выражение (идиома) «Außer Fassung», что соответствует, по-видимому немецкому фразеологизму: j-n außer Fassung bringen (вывести кого-л. из себя) и подобным. Глаголу «оторопеть» в немецком языке соответствует конструкция *verdutzt sein dastehen*, которая, возможно, более точно передает эмоциональное состояние героя. Наконец, деепричастие «струсив», образованное от глагола «струситься», передано выражением «*bekommt es mit der Angst*» (со страхом), переводит данную ремарку в несколько другую стилистическую тональность – из разговорно-сниженной, немного ироничной, в нейтральную. Ремарка «закрывает уши» («*Hält sich die Ohren zu*») лишь в контексте конкретного диалога также выражает эмоцию испуга, страха. Также ремарка «ощупывает карманы, встревоженно» («*befühlt die Taschen, beunruhigt*»), сочетающая в себе выражение эмоции с конкретным действием, является отражением основной черты образа Симеонова-Пищика, передает его постоянную озабоченность финансами и подчеркивает, что он не забывает о них ни на секунду. Ср. точку зрения В.И.Шаховского: «Однако окончательный вывод о характере выражаемой эмоции можно сделать только в конкретной ситуации, в связи с чем возможен вывод о дискурсивном характере эмоций и с этой точки зрения – о дискурсивном эмоциональном мышлении». (Шаховский 2008, с. 131).

Табл. 4

Плачет	Weint
Сквозь слезы	Unter Tränen
Любовь Андреевна обнимает его и тихо	Ljubov Andreevna umarmt ihm und weint leise

плачет	
Печально	Traurig
Утирает слезы	Wischt sich die Tränen
В горьком раздумье	In bitterer Versonnenheit
Ей досадно	Sie ärgert sich
С легкой досадой	Leicht verärgert
Любовь Андреевна угнетена; она упала бы, если бы не стояла возле кресла и стола.	Ljubov Andreevna ist niedergeschmettert; sie würde fallen, wenn sie nicht neben einem Sessel und einem Tisch stünde
Любовь Андреевна опустилась на стул и горько плачет	Ljubov Andreevna ist auf einen Stuhl gesunken und weint bitterlich
Вздыхает	Seufzt
Входят через переднюю Любовь Андреевна и Гаев; она не плачет, но бледна. Лицо ее дрожит, она не может говорить	Aus dem Hausflur Auftritt Ljubov Andreevna und Gaev; sie weint nicht, ist aber blaß, ihr Gesicht zuckt, sie kann nicht sprechen.
Варя, сидя на полу, положив голову на узел с платьем, тихо рыдает	Varja, auf dem Fußboden sitzend, den Kopf auf ein Kleiderbündel gelegt, schluchzt leise.
Уныло	Niederschlagen
В отчаянии	Verzweifelt
Они точно ждали этого, бросаются на шею друг другу и рыдают сдержанно, тихо, боясь, чтобы их не услышали.	Als hätten sie nur darauf gewartet, fallen sie einander um den Hals und schluchzen verhalten, als fürchteten sie, man können sie hören.

Концепт «печаль», как мы знаем, включает в свое поле и отчаяние, и уныние, и грусть,

И весь этот спектр эмоций выражен в пьесе не только соответствующими ремарками-номинациями и характеристиками («печально», «в отчаянии»). Но

и описанием конкретных действий героев, охваченных данными эмоциями. («плачет», утирает слезы» и подобные).

Нельзя не вспомнить и авторские характеристики звуков, сопровождающих действие пьесы. Это и «звук лопнувшей струны, замирающий, печальный», и «глухой стук топора по дереву, звучащий одиноко и грустно» в четвертом действии, и «грустная песня», которую играет Епиходов. Все эти характеристики нашли отражение в тексте перевода.

Необходимо отметить, что в тексте пьесы встречаются ремарки, которые трудно с уверенностью отнести к одному из базовых эмоциональных концептов, представленных в таблицах 1-4, но они также носят ярко выраженный в соответствующем контексте «эмотивный отпечаток», отражают различные эмоциональные состояния героев, выражают их эмоциональное отношение к происходящим событиям и другим участникам коммуникации. К ним относятся в частности «с усмешкой» (« mit spottischem grinsen»), «обиженно» («beleidigt»), «задумчиво» («nachdenklich»), «укоризненно» («vorwurfsvoll»), «умоляюще» («flehentlich»), «с укором» («mit Vorwurf»), «иронически» («ironisch») и подобные. Переводчик, на наш взгляд, с предельной точностью перевел эмоциональные характеристики конкретных реплик персонажей, передающих, благодаря емким авторским ремаркам, отношение героев к описываемым событиям и друг к другу, что также отражает эмотивность текста пьесы. Обращают на себя также ремарки, характеризующие

Конкретные невербальные действия, сопровождающие реплики персонажей. Например, «Идет быстро в зал, схватив себя за голову» («Geht schnell in den Saal, faßt sich an den Kopf»); «Уходит, но тотчас возвращается» («Geht ab, kehrt aber sofort wieder zurück»); «машет рукой» («winkt ab»); и даже такие, как «зевает» («Gähnt») и «Зевает, потом закуривает сигарету» («Gähnt, raucht dann eine Zigarre an»). Сошлемся вновь на мнение Шаховского, что судить о конкретной эмоции мы можем только в контексте ситуации, т.е. о дискурсивном характере эмоций. (Шаховский 2008, с.131)

В данном случае речь идет о конфликтной ситуации. Остром споре между Любовью Андреевной и Петей, когда сначала Раневская «закрывает уши», не желая слышать неприятное для нее напоминание об эпизоде из прошлого, а затем и Петя «схватившись за голову, выходит из комнаты», в ответ на оскорбительные замечания героини. Ремарка же «зевает» сопровождает реплики лакея Яша, единственного, пожалуй, персонажа пьесы, к которому автор не испытывает никакого сочувствия, как к другим своим героям. Данная реакция выражает равнодушие, скуку презрение и высокомерное отношение Яши ко всем окружающим, не способным оценить его «заграничный лоск».

Часто едкие ремарки автора придают высказываниям персонажей другой смысл, они пронизаны иронией. Например: «Дуняша (пудрится, глядясь в зеркальце) Пришлите из Парижа письмо. Ведь я вас любила, Яша, так любила! Я нежное существо, Яша!» Слова Дуняши – не что иное, как признание в любви, но ремарка, сопровождающая эту реплику, передает по меньшей мере фальшивость и надуманность этих чувств («*pudert sich, schaut in ihren Taschenspiegel*»). А.П. Чехов дает нам понять, что героиня любит в первую очередь себя, это самолюбование и передает данная ремарка.

Другой пример: Входит Гаев: в правой руке покупки, левой он утирает слезы. («*Auftritt Gaev; in der rechten Hand trägt er Einkäufe, mit der linken wischt er sich die Tränen*»). Хотя данная ремарка не содержит прямой антитезы, комический эффект, на наш взгляд, здесь все же присутствует. Внимание героя явно занято не только скорбью («утирает слезы»), но и покупками, а в последующих репликах герой и вовсе переключает его на приготовление к обеду. Здесь снова вспоминается знаменитая чеховская цитата из наставления молодому писателю Илье Гурлянду в сентябре 1889 года «Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни».

Другим средством передачи эмоциональных состояний героев, помимо авторских ремарок, являются эмотивные обращения персонажей пьесы друг к другу.

Табл. 5 Эмоционально окрашенные обращения персонажей пьесы друг к другу

Мамочка!	Mamachen
Что же делать, мамочка.	Was sollen wir tun, Mamachen!
Душечка моя приехала, красавица моя приехала!	Mein Herzchen ist da, meine Schöne ist wieder da!
Огурчик!	Kleine Gurke du!
Спасибо, родной!	Danke, mein Guter
Спасибо, мой старичок.	Danke, mein Alterchen
Нет у меня денег, голубчик!	Täubchen, ich habe kein Geld.
Не говорите, дядечка, лишнего.	Onkelchen, Sie reden zu viel-
Ненаглядная моя дитюся.	Mein Herzenkind.
Барыня моя приехала!	Meine gnädige Frau ist wieder da!
Солнышко мое! Весна моя!	Mein Sonnenlicht! Mein Frühling!

Характерно, что в тексте чеховской пьесы содержатся также обращения героев к неодушевленным персонажам, которые наделяются при этом человеческими чертами. Ср., например, знаменитый монолог Гаева, обращенный к шкафу: «Дорогой, многоуважаемый шкаф!» Или прощальное обращение Раневской к любимому саду, в котором прошли ее детские и юношеские годы: «О, мой милый, мой нежный, прекрасный сад!.. Моя жизнь, моя молодость, счастье мое, прощай!.. Прощай!..» Последние обращения создают особенно высокий эмоциональный накал, характеризующий всю пьесу А.П.Чехова в целом, но их детальный анализ требует самостоятельного исследования.

В целом, на наш взгляд, переводчику удалось достаточно адекватно передать на языке перевода соответствующие обращения-номинации. При этом отдельные выражения и особенно диминутивы являются языковыми лакунами и отсутствуют в немецком языке.

Так обращение «мамочка», передающее ласковое и нежное отношение героини к матери, передано в тексте перевода словом «Mamachen», переводимое на русский как «мамаша» (носящим грубовато-просторечный оттенок) или жеманным «маменька», и только потом ласковым «мамочка». Таким образом, в немецком варианте обращения отражены по меньшей мере 3 русских диминутива, имеющие различную коннотацию. Некоторый сдвиг значения наблюдается и при переводе игриво-ласкового обращения Яши к Дуняше «Огурчик», переданное на немецком языке выражением: «Kleine Gurke du!», которое переводчик посчитал по-видимому, более адекватным, чем соответствующий немецкий диминутив «Gurkchen». При этом привычное русское ласковое обращение «голубчик» переведено Петером Урбаном буквально: «täubchen», при котором, на наш взгляд, несколько теряется смысл, приобретаемый данной номинацией с соответствующим суффиксом в синтаксической роли обращения. (Ср. возможную в русском языке синонимичную форму «голубок»). Также некоторое снижение эмоционального отношения наблюдается в переводе обращения «родной» сочетанием «mein Guter», которое в обратном переводе звучит как «мой хороший». Наконец, обращение Раневской к младшей дочери «дитюся», являющееся окказиональным производным от «дитя» («дитятко») передано сложной лексемой «Herzenkind», что связано, по-видимому, с особенностями типологии русского и немецкого языков в плане особенностей их словообразовательных способов и элементов. В целом и при анализе эмотивных обращений нельзя не отметить бережное и вдумчивое отношение к ним переводчика, передающего не только смыслы, но и эмоциональную составляющую коммуникации, а также взаимоотношений между ее участниками.

Интересным представляется анализ отдельных языковых номинаций, которыми герои награждают друг друга, а иногда используют как автономинацию. Это ставший уже хрестоматийным для многих поколений исследователей драматургии А.П.Чехова «недотепа», а также «облезлый барин». Недотепами называет разных героев Фирс, старый лакей, которого в последний момент «забывают» в заколоченном доме. Это же слово он обращает и к себе в

своим последним монологом, которым заканчивается пьеса. В статье Д.А.Ольницкой приводятся различные переводы данной лексемы, являющейся безусловным примером безэквивалентной лексики. Варианты, предложенные в разное время разными переводчиками на немецкий: «Tollpatsch», «Nichtsnutz», «blindes Huhn», «taubes Huhn». Петер Урбан использует собственный вариант «taube Nuss»- пустышка, о неловком, неуклюжем человеке (дословно-«пустой орех»). Интересно, что немецкая лексема «Tollpatsch» переводится на русский как «недотепа» и «растяпа». Но если все приведенные немецкие варианты несут в себе отрицательную коннотацию, русская оценочная лексема «недотепа» совмещает в себе наряду с осуждением и презрением оттенок «жалостливой снисходительности». Сам образ чеховского Фирса пронизан добротой, преданностью и самоотречением, он выступает своеобразным антиподом лакея Яши, предельно чванливого, эгоистичного и воистину «пустого» и никчемного.

Выражение «облезлый барин» переведено Урбаном как «der Herr mit ohne Haar», что тоже по-видимому свидетельствует о лакунарности соответствующего понятия в немецком языке.

Наконец, еще один чеховский герой, Епиходов, наделен характеристикой-фразеологизмом «двадцать два несчастья». Здесь мы встречаемся с трансформацией русской идиомы «тридцать три несчастья», которая в трансформированном авторском варианте подчеркивает невезучесть героя и комичность данного образа. На немецкий язык идиома переведена соответствующим немецким выражением – «Zwei linke Hände» («обе руки левые»). Данный перевод, безусловно, понятнее немецкому читателю, но иронично-оценочная составляющая преобразованного Чеховым фразеологизма при переводе теряется.

Выводы. Проведенное исследование подтвердило наличие базовых эмоциональных концептов: Печаль, Радость, Страх, Гнев, свойственных как русскому, так и немецкому языкам. При этом в языковом выражении данных концептов, даже на материале одной пьесы, наблюдаются существенные различия. Многие оттенки эмотивных значений, выражаемые русским

лексическим, грамматическим и синтаксическим строем, не могут быть полностью переданы при переводе на немецкий язык. Так ряд трудностей вызывает перевод отдельных диминутивов, идиоматичных выражений, оценочных номинаций и обращений, что связано с типологическими особенностями двух языков, а также, возможно, с особенной эмоциональностью отдельных составляющих русскоязычной картины мира. Также лакуны при переводе отдельных ремарок не всегда позволяют передать отдельные семантические, стилистические и эмоциональные оттенки значений, что отражает национально-специфические особенности русскоязычной и немецкоязычной концептосфер при всей их близости.

Сам Петр Урбан в интервью немецкой газете Deutschland подчеркнул, что «перевод в любом случае – только приближение к тексту, он никогда не будет тождественен оригиналу». Все же, на наш взгляд, перевода пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад», предпринятый славистом и переводчиком русской классики, Петром Урбаном, позволил немецкоязычным читателям и зрителям заново открыть для себя произведения великого русского писателя, сделать мир его героев, их мысли, чувства и переживания ближе и понятнее.

Список литературы

1. Чехов А.П. *Вишневый сад: Комедия в 4 действиях* // Чехов А.П. *Собрание сочинений: В 8 т. – М., 1970. – Т. 7. – С. 317–370.*
2. *Der Kirschgarten. Komödie in vier Akten, Übersetzung von Peter Urban. Digenes Verlag, 1999.*
3. Красавский Н.А. *Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – М.: Гнозис, 2008.*
4. Ольницкая Д.А. «Недомена» А.П.Чехова в интерпретации немецких переводчиков «Вишневого сада» // w.w.w. elar.urfu.ru.>bitstream.
5. Шаховский В.И. *Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008.*
6. Шаховский В.И. *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987.*

УДК 82.09

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР, ЖАНРОВЫЙ КАНОН И ЖАНРОВАЯ
ИЗОТОПИЯ (К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ)**

*Л.Г. Кихней, Институт международного права и экономики имени
А.С.Грибоедова, Москва, Россия*

**LITERARY GENRE, THE GENRE CANON GENRE ISOTOPIY (TO THE
PROBLEM OF GENRE IDENTIFICATION)**

*L.G. Kikhney, Griboyedov Institute of International Law and Economics,
Moscow, Russia*

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме уяснения общих закономерностей жанрообразования и проблеме бытования жанра в литературном процессе. Предлагается дифференциация терминов жанр и жанровый канон. Жанр трактуется как исторически обусловленный инструмент семиотизации того или иного литературного (или речевого) материала. Он выступает как своего рода «категориальная сетка», в рамках которой происходит осмысление бытия и сознания. Жанровая изотопия объясняет вариативную логику читательского восприятия жанровых феноменов.

Ключевые слова: речевые и литературные жанры, канон, изотопия, литературный процесс, жанровая эволюция.

Abstract. This article deals with the problem of literary genre, its development and transformation in the literary process. Proposed differentiation of the terms genre and the genre canon. The genre is treated as a semiotic tool for the classification of a literary (or verbal) material. The genre is the "categorical grid", in which there is the understanding of life and consciousness. Genre isotopy variable explain the logic of the reader's perception of genre phenomena.

Key words: speech and literary genres, the canon, the isotopy, the literary process and genre evolution.

E-mail: lgkihney@yandex.ru

При жанровом анализе художественных произведений возникает ряд проблем, разрешить которые поможет более четкое разграничение ключевых понятий, входящих в терминологическое поле жанра.

Прежде всего, следует помнить, что понятие жанра – применительно к словесному тексту – не ограничивается рамками художественной литературы:

любое речевое завершенное «высказывание» относится к тому или иному «первичному» («ритуальному», «речевому») жанру (см.: [1, с. 159-206]; [8, 112-131]; [12]). «Первичные» жанры, функционирующие в жизненном, бытовом или ритуальном обиходе, становятся своего рода протожанровыми образцами для жанров художественной литературы (см.: [12, с. 192]; [6, с. 55]).

Например, в ряде произведений нового времени «речевой / ритуальный» жанр вынесен в заглавие. Вспомним, к примеру, «Исповедь» Ж.Ж. Руссо, «Молитву» М. Лермонтова, ахматовские стихотворения, имитирующие «первичные» жанры (застольного тоста, молитвы, клятвы, ритуального заклинания, причета: «Я пью за разоренный дом...», «Тост», «Еще тост»; а также «Молитва», «Заклинание», «Клятва», «Причитание» («Господеви поклонитесь...»), «Причитание» («Ленинградскую беду...»). Но перед нами, безусловно, не буквальная имитация «первичного» жанра, а его художественное «преображение».

Как указывает М.М. Бахтин, «различие между первичными и вторичными жанрами чрезвычайно велико и принципиально, но именно поэтому природа высказывания должна быть раскрыта и определена путем анализа и того и другого вида; только при этом условии определение может стать адекватным сложной и глубокой природе высказывания (и охватить важнейшие его грани); односторонняя ориентация на первичные жанры неизбежно приводит к вульгаризации всей проблемы. <...> Самое взаимоотношение первичных и вторичных жанров и процесс исторического формирования последних проливает свет на природу высказывания (и прежде всего на сложную проблему взаимоотношения языка и идеологии, мировоззрения)» [2, с. 252–253].

Кроме того, при анализе жанровой эволюции следует изначально принимать во внимание понятие *нормативной* идеи жанра (то есть *канона*). По убеждению Бахтина, в жанрах «на протяжении веков их жизни накапливаются формы видения и осмысления определенных сторон мира. Для писателя-ремесленника жанр служит внешним шаблоном, большой же художник

пробуждает заложенные в нем смысловые возможности» [2, с. 251]. Именно поэтому жанр и является представителем «творческой памяти» в процессе литературного развития: ведь на каждом этапе существования жанра используется опыт, накопленный предшествующими поколениями.

Чтобы не возникало путаницы идентификационного порядка, методологически целесообразно ввести – наряду с понятием *жанра* (как динамической структуры, воплощаемой в конкретной практике художников) – понятие *жанрового канона* – как некоей художественной константы, принятой на каждом конкретном этапе литературного процесса. Заметим, что А.Веселовский, в сущности, тоже апеллировал к «канону», хотя не использовал этот термин, заменяя его понятием «первообраз» [4, 53–72].

Когда мы определяем жанровую принадлежность произведения, мы тем самым «подключаем» его устойчивые, канонические черты к определенной литературной традиции. Поэтому жанровый канон выступает в роли «стабилизирующего фактора» литературного процесса «знака литературной традиции» [10, с. 173–175, 189].

Наиболее точную дефиницию литературного канона находим у А.Ф.Лосева, определявшего последний как «количественно-структурную модель художественного произведения того стиля, который, являясь определенным социально-историческим показателем, интерпретируется как принцип конструирования из местного множества произведений» [7, с. 15]. Заметим, что установкой на жанровые каноны отмечено прежде всего «миметическое» художественное сознание античности, «эталонизированная» литература классицизма. Каноническое следование жанровым образцам было неременным условием творчества средневековых литераторов Востока и Древней Руси.

Однако сложность распознавания и идентификации литературных жанров заключается в том, что канон, являясь механизмом, закрепляющим в тексте процесс складывания жанровых стереотипов, не есть нечто неподвижное, раз и навсегда данное. Это обязывает исследователя обращать внимание на

диахронический аспект бытования жанра, по возможности выявляя основные стадии его развития, что позволит определить искомый жанровый образец, послуживший прототипом для исследуемого автора.

Ведь практически каждый литературный жанр представляет собой не статическую, а динамическую, *эволюционирующую* систему. Еще Ю. Тынянов отмечал, что «давать статическое определение жанра, которое покрывало бы все явления жанра, невозможно: жанр смещается. <...> Жанровая функция того или иного приема не есть нечто неподвижное» [11, с. 256–257]. В силу этого традиционные критерии жанра нередко оказываются для конкретных произведений «прокрустовым ложем», поскольку наряду с утвердившимися элементами в жанровой структуре появляются элементы новые, возникновение которых неизбежно при жанровой эволюции. Не следует забывать и о терминологических смещениях при именовании жанров: оды Горация или Пиндара подразумевали совсем иное жанровое содержание, нежели оды Ломоносова или Державина. Подобные понятийные сдвиги, приводящие к «омонимии» жанровых дефиниций, коснулись и других формально-содержательных структур поэзии, – в частности, эпиграммы, песни, баллады.

Более того, жанр, бытующий в XX веке, не только характеризуется приобретенными элементами, но, как справедливо полагает С. Бройтман, и новым отношением к нормативной идее жанра [3, с. 363–364], вследствие этого жанровая идентификация многих поэтических произведений не всегда представляется возможной. Если же мы будем оценивать вновь появляющиеся жанровые структуры только по меркам архаических жанровых моделей, то непременно придем к выводу о размывании жанровых границ.

Художник, создавая произведение искусства, сознательно или бессознательно принимает во внимание жанровый опыт (канон), сформированный в предшествующую литературную и долитературную эпоху; речевые, обрядовые и бытовые аналоги, особенно если дело касается адресованных жанров. Но и этим дело не ограничивается. Ориентируясь на определенные жанровые ожидания, бытующие в сознании современников,

писатель одновременно их же и нарушает, в противном случае ему грозит опасность эпигонства. То есть он не только следует «канонам» жанра, которые достаточно общи, но и привносит в жанровую модель индивидуальные черты, что приводит к постоянному обновлению жанровой традиции.

Отсюда следует, что необходим двойной ракурс рассмотрения феномена жанра: с точки зрения создателя литературного произведения и с точки зрения читателя. В основном, в силу задач, перед нами стоящих, мы рассматриваем феномен литературного жанра с позиций творца. Что же касается рассмотрения произведения с позиций рецептивной эстетики, то здесь нужно иметь в виду следующее. Читатель обладает предыдущим опытом знакомства с аналогичными произведениями и как бы идентифицирует данный текст с уже известными ему образцами и в соответствии с жанровым канонам, бытующим в его время. Такую функцию жанра американский исследователь А.Фаулер назвал «распознавательной». «Жанры, – полагает А. Фаулер, – имеют дело скорее с опознанием, чем с разграничением и классификацией» [14, р. 38]. Поэтому можно говорить о существовании в читательском сознании каких-то устойчивых инвариантных моделей или архетипов произведений, которые нередко и считают жанрами. Так, жанровое обозначение, данное в заглавии или подзаголовке («Поэма без героя», «Медный всадник. *Петербургская повесть*») служит определенным ключом для истолкования содержания, эмоциональной тональности и способа организации речевой структуры. Появляется эффект так называемого «жанрового ожидания», возникающий в результате ориентации на канон, предзаданный автором и укорененный в литературной традиции.

Думается, что к феномену читательского восприятия применима теория семантической изотопии, разработанная французскими семиотиками А.Греймасом [5] и Ф.Растье [9]. Эти ученые убеждены, что смысл не является одноплановой и линейной последовательностью значений, возникающих в тексте. Так, изотопия определяется А. Греймасом как «избыточная совокупность семантических категорий», которая делает возможным «целостное прочтение» произведения посредством выбора, актуализации тех

или иных смысловых векторов, заложенных в тексте [5, с. 97]. Отсюда следует, что смысл текста «имманентен не тексту, а интерпретаторской практике. <...> Устойчивость смысла – не более чем следствие нормализации интерпретаторских практик, например, в ритуале» [9, с. 286].

Если спроецировать эту теорию на феномен жанрового ожидания, то нетрудно заметить, что в герменевтической практике нередки случаи и жанровой изотопии: один и тот же текст может подвергаться различной жанровой интерпретации («погружаться» в различные семиотические системы) в зависимости от компетенции интерпретатора. А в соответствии с жанровым «регистром», в котором произведение воспринимается, будут изменяться и смысловая доминанта, и пафос произведения.

Хрестоматийный пример: А.П. Чехов, как известно, к «Вишневому саду» поставил жанровый подзаголовок «комедия». В Художественном театре при первой постановке эту пьесу трактовали как драму, что привело, по мнению автора, к изменению смысла произведения. «Почему,— писал он в письме О. Книппер (от 10 апреля 1904 года), — на афишах и в газетных объявлениях моя пьеса так упорно называется драмой? Немирович и Алексеев [Станиславский] в моей пьесе видят положительно не то, что я написал» [13, с. 706].

Блоковские «Скифы» могут быть интерпретированы в традиции жанра инвективы – как гневная, обличительная речь, обращенная к Европе; и в то же время – в традиции жанра «политического» послания, обращенного не к отдельному художнику, а к старому миру и культуре прошлого, причем не от своего лица, а от лица мира, несущего «культуру нового». Жанровый регистр восприятия зависит от того, *что* в качестве аксиологической доминанты выделяет читатель в силу своей интерпретирующей компетенции.

Поставив жанровую помету в заглавии (или в подзаголовке) своего произведения, художник тем самым отсылает читателя к определенной жанровой системе, ориентирует его на тот или иной канон, а иногда – сразу на несколько, как бы провоцируя возникновение эффекта жанровой изотопии. Так, стихотворение Ахматовой «Надпись на книге» (1940), открывающее сборник

«Тростник», имеет несколько жанровых трактовок, обусловленных его двойной жанровой маркировкой в заголовочном комплексе. С одной стороны, оно может быть прочтено как послание, о чем свидетельствует адресация – *М.Лозинскому*, заданная посвящением-подзаголовком (в правом верхнем углу). С другой стороны, название стихотворения побуждает к его жанровому истолкованию как «надписи», генетически восходящей к древнейшему жанровому канону античной эпиграммы (*ἐπίγραμμα* в переводе с древнегреческого означает *надпись*). Эта интерпретация актуализирует функционально-прагматические установки, связанные с репрезентационным статусом всякой *надписи* и оживляет генетическую память об античной жанровой практике (не случайно, первый же стих Ахматовой отсылает к греческой эпиграмматической (а точнее, к эпитафической) традиции: «Почти от залетейской тени...»). Таким образом, эти две жанровых трактовки выступают в статусе изотопов.

Еще пример. Ахматова воспринимала стихотворение А.Блока, к ней обращенное («Анне Ахматовой») как мадригал (находя в нем присущую этому жанру семантику и строфику). В то время как сам Блок этот текст трактовал как послание, подтверждением чему служит его включение в авторский цикл «Послания».

Из вышесказанного следует, что природа жанра диалогична, то есть жанровая семантика произведения как бы заново реализуется в процессе эстетической коммуникации. При этом та или иная жанровая трактовка отнюдь не зависит только от читательского «произвола» и богатства его жанровых ассоциаций, но задается самим текстом, вернее скрытыми («спящими») в нем жанровыми «валентностями». А их смысловая актуализация зависит от спектра жанровых ассоциаций читателя и от контекста, в который попадает произведение (цикла, раздела, книги и шире — художественной системы). Изъятие стихотворения из привычного контекста, перевод его в иную систему неизбежно приводит к изменению его жанрового облика (а стало быть, и смысла), то есть к эффекту жанровой изотопии.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. Т.5: Работы 1940-х – 1960 годов. С.159–206.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. Бройтман С.Н. Историческая поэтика: Учеб. пособие. М.: Издательский центр Академия, 2004. 352 с.
4. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 648 с.
5. Греймас А. Структурная семантика. М.: Академический проект, 2004. 368 с.
6. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: Наука, 1979. 360 с.
7. Лосев А.Ф. О понятии художественного канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М.: Наука, 1973. С. 6–15.
8. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Изд. 2-е. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. 334 с.
9. Растье Ф. Интерпретирующая семантика / Пер. с франц. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2001. 368 с.
10. Стенник Ю.В. Системы жанров в историко-литературном процессе // Историко-литературный процесс: Проблемы и методы изучения. Л.: Наука, 1974. С.168–202.
11. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
12. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
13. Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 9. Пьесы. 1880–904. М.: ГИХЛ, 1963. 711 с.
14. Fowler A. *Kinds of Literature: An introduction to the Theory of Genres and Modes*. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, 1982. 357 p.

УДК 82.09

**ЖУРНАЛИСТ И «СИСТЕМА» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СЕРГЕЯ
ДОВЛАТОВА**

*А. П. Краснова, Институт международного права и экономики
имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия*

**A JOURNALIST AND THE “SYSTEM” IN WORKS OF SERGEY
DOVLATOV**

*A. P. Krasnova, Griboyedov Institute of International Law and Economics, Moscow,
Russia*

Аннотация: Данная статья посвящена построению модели журналистской профессии второй половины XX века в СССР на основе произведений Сергея Довлатова. Писатель сам совершал журналистскую работу, итоги которой описал в некоторых своих произведениях. Довлатов описывает условия работы, производственный коллектив и внутренний распорядок редакции, которые были общепринятыми в 1970-е годы – именно время разворачивается повествование.

Abstract. This article deals with the creation of the model of journalist`s job in the second half of XX century in USSR on the basis works of Sergey Dovlatov. The writer was working as a journalist. His experience was written in Dovlatov`s works. He described his workplace, colleagues and the schedule of editorial which used to use in USSR in 1970s.

Ключевые слова: журналист, редакция, С. Довлатов, советская действительность.

Key words: journalist, editorial, Sergey Dovlatov, Soviet reality.

E-mail: arnicrasnova@mail.ru

Сергей Довлатов – советский писатель, работавший в газете «Советская Эстония» в 1972–1975 годах. О своем опыте работы журналистом автор создал несколько сборников новелл, каждый из которых представляет наиболее яркие ситуации из быта советского журналиста второй половины XX века. В своей работе я бы хотела на основе рассказов Довлатова выстроить модель журналиста и его работы в условиях идеологии КПСС.

В своей работе я буду опираться на сборник «Компромисс». Источник считается достоверным, не основанным на авторском вымысле. Поэтому выстроенная на их основе модель будет правдоподобной.

В первую очередь стоит отметить, что в 1970-х годах в советских редакциях стали появляться журналисты, которые имеют высшее профессиональное образование. Первые факультеты журналистики были открыты в пятидесятые годы, на семидесятые годы приходится деятельность их первых выпускников. Сам Довлатов заочно учился на факультете журналистики ЛГУ (ныне СПбГУ), но диплом так и не получил. Однако уже во время учебы писатель трудился в различных газетах.

Основная обязанность каждого журналиста в советское время – писать в соответствии со строгой идеологией, которую диктовала КПСС. Особенно когда дело касалось стран социалистического и капиталистического лагерей. Вплоть до того, что страны, перечисленные в новостной заметке, должны быть расположены в определенном порядке:

«– Вы перечисляете страны...

– Разве нельзя?

– ...дело в том, как вы их перечисляете. В какой очередности. Там идут Венгрия, ГДР, Дания, затем – Польша, СССР, ФРГ...

– Естественно, по алфавиту.

– Это же внеклассовый подход... Демократические страны – вперед! Затем – нейтральные государства. И, наконец, – участники блока...» [1, с. 9].

Главный редактор «Советской Эстонии» Генрих Францевич Туронок, над которым автор неоднократно иронизирует, пеняет Довлатову на ошибки, при этом сам явно совершает их. С точки зрения советской идеологии его претензии к журналистским работам Довлатова вполне обоснованы, но в то же время противоречат элементарным законам мышления. А иногда и здравому смыслу.

Зачастую партия диктовала писать то, что не следует действительности. В сборнике «Компромисс» Довлатов описывает случаи, в которых ему приходилось упрашивать участников определенных событий изменять факты,

чтобы действительность менялась под те условия, которые диктовал редактор. В связи с такими случаями писатель характеризует свою работу в эстонской прессе как «десять лет вранья и притворства» [1, с. 8].

«- Вот и отлично. Договоритесь, чтобы ребенка назвали Лембитом...

-... кто же назовет своего ребенка Лембитом! Уж очень старомодно. Из фольклора...

- Пусть назовут. Какая им разница?!... В юбилейном номере это будет смотреться...» [1, с. 47].

Стоит ли добавлять, что родители получили вознаграждение за то, что назвали так ребенка?

В рассказах Довлатова журналистика в красках рисует принципы существования советского государства. В том же эпизоде с ребенком первые несколько кандидатов на «Лембита» были отсеяны. Первый ребенок оказался чернокожим, второй евреем. Компромисс, описанный Довлатовым, представляет нам дискриминацию и расовые предрассудки, которые в то время бытовали в советском обществе.

Каждое слово в журналистском тексте тщательно проверялось. Особенно тщательно проверялись упомянутые в этих текстах лица: биографию могли проверить не только участника описанных событий, но и их ближайших родственников. В одном из компромиссов автор приводит пример, в котором из-за недостаточного количества данных о человеке целая рубрика в газете практически была закрыта.

«- Знаете, какая профессия была у этого вашего Сильда?

- Знаю. Портной...

-... А раньше?

- Раньше – не знаю.

- Так знайте же – в войну он был палачом! Служил у немцев... Понимаете, что вы наделали?! Прославили изменника Родины! Навсегда скомпрометировали интересную рубрику!» [1, с. 81].

Огромное значение играла репутация самого журналиста. При приеме на работу и просмотре статей с предыдущих мест работы можно было остаться без должности. В первую очередь проверялась национальность журналиста, его принадлежность к партии. И только потом внимание обращалось на опыт работы, стиль написания и рекомендации с прошлых мест работы, если таковые имеются.

«В журналистике каждому разрешается делать что-то одно. В чем-то одном нарушать принципы социалистической морали. То есть одному разрешается пить. Другому – хулиганить. Третьему – рассказывать политические анекдоты. Четвертому – быть евреем... Но каждому, повторяю, дозволено что-то одно. Нельзя быть одновременно евреем и пьяницей... Я же был пагубно универсален... И меня уволили» [1, с. 138].

Особое внимание хочется уделить составу редакции, в которой трудился Довлатов. В «Компромиссе» представлены все штатные сотрудники газеты «Советская Эстония» и их примерный распорядок дня. Сам Довлатов в этой газете числился внештатным корреспондентом.

По рассказам Довлатова, управляющим печатным изданием (как, впрочем, и по сей день) является главный редактор. Упомянутый выше Генрих Францевич Туронок распределял материалы, давал указания по их написанию, занимался их корректировкой перед передачей в типографию. На плечи главного редактора возлагалась громадная ответственность: проверить не только грамматические и пунктуационные ошибки, но и идеологические. За это управляющий отвечал не только репутацией и существованием издания, но и собственной жизнью.

Есть у Довлатова примеры и не совсем добросовестных журналистов. В том же «Компромиссе» автор пишет, что его коллега (Эрик Буш) выдумал интервью с реальным капитаном. Который, вдобавок ко всему, оказался беглым советским поданным. Когда факты вскрылись, случай имел небывалый резонанс, но что стало с корреспондентом, автор умалчивает.

Да и сам Сергей Донатович иногда мог украсить статью выдуманным фактом. Или, например, цитатой Гёте, которую тот никогда не говорил: «Рождается человек – рождается целый мир!» [1, с. 30].

В редакции обязательно присутствует фотокорреспондент. В рассказах Довлатова это Михаил Жбанков. Как правило, фотокорреспондент всегда сопровождает журналиста во время сбора и подготовке материала для печати. Также он ответственен за проявку пленки и изготовление фотографий.

В «Компромиссе» также представлены журналисты по тематическим отделам: спорт, промышленность и так далее. В рассказах мелькает и другой персонал: секретари, наборщики, инструкторы ЦК, с которыми журналистам или редактору часто приходится иметь дело в ходе выпуска газеты. О размерах редакции судить довольно трудно. Скорее всего, она небольшая, со стандартным набором необходимых помещений и традиционным штатом сотрудников. Но есть и кадры вроде Эдика Вагина, роль в которых так и не удалось определить. Сам Довлатов характеризует их так: «В любой редакции есть человек, который не хочет, не может и не должен писать... Все к этому привыкли и не удивляются» [1, с. 84].

Кроме традиционной, печатной журналистики, в шестом компромиссе [1, с. 55] представляет и советскую радиожурналистику на примере случая, произошедшего с журналисткой Лидией Агаповой. Сам компромисс в этом случае не слишком примечателен, но стоит обратить внимание на организацию работы журналиста в радиостудии. После введения новой программы «Встреча с интересным человеком» Агапова приступает к поиску героев своего нового проекта. Возможными кандидатами становятся ее знакомые и друзья. Особо хочется отметить роль связей в работе журналиста. Лидия сама ищет человека и организует всю дальнейшую работу, а не работает с кандидатом, которого предлагает редактор (хотя бы потому, что тот просто дает задание, а его выполнение касается только самой журналистки).

Рассказы Довлатова отличаются тонким юмором, граничащим с сарказмом. У многих они вызывают смещение, особенно когда в текстах

мелькает нецензурная брань. Почти у каждого читателя возникает вопрос: было ли это на самом деле? – настолько нереальными кажутся представленные Довлатовым обстоятельства. Но за комичностью героев автора и сюжетов, которые он представляет, как это ни удивительно, и в самом деле скрывается советская действительность.

Список литературы

1. Довлатов С. *Компромисс: рассказы*. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 224 с.
2. Довлатов С. *Ремесло*. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 192 с.

УДК 82

АДРЕСАТЫ ПОЭЗИИ В.В.МАЯКОВСКОГО 1920-Х ГГ.

*Т.С. Круглова, Институт международного права и экономики имени
А.С.Грибоедова, г. Москва, Россия*

*И.Р. Степкин, Российский государственный социальный университет, г.
Москва, Россия*

Ю.В. Холодкова, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

ADDRESSEES OF V.V. MAYAKOVSKY'S POETRY IN 1920-IES

*T.S. Kruglova, A.S. Griboedov Institute of International Law and Economy, Moscow,
Russia*

I.R. Stepkin, Russian State Social University, Moscow, Russia

Y.V. Kholodkova, Penza State University, Penza, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению отдельных лирических адресаций В.В.Маяковского 1920-х гг. В процессе анализа акцентируются прежде несвойственные поэту манипулятивные коммуникативные стратегии, образ поэта-учителя, что стало прямым следствием изменения идейно-эстетической парадигмы его творчества. В методологическом плане исследование опирается на исследования феномена диалогизма русской поэзии вообще и Серебряного века в частности (С.Н.Бройтман, В.А.Грехнев, Ю.И.Левин, Л.Г.Кихней, Е.Н.Федосеева и др.), статьи и диссертации, посвященные изучению литературных, генетических и биографических связей В.В.Маяковского.

Ключевые слова: Серебряный век, диалог, лирика, поэтика, межкультурная коммуникация, традиция.

Annotation. This research paper is devoted to the consideration of some stand-alone cases of V.V. Mayakovsky's lyric addressing of 1920-ies. The process of analysis reveals manipulative communication strategies, which were previously unusual for the poet, and the image of the poet-teacher, which turned out to be the direct consequence of changes in the ideological and aesthetic paradigm of his literary work. In the methodological aspect, the research is based on the studies of the phenomenon of dialogism of Russian poetry in general and the Silver Age in particular (S.N. Broitman, V.A. Grekhnev, Y.I. Levin, L.G. Kikhnei, E.N. Fedoseyeva, etc.), on research papers and dissertations, devoted to the studies of V.V. Mayakovsky's literary, genetic and biographical connections

Key words: Silver Age, dialogue, lyrics, poetics, intercultural communication, tradition.

E-mail: tatjana.sk@mail.ru, istepkin@inbox.ru, julia.kholodkova@yandex.ru

Всех адресатов послереволюционного Маяковского можно объединить в две тематические группы: обобщенный реципиент (например, пролетарские поэты) и конкретный (Пушкину). В первом случае речь идет о массовом адресате, представителе того или иного класса, профессии, образа жизни. В. Маяковский обращается к типизированному корреспонденту, акцентируя внимание на его социальной функции.

Обратимся к стихотворению «Послание пролетарским поэтам» (1926). Уже в первых строках герой В. Маяковского называет себя старшим товарищем «неглупым и чутким». Здесь мы видим настроенность героя на диалог с поэтами-единомышленниками. Уже в самом начале автор обращается к популярным в то время советским поэтам: Александру Безыменскому, Михаилу Светлову и Иосифу Уткину. Известен факт реальной причины, побудившей В. Маяковского к написанию этого «послания»: А. Безыменский опубликовал в «Комсомольской правде» (1926. № 129. 6 июня) «Оду скромности», в которой упрекал Маяковского за чрезмерное внимание к своему образу [1]. Последний своим ответом на страницах той же «Комсомольской правды» (1926. № 134. 13 июня) не просто вступает в полемику с собратом по поэтическому «цеху», но декламирует поэтический манифест нового искусства

и, говоря языком М.Ю. Лотмана, стремится установить контакт с другими поэтами, апеллируя к общему идеологическому коду и общности целей адресанта и адресатов [2, с. 94–95]: «Есть / перед нами / огромная работа – / каждому человеку / нужное стихачество. / Давайте работать / до седьмого пота / над поднятием количества, / над улучшением качества».

В своем стремлении обобщить, научить новому поэтическому ремеслу В. Маяковский приходит к отказу от строгой поляризации лирического героя и реципиента, как это было в дореволюционный период творчества. Подобного рода обобщения легко прочитываются и на лингвистическом уровне: в тексте активно используется местоимение «мы», тем самым автор делает акцент на своей сопричастности к другим поэтам. Заметим, что смена коммуникативной стратегии В. Маяковского прослеживается и на уровне жанра. Анализируемое «Послание пролетарским поэтам» нарушает традиционную форму и содержание классического послания, которое, как правило, представлено в форме интимного диалога между двумя людьми. В. Маяковский делает форму своего диалога максимально открытой. Перед нами диалог в присутствии третьего: читатель (слушатель) становится как бы свидетелем поэтических дебатов, а все обращения и призывы в данном случае носят лозунговый характер.

В «Послании пролетарским поэтам» появляется идея создания общей поэтической коммуны. В. Маяковский эту идею отчасти перенимает у своих же соратников – кубофутуристов (в частности, у В. Хлебникова), но наполняет ее совершенно иным содержанием: творческое объединение поэтов должно работать на благо создания не только нового искусства, но в первую очередь – нового государства социальной справедливости. Именно поэтому после революции В. Маяковский постепенно отходит от романтического индивидуализма, заменяя его коллективной коммуникативной моделью: теперь сам поэт – это воплощение, аллегория других поэтов, его поэтическое сознание есть общественное достояние.

Когда же Маяковский обращается к конкретному лицу, он ставит читателя в позицию стороннего наблюдателя за лирическим диалогом. Здесь поэт в какой-то мере продолжает традиции классического послания, но и одновременно значительно их переосмысливает. Интимный лирический диалог он умело трансформирует в поединок между двумя поэтами. Он в духе своей революционности вступает в спор с литературной традицией, хотя бунтарские дореволюционные ноты уже заметно приглушены. В. Маяковский теперь смотрит вглубь себя, пытается художественно запечатлеть личностное, пережитое. Отсюда все диалоговые формы – своеобразная попытка осознать свою роль в литературной, политической жизни. В частности, в «Письме писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому» (1926) адресант хотя и оговаривается, что не «лезет ни с моралью, ни в спасатели», тем не менее допускает ряд учительско-полюемических выпадов. В частности, Маяковский сетует: «Очень жалко мне, товарищ Горький, / что не видно / Вас / на стройке наших дней. / Думаете – / с Капри, / с горки / Вам видней?»

Письмо касается и ряда поэтологических вопросов, в частности, качества и тематики современного искусства: Горькому ставится в вину его излишняя «всеядность»; то, что он готов выдать «похвалы повальные» всем без разбору. При этом Маяковский говорит о высоком авторитете и опыте адресата, прибегая к амбивалентной технике «укора-похвалы», которая призвана наставить сбившегося с истинного пути товарища.

Особняком среди лирических адресаций В. Маяковского стоит «Юбилейное» (1924). Здесь осуществлен радикальный поворот в творческом мироощущении певца революции к отечественным литературным истокам. Он уже не собирается классику «сбрасывать с парохода современности», а называет себя продолжателем дела своих великих предшественников. В обращении к А.С. Пушкину В. Маяковский акцентирует необходимость «прижизненного» диалога с великим классиком и сквозь призму этого диалога определяет свое место в русской литературе.

Казалось бы, совсем недавно, в 1918 году Маяковский в стихотворении «Радоваться рано» с присущим футуристическому дискурсу экстремизмом вопрошал: «А почему / не атакован Пушкин? / А прочие / генералы классики?». Но в «Юбилейном» поэт революции занимает прямо противоположную позицию по отношению к «генералу классики». При этом он воспринимает Пушкина не как литературного генерала, а как равного, как своего современника, как товарища по литературному труду. Вот почему на стилистическом и синтаксическом уровнях диалог максимально приближается к ситуации реального общения: «Александр Сергеевич, / разрешите представиться. / Маяковский. / Дайте руку! / Вот грудная клетка. / Слушайте, / уже не стук, а стон...». Таким образом, перед нами не столько лирическое послание, сколько поэтический разговор [3, с. 433].

А.С. Субботин, ссылаясь на исследование З.С. Паперного «Поэтический образ у Маяковского», говорит об онтологической основе лирических разговоров-обращений В. Маяковского; ср.: «Это разговор поэта с жизнью, разговор на “ты” (“Товарищ жизнь...”» [4, с. 149]. Постоянно имитируя живую речь, реальный разговор, В. Маяковский стремится снять любого рода временные оппозиции. Он оживляет образ А.С. Пушкина, избавляет его от «хрестоматийного глянца». В. Мусатов замечает: «Не ощущая себя продолжателем пушкинской традиции, он (Маяковский) соотносил себя с „живым“ Пушкиным функционально, а не преемственно» [5, с. 255]. Для него великий поэт действительно важен только здесь и сейчас. Классик для В. Маяковского – это уже не просто знак традиционной литературы, устаревших хрестоматийных форм, это поэт современности. И здесь, как нам видится, следует поспорить с привычными трактовками «Юбилейного», которые сводятся к восприятию данного стихотворения как поэтической декларации любви и уважения В. Маяковского к классическому наследию. Соединяя две совершенно разные семиотические модели, В. Маяковский полностью снимает временную оппозицию, для поэта ценностным ориентиром становится реальная жизнь: «Ненавижу / всяческую мертвечину! / Обожаю / всяческую жизнь!»⁷

Пушкин для В. Маяковского – это «хороший поэт», поэт – деятель («в жизни мастак»). «Ставя себя рядом с Пушкиным, опять же освещая этот ряд легкой иронической усмешкой (все-таки о себе речь), Маяковский тем самым снимает нигилистический пафос прежних высказываний о классике» [6, с. 73].

С другой стороны, образ А.С. Пушкина в данном стихотворении провоцирует В. Маяковского на поэтическую исповедь. Поэт как бы отчитывается перед классиком о современном состоянии литературы. Таким образом, перед нами уникальный диалог, который является попыткой самопостижения, диалога самим с собой. Лирический герой и его великий предшественник, по сути, оказываются неразрывно связанными. Образ Пушкина здесь – стимул обратиться к себе, художественно запечатлеть индивидуальное, личное, пережитое. В. Альфонсов называет «Юбилейное» исповедью-отчетом, разговором с судьбою и о судьбе: «Оба они <Пушкин и Маяковский> одной судьбы. Шутка и ирония отступают, когда этот мотив вдруг прорывается на пределе драматизма...» [7, с. 169].

Примечательно в «Юбилейном» и деление поэтов на достойных и осмеиваемых, порицаемых. К первым (среди классиков) относится не только сам Пушкин, но и «протореволюционер» Некрасов, к ним же примыкают сам Маяковский и «Асеев Колька». Ко вторым – целая галерея более или менее известных на тот момент авторов во главе с «балалаечником» Есениным.

Именно ему будет посвящено стихотворение, ставшее одним из программных в контексте адресованной лирики Маяковского. Речь – о стихотворении «Сергею Есенину» (1926), поэтическом отклике на смерть Есенина, в котором прозвучали важные поэтологические тезисы. Жанр этого произведения может быть определен как эпитафия, хотя и обладающая рядом нехарактерных черт. Кстати, от эпитафических тенденций Маяковский всячески пытался отмежеваться в «Юбилейном», здесь же, раз речь шла об отклике на недавнюю смерть «последнего поэта деревни», Маяковский оставляет трагико-элегические нотки: «Нет, Есенин, / это / не насмешка. / В горле / горе комом – / не смешок...».

Есенин был давним оппонентом Маяковского, с которым они не раз затевали «поэтические дуэли», в том числе и на эстрадных подмостках. Смерть «последнего поэта деревни» помогает Маяковскому увидеть Есенина не представителем «мужиковствующих своры», а большим поэтом с трагической судьбой. И хотя эстетические позиции двух поэтов все еще разведены, критический заряд по отношению к давнему сопернику заметно снижен. Во второй части стихотворения о Есенине не написано ни слова. Маяковский переключается на актуальную для себя тему – борьбу с мещанством. После череды ударов по мещанской «дряни», поэт заканчивает стихотворение собственным жизнеутверждающим кредо, в котором переиначиваются «смертные» строки Есенина: «В этой жизни / помереть / не трудно. / Сделать жизнь / значительно трудней».

К типу собеседников, находящихся с Маяковским на исторической дистанции, относятся и потомки. Этот своеобразный тип «провиденциального собеседника» да и вообще образ «коммунистического далека» появляется у поэта неоднократно. В частности, во вступлении к поэме «Во весь голос» Маяковский обращается к «уважаемым товарищам потомкам» для того, чтобы рассказать «о времени и о себе». И начинает он свой рассказ с ряда поэтологических вопросов, которые уже решались в предыдущих адресованных стихах, в частности, эпитафического характера. В принципе и это произведение в какой-то степени может быть названо эпитафией – голос Маяковского словно звучит как бы из смерти. Глядя на современную ему литературу, певец революции указывает на свою особую роль для искусства будущего, противопоставляя себя «песенно-есенинному провитязю», а также галерее других поэтов-современников (К. Митрейкину, А. Кудрейко, И. Сельвинскому), на которых указывается прямо или имплицитно. Завершается вступление в поэму масштабной метафорой, где Маяковский сравнивает свои стихи с армией, которая «громаду лет прорвет», а также торопит жизнь, стремясь к счастливому будущему – к «построенному в боях социализму».

Список литературы

1. *Безыменский А. Ода скромности // Комсомольская правда. – 1926. – № 129 (6 июня).*
2. *Лотман Ю.М. Текст и структура аудитории // Даугава. – 1988. – № 1. – С. 93–98.*
3. *Метченко А.И. Творчество Маяковского в первые годы советской власти. 1917 – 1924 гг. – М.: Сов. писатель, 1954.*
4. *Субботин А.С. Маяковский: Сквозь призму жанра. – М.: Сов. писатель, 1986.*
5. *Мусатов А. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. – М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 1998.*
6. *Михайлов А. Маяковский. – М.: Молодая гвардия, 1988.*
7. *Альфонсов В. Нам слово нужно для жизни. В поэтическом мире Маяковского. – Л.: Сов. писатель, 1984.*

УДК 82.09

РЕЧЕВЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ БЛОГЕ

*О.С. Кудимова, Институт международного права и экономики имени
А.С.Грибоедова, Москва, Россия*

SPEECH MANIPULATIONS ON A POLITICAL BLOG

*O.S.Kudimova, Griboyedov Institute of International Law and Economics,
Moscow, Russia*

Аннотация. В статье раскрыто понятие речевой манипуляции, рассмотрены способы речевой манипуляции в политическом дискурсе. Проведено исследование лексико – грамматических способов речевого манипулирования в политических блогах. Показано, что использование манипулятивных тактик и приемов типично для данного сегмента политического дискурса; доказано, что тексты политического блоггинга обладают большим манипулятивным потенциалом.

Ключевые слова: политический блог, манипуляция, политика, речь, интернет.

Abstract. The article reveals the concept of speech manipulation, considers the ways of speech manipulation in political discourse, makes a study of the presence of speech manipulation techniques in political blogs. With the example of various political blogs it is shown that the use of manipulative tactics and techniques is typical to this segment of political discourse. The texts of political blogging have great manipulative potential.

Key words: political blogging, manipulation, politics, speech, Internet.

E-mail: kudimova_o@list.ru

На сегодняшний день Internet уже является одним из атрибутов жизни в обществе. Каждый день миллионы людей, нуждаются в доступе к глобальной сети, причем цели данной потребности кардинально разные, то есть от простого поиска необходимой информации и посещения социальных сетей к серьезной работе на уровнях от частного к государственному. Проникли интернет – технологии и в политическую сферу. Общение политиков с народом, основная масса политического пиара, отражение актуальных событий в дискуссиях, целые информационные компании – все это сегодня происходит в Интернете.

Несмотря на достаточно большой разрыв в количестве пользователей сети между Москвой, Санкт-Петербургом и регионами (который по статистике неуклонно сокращается) именно Интернет и его постоянно обновляющиеся возможности все сильнее влияют на политическую ситуацию.

Новые механизмы коммуникации одновременно предоставляют разнонаправленные возможности: как манипулирование массами, так и гражданское участие, защита от информационного воздействия. Интернет сегодня не «свободное» информационное пространство, а пространство борьбы, между претендующими на правду и выбор массами и желающими манипулировать политическими акторами.

Актуальность данного исследования определяется возрастающей ролью политического блога в формировании общественного сознания. Он становится оружием манипулирования массами, выражением доминирования или дискриминации. Выявление и характеристика методов и приемов речевого

воздействия в политическом блоге обретают все большую важность в рамках современной лингвистики.

Научная новизна исследования заключается в том, что автором впервые проводится анализ манипулятивных тактик политического блоггинга.

Способы речевой манипуляции в политическом дискурсе

Способы манипуляции, используемые обычно в рамках политического дискурса, достаточно полно представлены в классификации С.В. Ивановой и Р.Т. Садуова [3, с. 52–59]. В основе данной классификации лежит утверждение, что способы манипуляции в зависимости от глубины их воздействия на адресата относятся либо к глубинному, либо к поверхностному уровню. Способы манипуляции обоих уровней реализуются в речи, но манипуляции глубинного уровня обращены непосредственно к подсознанию человека.

Следующие способы манипуляции затрагивают глубинные структуры сознания: политические мифы, театральность, теория заговора, магия слова, магия имени, аббревиатура. Рассмотрим их подробнее.

Политические мифы. Они формируются с опорой на архетипичные образы. Классическими мифологическими оппозициями, применяемыми в сфере политической коммуникации, являются Хаос – Порядок; Жизнь – Смерть; Свой – Чужой; Могущество – Слабость; Добро – Зло [6, с.55]. Поскольку мифы репрезентуют врожденное коллективное бессознательное, то их связь с подсознанием человека становится очевидной.

Театральность. Театральность направлена на создание символической реальности, которая помогает контролировать массовое сознание. Театральность представляет собой совокупность театральных приемов, перенесенных в сферу политической коммуникации, и используемых для воздействия на публику с целью решения политических задач. Данный способ манипуляции лежит в основе имиджа политического деятеля. Исходным положением является то, что потенциальный избиратель реагирует не на конкретного человека, а на создаваемый образ.

Теория заговора. Этот способ манипуляции близок к политическому мифу. Целью теории заговора является дискредитация политического оппонента. По сути, посредством использования теории заговора критикуется носитель другого мифа (враг).

Магия слова. За счет использования ряда слов из подсознания адресата извлекаются необходимые структуры. В странах Западной Европы, в частности в ФРГ, к таким словам, например, относятся «свобода», «демократия», «конституция».

Магия имени. В своих рассуждениях манипулятор часто опирается на мнения авторитетов, за счет чего высказанная мысль автоматически приобретает вес и значение. При этом адресат, как правило, не проверяет, правильно ли была озвучена мысль, или верно ли она была истолкована.

Аббревиатура. Аббревиатура обладает собственным значением, репрезентирующим определенные понятия, организации, структуры. Когда адресат слышит аббревиатуру, в его сознании возникает образ того, что за ней скрывается.

Способы манипуляции данного уровня предполагают активизацию глубинных механизмов: они проникают в сознание и оказывают влияние на подсознание получателя.

К поверхностным структурам, служащим для украшения речи относятся: паралогические риторические приемы в манипулятивной функции, нарушение постулатов общения с целью манипуляции, стилистические приемы, приемы неправдоподобного описания в манипулятивной функции [3, с. 52–59].

Паралогические приемы являются осознанными отклонениями от законов и правил формальной логики. Это достаточно обширная группа, которая включает такие подгруппы, как приемы, основанные на несоблюдении закона достаточного основания; приемы, основанные на несоблюдении закона тождества; приемы, основанные на несоблюдении закона противоречия.

– Приемы, основанные на несоблюдении закона достаточного основания, построены на том, что любая правильная мысль должна быть подтверждена

другими мыслями, истинность которых неоспорима. Манипулятором часто используются следующие приемы, противоречащие данному закону: отождествление оппонента с дискредитированной в представлении получателя социальной группой; проведение необоснованных аналогий; прием намеренного опережения событий (события описываются, как уже свершившиеся); прием создания комплексной эквивалентности (за счет использования лексем «значит», «соответственно», «таким образом», «из этого следует» гипотетическое выдается за аксиому); трюизмы («использование избитых истин, банальных фраз» перед информацией, которую нужно внедрить в сознание адресата); перенос мнения нескольких людей на представительную группу и т.п.

– Приемы, основанные на нарушении закона тождества, построены на том, что каждая мысль в процессе рассуждения должна иметь одно и то же определенное, устойчивое содержание. Пренебрегая этим законом, манипулятор прибегает к таким приемам, как «коммуникативный саботаж» («игнорирование предыдущей реплики и использование в ответе нового содержания»); сужение и расширение тезиса.

– Приемы, основанные на несоблюдении закона противоречия, построены на том, что две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении, не могут быть одновременно истинны. Манипулятор нарушает этот закон, формулируя два утверждения, противоречащие друг другу.

Рассмотрим способы речевой манипуляции, основанные на нарушении постулатов общения. Постулаты речевого общения выступают для адресата в качестве значимой, но невербализованной информации. В них зафиксированы общие закономерности, которым подчиняется процесс коммуникации.

К приемам, основанным на нарушении постулатов общения, и выполняющим в определенном контексте манипулятивную функцию относятся: апосиопеза (намеренное недоговаривание высказывания); аллюзия (намек); смысловые пропуски; пресуппозиция; эллиптические сравнения.

Приемы неправдоподобного описания в манипулятивной функции представляют собой отклонение от концептуальной картины мира. Манипулятивный характер приемов неправдоподобного описания базируется на особенности человеческого восприятия, которое заключается в том, что противоестественное обладает свойством привлекать внимание и надолго задерживаться в памяти [8].

Стилистические приемы речевой манипуляции основаны на прагматически мотивированном отклонении от языковой нормы. В политическом дискурсе очень часто с целью манипуляции используются тропы, поскольку поэтически выраженная мысль очень действенна в программировании поведения адресата. Удобны для манипулятора, в частности, метафоры, которые являются художественно выраженными стереотипами, готовыми эстетически привлекательными штампами. Другими стилистическими приемами являются: обыгрывание собственного имени; использование «нагруженного языка» (лексики, характеризующейся наличием многочисленных смысловых, идейно-политических, эмоциональных коннотаций); прием «навешивания ярлыков» («закрепление в сознании чьего-либо дискредитирующего образа»; эвфемизация («использование в речи стилистически нейтрального слова или выражения вместо синонимичной языковой единицы, которая представляется говорящему грубой или нетактичной»); прием искажения цитат и прием прямого цитирования; номинализация.

Важно, что сами по себе данные приемы не являются манипулятивными. Таковыми они становятся лишь при попытках «внедрения в сознание адресата определенного отношения к элементу действительности».

Далее мы рассмотрим стилистические приемы речевой манипуляции на конкретных примерах.

Приемы речевого манипулирования в политических блогах

На данный момент нет четкой и общепризнанной классификации приемов речевого манипулирования, равно как и единой терминологии в этой области. Можно выделить две основные тенденции, которые наметились у

исследователей при анализе данной темы: в одних случаях имеет место простое перечисление приемов речевого манипулирования, в других предлагаются разнообразные классификации, выделенные на различных основаниях и отличающиеся друг от друга. Мы подойдем к анализу приемов речевого манипулирования с позиции филологического анализа и рассмотрим лексико – грамматическую группу приемов, используемых в политических текстах.

Лексико-грамматические приемы речевого манипулирования в политических блогах включают в себя:

– Ссылка на неизвестный источник. Автор текста далеко не всегда хочет нести ответственность за информацию, которую по разным причинам передает адресату. В этом случае одним из часто используемых приемов речевого манипулирования в политических блогах выступает ссылка на неизвестный источник (О.Н. Быкова называет этот прием «неопределенность, нереферентность при названии источника информации» [2, с. 19]).

Для данного приема характерно использование таких конструкций, как: по информации из осведомленных кругов; по сообщениям прессы; по слухам; по непроверенной информации; как стало известно; по сведениям из надежного источника; говорят, что; есть мнение и т.п. Е.Л. Доценко называет словосочетания подобного типа «неопределенным референтным индексом» [4, с. 78].

Примером данной манипуляции является сообщение:

«Как стало известно, аналитики Morgan Stanley, крупнейшего банковского холдинга США, владеющего самым масштабным брокерским бизнесом в мире, предрекают миру скорый нефтяной коллапс» (Перспективы распада России// <https://www.obozrevatel.com/blogs/83061-perspektivy-raspada-rossii.htm>).

В данном сообщении фраза «как стало известно» позволяет автору публикации, по крайней мере, частично, снять с себя ответственность за высказанную информацию.

– Лексемы-ограничители. Существуют лексемы и словосочетания, которые используются для снижения силы утверждения. Они активно

используются в интернет - блогах в рамках речевого манипулирования сознанием читателя.

Можно выделить несколько групп ограничителей.

1. Оптимизирующие ограничители (к ним относятся, в частности, такие слова и выражения, как формально, строго говоря, в определенном отношении, в специальном понимании и др.) указывают на то, что утверждение характеризуется рядом неточностей, изъянов и говорящий осознает это, однако в данной ситуации утверждение все же остается справедливым.

Примером данной манипуляции является фраза: «Это больше, чем просто экономический ресурс, это не в меньшей степени политический ресурс, ресурс государственников, ресурс, позволявший Украине какое-то время находиться в перечне независимых государств» (Как за 3 года власть полностью обесценила Украину// <http://uainfo.org/blognews/1482796702-kak-za-3-goda-vlast-polnostyu-obestsenila-ukrainu.html>).

2. Ограничители силы утверждения (сюда включаются такие выражения, как: по крайней мере, вроде, как бы и др.) позволяют снять с себя ответственность за высказанный тезис. Пример использования ограничителей данной группы обнаруживается в следующем текстовом фрагменте:

«С моей точки зрения, даже если в четверг Верховная рада примет решение о введении визового режима с РФ, этот вопрос, по крайней мере, в ближайшие месяцы не будет решен» (Визовый режим с Россией: почему его не введут// <https://www.obozrevatel.com/blogs/46701-vizoviy-rezhim-s-rossiej-v-chem-kamen-pretknoveniya.htm>)

3. Ограничители ментального размежевания (это выражения утверждать (чаще в личной форме 3 л. утверждает, утверждал и т.п.), подтверждать (в тех же личных формах), заявлять (в тех же личных формах), по словам, якобы, слышал и др.) используются для того, чтобы

противопоставить себя мнению цитируемого лица или как минимум не брать на себя ответственность за сказанное другим человеком.

Приведем пример:

«Если вкратце процитировать основные новостные таблоиды, то, по мнению экспертов, нефтяной рынок находится в таком состоянии, когда сокращение инвестиций в нефтедобычу, в связи с удешевлением нефти, лишь подстегивает объемы её добычи. Именно по этой причине мы можем наблюдать постоянный рост показателей добываемого черного золота, ведь только в странах ОПЕК ежесуточная выкачка выросла на 1,5 млн. баррелей» (Перспективы распада России// <https://www.obozrevatel.com/blogs/83061-perspektivy-i-raspada-rossii.htm>).

– Прием создания комплексной эквивалентности. Он основан на использовании лексем значит, соответственно, таким образом, из этого следует и т.п. для того, чтобы гипотетическое выдать за аксиому. Можем привести такой пример:

«И поскольку сторонники Путина, как уже сказано, на призывы к бойкоту не отреагируют, а отреагируют только его противники, то при сохранении числителя этой дроби у нее, в результате бойкота, уменьшится знаменатель.

Следовательно, «путинский процент» увеличится» (Б. Вишневский. Бойкот выборов, как «назло маме уши отморожу»: https://echo.msk.ru/blog/boris_vis/2112990-echo/).

– Прием мультипликации. Прием мультипликации заключается в «создании плюралиса» (множественности): умножение (плюрализация) имен действия. Плюрализация действий и ситуаций выражается в использовании таких лексем, как постоянно, обычно, предпочитают и т.д. Например: «Интересы Лидера всегда являются интересами системы. И потому система и Лидер не должны противоречить друг другу» (Блог А. Халдея: Созрел ли в России кризис политической системы? // http://zavtra.ru/blogs/sozrel_li_v_rossii_krizis_politicheskoy_sistemi).

Е.Л. Доценко называет генерализации во времени (всегда, постоянно, вечно) «расширенными обобщениями» [4, с. 78]. Е.Н. Добросклонская прием плюрализации имен действий обозначает как перенос мнения нескольких людей на представительную группу.

– Прием интимизации повествования. Прием интимизации повествования представляет собой такое использование языковых средств, в результате которого создается эффект доверительного общения автора с аудиторией. Для этого используется местоимение мы с размытым содержанием. Например: «Помните, как мы все поняли, что в СССР мёртв коммунизм? Мы поняли это по тому, что язык коммунизма стал восприниматься как глубокая архаика, а его носители - как чудаки или лжецы.» (Блог А. Халдея: Почему в России мёртв либерализм // <https://alexis152.livejournal.com/268749.html>).

– Прием навешивания (или наклеивания) ярлыков. Данный прием используется для создания и закрепления в сознании читателей чьего-либо дискредитирующего образа. А.Цуладзе, рассматривая этот манипулятивный прием, говорит, что ярлыки входят в широкий обиход благодаря именно СМИ, приживаются надолго, становятся привычными, повседневными словами, замещая менее агрессивные понятия. Исследователь отмечает, что они «представляют собой один из видов психологического программирования массового сознания. Это один из способов насаждения массовых стереотипов, противостоять которому очень сложно [4, с. 87]. По мнению Н. Г. Мартыненко, распространенными ярлыками являются «политические термины, официальные и экспрессивноразговорные названия политических партий и движений: коммуняги, фашисты, национал-патриоты, а также наименования политиков по их действиям и стилю поведения: диктатор, разоритель, сепаратист, популист и др.» [4, с. 87].

В качестве ярлыков могут выступать и такие слова и словосочетания: предатели, слуги капитализма, прихвостни, враги народа, экстремисты, националисты, лицо кавказской национальности и др.

В блоге Е. Седова нам встретился такой пример использования данного приема: «Вот и стал Трамп – жлоб, хам и клоун – вождем “красношеих”» (Блог Е. Седова: Вождь красношеих // <http://www.ixtc.org/2016/11/blog-egora-sedova-vozhd-krasnosheih/>).

– Эвфемизмы. С манипулятивными намерениями в СМИ часто используются эвфемизмы. А.П. Сковородников пишет, что социальнопсихологическая подоплека эвфемизмов «боязнь назвать вещи своими именами или же желание скрыть подлинные реальности» [4, с. 90]. Лингвистический смысл эвфемизмов состоит в том, что они способны скрывать, затушевывать, вуалировать явления, имеющие в общественном сознании заведомо негативную оценку. Эвфемизмы отвлекают внимание аудитории от объекта, способного вызвать антипатию. Способность эвфемизмов манипулировать читателями определяется тем, что эвфемизмы скрывают истинную сущность явления за счет создания нейтральной или положительной коннотации, а читатели обычно не успевают вычленив эвфемизмы из контекста и осмыслить их из-за обычного в нашем социуме обилия информации или не в состоянии идентифицировать завуалированное эвфемизмом слово. В современных интернет - блогах употребляются такие эвфемизмы, как рынок рабочей силы (безработица), граждане, вынужденно покинувшие места постоянного места жительства (беженцы), конфликт (война, агрессия), операция (атака), регулирование цен (повышение цен) и др. Например: «Если поменять партию власти одновременно с оппозицией. то может рухнуть весь хребет политической системы» (Блог А. Халдея: Созрел ли в России кризис политической системы?// http://zavtra.ru/blogs/sozrel_li_v_rossii_krizis_politicheskoi_sistemi). Таким образом, использование эвфемизмов позволяет заменить термины, вызывающие негативную реакцию общественного мнения, на более нейтральные понятия.

Выводы

Итак, проанализированный материал показал, что: 1) речевое манипулирование – это возможность осуществления скрытого воздействия на

намерения и желания адресата ресурсами языка, которые не только отражают, но и формируют психический опыт индивида; 2) манипулятивные тактики и приемы встречаются и в политических блогах. Нужно отметить, что в целом использование данных приемов типично для данного сегмента политического дискурса. Проанализированный нами блоги показали, что в их наполненности наблюдается намеренная манипуляция, запрограммированная в текстах; 3) политический блоггинг представлен текстами, которые обладают большим манипулятивным потенциалом, в них представлен широкий спектр лексико – грамматических способов речевого манипулирования.

Список литературы

1. *Быкова О.Н. Языковое манипулирование // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации / Краснояр. гос. ун-т; под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск, 1999. – Вып. 1 (8). – С. 99–103.*
2. *Быкова О.Н. К вопросу о языковой манипуляции в средствах массовой информации // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Красноярск – Ачинск, 1998. – Вып. 6. – С. 18 – 22.*
3. *Иванова С.В., Садуов Р.Т. Политическая коммуникация как образец речевого манипулирования (о способах классификации манипулятивных уловок) // Политическая лингвистика. – 2008. – № 2(25). – С. 52–59.*
4. *Копнина Г.А. Речевое манипулирование: Учеб. пособие. – М.: Флинта, 2010. – 176 с.*
5. *Попова Е.С. Рекламный текст и проблема манипуляции: Дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 256 с*
6. *Самарина И.В. Коммуникативные стратегии «создание круга чужих» и «создание круга своих» в политической коммуникации (прагмалингвистический аспект): Дисс. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – 156 с.*

7. Сорокина А. А. Устойчивые сочетания как средства речевого манипулирования в американском предвыборном дискурсе: Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Пятигорск, 2016. – 20 с.

8. Ханина Е. А. Манипулятивный характер языковой игры: на материале немецкого политического дискурса: Автореферат дис. ... кандидата филологических наук. – Ростов-на-Дону, 2016. – 26 с.

9. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: Учеб. пособие. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 136 с.

УДК 82-1

**ЮВЕНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА КАК СРЕДСТВО
МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ В МАЛОЙ ПРОЗЕ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА**

*Н.А. Ларина, Государственный социально-гуманитарный университет,
г. Коломна, Россия*

**THE JUVENAL SEMANTIC AS A WORLD MODELLING TOOL IN THE
SMALL PROSE BY LEONID ANDREEV**

N.A. Larina, State social-humanitarian University, Kolomna, Russia

Аннотация. Статья посвящена ювенальным категориям в рассказах Леонида Андреева «Валя» и «Цветок под ногою». Показано, как именно в экзистенциалистски ориентированном видении представлении автора выглядит мир детей 5-6 лет, каковы их представления о времени и пространстве и мире взрослых.

Ключевые слова: семантика, ювенальный, детство, малая проза, рассказ, миромоделирование.

Abstract. The article is devoted to the problem of the categories of the juvenility in the Andreev's stories "Valya" and "Tsvetok pod nogoiu" ("The flower under the foot"). The author's existentialist conception of the world of babies of 5-6 years is shown, their imagination of the adult world, time and space is also concerned.

Key words: semantics, juvenility, childhood, small prose, story, world modelling.

E-mail: larina-n-a@mail.ru

При рассмотрении малой прозы Леонида Андреева о детях необходимо прежде всего отметить, что автор совмещает в своем произведении возможности

реализма и модернизма, что приводит писателя к поиску новых принципов миромоделирования (о корреляции модели мира и жанра в русской литературе начала XX века см.: [4, с. 45–67; 7]). Мир детей 5-6 лет описывается Леонидом Андреевым с особенным вниманием к пространственно-временным категориям – в рассказах, посвященных детям (см.: [2; 6]), подчеркивается масштаб восприятия ребенка, которому некоторые объекты кажутся несоразмерно большими, в соответствии с тем важным местом, которое они занимают в его мире. И в «Вале» и в «Цветке под ногою» мир взрослых описывается глазами детей, чтобы читатель был потрясен тем контрастом, который создает завершение рассказа – в обоих случаях мальчики проявляют поистине взрослую мудрость и способность простить грехи своих матерей.

Рассказ «Валя» - произведение Л.Н. Андреева, демонстрирующее детский взгляд на мир: о точном возрасте мальчика Вали, главного героя рассказа, автор не сообщает, но очевидно, что это малыш еще дошкольного возраста: чтение дается ему с большим трудом, а мама при встрече с ним поражается тому факту, что он уже умеет читать [1].

Валя оказывается между тремя мирами: с одной стороны – мир его дяди и тети, которых до определенного момента он считал родными отцом и матерью, с другой стороны – мир неизвестной ему первоначально женщины, которая в итоге оказалась его родной матерью, и третий мир – мир книг, в которые Валя погружается между двумя мирами.

Мир приемных родителей, Настасьи Филипповны и Григория Аристарховича, наполнен множеством деталей, говорящих об уюте, тепле, любви к ребенку: в разговоре с родной мамой Валя упоминает, что ему подарили котенка, вечерами в доме лампа светит на синюю скатерть с бахромой, этот мир охарактеризован как тихий дом «с его чудными цветами, таинственным миром сказок, безбрежным и глубоким, как море, и темным окном, в стекла которого ласково царапались ветви деревьев» [1].

Мир матери по крови, чьего имени в рассказе не упоминается – только со слов Григория Аристарховича читатель знает, что ее фамилия Акимова, –

неуютен, неприятен. Сама родная мать представляется мальчику призраком, чудовищем из книжек. Мир матери – это мир смерти, и когда Валя, наконец, оказывается в ее жилище, это впечатление усиливается за счет акцентирования внимания на грязи и тесноте: маленькая комнатка, маленькая, не по размеру, кроватка, неинтересные неподвижные игрушки.

Для Вали связующим между мирами оказывается мир книг: в начале рассказа перед появлением матери он читает о Бове-королевиче, и эта легенда является ключом к дальнейшему развитию событий – королевич Бова сбежал от злого отчима и мачехи, и чтение мальчиком именно этой книги – знак того, что и сам Валя живет у приемных родителей, которые к концу рассказа лишатся его. Хотя глазами Вали и Настасья Филипповна, и Григорий Аристархович представлены как исключительно положительные люди, и он неоднократно говорит о том, что именно они – его настоящие мать и отец, тем не менее, в словах родной матери упоминается, что они ее мучили, а для понимания ее образа в рассказе возникает еще одна книжная аллюзия – сказка о бедной русалочке. С момента, когда в приемной семье воцаряется мир, и Григорий Аристархович и Настасья Филипповна верят, что «этой женщине» никогда не удастся забрать мальчика, которого они считают своим сыном, мальчику она начинает казаться «бедной», тем более что и все, говоря о ней, прибавляют эпитет «бедная». Помимо «бедной женщины» в его представлении в это время возникает и «бедная русалочка» из сказки о русалочке. То, что мама Вали пережила те же самые события, что и бедная русалочка, косвенно подтверждается следующим фактом: когда приемная мама представляет настоящую маму Вале, выясняется, что приемные родители приходятся Вале дядей и тетей – следовательно, настоящая мама является сестрой кого-либо, вероятнее всего, - Настасьи Филипповны, так как именно Настасья Филипповна привела ее к Вале. Как бедная русалочка, забывшая ради своей любви своих сестер, мать Вали, очевидно, ради любви забыла и о собственном сыне: в разговоре Григорий Аристархович упоминает «неизвестно еще, на какие средства она живет с тех пор, как ее бросил этот... ну, да, черт его возьми» [1].

Именно через бедную русалочку Валя начинает любить и собственную мать: нежность к погибшей из-за любви русалочке постепенно переносится и на маму.

Еще один образ из книжного мира помогает Вале переместиться из одного пространства в другое: когда мама увозит его в свою тесную комнатку, по дороге он наблюдает за домами, сливающимися, как буквы в книге. С этого образа – сливающихся букв – начинается рассказ о чтении Вале легенды о Бове, затем упоминается, что буквы в книгах стали меньше и перестали так сливаться в одну строку – Валя вырос, и чтение дается ему все легче, а впоследствии это же слияние знаменует его окончательный переход из мира приемных родителей в мир родной матери [1].

Отсылка к миру книг – это не только те книги, которые читает Валя. Это и другая бросающаяся в глаза литературная аллюзия: имя приемной мамы (об интертекстуальной символике имени героя см.: [5, с. 6-50]). Ее зовут Настасья Филипповна – отметим, не Анастасия, а именно Настасья, что в точности совпадает с именем героини романа «Идиот» Ф.М. Достоевского. И, хотя, с одной стороны, образ андреевской Настасьи Филипповны является положительным – она любит мальчика, и он ее очень любит, - с другой стороны, автор подчеркивает в ее внешности и манере поведения некоторые черты, роднящие ее с Настасьей Филипповной Достоевского. В частности, это не единожды упоминаемые бриллианты, которые как бы отражают ее эмоции: они «засверкали в ушах», когда стало известно, что суд отказал, и Валя остается с приемными родителями, и «дрожали и переливались», когда Валя все-таки уехал с родной матерью.

И.В. Грачева отмечает, что у Достоевского бриллианты являются своего рода символом Настасьи Филипповны Барашковой: «Тема бриллианта сопровождает образ Настасьи Филипповны на протяжении всего романа. В первой главе Рогожин рассказывает Мышкину целую историю о том, как жестоко расправился с ним отец, узнав, что он подарил Настасье Филипповне подвески с бриллиантами» [3].

Постаревшая и остепенившаяся Настасья Филипповна из книги Достоевского словно перебралась в новеллу Андреева – пунктирные

упоминания в речах матери по крови о том, что приемные родители – ужасные люди – также показывают, что образы Настасьи Филипповны и Григория Аристарховича не так однозначны, их нельзя однобоко воспринимать только как положительных людей.

Рассказ «Валя» посвящен детскому взгляду на пороки взрослых, и его завершение вполне в новеллистическом духе: хотя Валя явно больше любит приемных отца и мать, с удовольствием играет с ними, и ему кажется, что, попав к приемной матери, он умрет, – тем не менее, в последней фразе он сообщает матери, что будет ее любить и почитает ей про бедную русалочку. Все развитие сюжета, все детали, насыщающие мир Вали в доме приемных родителей и абсолютно новый для него мир родной матери, – все это подталкивает читателя к мысли, что в новом мире Вале плохо, в комнате матери время словно остановилось, так как она ждала младенца, а не относительно взрослого и самостоятельного малыша. Кроватка, приготовленная матерью для Вали, слишком мала, – «в углу, против большой кровати, стояла под пологом маленькая кроватка, такая, в каких Валя давно уже не спал» [1]. Игрушки, приготовленные для него матерью, также рассчитаны на малыша – мальчик рассматривает их из вежливости, он «давно уже не играл в игрушки и не любил их, но из вежливости не показал этого матери» [1]. В то же время в семье приемных родителей для него придумываются интересные и приятные ему игры.

Казалось бы, все идет к отвержению родной матери в пользу приемных родителей – однако в определенный момент начинается обратно направленное движение: «эта женщина» в понимании Вали превращается в «бедную русалочку» – «бедную женщину» – затем «маму». И этот финал тем удивительнее, что автор постоянно подчеркивает серьезность и основательность Вали, который, казалось бы, взвесив все «за» и «против», должен был бы проявить больше уважения к устроенной и спокойной жизни приемных родителей, а не к неустроенному быту родной матери.

Превращению «этой женщины» в «маму» соответствует превращение Вали из «мальчика» в начале рассказа в «человека» в конце. В самом начале приемная мать обращается памятью даже к тем моментам, когда Валя был совсем младенцем: «Так вот, когда он был маленький и смешной, как киска, его принесла эта женщина и отдала, как киску, навсегда. А теперь, когда он стал такой большой и умный, она хочет взять его к себе» [1].

В конце же отмечена основательность и серьезность, отмечающая все действия «этого человека» – мальчика, который из ребенка, видевшего в матери порождение дьявола, пугавшее его во сне, плавно преобразовался в ее единственную поддержку и опору.

В «Вале» ребенок, хотя и слышит осуждение родной матери, не присоединяется к взрослой точке зрения: и тот факт, что та, кого он считал мамой, оказалась его тетей, не так сильно поражает его, и само отношение к родной матери отражает не столько осуждение ее жизни, сколько страх, что она заберет его, - а впоследствии решимость любить ее и поддерживать.

В рассказе «Цветок под ногою» главный герой – Юра Пушкарев – примерно Валиного возраста, и, как и в «Вале», автор показывает его глазами мир взрослых. Мать и отец Юры, хотя и делают вид, что у них благополучная семья, тем не менее, они «очень несчастны друг через друга» - мать изменяет отцу, отец знает это и плачет, скрываясь от сына, мать в свою очередь также оплакивает свое предательство.

В представлении мальчика мама имеет рост примерно два метра, папа и добрая собака – около семи метров, а злая соседская собака – все двадцать метров. Естественно, эти величины являются не абсолютными, а относительными, и с их помощью автор показывает важность определенных понятий и их «расстановку» в сознании мальчика. Любопытно, что в этой импровизированной системе координат папа значительно больше мамы – более, чем в три раза. Важность фигуры отца для Юры, с одной стороны, подчеркивается и тем фактом, что в тексте мать делает мальчику замечания и не играет с ним, а отец напротив – не делает замечаний и соглашается на игру с

подбрасыванием на траве. Отец в то же время обладает той же важностью, что и собака, – вероятно, друг и товарищ в детских играх. Исходя из относительной оценки соседской собаки «больше» отнюдь не означает для мальчика «лучше», он скорее измеряет силу вызываемых в его душе тем или иным объектом эмоций.

С другой стороны, в этом мире малыша «маленькое» – близкое к нему, как мама, которая хорошо понимает его детские переживания, а «большое» – отдаленное, огромное – как деревья в саду, дом или город. Леонид Андреев старается проникнуть в сознание ребенка и описать, каким образом он видит мир не только в категориях «большой – маленький», но и в категориях «свой – чужой».

Когда в доме родителей Юры появляются чужие люди, Юра чувствует себя своеобразным заменителем отца: как указывает автор, в присутствии чужих гостей мальчик ощущает себя старше и считает, что он в данном случае выступает вместо отца.

Это роднит рассказ «Цветок под ногою» с рассказом «Валя» – и в том, и в другом случае сын ощущает себя своеобразным заменителем мужа. Валиной маме не на кого опереться, а Юрина мама, хотя и живет в совершенно иных условиях, чем те, которые обрисованы в рассказе «Валя», – у нее счастливая и благополучная семья, множество поклонников, – но, тем не менее, сын также вынужден брать на себя функцию взрослого мужчины.

В рассказе «Весною» главный герой, Павел, также принимает на себя функции главы семьи после смерти отца, и отменяет запланированное ранее самоубийство. Этот сюжет восходит к биографии самого Леонида Андреева: после смерти отца он был вынужден поддерживать семью, зарабатывать деньги уроками и поддерживать мать и братьев.

Мальчик Юра Пушкарев в рассказе «Цветок под ногою» погружается в мир праздника – день рождения мамы, который показан его глазами. Праздник в мире ребенка состоит из фонариков, танцев, музыки и гостей – и все эти приметы праздника Юра хотел бы застать в самом начале – он мечтает увидеть,

как зажигают фонарики, уловить момент, когда начинаются танцы и пр., однако все это ему увидеть не удастся: фонарики уже горят, когда он вспоминает о них, гости уже танцуют, а сам приход гостей описывается так: «гости стали появляться в таком количестве и такие разнообразные, как будто они падали прямо с неба» [1].

По контрасту с мальчиком Валей, в котором автор постоянно подчеркивает рассудительность, основательность и прочие «недетские» черты, мальчик Юра погружен в мир детства во всех его проявлениях: он играет, визжит, падает с качелей и пр. – и по контрасту с этим миром детства еще более неприятными кажутся «взрослые» проблемы.

Главный антигерой рассказа «Цветок под ногою» – «ненастоящий» Юрий Михайлович, офицер, влюбленный в маму мальчика Юры. «Ненастоящим» мальчик считает его в силу совпадения их имен и отчеств: автор особо обращает внимание на то, что мальчик серьезно относится к своему имени и представляется в три приема:

«Когда его спрашивали об имени, он быстро отвечал:

– Юра.

Но некоторые не довольствовались этим и требовали, чтобы он продолжал, – и тогда с некоторым напряжением он отвечал:

– Юрий Михайлович.

И, подумавши еще, произносил полностью:

– Юрий Михайлович Пушкарев» [1].

Тема имен настоящих и ненастоящих вообще чрезвычайно актуальна в мире новелл Леонида Андреева. Целый ряд его героев носит не свои имена. Так, в прославившем его первом рассказе «Баргамот и Гараська» арестованного Гараську (Герасима Андреевича) поражает тот факт, что его называют по имени-отчеству, и самого арестовавшего его городского также никто не называет по имени – его функцию замещает прозвище «Баргамот», в рассказе «Гостинец» героев называют также по прозвищам – Сениста и Сазонка, и только смерть Сенисты вынуждает Сазонку вспомнить, как же было на самом

деле имя этого мальчика. Герой рассказа «Другой» не имеет имени и фамилии, и когда Петров пытается узнать о его судьбе, он даже не знает, кого именно спрашивать.

В «Цветке под ногою» имена вообще вводят отдельную тему тождества объекта самому себе и его уместности. Так, самые важные для мира мальчика Юры существа – мама, папа, няня – не имеют имен (только исходя из отчества Юры мы можем понять, что отца зовут Михаилом), а среди гостей названы имена барышни Ниночки и офицера Митеньки. Главный герой, шестилетний мальчик, при этом Юра или Юрий Михайлович (не Юрочка, не Юрик и пр.), а взрослые люди носят уменьшительные имена, мир как бы перевернут наизнанку – большие становятся маленькими, маленькие – большими.

Описывая детский мир, Андреев постоянно заостряет внимание на том факте, что для ребенка увеличены категории пространства и времени: Вале книжка кажется огромной, Юра считает, что дом величиной в целую версту, а собака – в тридцать аршин (20 метров). Прошедшее время праздника в его представлении – около десяти лет, хотя по факту прошло не более часа. После поразившего воображение мальчика открытия – доказательства неверности матери отцу – он снова оказывается в мире противопоставления большого и маленького: «Старик был маленький, а отец высокий, красивый, большой, и улыбка у него была печальная, как у Гулливера, тоскующего по своей стране высоких, красивых людей» [1].

Имя, фамилия и отчество маленького героя «Цветка под ногою» повторяются в рассказе «Полет», в котором летчик Юрий Михайлович Пушкарев погибает, поднявшись высоко над землей. Рассказ «Полет» написан позже «Цветка под ногою», и можно предположить, что совпадение имен героев не является случайным: скорее всего, речь идет о жизни повзрослевшего мальчика Юры. Летчик Юрий Пушкарев женат, у него у самого есть сын, причем его сын носит имя Миша – очевидно, в честь деда, - и отношение повзрослевшего Юрия Михайловича к своему сыну ничуть не лучше, чем отношение родителей к маленькому Юре, – он считает, что малыш еще ничего

не понимает и смеется над приспособлением, которое помогает годовалому Мише ходить.

В рассказе «Полет» масштабирование большого и маленького также меняется, но уже не за счет использования взгляда ребенка, а за счет полета – самолет поднимается все выше, земля кажется все меньше, и в конце концов герой понимает, что уже не вернется на землю – настолько прекрасным кажется ему полет. Помимо изменения масштаба физических объектов меняются в сознании героя и объекты эмоциональные – если в начале для него нет ничего важнее его супруги и семьи, то в конце полет заслоняет все эти эмоции.

Рассказ «Полет» демонстрирует редупликацию во взрослой жизни всего того, что происходило в детстве: выросший Юрий создает семью с Татьяной Алексеевной, которая, как и его мама, является центром внимания, и за ней ухаживают офицеры. В начале рассказа мать с отцом оставляют годовалого сына и отправляются на аэродром, что подразумевает, что у маленького Миши, как и у Юры в детстве, есть няня. Как и маму Юры, маму Миши окружают поклонники разных возрастов, но если у Юры папа является второстепенным в этом обществе, а мама – главной, то в мире Юры повзрослевшего все наоборот: офицеры являются друзьями Юрия, а жена, хоть и очень симпатичная, для них – «второй человек».

Отметим, что пространственные категории детского мира напоминают «пространство Алисы» – в произведениях Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» пространственные взаимоотношения постоянно изменяются – героиня то становится большой, то маленькой, и окружающие ее вещи, соответственно, меняются в зависимости от изменений ее собственных параметров. В мире Алисы ключевым моментом увеличения – уменьшения размеров становится еда или питье: мир вокруг меняется тогда, когда героиня что-либо съедает или выпивает. В мире мальчиков Леонида Андреева категории пространства меняются в связи с эмоциональными потрясениями – близкое и далекое в мире мальчика Вали меняется в зависимости от решений суда и взаимоотношений с родной матерью. В мире Юры Пушкарева

временные маркеры ссоры родителей, праздника и страшного открытия в беседе меняют параметры мира как благополучного / неблагополучного.

Переходным моментом от защищенного к незащищенному и обратно является сон. Мальчик Валя в одноименном рассказе спокойно спит, когда ожидается, что его заберет «эта женщина», и его сон в какой-то момент напоминает его родителям смерть, вызывая ужас.

В мире «Цветка под ногою» сон также обрамляет категории благополучия – благополучия мира, окружающего мальчика Юру. Тема благополучия родительской семейной жизни вводится ночной семейной ссорой, после которой мальчик, разбуженный громкими голосами родителей, идет спать к няне, - и в конце рассказа он прощает мать также в спальне, перед сном.

Типологическое сходство миров мальчика Вали и мальчика Юры позволяет говорить о ряде общих ювенальных категорий:

- Изменение пропорций большого и маленького (в мире Юры этот вопрос исследован более подробно, в мире Вали только намечен);
- Важность наличия/отсутствия имен и вызываемых ими ассоциаций (изменение имен в мире мальчика Юры, отсутствие имен у самых близких людей, то же видим в мире мальчика Вали – у родной матери неизвестно имя, названа только ее фамилия);
- Ведущей темой является тема взаимоотношения мальчика с матерью и его не по-детски серьезное христианское прощение измены матери – Юра прощает маме тот факт, что она причиняет боль отцу, Валя прощает маме то, что мама некогда бросила его.

Список литературы

1. Андреев Л.Н. Повести и рассказы в двух томах. — М., ИХЛ, 1971. — Т. 1 — 430 с. — Т. 2. — 686 с. // Цит. по [Электронный ресурс]. URL: <http://leonidandreev.ru/rassказы/index.htm> (Дата обращения 22.12.2017)

2. Борзова Н.А. Образы детей в произведениях Леонида Андреева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 17, № 1(5), 2015. — С. 1130 – 1132.

3. Грачева И.В. Символика бриллианта в «Идиоте» Ф.М. Достоевского // «Русская речь», 2006, № 6 // [Электронный ресурс]. URL: <http://library.rsu.edu.ru/p6885/> (Дата обращения 22.12.2017).

4. Кихней Л.Г. К герменевтике жанра в лирике // Герменевтика литературных жанров. Сер. "Poetica". Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2007. С. 36-68.

5. Кихней Л.Г., Меркель Е.В. Осип Манделштам: Философия слова и поэтическая семантика / Монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 200 с.

6. Купченко М.Л. Детские образы в творчестве Ч. Диккенса и Л. Андреева: традиция и новаторство // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры, 2017. – С. 92 – 98.

7. Осипова О.И. Жанровые модификации в прозе Серебряного века: Ф. Сологуб, В. Брюсов, М. Кузмин / Монография. М: Изд-во ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2014. 360 с.

УДК 82-1

**РОМАН Е. ЗАМЯТИНА «МЫ» В КОНТЕКСТЕ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИЙ**

И.О. Цвик, Кишинёвский государственный педагогический университет им.

И.Крянгэ, г. Кишинёв, Молдова

**THE NOVEL BY E. ZAMYATIN "WE" IN THE CONTEXT OF WESTERN
EUROPEAN AND RUSSIAN LITERARY TRADITIONS**

I.O. Tsvic, State Pedagogical University "Creanga", Chisinau, Republic of Moldova.

Аннотация. Данная статья посвящена анализу идейно-тематических связей романа «Мы» с европейской литературой и внутрикультурному диалогу с русской классической традицией, жанровому своеобразие и комплексу проблем, которые поднимал Е.Замятин своим произведением. Автор также размышляет над спецификой и формой проявления национального своеобразия произведения и стремится доказать, что в сюжетно-образных мотивах, авторской позиции, концепции решения образов писатель исходил из ценностных ориентаций русской ментальности.

Ключевые слова: антиутопия, тоталитаризм, межкультурный диалог, национальный вектор.

Abstract. The given article deals with the analysis of the ideological and thematic relations of the novel «We» with the European literature and intracultural dialogue with the Russian classical tradition, genre peculiarity and a number of problems raised by E.Zamyatin in his work. The author also reflects on the specifics and the form of manifestation of the national originality of the work and seeks to prove that in the plot-shaped motives, and in the author's position as well as in the concept of the image solution the writer proceeded from the value orientations of Russian mentality.

Key words: dystopia, totalitarianism, intercultural dialogue, national vector

E-mail: iris333@bk.ru

Роман «Мы» по замыслу, проблематике, жанру, композиции, наконец, по силе предвидения выламывался из литературы эпохи, когда он был создан. Для начала, необходимо отметить, что этим романом Е.Замятин явился одним из основоположников жанра *антиутопии*, ставшим популярным в XX веке. В литературоведении существует не одно определение этого жанра, термин устоялся, но его содержание дебатруется. Критики, ставящие знак равенства между антиутопией и *дистопией*, отмечают, что слово «дистопист» как противоположность «утописта» употребил английский философ и экономист Джон Стюарт Милль в 1868 году. Термин «дистопия» как название литературного жанра ввели Глен Негли и Макс Патрик в книге «В поисках утопии». Однако термин «антиутопия» более поздний и, как уверена другая часть критиков, отличается от дистопии, под которой понимают «победу сил разума над силами добра», т.е. это – антитеза утопии. Однако антиутопия – это не только отрицание утопии и негативное развитие техники для человека, но, что существенно, **негативное изменение общества в сторону деспотии, диктатуры и тирании**. Литературоведы продолжают корректировать определение, уточнять смысл. Сам Е.Замятин определял различие между утопией и антиутопией следующим образом: форма мышления, структура остаётся прежней, только *меняется «плюс» на «минус»*. Вот изменение «знака» и влечёт катастрофу. Для антиутопии, как и утопии, одним из главных действующих лиц является *государство*. Утопия со времён Томаса Мора стала

притягательна как идеал совершенного общества и мироустройства, однако заземлённый идеал превращается в свой собственный антипод, что описывают Е.Замятин и А.Платонов, Дж.Оруэлл и О.Хаксли, А.Кестлер и Ю.Домбровский.

Своим романом Е.Замятин вошёл в плодотворный межкультурный диалог с западноевропейской литературой. Как отмечается в англоязычном литературоведении, «источники сюжета романа исследователи находят в произведениях английских писателей: рассказе Джером К.Джерома "Новая утопия" (Э.Стенбок-Фермор), рассказе Э.М.Форстера "Остановка машины", романе С.Батлера "Эревол" (Дж.Вудкок), с которыми Замятин мог познакомиться во время пребывания в Англии, пьесе немецкого экспрессиониста Георга Кайзера "Газ" (К.Коллинз), и западной философской и литературно-критической мысли (Платон, Т.Мор, Ф.Ницше, Г.Уэлс, К.Юнг)» [см. 2, с. 19, 22]. Однако все эти источники были подвергнуты глубинной переработке, интерпретации и переосмыслению. К тому же Е.Замятин *хронологически* был **первым**. На этом факте настаивал выдающийся английский писатель Д.Оруэлл, который стал популяризатором романа и его автора.

Многое Е. Замятиним, к несчастью, было достаточно точно предвосхищено: газовые камеры (Газовый Колокол), всемогущество органов сыска – политической полиции (в образах Хранителей угадываются черты гестаповцев, агентов НКВД), номера вместо имён, как в концлагерях. В романе описывается образ Единого государства, в котором единомыслие достигается уже медицинским путём (и разве Великая Операция не предвещает фашистских экспериментов над человеком?), главный великий праздник – Единогласие, нивелирующий множество «Я» в «Мы». Пожизненное избрание «многократно доказавшего свою мудрость Благодетеля» (читай: Старшего брата, фюрера, Отца народов, Великого Кормчего и т.д.) является счастьем для всех. Замятин описал/предсказал и День Правосудия, когда совершение казни (фактически – всенародный праздник), сопровождается благословениями в адрес мудрых руководителей, избавивших народ от тех, кто покушался на их благополучие (в

30-е годы это станет реальностью, к сожалению, не в одной стране!), и жизнь, ограждённую Зеленой Стеной (читай: железным занавесом), и стремление к насильственному распространению формулы счастья (идей «казарменного социализма»). Вот, например, Бюро Хранителей – служба сыска, они всегда находятся среди «номеров» (людей уже нет, одни номера), эти «незримые Хранители здесь же, в наших рядах: они тотчас могут установить номера, впавшие в заблуждение и спасти их от дальнейших ложных шагов, а Единое государство от них самих», – так рассуждает главный герой Д-503. Уже по этому высказыванию можно ясно судить об устоях, царящих в стране, и атмосфере почти всеобщего восхищения сложившимся порядком вещей.

Писателя тревожил вопрос, *что* собой представляет любая *диктатура*, тирания и деспотия. Перед нами тоталитарное государство во главе с диктатором, тираном («палач? <...> Что же? Вы думаете – я боюсь этого слова?»), он осуществляет власть над совершенно покорной и сломленной личностью, полагающей, что такое положение вещей есть благо и цель любой цивилизации. Само Единое государство – это непоколебимая и навсегда установленная истина в последней инстанции. Оно довлеет над теми, кого уже нельзя назвать человеком. Государство управляет одинаковыми «машиноравными» существами, обязанными быть строго «счастливыми» по единой схеме государственного предписания. И временами возникает ощущение, что – это уже не живые люди, а роботы, бездушные станки, а иногда кажется, что это – целый парк машин. Здесь живут рабы, не понимающие своего рабства, их устраивает полицейский порядок, ведь свобода сопряжена с ответственностью, необходимостью самому отвечать за свои поступки.

В Едином государстве уничтожены, вытравлены этические понятия, здесь всё можно объяснить, а главное – оправдать. Перед нами государство кривых зеркал, где аморальное становится добродетелью, предательство – гражданским долгом и подвигом, подлость возводится в ранг «нравственного» закона, обоснованного с математической точностью. Человеческая жизнь обесценена и рассматривается не сама по себе, а как микроскопическая часть огромного

целого. А раз так, то отсутствие микрона для целого не является драмой. Сострадание отсутствует, оно отменено, а ещё раньше – высмеяно в бездушном и бездуховном сообществе.

Особенностью произведения, по замечанию английского критика Т.Эдвардса, является то, что автор умеет «блестяще вести полемику изнутри лагеря философских оппонентов, утверждая свою точку зрения с помощью их же терминов и методов». Вот, как описывается кульминация общественной жизни – День Единогласия – ежегодный фарс добровольного избрания (без выбора) диктатора: «разумеется, это не похоже на беспорядочные, неорганизованные выборы у древних, когда, – смешно сказать, – даже неизвестен был заранее самый результат выборов. Строить государство на совершенно не учитываемых случайностях, вслепую, – что может быть бессмысленней?», – размышляет Д-503. Эта едкая ирония автора романа не добавила ему любви современников-большевиков. В государстве «нумеров» страшно боятся своих граждан, поэтому считают благодетельным довести свободу до «0», объясняя это *ценой за безопасность*. Железный порядок наведён во всём, даже в интимной жизни, всё подчиняется всевидящему оку хранителей – духовной инквизиции.

Вожденная мечта: заглянуть в замочную скважину – доведена до логического конца. Здесь также осуществлено желание втиснуть всё в «прокрустово ложе» формул, даже чувства. Восхваляемый коллективизм, на самом деле убивает в человеке личность, индивидуальность, это не общность, а унификация и нивелировка. Стремление привести всё к общему знаменателю упразднило осознанную самодостаточность индивидуума и привело к массово-безликому «Мы». В нём все – бесправные винтики, но они гордятся единомыслием и единообразием. Перед нами совсем «не единое человечье общежитие», о котором мечтал В.Маяковский (как бы, подчас, ни относится к некоторым спорным убеждениям поэта). Это казарма, а возможно – благоустроенный концлагерь, если иметь в виду борьбу с инакомыслием, его

преследование и публичные казни. Это предвидение/предчувствие, в том числе, и *фашистской* диктатуры, которой предстояло накрыть Европу.

Е.Замятин своим произведением размышлял и о том, к чему может привести *машинная цивилизация*, с её явной и скрытой уверенностью, что технический прогресс может облегчить человеку душевные муки, исключив из «обихода» их источник. Опасность заключается в том, что «технократическое мышление – это мировоззрение, существенными чертами которого являются примат средства над целью, цели над смыслом и общечеловеческими интересами, смысла над бытием и реальностями мира, техники над человеком и его ценностями. <...> Для технократического мышления *не* существует категорий нравственности, совести, человеческого переживания и достоинства». [3]. Главный герой мыслит лишь техническими и математическими категориями, это удобно, т.к. лишает необходимости мучиться над морально-этическими проблемами. Они отменяются, как и душа. В груди действует не сердце, а какой-то логический маховик, «пламенный мотор». Возможно, это предтеча киборгов? Герой уверен, что нашёл формулу, чтобы всё рассчитать и «поверить алгеброй гармонию» (А.Пушкин). Вообще все персонажи романа – рационалисты, но, как мы знаем, писатель их не жаловал, о чём не раз высказывался в своих статьях. Однако, как замечает В.Кантор, «вряд ли поклонник Уэллса, поклонник сторонника рации, разума, ученых, техников, сам ледоколостроитель мог напасть в романе "Мы" на разум. Нападение было на извращение разума». [4]. Но случайно ли это, как и то, что опасность для Единого государства будет представлять именно рождение/зарождение *души* у «нумеров», и как соотносится (и соотносится ли вообще) эта коллизия с русской картиной мира?

Во-первых, само выражение «извращение разума» весьма примечательно: с нашей точки зрения, оно свидетельствует о «русскости» вектора размышлений автора, т.к. причина, суть извращения – в *разрыве* «чистого разума» и души, а в русской ментальности – это порочно: «разум, по убеждению русского человека, обитает не в мозгу, это свойство души. А душа –

кладезь подсознательного» [см. 5]. Во-вторых, у нас не вызывает сомнения, что в романе «глубоко и полно отразились все "слои" (Ю.С. Степанов) концепта душа на уровне сюжета, композиции, идейно-тематического содержания и художественно-образной системы. <...> Наиболее характерными и яркими оппозициями, отражающими представления писателя о душе, являются "цивилизация-природа", "душа-разум". <...> Душа трактуется Е.И.Замятиным как аксиологический центр, аккумулирующий чувства и эмоции человека, его нравственные установки, генетическую связь с природой и прошлым народа. <...> В пристальном внимании к душе человека писатель видит путь национального спасения в условиях культурной ломки и духовного разобщения, возможность сохранения "человека в человеке"». [6] Процессы потери/обретения души – очень русская тема (как и история живых и мёртвых душ). Душа в русском сознании – центральная категория, понимаемая как божественная основа человека, его жизненное начало, источник способности к духовно-нравственному совершенствованию. Душа бессмертна, она – есть сам человек. Для русского человека душа, душевные качества – главное в жизни, и если душа омертвела, а лучше сказать умерла, исчезла – это грядущий обвал, трагедия, катастрофа национального масштаба. Именно поэтому главные коллизии в произведении связаны с этим концептом. Своеобразие русского способа познания – это познание *не* одним разумом, а, используя слова Н.Бердяева, «совокупностью духовных сил» человека в их полноте и единстве. В-третьих, по утверждению Н.Лосского, «русские люди могут прийти до крайности в своем смелом искании новых форм жизни и безжалостном истреблении ценностей прошлого». И.С.Тургенев одним из первых достаточно однозначно выразил эту черту национального характера, предложив Базарову знаменитые слова в «Отцах и детях»: «Наше дело – почву расчистить, строить будут другие». Однако, что строить и как? Можно строительство начать, но завершить всего лишь котлованом (читай – братской могилой), А.Платонов размышлял об этом. Можно добиться больших «успехов» и создать Единое государство, как в романе Е.Замятина.

Почему же жажда перемен, либерально-демократических реформ оборачивается катастрофическими последствиями в виде революций и крушения государства? И каково народное видение идеального государства, совпадает ли оно с видением национальной интеллигенции, интеллектуальной элиты? Н.Бердяев в статье «Истоки и смысл русского коммунизма» отмечал, что «с одной стороны он (коммунизм) есть явление мировое и интернациональное, с другой стороны – явление русское и национальное. <...> Искание царства, истинного царства, характерно для русского народа на протяжении всей его истории. <...> Народ ищет Град Китеж. Возникает острое апокалиптическое сознание в левом крыле раскола, в так называемом беспоповстве. Раскол делается характерным для русской жизни явлением. Так и русская революционная интеллигенция XIX века будет раскольничьей. <...> И в русском народе и в русской интеллигенции будет искание царства, основанного на правде. В видимом царстве царит неправда» [1]. Это искание идеала, страстное желание абсолюта, стремление к ним, как и максимализм русского человека, глубинно определяют мотивы поступков героев романа. Вот, например, главного героя Д-503 очень занимает/волнует проблема счастья, и он хочет к подобному счастью привести всю вселенную, «если они не поймут, что мы несём им математически безошибочное счастье, наш долг заставить их быть счастливыми,... вырвав из состояния дикой свободы». Однако, почему он (они все) не хотят наслаждаться счастьем в одиночку? Может быть и потому, что в *центральные понятия русского кода* входят, как мечта о светлом будущем, в котором все обязательно будут жить *правильно*, и мысль, что будущее *счастье будет общим*: мы все вместе, едины, так и доминанта, связанная с мессианским мироощущением: мы не только для себя – *мы для всего мира*. Как нам представляется, сложность образа Д-503 – в переплетении ярко выраженной модели авторитарного мировоззрения, сформированного обществом, и глубинно скрытых, бессознательно-подсознательных побуждений, генетически имеющих национальный импульс.

Таким образом, концепция решения образов, их стремления и устремления, переживания, поиски и идеалы глубинно *укоренены* в *русском национальном* характере. Национальный подход, реализуемый в романе, *проявляет* себя, в том числе, и через *отношение* писателя ко всем событиям с точки зрения *ценностной системы русской национальной картины мира*. В подтексте романа обнаруживается авторская позиция, которая опирается на *нравственно-этические основания русской ментальности*.

Роман Е.Замятина, его творчество в целом **нельзя** рассматривать вне контекста традиций русской литературы и русской философской мысли своего и предшествующего периодов. Так, ряд исследователей обнаруживает интересные, на наш взгляд, переключки и реминисценции с древнерусской литературой: «позиция Д-503 в романе "Мы" соотносима с позицией древнерусского повествователя. Д-503, являясь на структурном уровне субъектом организации речи, фактически – только лишь объект того мира, который представляется читателю сквозь призму его сознания» [7]. Е.Замятин находился в напряжённом внутрикультурном диалоге с русскими классиками XIX века (Н.В.Гоголем, Ф.М.Достоевским, М.Е.Салтыковым-Щедриным), прослеживаются явные типологические связи и с произведениями авторов-современников (А.Белого, А.Богданова, А.Ремизова, Б.Пильняка). В.Кантор отмечает, что «обычно, говоря о замятинском романе, вспоминают бесконечное "мы" поэтов Пролеткульта. Однако тема "я" и "мы" была давней темой русской мысли. <...> Эта же тема звучит в знаменитом, событийном романе Белого "Петербург", где герой возмущается, что ему предлагают быть не "я", а "мы". <...> Замятин считал себя в области формы учеником Андрея Белого, тексты которого, особенно "Петербург", где был изображен мир "нумерованной циркуляции", знал очень хорошо, как и положено талантливому ученику. В положительном – и угрожающем – контексте слово "мы" задолго до Пролеткульта прозвучало у Блока: "да скифы, да азиаты мы!". Тут, разумеется, номеров не было, была стихия. Но именно стихию "мы" и брали в Едином Государстве романа под контроль номерами». [4]

Также просматривается очевидная связь романа с творчеством А.Платонова, с его повестью «Котлован», в которой бригада строителей, не «помнящих своего родства», с энтузиазмом роет яму/котлован под «общепролетарский дом вместо старого города», уничтожая попутно несогласных, сомневающихся и просто всех крестьян окрестных деревень. Может быть, это начало той самой 200 летней войны? В повести «Ювенильное море» уже всему будет найдено место в системе «общей пользы», вот только личность, душа бесприютны и никому не нужны, а сами персонажи пытались «организовать воображение», их потомки в Едином Государстве Е.Замятина найдут радикальное решение данной проблемы – полностью уничтожить, удалить фантазию, воображение, а, по сути, душу. В Едином Государстве появление души у главного героя Д-503 уже считается тяжёлой болезнью. Процесс обезличивания/обездушивания и унификации личности был начат с «воодушевлением». В своем главном романе, Е.Замятин создает модель мира будущего, в котором уже решены все материальной проблемы, но достигнуто это непомерно дорогой ценой: путем устранения индивидуальной свободы, а, по сути, человека как такового. Единое Государство лишило личность привязанности, чувства родства, материнства, и, странное дело, подобное насилие над индивидуумом вызывает у них восторг, а не ужас. Перед нами возникает «ослепительный и беспощадный рай» «идеального общества», которое развивается по «идеальным законам», однако автор показал (и доказал), что это – уже не авторитарный, а тоталитарный режим и что в *такое* общество превращается любой социум, подменяющий демократию диктатурой, разумеется, из «благих побуждений».

А.Платонову и Е.Замятину пришлось жить в одно и то же время, в эпоху крутых революционных перемен. Они стремились выразить свое отношение к историческим событиям, революции и её последствиям, в первую очередь, и это отразилось в их творчестве. Оба писателя вначале с энтузиазмом приняли революцию, верили в то, что революция сделает счастливыми всех людей, наполнит особым смыслом человеческое существование. Им придется (вопреки

своему желанию) разувериться и разочароваться в своих надеждах, т.к. они увидели, что до основания разрушается не мир насилия (как пелось в Интернационале), а, как раз наоборот, уничтожению подвергаются все нравственные основы и гуманистические ценности, и на обломках выстаивается, именно мир насилия и репрессий. А.Платонов своими повестями покажет, *как все начиналось*. Не являясь реалистом в классическом понимании этого термина, он как раз глубоко реалистично показал начальный процесс – рытьё котлована (читай – братской могилы) и закладку фундамента под надвигающуюся тиранию. И герои Е.Замятина осмысливаются как прямые, хоть и дальние потомки героев Платонова: у тех и других нет прошлого, нет индивидуальности, есть один коллективистский, выхолощенный пафос усредненности, уравниловки. Но больше всего пугает то, что оба писателя изобразили героев с уже сформировавшимся типом тоталитарного сознания, которое радостно оправдывает насилие и рабство, система лишила их моральных ценностей, этических представлений, внушила им, что любая цель оправдывает любые средства, что за ценой можно не постоять. А они и не стоят. В своих произведениях и А.Платонов, и Е.Замятин показывают, что смерть уже не катастрофа, а бытовое явление, как насморк, а человеческая жизнь не стоит ничего, это малая величина, «молекула» (роман «Мы»), «один гребок лопатой» («Котлован»). Именно грядущее новое мироустройство внушило и Платонову, и Замятину ужас от того, что делается с человеком, и от того, что может сделаться/статься с человечеством «в мире, где наичернейший – сер! // Где вдохновенье хранят, как в термосе! // С этой безмерностью // В мире мер?!» (М. Цветаева).

Также нам представляется очевидным, что А.Платонов и Е.Замятин (как и М.Булгаков) находились в заочном споре с М.Горьким о «новом человеке», рождённом революцией. М.Горький страстно верил, что именно революция способна породить «нового человека» с большой буквы. Однако А.Платонов и Е.Замятин покажут (и докажут), что революция создаёт *других*, таких, как герои «Котлована», которым неизвестна ценность своей жизни и, разумеется, тем

более – чужой, как «нумера» – жители Единого государства – потомки платоновских персонажей, которые уже почти и не люди (без души-то!) вовсе.

Своим романом Е.Замятин показал, что принципы государства будущего, изображённые в произведении, есть тот итог, к которому могут прийти *именно* потомки строителей, рывшие когда-то котлован. А.Платонов раскрыл *начало процесса*, его протекание, и почему он вообще стал возможен. Замятин изобразил, описал *конец пути*, завершение процесса, когда высшая точка развития, по сути, означает гибель. Именно здесь и отразился результат того, как можно исказить, извратить идею при ее реализации. Оба писателя дают страшный прогноз исторической драмы, хотя, вот парадокс, хронологически роман «Мы» создаётся *раньше* (!) повести «Котлован».

Е.Замятин написал роман-предупреждение возможных грядущих катастроф, в котором в непревзойдённой авторской манере выразил боль за судьбу и своих соотечественников, и судьбу человеческого социума в целом. Всё творчество Евгения Замятина направлено к утверждению самых главных для него идей – гуманизму, свободе человеческой личности и страстной вере в своё отечество.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. М., 2006.
<http://www.vehi.net/berdyaev/istoki/00.html>
2. Долженко С.Г. *Творчество Е.И.Замятина в англоязычной критике. Автореферат диссертации кандидата филологических наук*. – Тюмень, 2003. – С. 19, 22.
3. Зинченко В.П. *Образование, культура, сознание / Философия образования для XXI века / Под ред. Н.Н. Пахомова и Ю.Б. Тупталова*. – М.: Исследовательский центр по проблемам управления качеством подготовки специалистов, 1992.
4. Кантор В. *О сошедшем с ума разуме. К пониманию контр утопии Е.И.Замятина «Мы» // Слово/Word*. – 2011. – № 72.

5. Миронова Т. Русские идеалы в русском языке. // Наш современник. – 2014. – № 1.

6. Орлова Е.А. Концепт душа в прозе Е.И. Замятина: Автореферат диссертации кандидата филологических наук. – Тамбов, 2011. <http://cheloveknauka.com/kontsept-dusha-v-proze-e-i-zamyatina#ixzz4FR4xOcTI>

7. Фролова Н.В. Роман Е. Замятина "Мы" как модель рецепции древнерусской литературы: Автореферат диссертации кандидата филологических наук. – Самара, 2004. <http://www.dissercat.com/content/roman-e-zamyatina-my-kak-model-retseptsii-drevnerusskoi-literatury#ixzz56M3TSPgT>

УДК 81

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ:

КОНЦЕПТ «ВРЕМЯ» В РОМАНЕ МАЙКЛА КАННИНГЕМА «ЧАСЫ»

Т.В. Сенюшкина, Институт международного права и экономики им.

А.С. Грибоедова, г. Москва, Россия

À LA RECHERCHE DU TEMPS PERDU: THE CONCEPT "TIME" IN *THE HOURS* BY MICHAEL CUNNINGHAM

T.V. Senyushkina, A.S. Griboedov Institute of International Law and Economy,

Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматривается реализация общеевропейского лингво-культурного концепта "ВРЕМЯ" в индивидуально-авторской интерпретации американского писателя Майкла Каннингема. Обращение к аппарату концептологии позволяет привести в систему тот обширный материал, который предоставляют исследователю язык, философия и культура, и провести анализ художественного произведения "Часы", написанного частично по мотивам романа Вирджинии Вулф "Миссис Дэллоуэй", с точки зрения репрезентации в нем концепта "ВРЕМЯ".

Ключевые слова: Майкл Каннингем, Вирджиния Вулф; "Часы", "Миссис Дэллоуэй"; лингво-культурный концепт, индивидуально-авторский концепт; концепты "ВРЕМЯ", "TIME", "TENSE"; время историческое и линейное, циклическое и сакральное.

Annotation. The article looks into how an individual author treats the universal European concept of TIME, as represented in linguistics, philosophy and culture. Studying TIME on the whole, and the novel *The Hours*, inspired by Virginia Woolf's *Mrs. Dalloway* and written by Michael Cunningham, in particular, in the framework of concept studies allows to organise extensive material into a manageable system and draw conclusions as to the nature of the concept in question.

Key words: Michael Cunningham, Virginia Woolf; *The Hours*, *Mrs. Dalloway*; linguistic and cultural concept, author's concept; concepts "TIME", "TENSE"; historic/linear time, cyclical/sacred time.

E-mail: tat_senyushkina@mail.ru

*Не символическая
смена цифр,
не жалкий троп,
связующий два мига,
не завершение оборота звезд
взрывают тривиальность этой ночи
и заставляют ждать
тех роковых двенадцати ударов.
Причина здесь иная:
всеобщая и смутная догадка
о тайне Времени,
смятение перед чудом –
наперекор превратностям судьбы
и вопреки тому, что мы всего лишь капли
неверной Гераклитовой реки,
в нас остается нечто
незыблемое.*

«Конец года», Х.Л.Борхес

Стихотворение аргентинского поэта – это тот круг образов и проблем, в который неизбежно попадает всякий, кто находит время – и смелость – задуматься над тем, чем оно – ВРЕМЯ – является. Не ставя пред собой дерзновенную цель «тайну Времени» раскрыть, попытаемся к ней хотя бы прикоснуться. В когнитивно-гносеологическое путешествие «в поисках утраченного времени» мы отправимся вслед за Вирджинией Вулф, автором бессмертной «Миссис Дэллоуэй», Майклом Каннингемом, посвятившим роман «Часы» последним минутам жизни своей любимой писательницы, и, разумеется, Хорхе-Луисом Борхесом, вновь время опровергнувшим и историю вечности воссоздавшим.

Уже сам географический охват приведенных отсылок говорит о том, что категорией времени интересуются писатели, принадлежащие к культуре, по меньшей мере, трех континентов и четырех стран. Входя в концептосферу практически любого народа, время имеет ряд общих для всех и сугубо национальных характеристик, с трудом поддающихся дефиниции и дифференциации.

Обращение к аппарату концептологии помогает привести в систему весь тот материал, который предоставляют исследователю язык и культура, так как любой концепт – это многомерная понятийно-языковая сущность, отражающая связь языка и мышления и включающая в себя коннотативные, образные, оценочные и ассоциативные характеристики; это «основная ячейка культуры в ментальном мире человека» (Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – С.40), а также «единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка» (Слышкин Г.Г. От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000. – С.9). В связи с этим представляется логичным положить в основу проводимого исследования разработанную Ю.С. Степановым «слоистую» организацию структуры концепта, элементами содержания которой являются концептуальные слои.

Придерживаясь оттекстового подхода, предпримем попытку описать индивидуально-авторский концепт «время», представленный в романе Майкла Каннингема «Часы» (год издания – 1988, Пулитцеровская премия – 1999) и проследить «трансформацию культурного концепта с аналогичным именем в соответствии с личным мироощущением писателя» (Клебанова Н.Г. Формирование и способы репрезентации индивидуально-авторских концептов в англоязычных прозаических текстах: Автореферат дис. кандидата филологических наук. – Тамбов, 2005. – С. 4).

Название романа «Часы» – «наследство» самой Вирджинии Вулф. Из дневниковых записей писательницы узнаем, что изначально роман «Миссис Дэллоуэй» (1925) имел название «**Часы**» (Вулф В. Дневник писательницы /

Пер. с англ. Л.И. Володарской. – М., 2009. – С. 96). Одним из эпиграфов к роману американского писателя стал отрывок из дневника Вирджинии Вулф от 30 августа 1923 года: *«У меня нет времени расписывать свои планы. Мне следовало бы много чего сказать о «Часах» и о моем открытии; о том, как я проделываю красивые подземные лазы вслед за своими персонажами. В результате, как мне кажется, возникает именно то, что я ищу: человечность, юмор, глубина. Согласно моему замыслу, каждый раз связан с остальными, и в данный момент все они выходят на свет»* (Там же. – С. 94).

В своем романе Майкл Каннингем следует и букве, и духу этого творческого «категорического императива» Вулф. Во-первых, «вслед за своими персонажами» он тоже «проделывает красивые подземные лазы» и постоянно переводит *стрелки часов* своего повествования: то он бок обок с Вирджинией Вулф, кладущей камни в карманы пальто в перерыве между бомбежками *Второй мировой войны*, то в отеле с миссис Браун, читающей «Миссис Дэллоуэй» *десятью годами позже*, а то с миссис Дэллоуэй-Воган, устраивающей прием в Нью-Йорке *в конце XX века*, чья судьба так схожа с судьбой лондонской Клариссы, проживающей свой *день* вскоре после мировой войны *его начала*.

Во-вторых, «согласно» его и/или ее (Каннингема и/или Вулф) «замыслу» *«каждый раз»* одного героя до смешного *«связан с остальными»* и в определенный *«момент все они выходят на свет»*. Для реализации этого принципа постмодернист Майкл Каннингем строит свой роман как некую пространственную и временную игру – с переплетениями, повторениями, интертекстами, отражениями, наложением одного *временного* плана на другой, с *временными воронками и вихрями*, наращиваниями смыслов и свободным полетом вне рамок, *вне времени*, вне пространства.

В-третьих, помимо «юмора» роману «Часы» присуща и «глубина». Героини и герои всех сюжетных линий проигрывают все тот же циклически повторяющийся миф *вечного возвращения*: все они поставлены в ситуацию необходимости сделать выбор, определить свое отношение не только к

противоположному полу, но и к жизни вообще. Роман «Часы» буквально дышит воздухом обреченности. На фоне *июньского утра* Клариссы Дэллоуэй, которое есть гимн жизни и бытию, разворачиваются три самоубийства. Погибает измученная болезнью Вирджиния Вулф, болезнь же толкает к смерти поэта Ричарда. Боль от нереализованных творческих способностей миссис Браун, ставшей домохозяйкой и матерью, и задыхающейся в странно-счастливой жизни также доводит ее до состояния самоубийства. Но в последний момент идея о суициде трансформируется у нее в побег – это уже не акт лишения себя жизни, а отвержение себя прежней, прекращение всех связей с прошлым, смерть-перерождение Повешенного в картах Таро, новый цикл жизни.

В-четвертых, Майкл Каннингем умело стилизует манеру письма Вирджинии Вулф, о которой, кстати, говорил: *«я и не думал, что с помощью чернил и бумаги можно добиться такого эффекта /.../: она владеет языком так же виртуозно, как Джимми Хендрикс – гитарой»* (Цит. из интервью радио «Свобода», 23.12.2010. Ссылка на ресурс: <http://www.svoboda.org/content/transcript/2256951.html>). Мысли в его романе, *мчатся, как и время*, потоком, «потоком сознания», вбирая в себя все вокруг: *и каждый миг*, и людей, и вещи, и наблюдения, и ассоциации, и *прошое*, и *настоящее*, и *будущее*.

В романе «Часы» Майклу Каннингему удалось передать и обозначенные в эпиграфе *«человечность, юмор, глубину»* так, как того хотела Вирджиния Вулф, и осуществить замысел *«выхода на свет»* таких, казалось бы, далеких друг от друга, но, тем не менее, связанных друг с другом событий, рассказанных в таких далеких, но более, чем менее, связанных терминах. В романе американского писателя *часы* постмодерна *конца века* синхронизированы с *часами* модерна *его начала*. Понять то, как ему удалось заставить *время* работать на реализацию столь дерзновенного замысла, поможет более детальный анализ исследуемого концепта в романе.

Эксплицитно время явлено в произведении не только в названии и эпиграфе. Лексико-грамматические средства, выделенные в романе методом сплошной выборки, представляют **основной** (актуально реализуемый в языке всех тех, кто использует его как средство общения и взаимопонимания) признак слоистой структуры концепта, предложенной Ю.С. Степановым (Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – С.43).

Чтобы описать вербальную составляющую смысловой парадигмы, воспользуемся системой, предложенной Н.Ю. Шведовой (Информационно-поисковая система «Смысловая парадигма концепта и его порождающие возможности»/ Смысловая парадигма концепта «время». Ссылка на ресурс: <http://lexrus.ru/default.aspx?p=2856#1>). Из 19 семантических зон общеязыкового концепта при анализе средств эксплицитной репрезентации концепта «время» непосредственно в романе было выделено 8.

Статистический анализ показал следующую заполняемость зоны

«КТО/ЧТО»: ‘time’ употреблено 70 раз, ‘century’ – 4 раза, ‘year’ – 59, ‘decade’ – 6, ‘past’ – 2, ‘present’ – 5, ‘future’ – 12, ‘today’ – 28, ‘period’ – 2, ‘month’ – 1, ‘week’ – 2, ‘day’ – 65, ‘hour’ – 56, ‘minute’ – 29, ‘second’ – 2 и ‘moment’ – 87 раз.

Памятуя о названии романа («Часы», “*The Hours*”), представляется правомерным отнести к этой же зоне и слово ‘clock’ (14 раз), и ономастическую единицу ‘*Big Ben*’, (в общей сложности упомянутый 2 раза: 1 раз в интертекстуальной вставке из романа Вирджинии Вулф и 1 раз в эпизоде, посвященном ей). Заслуживает внимания и название месяца ‘*June*’. Это слово встречается 10 раз, поскольку один особенный солнечный день в начале лета описывается во всех сюжетных линиях. «Лето» используется 11 раз, тогда как осень – лишь единожды.

Некоторые из примеров, представленных в зоне «СКОЛЬКО» могут входить и в зону «КОГДА».

СКОЛЬКО: 'for more than 30 years', '25 years ago', '5 o'clock', 'at 8', '10 years ago', 'half an hour', 'a year ago', 'a hundred years ago', '5 years ago', '3 years older', 'at 6', '19 years old', '5 years old', '10 thousand years ago', 'at 3.30', 'for the last 8 years', 'after 3', 'after 4 o'clock', 'less than a moment', 'she was 18', 'can you sit a minute?', 'in a while', 'it's been ages', 'past 50 years old', 'in half the time', 'all these years', 'a few days', 'long ago', 'for an instant', 'in an hour or two', 'at a little past 2', 'at 10 minutes past 11', 'for a long while', 'in a couple of days', 'after all these years', 'in the twenties', 'half past ten', 'at 11 o'clock', 'for 10 centuries'.

КОГДА: 'at this moment', 'more than an hour later', 'on a day', 'on weekends', 'early', 'now', 'right now', 'during', 'yesterday', 'tomorrow', 'all morning', 'early in the day', 'later', 'at times', 'at the crack of dawn', 'after several minutes', 'in time', 'tonight', 'then', 'by this time', 'when the time seems right', 'during brief period', 'over the years', 'day before yesterday', 'last year', 'once', 'the close of the day', 'at the same time', 'it's time', 'never', 'always', 'sometimes', 'ever'.

Заполняемость зон «КУДА» и «ОТ-ДО» менее репрезентативна:

КУДА – 'walks into the present', 'gone into the future'; ОТ-ДО – 'since', 'until'.

Прежде чем привести данные по зонам «КОТОРЫЙ» и «КАКОЙ», следует отметить, что под зоной «КОТОРЫЙ» подразумевается «некий среди подобных» (Там же).

КАКОЙ: 'annual', 'chronological', 'last moment', 'full month', 'late nights', 'brief period', '18th birthday', 'good day', 'old age', 'middle age', 'have a good time', 'slow', 'fast', 'last minute', 'full hour', 'the next moment', 'another moment', 'last year'.

КОТОРЫЙ: 'this morning', 'this week', 'in the 19th century', 'end of the 20th century', 'this present', 'that present', 'next week', 'it was 1965', 'this time', 'each time', 'earliest beginning'.

Зона «КАК» заполнена обстоятельствами: 'forever', 'quickly', 'briefly', 'suddenly', 'again', 'still', 'urgently', 'early', 'late'.

Грамматически концепт «ВРЕМЯ/TIME» репрезентируется через входящий в него концепт «ВРЕМЯ/TENSE» (Разоренов Д.А. Грамматический концепт «время» в английском языке. – М., 2010. – С. 70–77), суть и назначение которого состоит в кодировании концептуального содержания с помощью грамматических показателей. Концепт «ВРЕМЯ/TENSE», включающий три субконцепта («настоящее время», «прошедшее время» и «будущее время») (Шершукова Н.В. Грамматикализация глагольных конструкций, актуализирующих грамм.концепты «Темпоральность», «Аспектуальность»,

«Залоговость» в разноструктурных языках // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2009. – №3. – С. 262–273)), будет описан при рассмотрении имплицитного содержания индивидуально-авторского концепта «время», поскольку рассмотрение имплицитного уровня невозможно в полном отрыве от уровня эксплицитного.

Описание имплицитной репрезентации индивидуально-авторского концепта «время» требует обращения к его внутренней форме (или этимологии) и дополнительному (пассивному или историческому) признаку (Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – С.43).

Этимологически слово *'time'* связывают с исконным английским словом *'tide'* (*ME tide*, а ранее *OE tīd*) (*A Concise Etymological Dictionary of the English Language* by Walter W. Skeat. – Oxford, 1936). В древнескандинавском и древнеанглийском языках *'tide'* и *'time'* были дублетами. Вплоть до XIV столетия основным значением слова *'tide'* было «*время (года)*», «*период*» (*ORIGINS: A Short Etymological Dictionary of Modern English* by Eric Partridge. – London and New York, 2006). Современное значение – «*прилив/отлив*», имеющие место, как известно, через равные промежутки времени, – близко к внутренней форме русского слова «*время*»: старославянское «*vertmen*» образовано с помощью суффикса *-мя (-men)* от той же основы, что и «*вертеть*», родственного латинскому «*vertere*» («*вертеть*») и древнеиндийскому «*vartate*» («*поворачиваться*»).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в ядре концепта «*время*» и в английском, и в русском языках находится идея *повторения* (*A Concise Etymological Dictionary of the English Language* by Walter W. Skeat. – Oxford, 1936), *коловращения, кружения, повторного возвращения, вечного оборота* (Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – Т.1. – М., 1993) и т.п.

Все эти семы находят отражение в **дополнительном** (или **пассивном**) слое структуры лингвокультурного концепта «*время*» и не могут не вызывать в

памяти проклятие Сизифа, миф о вечном возвращении и «песочные часы бытия, отмеряющие вечность», «переворачивающиеся снова и снова» (цит. по: Можейко М. А. Вечное возвращение // История философии: Энциклопедия. – Минск, 2002. – С.171–176) Ф. Ницше, эссе «Доктрина циклов» и «Циклическое время» Х. Л. Борхеса (Борхес Х. Л. Письмена бога. – М., 1992) и концепцию сакрального времени М. Элиаде (Элиаде М. Священное и мирское. – М., 1994. – С. 65).

Как социокультурную форму *циклическое время* связывают с природо-хозяйственными циклами, на которых строится вся жизнь человеческих сообществ. Р. Онианс (Онианс Р. На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире, судьбе. – М., 1999. – С.396) указывает на то, что в темпоральных представлениях римлян время и погода были отождествлены и даже назывались родственными словами (*tempus – tempestas*).

Следующий отрывок из романа – пример подобного «архаического» понимания циклического времени: «Нью-Йорк обязательно дарит несколько вот таких летних утр; утр, исполненных столь непоколебимой *веры в обновление*, что она даже немного комична, как мультипликационный персонаж, *без конца* попадающий во всякие невероятные передрыги и *всегда* выходящий из них целым и невредимым, *готовый к новым подвигам*. И в этом июне деревья на Западной Десятой улице, /.../, *снова произвели на свет фантастические маленькие листочки*. А в пыльном законном ящике у старушки из дома напротив между блекло-красными пластиковыми геранями *пробился инородный одуванчик*» [2:19].

Но вечное возвращение Ф. Ницше – это не столько дар, сколько проклятье, это «дурная бесконечность» (цит. по: Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминанья прошлых лет. – М., 1992. – С. 99), это колесо сансары, с которого не соскочить. Было бы удивительно, если бы все эти смыслы не содержались в романе писателя нашего – искалеченного – времени. Так, например, показательной является фраза Ричарда: “But there are *still the hours*, aren’t there? *One and then another, and you get through that one and then, my god,*

there's another" [3:197] – часы сменяют один другой, и кажется, что время будет вечно идти по бесконечному кругу циферблата. Схожий пример встречается и в конце романа: "Here she is with *another hour before her*" [3:226] – в свете трагической смерти Ричарда, данная фраза звучит как приговор человеческой жизни; впереди очередной час из этого нескончаемого цикла жизни и смерти. Не менее обреченно звучат и мысли Лоры Браун о том, что ей предстоит провести в комнатах дома-гнезда и сегодняшний вечер, и завтрашнее утро, и следующий вечер, и героиня не видит этому ни конца, ни края: "She must *get through the night, and then tomorrow morning, and then another night* here, in these rooms, with nowhere else to go. She must please; she must *continue*" [3:205].

С точки зрения имплицитной реализации циклического времени, большой интерес представляет эпизод, где Вирджинию Вулф уносит течением, и стебли черно-зеленых водорослей ложатся ей на глаза, потом соскальзывают и плывут рядом, то сплетаясь, то расплетаясь, снова и снова: "Stripes of green-black weed catch in her hair and the fur of her coat, and for a while her eyes are blindfolded by a thick swatch of weed, which finally loosens itself and floats, *twisting and untwisting and twisting again*" [3:7]. Описанная сцена вводит читателя в цикл «священных» смертей в искусстве: уносимая течением Вирджиния Вулф – это Офелия, (словно?) списанная с полотна «Смерть Офелии» (1852 год) английского художника-прерафаэлиты Джона Эверетта Милле, вдохновленного на создание картины героиней пьесы «Гамлет» Вильяма Шекспира. По сути, время циклическое здесь претворяется во время сакральное (и/или метафизическое).

Как известно, в концепции М. Элиаде **сакральное время** – это время праздника, ритуального возвращения к первоистокам, церемониального проживания архетипического события (Элиаде М. Священное и мирское. – М., 1994), чем и становится для Ричарда тот несудьбоносный поцелуй Клариссы: она поцеловала его у пруда «десять тысяч лет назад», и это продолжается и сейчас: "– You kissed me beside a pond. – Ten thousand years ago. – *It's still happening*" [3:66].

Сакральное время явлено в романе «Часы» в каждом празднике. Все они, на самом деле, – один и тот же праздник, а цветы, которые покупают обе Клариссы, – те же самые цветы, которые покупали люди на протяжении многих веков. Получается, один праздник, один букет, одно июньское утро.

Сюда можно отнести и день рождения мужа Лоры Браун. И рождество (упоминается дважды). И праздничный вечер в честь Ричарда (вечер, который вполне мог бы обратиться в поминки, учитывая болезненное состояние виновника торжества и условность восприятия времени им); а также похороны дрозда Вирджинией Вулф и ее пятилетней племянницей. «Вирджиния наклоняется к Анжелике, чувствуя, что они связаны сейчас общей тайной. Есть некая сила, которая их сейчас объединяет, они соучастники, и их сиюминутные отношения, не являясь впрямую ни отношениями между матерью и ребенком, ни эротическими, тем не менее содержат в себе элементы и того и другого. Их сейчас связывает некое понимание. Понимание, которое трудно выразить словами» [2:174]. Иначе говоря, женщина и девочка, отринув профанное, проникли в таинство сакрального, архетипического.

На такое прочтение романа указывают многочисленные прямые и косвенные отсылки Каннингема к Платону, автору учения об архетипах, и о времени – «движущемся подобии вечности» (Платон. Сочинения в 4-х томах. Т. 3. Ч. 1 / Отв. ред. А.Ф. Лосев. – М., 2007. – С. 441–479). У Х.Л. Борхеса есть эссе под названием «Соловей Джона Китса», где дается его трактовка понятия архетипа. «Ода соловью» была написана Джоном Китсом апрельской ночью 1819 года: Китс слышит вечного соловья Овидия и Шекспира, и, чувствуя свою конечность и обреченность, противопоставляет ей нежную и неподвластную гибели трель незримой птицы. В неразличимом соловье одной ночи он почувствовал соловья платоновского мира идей (Борхес Х.Л. Собрание сочинений: В 4 т. – М., 2011. – Т. 2. – С. 73).

В романе «Часы» тоже есть свой «соловей»: прообраз романа Майкла Каннингема – роман Вирджинии Вулф «Миссис Дэллоуэй». Герои романа «Часы» живут в сакральном времени романа английской писательницы, где

Кларисса Дэллоуэй – архетип Клариссы Воган, Элизабет Дэллоуэй – архетип Джулии, дочери Клариссы и Салли; образ Ричарда сложился из трех архетипов: Септимуса, который также покончил собой, Питера Уолша, старого друга Клариссы, некогда связанного с ней особыми отношениями, и самой Вирджинии Вулф. Вирджиния Вулф, как автор романа «Миссис Дэллоуэй», – это и Септимус, и Кларисса одновременно. Архетип Лоры Браун – Лукреция Смит: такая же иностранка (Лора – еврейка) там, где живет, и тоже испытывающая недовольство семейной жизнью.

Завершая описание циклического и производного от него сакрального времени, обратимся к эпизоду на станции, куда приходит Вирджиния Вулф, пытаюсь сбежать из Ричмонда в Лондон: поезд здесь – «один только что отошел, следующий – через 25 минут» [2:243] – становится символом вечного возвращения.

Вместе с тем, вокзал является и отправным пунктом (началом на временном отрезке), и пунктом прибытия (концом на временном отрезке) одновременно: “Virginia descends the stairs to the rail station. The Richmond station is at once a portal and a destination. /.../ She checks the clock, sees that a train has just pulled away and the next will not leave for almost twenty-five minutes” [3:168]. А это уже можно рассматривать с точки зрения движения линейного: поезд отправляется из точки А в точку В и обратно. Таким образом, речь здесь идет уже о времени линейном, признанном, наряду с циклическим, Ю.С. Степановым (Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – С.171–189) и Е.С. Яковлевой (Яковлева Е.С. Время и пора в оппозиции линейного и циклического времени // Логический анализ языка. Культурные концепты: Сб.науч.трудов / Редкол.: Арутюнова Н.Д. (отв.ред.) и др. – М., 1991. – С.45–52) универсальными и присутствующими во всех языках.

В отличие от идеи регенерации времени, понимаемого как цикл, *линейное время* или *время историческое* – это время хронологии, время начала и конца, время космогонии и эсхатологии. Примером этого служит персонификация

времени у древних. Согласно «Энциклопедии античной мифологии» (Энциклопедия античной мифологии. Ссылка на ресурс: <http://greekroman.ru/chronos.htm>), Хронос «χρονος» («время»), соответствующий славянскому «срон» и английскому «chron», – это не что иное, как одна из системообразующих космических сил, порождающих все сущее: огонь, воду и воздух. Народная этимология сблизила это понятие с образом Крона, одного из титанов, отца центральных божеств олимпийского пантеона, вследствие чего именно ему приписывался контроль над временем: все рождается и исчезает во времени, так и дети Крона рождаются и уничтожаются им; Бог, пожирающий своих детей, интерпретировался как неумолимое время, поглощающее то, что породило (линейность и историчность), а не только как семя, возвращающееся в породившую его землю (идея цикла) (Мифологический словарь. – М., 1990. – С. 479).

В рамках линейного времени интересующий нас концепт реализуется у Каннингема посредством следующих лексем: ‘past’, ‘future’, ‘history’, ‘historic event’, ‘ancient’, ‘old’, ‘once’, ‘five years ago’, ‘a hundred years ago’, ‘20 years ago’, ‘25 years ago’, ‘now’, ‘ten years ago’. Все они являются маркерами *историчности* и работают на реализацию концепта «ВРЕМЯ/TENSE», равно как и видовременная система произведения. Основным временем повествования автор выбирает время настоящее, а временем ретроспекции – прошедшее.

Проиллюстрируем это на примере воспоминаний Клариссы Воган, воспоминаний о том, какой она была *тогда*, по сравнению с тем, кем она стала *сейчас* (жирным шрифтом выделены видовременные изменения глагольных форм, подчеркиванием – союзы и местоимения, курсивом – другие средства указания на линейность): “That summer when she **was** *eighteen*, it seemed anything **could happen**, anything at all. It seemed that she **could kiss** her grave, formidable best friend down by the pond, it seemed that they **could sleep** together in a strange combination of lust and innocence, and not worry about what, if anything, it **meant**. It **was** the house, really, she thinks. /.../ Or then again maybe not, Clarissa tells

herself. *That's who I was*. *That's who I am* – a decent woman with a good apartment, with a stable and affectionate marriage, giving a party.” [3:95,97].

В отличие от других видов времени линейно-историческое время входит в активный слой концепта «ВРЕМЯ/TIME» современного цивилизованного человека, и именно поэтому широко представлено в романе на эксплицитном уровне. Обратимся к тексту произведения, из многочисленных примеров приведем наиболее интересные.

“I mean, there's the water and the land, there are the animals, and the buildings, and *the past* and *the future*, there's space, there's *history*” [3:66]: здесь Ричард рассуждает о будущем, о прошлом, об истории.

“You know *the story* about Manhattan as a wilderness purchased for strings of beads but you find it impossible not to believe that it has always been a city /.../” [3:14]. Данный пример лучше всего пояснит перевод, представленный в русской версии романа: «Да, вы читали историю Манхэттена, вы помните, что *когда-то* тут был участок дикой природы, купленный за несколько ниток бус, *но сегодня* в это почти уже невозможно поверить» [2:26].

“Something about her face – the square jaw or the stern, inexpressive eyes – reminds you that people looked essentially the same *a hundred years ago*” [3:25] и “She is Virginia Stephen, pale and tall, startling as a Rembrandt or a Velazques, appearing *twenty years ago*, and she is Virginia Woolf, standing before him *right now*” [3:33]. В первом примере отмечается, что и сто лет назад люди мало чем отличались от современных; во втором, что Вирджиния Вулф, словно сошедшая с картины Рембрандта или Веласкеса, сейчас выглядит так же, как и двадцать лет назад.

Но было бы ошибкой не указать на линейность и историчность, выраженных имплицитно.

Во-первых, на уровне структуры романа. Если выстроить его события хронологически, то они предстанут в виде прямой, движущейся в направлении прогресса: беря начало в Англии начала, длясь в Америке середины и, наконец, завершаясь в Нью-Йорке конца XX века.

Во-вторых, повествование во всех трех сюжетных линиях строится следующим образом: читатель знакомится с героинями утром, следит за их действиями и переживаниями в течение этого дня и затем наблюдает, чем он закончился для каждой из них. Такое повествование, по крайней мере на первый взгляд, линейно: оно движется по траектории от рассвета к закату.

В-третьих, автор дает нам увидеть героев на разных возрастных этапах их жизни. В романе четко прослеживаются возрастные изменения героев: так, мы можем наблюдать Клариссу в 3 или 4 года, в 18 и, наконец, в 52; Ричарда – в 3, 18, 19 лет, и теперь, когда ему, как и Клариссе, за 50; Лору Браун женщиной чуть за 30 и пожилой женщиной в 80 с небольшим; Джулию – в 3 года, 18, 19 и 50; Луи – в 28 лет и сейчас, в 53.

Размышления Клариссы о двух девушках, повстречавшихся ей по дороге в цветочный магазин и спорящих, что же за актриса, которую они только что видели, выглянула из своего трейлера, это все та же рефлексия о неотвратимости грядущего конца пути: “*These two girls standing beside Clarissa, twenty if not younger, defiantly hefty, slouching into each other, laden with brightly colored bags from discount stores; these two girls will grow to middle and then old age, either wither or bloat; the cemeteries in which they’re buried will fall eventually into ruin, the grass grown wild, browsed at night by dogs; and when all that remains of these girls is a few silver fillings lost underground the woman in the trailer, be she Meryl Streep or Vanessa Redgrave or even Susan Sarandon, will still be known*” [3:50] – здесь все та же необратимость хода времени жизни человека: он рождается, растет, взрослеет, стареет и умирает. Отрезок прямой, именуемый жизнью, увы, имеет начало и конец, и тем важнее становится умение ценить каждое – прекрасное – мгновение.

Эпиграф из «Фауста» Гете в русском переводе К. Иванова как нельзя лучше подходит для представления темы мгновения и, сопряженной с ней, импрессионизма. Майкл Каннингем вводит мгновенность как эксплицитно (посредством лексем ‘moment’, ‘at this moment’, ‘for a moment’, ‘for an instant’, ‘at that moment’, ‘another moment’, ‘suddenly’, ‘briefly’), так и имплицитно: через

подражание импрессионистской манере письма своего вдохновителя Вирджинии Вулф и по-постмодернистски «бесцеремонное» цитирование романа «Миссис Дэллоуэй».

Вслед за Каннингемом позволим себе привести отрывок из романа Вулф. “*What a lark! What a plunge!* For so it had always seemed to her, when, with a little squeak of the hinges, which she could hear now, she had burst open the French windows and plunged at Bourton into the open air. *How fresh, how calm, stiller than this of course, the air was in the early morning; like the flap of a wave; the kiss of a wave; chill and sharp and yet* (for a girl of eighteen as she then was) *solemn, feeling as she did, standing there at the open window, that something awful was about to happen; looking at the flowers, at the trees with the smoke winding off them and the rooks rising, falling; standing and looking/.../*” [4:129]. В этом эпизоде Кларисса Дэллоуэй вспоминает одно июньское утро своей юности. Вирджинии Вулф удивительным образом удается передать переполняющие героиню эмоции и очарование минуты. Это достигается посредством употребления несобственно-прямой речи, восклицательных предложений, оценочных эпитетов и синтаксических повторов: они, как мазки на картине художника, передают момент, когда Кларисса растворила двери на пороге дня и жизни и взглянула на окружающие ее цветы и деревья в ожидании чуда. Данный отрывок воспринимается читателем не столько протяженным во времени, сколько как миг, вобравший в себя и Клариссу, и утренний воздух, и петляющих вокруг грачей, и оплетающий деревья дым. Все происходящее воспринимается как бы застывшим во времени, ибо, если вспомнить апорию Зенона «Стрела», отвергающую движение и время, действительность состоит из неких моментов «теперь», из которых и складывалась та утренняя пора в жизни восемнадцатилетней Клариссы.

С идеей линейности сопряжен еще один мотив, образ «неверной Гераклитовой реки», где ‘time’ этимологически равно слову ‘tide’, современному «приливу» и «отливу». Отталкиваясь от высказывания Гераклита, Борхес писал, что «*время – река*», что «*никто никогда не войдет в одну реку*

дважды, потому что воды реки текучи и это метафизически затрагивает нас, пробуждая что-то вроде священного ужаса – потому что мы сами подобны реке, мы также текучи. Проблема времени есть проблема текучести – время проходит» (Борхес Х.Л. Собрание сочинений: В 4 т. – М., 2011. – Т. 2. – С. 98). Становится очевидной связь времени и воды. Время, как и вода, обладает способностью течь, проистекать. Роман Майкла Каннингема «Часы» буквально пропитан «водой» в самых разнообразных проявлениях. [‘Water’ употреблено 21 раз, ‘river’ – 2, ‘wave’ – 7, ‘rain’ – 1 раз и ‘fountain’ – 3 раза. Слово «волна» вводят такие глаголы, как «сомкнуться» [2:29] (‘slip’ [3:16]), «подхватывать» [2:62] (‘buoy’, ‘float’ [3:40]), «набегать» [2:299] (‘break on’ [3:211]), «заволакивать» [2:259] (‘rise up’, ‘wash’[3:179])].

Следует также отметить, что (словно вторя цитате из Гераклита) вода, представленная в романе (за исключением примеров с цветами), – проточная, находящаяся в постоянном движении. Это и река с ее сильным течением (“...but then the current wraps itself around her and takes her with such sudden, muscular force...” [3:5]), и волны, и фонтаны (“...a small circular fountain, a platter of clear water...” [3:91]; “There, below, is the V-shaped plaza, with its fountain and struggling rosebushes...” [3:149]), и даже капля, падающая из крана (“...a chrome spigot from which a single droplet trembles, gathers weight, and falls” [3:92]).

Символическое значение «воды» в романе «Часы» также имеет прямое отношение к Хроносу, породившему первоначальный хаос. Являясь одним из четырех первоэлементов, основой сущего, из которого была впоследствии сотворена (поднята со дна мирового океана) земля, вода – это то, через оплодотворение чего небом (мужским началом) творится мир (Королев К.М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. – М., 2005). С другой стороны, согласно представлениям язычников, вода могла выступать не только как спасительное, священное начало, но и как источник зла, гибели, смерти (дихотомия «жизнь-смерть») (Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. – М., 1996).

Таким образом, становится очевидной связь воды как с первоначалом, первоисточником, так и с концом, гибелью, смертью.

На такую трактовку связи воды с конечностью времени в романе Майкла Каннингема указывает, во-первых, пара «вода-цветы», представленная в нескольких сюжетных линиях произведения: “...flowers, which Barbara pulls from their containers and holds, dripping, in her arms...” [3:26] и “And you snip the end off a rose and put it in a vase of hot water” [3:94] (линия Клариссы Воган); “She will scandalize the aunts by cutting the heads off dahlias and hollyhocks and floating them in great bowls of water” [3:82] (линия Вирджинии Вулф). Всем известно, что цветам свойственно отцветать, их красота конечна. Вода, пусть на время существования этого союза приостановившая свой бег, не перестает быть символом того, что все течет и изменяется, и не только не может противостоять увяданию преходящей красоты цветов, но особенно ярко подчеркивает то, что ничто не стоит на месте. И вода уже не та, и, развивая мысль Борхеса, перефразировавшего афоризм Гераклита, цветы уже тоже не те. Более того, остановившаяся в своем беге вода – вода стоячая – обретает в романе иное значение: она – символ смерти и конечности данного отрезка потока жизни.

Во-вторых, Майкл Каннингем не оставляет без внимания цвет воды. Так, мутная вода – символ неудач, краха, ошибок и даже гибели [«желтоватая» [2:13] (yellow-brown [3:4]), «желтая» [2:14] (yellow [3:5]), «белые пряди мучного дождя» [2:111] (white rain of flour [3:75]), «матовое зеркало воды» [2:14] (opaque water [3:5]), «соленая» [2:62] (saltwater [3:40], как привкус крови), «ледяная вода» [2:63] (cold water [3:41], как символ неминуемой смерти)]. Но вода может быть и «прозрачной» [2:48] [clear [3:30)], и «бирюзовой» [2:18] (turquoise water [3:9]), т.е. знаком душевного равновесия, чистоты и спокойствия.

Символизм физической смерти, которую несет в себе вода, проявляется уже в прологе, где описываются последние минуты жизни Вирджинии Вулф. Писательница покончит с собой, утонув в реке. Здесь можно встретить все то, о чем мы говорили выше: «бегущую воду» [2:13], несущую необратимые изменения, «желтоватую воду» [2:13] обреченности, «ледяную воду» [2:14]

смерти, «пасмурное небо в мутном зеркале воды» [2:14], течение, которое с дикой силой «закручивает и тащит» [2:14] Вирджинию Вулф.

Большое количество смертей в романе заставляет задуматься о связи времени и воспринимающем его субъекте. Эссе «Новое опровержение времени» Борхес предваряет эпиграфом из «Шестисот мудрых двустешиш» (1655) Даниэля фон Чепко:

До меня времени не было, после меня – не будет,

Со мной оно рождается, со мной уходит.

(Борхес Х.Л. Собрание сочинений: В 4 т. – М., 2011. – Т. 2. – С. 95).

Постулируя **относительность времени**, «балующийся метафизикой аргентинец» (Там же) строит свою аргументацию на идеализме Беркли, утверждавшем, что *«последовательность идей ОБРАЗУЕТ время, а не является лишь его ощущаемой мерой»* (Цит. по: Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М., 2006. – С. 120). Логический вывод, проистекающий из этого положения, заключается в том, что вне сознания времени нет.

О «субъективном времени» писал и отец теории относительности А. Эйнштейн. В его трактовке время не есть абсолютная действительность, а лишь одна из форм восприятия (Lincoln Barnett. The Universe and Dr.Einstein. William Sloane Associate. New York, 1948. С. 52–53). Его предтечей был скептик и эмпирик Дэвид Юм, считавший, что время – это *«чередa неразрывных мгновений»* (Цит. по: Борхес Х.Л. Собрание сочинений: В 4 т. – М., 2011. – Т. 2. – С. 98) и *«не может появиться в уме ни само по себе, ни в связи с постоянным и неизменным объектом, но /.../ всегда открывается нами при помощи некоторой доступной восприятию последовательности изменяющихся объектов»* (Цит. по: Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М., 2006. – С. 123).

На уровне репрезентации концепта «ВРЕМЯ/TENSE» идею относительности времени Каннингем передает через выбор времени *Present Simple Tense* в качестве основного времени повествования. Не отдав

предпочтение традиционному *Past Simple Tense*, автор, по большому счету, отрицает прошлое: есть только то, что я могу воспринимать сейчас; ни прошлое, ни будущее не доступны восприятию, и, значит, их нет.

Обратимся к примерам из текста романа, где идея относительности времени выражена и более эксплицитно: “She mounts the stairs, feeling *both weary and bridal – virginal – with her armload of flowers*” [3:54]. Кларисса Воган ощущает себя одновременно «усталой пожилой дамой» [2:82] и «юной невестой-девственницей» [2:82]. Или: “He looks *insane and exalted, both ancient and childish*, astride the windowsill like some scarecrow equestrian, a park statue by Giacometti” [3:196] – Ричард одновременно похож и на древнего старика и на ребенка.

Двойственность, маркирующая относительность, проявляется зачастую не в протяженности, а в некие моменты, близкие к озарению: “*At this moment she could be a minor goddess come to attend to mortal anxiety; come to sit with grave, loving certainty and whisper, from her trance, to those who enter, It’s all right, don’t be frightened, all you have to do is die. /.../ Julia wakes, blinks, and rises. The spell is broken; Julia is a girl again*” [3:218]. Джулия напоминает богиню, сострадательную, но непреклонную, но через миг чары рассеиваются, и она снова становится девятнадцатилетней девчонкой.

“He isn’t old, *not yet*. The night before last he stopped his car in the Arizona desert and stood under the stars until he could feel the presence of his own soul, or whatever you wanted to call it; the continuing part that had been a child and *then* stood – *it seemed a moment later* – in the desert silence under the constellations” [3:138], позапрошлой ночью Луи – почти старик – почувствовал присутствие непрерывной части своего существа, которая когда-то была ребенком, а уже *через миг, казалось*, стояла под звездами в Аризонской пустыне.

В эпизоде, где Ричарду мнится, что он уже побывал на церемонии награждения, к которой Кларисса Воган его еще только готовит, происходит очевидный сбой восприятия времени в сознании больного человека: “I seem to *have fallen out of time*” [3:62], «по-видимому, я *выпал из времени*» [2:93]. Однако

от подобных aberrаций не застрахован и здоровый рассудок. В последующей вскоре за этим разговором сцене самоубийства, Кларисса будет думать о том, что для всех еще, но только не для нее, Ричард по-прежнему жив: “She waits for someone to call down to her. She glances up at the ascending rows of windows, the hanging laundry, the perfect square of sky bisected by one thin blue-white blade of a cloud, and begins to understand that no one knows *yet*. No one has seen or heard Richard fall” [3:202].

Кларисса поразительно хорошо держится, и в то же время у нее такое чувство, будто она существует отдельно от самой себя, и воспринимает настоящее как необратимое прошлое, как проживаемое здесь и сейчас воспоминание: “She is surprisingly calm – she can feel herself acting well in a difficult situation – *but at the same time* is removed from herself, from the room, as if she is witnessing something that’s *already* happened. It feels like a memory.” [3:197].

Подобные aberrации восприятия происходят не только в критические моменты бытия, но и в состоянии сна. И дело не только в том, что нам кажется, что сон длится часами, хотя на самом деле все происходит в считанные минуты, но и в том, что сон – это идеальное условие возможности ощущения «одновременности мгновений в двух разных рядах» (Борхес Х.Л. Собрание сочинений: В 4 т. – М., 2011. – Т. 2. – С. 98): “Virginia awakens. /.../ Virginia lies quietly in her bed, and *sleep takes her again* so quickly she is not conscious of *falling back to sleep* at all. It seems, suddenly, that *she is not in her bed but in a park* /.../. Virginia moves through the park without quite walking; she floats through it, a feather of *perception*, unbodied” [3:29].

Возможно это и в состоянии полудремы, полузабытья, полуотрешенности. Вот как описано похожее на сон чувство, которое сопровождало Лору Браун в течение рокового дня принятия решения оставить семью: “She brushes her teeth, brushes her hair, and starts downstairs. She pauses several treads from the bottom, listening, waiting; she *is again possessed* (it seems to be getting worse) *by a dream-like feeling...*” [3:43]. Не оставляет ее это ощущение и в машине, где ей кажется, будто она – женщина

в машине, которой снится, что она едет в машине: “As she pilots her Chevrolet along the Pasadena Freeway /.../ she feels as if she’s dreaming or, more precisely, as if she’s remembering this drive from a dream long ago. Everything she sees feels as if it’s pinned to the day the way etherized butterflies are pinned to a board. /.../ Here is the hazy, blue-white sky. Laura drives competently, neither too slow nor too fast, periodically checking the rearview mirror. She is a woman in a car dreaming about being in a car” [3:141].

Эта сцена – несомненный перепев описания сна как наложения нескольких временных пластов излюбленного Борхесом образа китайского мыслителя Чжуанцзы, «снившемся себе мотыльком»: «во время сна не было никакого Чжуанцзы, был только мотылек /.../. Так вот, представим, что кто-то из его практически неисчислимых читателей снится себе мотыльком, а потом и самим Чжуанцзы. Представим – а почему бы и нет? – что этот сон в точности повторяет сон наставника. И, допустив такое, спросим себя: разве эти совпавшие мгновения – не один миг? И разве одного повторяющегося мига недостаточно, чтобы смешать и спутать всю мировую историю, чтобы объявить ее несуществующей?» (Там же).

Подобным образом история спутана в романе Каннингема: голоса, сводящие с ума Вирджинию Вулф, поют на древнегреческом: “They were singing, *just now*, in a foreign language. I believe it may have been *Greek. Archaic Greek*” [3:59]. Жанр, выбранный Ричардом для произведения всей своей жизни, также не является современным эпохе гипертекста: эпическая поэма (“epic poem” [3:61]), сочиненная им, могла бы быть написанной с таким же успехом на классическом языке Древней Эллады.

Но относительно в романе не только восприятие, но и само время. Свой условно удачный брак Лора Браун считает ничем иным, как ошибкой времени, странным совпадением, «хронологическим сбоем» [2:152] (‘perversities of timing’ [3:104]), думая, что в другой жизни, мало отличной от настоящей (“In another life, not very much unlike this one” [3:104]), все могло быть совсем по-иному.

Вместо выводов скажем, что в целом роман «Часы» – это воплощенная идея выпадения из «олама» (в переводе с древнееврейского это слово значит «век», то есть нечто конечное, свершающееся в священной истории: от грехопадения до искупления; см. Гайденко П.П. *Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке.* – М., 2006. – С. 55), аллегория относительности времени или, в терминах Борхеса, его опровержения: времени нет, а есть одно архетипическое событие, общее для всех, событие рождения и умирания, в масштабах вечности кажущееся всего лишь неделимой точкой на пути вечно вращающегося колеса жизни.

Список литературы

1. *Вулф В. Миссис Дэллоуэй: Роман / Пер. с англ. Е. Суриц.* – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010.
2. *Каннингем М. Часы: Роман / Пер. с англ. Д. Веденяпина.* – М.: Иностранка, 2008.
3. *Cunningham, Michael. The Hours.* – London: Harper Perennial, 2006.
4. *Woolf V. Selected works of / Mrs Dalloway.* – Wordsworth Editions Limited, 2005.

УДК 82.09

АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ В РОССИИ В КОНЦЕ XX ВЕКА – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

М.Ю. Купцова, Институт международного права и экономики имени

А.С.Грибоедова, Москва, Россия

THE ANALYSIS OF THE STRATEGIES OF STUDYING THE PHENOMENON OF "LITERARY REPUTATION" IN RUSSIA AT THE END OF THE 20TH CENTURY – THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY.

M.Yu. Kuptsova, Griboyedov Institute of International Law and Economics,

Moscow, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме развития изучения понятия «литературная репутация» в России с 1990-х годов 20 века по настоящее время. Предлагается классификация базовых трудов членов литературоведческого сообщества, выделяющих литературную репутацию как отдельный предмет изысканий. Литературная репутация трактуется как многоаспектный, динамический процесс в истории мировой литературы. Она выступает как социокультурный феномен, изменяющийся под воздействием процессов различных эпох.

Ключевые слова: литературная репутация, литературный быт, культурный миф, литературная биография, «формальная школа», литературные системы.

Abstract. This article is devoted to the problem of the development of the study of the concept of "literary reputation" in Russia from the 1990's to the present. A classification of the basic works of the members of the literary community is suggested, which distinguish the literary reputation as a separate subject of research. Literary reputation is treated as a multifaceted, dynamic process in the history of world literature. It acts as a sociocultural phenomenon, changing under the influence of processes of various epochs.

Key words: literary reputation, literary way of life, cultural myth, literary biography, "formal school", literary systems.

E-mail: delkup@gmail.com

Изучение литературной репутации писателя предполагает анализ не только его произведений, но и внелитературного контекста, а именно, существования личности в обществе: путешествия, научные исследования, знакомства и т.д..

Учитывая огромное количество факторов определения понятия литературной репутации, выходящих за пределы литературной деятельности писателя, оно приобретает социокультурный феномен.

Впервые в XX веке вопрос научного выявления причин развития славы писателя, а также его успеха у читательской аудитории появился в 20-30 годы XX века, которые оказались переломными для русской литературы. Массовый террор, Гражданская война, немедленное введение социализма, мировая революция, резкое ущемление творческой элиты. Заграницей оказались такие выдающиеся деятели культуры, как А.Н. Толстой, И.А. Бунин, А.И. Куприн. Не случайно, что именно в этот период поднимается вопрос о важности изучения литературных репутаций [1, с. 393–409].

Начиная с 1920-х годов начинают появляться труды Ю.Н. Тынянова «О литературной эволюции», «Литературный факт» [12, с. 255–281], Б.М.Эйхенбаума «Литературный быт» [13, с. 375–408], а также И.Н. Розанова «Литературная репутация» [10, с. 16–27]. Прodelав первые шаги, данные работы заложили базу изучения литературной репутации в России. Ученые поднимали такие проблемы как «писатель и заказчик», «литературный быт и литературная репутация», «литературная репутация как отдельное понятие литературного процесса».

Однако, попытка ученых-«формалистов» противопоставить социологизму марксистов научную трактовку проблемы «литература и общество», была искусственным образом оборвана вплоть до 1990-х годов XX века. Фактологическая база, относительно «литературных репутаций» не пополнялась, а само понятие долгое время оставалось неразработанным с теоретической точки зрения. Это объясняется тем, что разговор о литературной репутации имеет место быть только там, где есть поле для разнообразных трактовок и различных способов освещения. Одной из важнейших целей идеологии большевиков была идея переделки и формирования абсолютной нового человека. Поэтому на протяжении 20-х гг. образование, наука и искусство постепенно ставятся под все более жесткий партийно-

государственный контроль, где недопустим плюрализм мнений и способов освещения [1, с. 393–409].

Таким образом, в середине XX века наступает перерыв в исследованиях литературных репутаций, но в последнее время эта область научных изысканий вновь стала популярна. Российский социолог культуры, историк литературы Абрам Рейтблат в своей работе «Видок Фиглярин (История одной литературной репутации)» (1990 г.) стремится проследить, под воздействием каких обстоятельств формируется литературная репутация и какие факторы в будущем меняют, нередко кардинально, облик писателя в литературном сознании.

Автор отдельно отмечает, что фактографическая база почти полностью отсутствует, а исследованиями со времён Розанова никто не занимался. Таким образом, считает Рейтблат, сейчас невозможно сделать какие-либо обобщения понятия «литературная репутация». Необходимо собирать исходный материал [9, с. 73–101].

Спустя 11 лет в своем труде «Как Пушкин вышел в гении: историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи» (2001) Абрам Рейтблат смог сформулировать собственное определение термина «литературная репутация», отметив при этом, что фактологическая база все еще пустует, а новейшие изыскания почти отсутствуют: «те представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели). Литературная репутация в свернутом виде содержит характеристику и оценку творчества и литературно-общественного поведения писателя» [8, с. 51].

Важно заметить, что данное понятие близко по характеру термину «социальный престиж», используемого в социологии как соотносительную оценку социальной роли или действия, социальной или профессиональной группы, социального института <...>, разделяемую членами данного сообщества или группы на основании определенной системы ценностей [8, 51].

Ученый приводит классификацию источников, которые формируют литературные репутации: «печатные, устные и письменные тексты автора (как нехудожественные, так и художественные, особенно автокомментарии к собственному творчеству); печатные, устные и письменные высказывания других лиц об авторе» [8, с. 52].

Необходимо подчеркнуть, что эффект влияния на литературную репутацию зависит от авторитетности источника, а также времени и масштаба распространения высказываемой оценки.

Исходя из этого, Рейтблат выделяет несколько типов литературных систем, которые влияют на формирование репутации, а именно:

1) «Сами литераторы либо авторитетные знатоки, которые в своем кругу, в рамках литературного салона, кружка или общества выносят приговор писателю»; 2) Литературный критик; 3) Реклама и рыночный успех книг, взаимодействие всех этих инстанций, «цензуры, политической власти, общественных организаций, церковных институтов и т.д.» [8, с. 52].

Именно это влияние на аудиторию способно менять отношение участников литературной жизни по отношению к авторам и их творчеству: включение произведений в учебную программу, написание исследовательских работ и монографий, качество публикации материалов автора (качество бумаги, переплёт, обложка, тираж, иллюстрации и т.д.).

В последнее время область литературной репутации стала предметом исследования множества диссертационных работ. Авторы опираются на отечественную школу анализа писательских репутаций, в том числе и на труды В.Розанова и А.Рейтבלата. Так, подробное исследование теории понятия «литературная репутация» дает в своей работе «Литературная репутация Ф.В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820-1840-х годов» Михаил Селезнёв [11, с. 11-42]. Ученый подробно рассматривает эволюцию анализа литературных репутаций в России, разделяя первых исследователей на группы «формалистов», «младоформалистов», а также проводит полное изучение понятия «литературной репутации» в России.

Ученый подчеркивает необходимость выделения и четкого определения «литературной репутации» в самостоятельное понятие, потому что термины «литературная биография» и «культурный миф» не охватывают полную картину, не подпускают к корню проблемы.

Писательская биография, по словам Селезнева, это образ, созданный самим автором себя как литератора, «не перекрывает восприятие творчества и личности литератора участниками литературного процесса и членами литературной системы, то есть писателями, читателями, критиками, книгоиздателями и т.д.» С другой стороны и «литературная репутация» не может полностью отразить мнение читателей на биографию автора. Это более сложное явление, которое со временем может перерасти в «культурный миф» [11, с. 17].

Ссылаясь на научный труд Ю. Лотмана «Литературная биография в историко-культурном контексте» [6, т. 1], Селезнев противопоставляет понятия «литературная биография» и «литературная репутация», где первое – результат общественного запроса, текст, который можно сотворить, исходя из основных событий и предпочтений автора, а второе – это итог различных факторов, сил, как случайных, так и закономерных, находящийся в постоянной динамике из-за влияния огромного количества явлений, как в литературной жизни писателя, так и за ее пределами. Подчеркиваем, что литературная репутация целиком и полностью сотворена быть не может.

При определенных условиях писательская репутация может перетечь также в «литераторский миф». Это особый тип мифа, который доступен только литераторам, которые обладают достаточным восприятием и опорой на документы и факты, мнения и оценки, которые транслируются остальными членами литературного процесса без достаточного осмысления жизни или творений автора.

Селезнев особо отмечает, что не стоит путать литературную репутацию и современный миф. Автор разводит эти две мысли. По его словам репутация – это что-то динамичное, незавершенное, подверженное влиянию множества

факторов, а современный миф – это «устойчивое понятие, которое опирается на внелогические культурные архетипы» [11].

В итоге теоретических изысканий и анализа Селезнев предлагает свою формулировку понятия «литературная репутация». Однако, ощущая широту и многогранность данного понятия, он формулирует четыре определения оно, относительно разных точек зрения.

1) Субъектно-объектные отношения – «иерархически выстроенную совокупность оценок (приговоров) автора (его биографии, восприятия его произведений), адресованную целевым группам читателей, создаваемая авторитетами (в данной литературной системе), бытующую в суждениях в текстах медиаторов (в данной литературной системе)» [11, с. 27];

2) В аспекте ценностных установок и мотиваций – «совокупность оценок, порождаемых различными людьми (группами людей) в результате соотнесения оцениваемого материала и принятых (в данной литературной системе) преобладающих идеологических установок и ценностей» [11, с. 28];

3) В аспекте кода сообщения – «совокупность оценок, порождаемых в результате восприятия и рефлексии произведения, определяемых в результате интерпретации произведения в системе принятых в данной литературной ситуации культурных кодов» [11, с. 28];

4) В аспекте влияния нелитературных факторов - «совокупность оценок, порождаемых в результате воздействующей на оценивающего совокупности внелитературных факторов» [11, с. 28].

«Следовательно», заключает он, «литературная репутация — это многосторонний и многомерный процесс восприятия и оценки автора всеми участниками литературной системы» [11, с. 28].

Таким образом, можно сказать, что в современной науке множество разнообразных подходов к литературной репутации: одни ученые считают, что репутация неразделима с такими понятиями, как слава и признание, другие – что репутации бывают положительные, отрицательные; одни отождествляют литературную репутацию с литературной биографией, другие считают, что

литературную репутацию создают внелитературные факторы, а также общество, третьи, что она автор может создать самостоятельно и даже изменять собственными силами с течением времени. Необходимо также упомянуть о тех авторах, кто приравнивает литературную репутацию и литературный миф, а также тех, кто считает, что репутация перетекает в миф при особых условиях.

Однако, всех исследователей роднит то, что каждый считает литературную репутацию – многогранным процессом, постоянной динамической силой, которая не стоит на месте и зависит от множества факторов.

Учитывая многоаспектность, общирность и динамику, мы дадим собственное определение литературной репутации на основе многочисленных исследований в данном материале. Так, литературная репутация – это исторический процесс формирования единого мнения о писателе и его творчестве, исходя не только из литературных явлений, но внелитературного сегмента жизни писателя, не зависимо от качества осведомленности участников формирования (критиков, литераторов, издателей, книготорговцев, педагогов, журналистов, читателей), динамичный, способный меняться с течением времени под воздействием многих факторов, в том числе политической направленности государства, экономической ситуации в стране, путешествий, критических статей и т.д.

Следует отметить, что литературную репутацию можно выстроить в любой исторической точке, исходя из авторитетных источников информации (учебные пособия, заметки в энциклопедиях и словарях, монографии, критические статьи, мемуары, научные работы, произведения автора, и т.д.).

Список литературы

- 1. Вдовин А.И., Воронкова С.В., Барсенков А.С., Милов Л.В., История России. XX - начала XXI века. – М.: ЭКСМО, 2010. – 960 с.*
- 2. Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. – М.: Наука, 1976. – 695 с.*
- 3. Киселёва Е.Ю. Эволюция литературной репутации писателя //*

Сборники конференций НИЦ «Социосфера». – Praga: Vedecko vydavatelске centrum Sociosfera-CZ, 2012. – С. 35–39.

4. Краюшкина Н.Н. *Литературная репутация А.С. Пушкина в 1830-е годы.* – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009.

5. Лотман Ю.М. *О русской литературе.* – М.: Искусство-СПб, 2012. – 888 с.

6. Лотман Ю.М. *Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. – Т. 1. – Таллинн, 1992. – С. 365–376.*

7. Машковцева Л. Ф. *Иосиф Бродский: формирование литературной репутации.* – М., 2012.

8. Рейтблат А.И. *Как Пушкин вышел в гении.* – М.: Новое литературное обозрение, 2001.

9. Рейтблат А.И. *Видок Фиглярин (История одной литературной репутации) // Вопросы литературы. – 1990. – №3. – С. 73–101.*

10. Розанов И.Н. *Литературные репутации.* – М.: Советский писатель, 1990. – 464 с.

11. Селезнев М.В. *Литературная репутация Ф.В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820–1840-х годов.* – Челябинск, 2008.

12. Тынянов Ю.Н. *Поэтика. История литературы. Кино.* – М.: Наука, 1977. – 574 с.

13. Эйхенбаум Б.М. *Литературный быт // Эйхенбаум Б.М. О литературе.* – М.: Советский писатель, 1987. – С. 375–408.

14. Rodden J. *George Orwell: The Politics of Literary Reputation.* – Transaction Publishers, 2001. – 510 p.

Научное издание

**РОССИЯ В МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
В ГУМАНИТАРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ**

**Материалы IV Международной научно-практической конференции
(Москва – Пенза, 15–16 марта 2018 г.)**

Сдано в производство 12.04.18. Формат 60x84 1/16
Бумага типогр. № 1. Печать трафаретная. Шрифт Times New Roman Cyr.
Уч.-изд л. 21,51. Усл. печ. л. 19,5. Заказ № 2731.

Пензенский государственный технологический университет
440039, Россия, г. Пенза, пр. Байдукова/ул. Гагарина, 1а/11